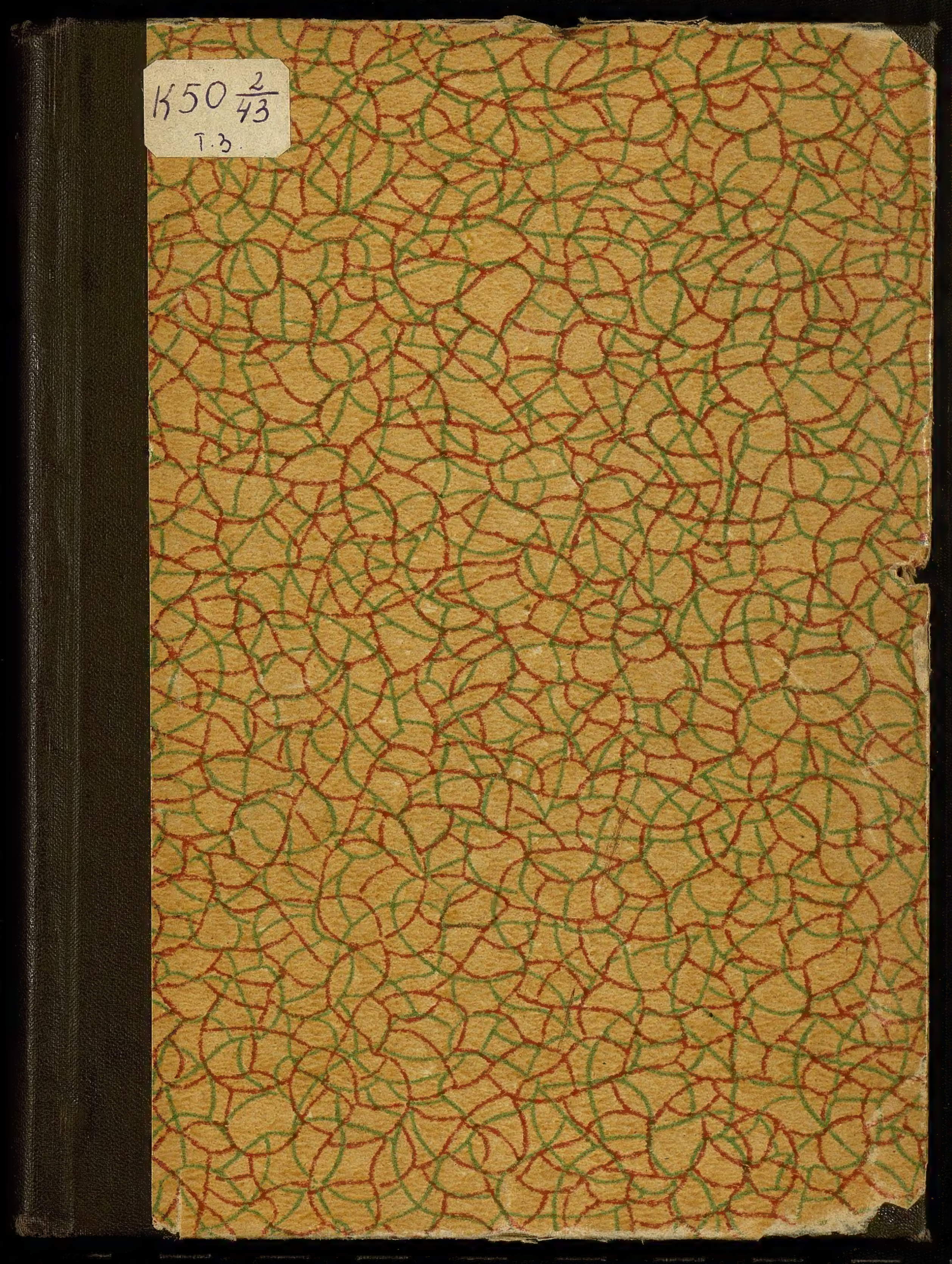
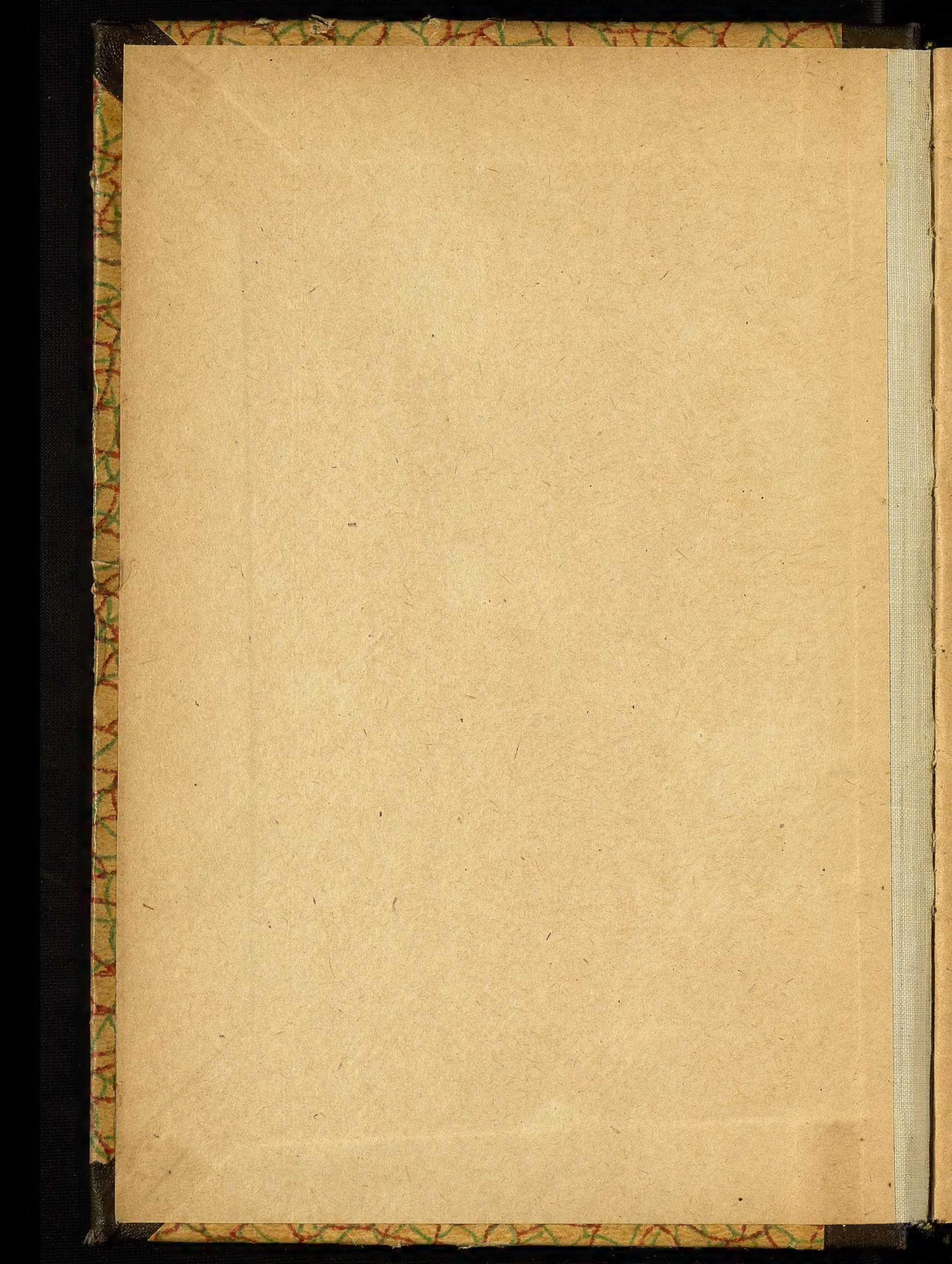

K50 2/43
Т.3.



Великая Россія

Томъ III

Книгоиздательство „Дѣло“

„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ".

Географическіе, этнографическіе и культурно-бытовые очерки современной Россіи.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РУКОВОДСТВОМЪ

Профессора Д. Н. АНУЧИНА.

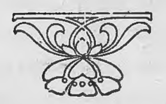
ТУНДРЫ.

Прив. Доцента Московскаго Университета

Б. М. ЖИТКОВА.

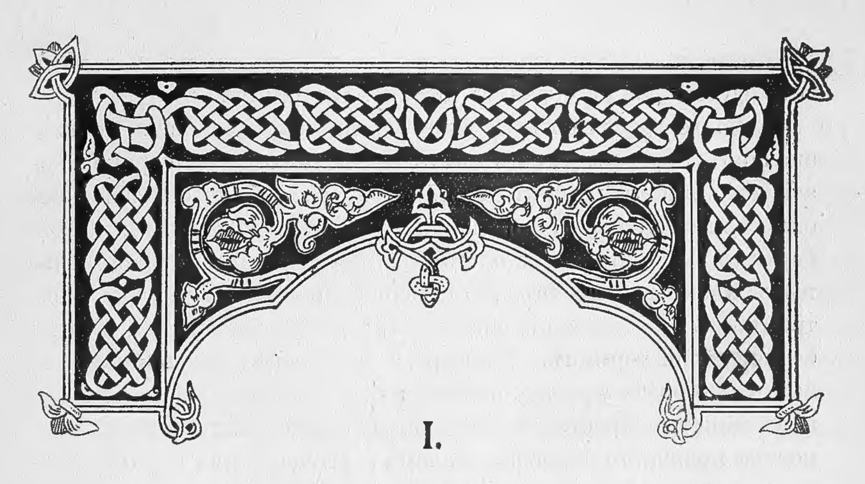
СѢВЕРО-ЛѢСНАЯ ОБЛАСТЬ.

С. В. ПОКРОВСКАГО.



Книгоиздательское Товарищество „ДѢЛО".

Москва.



I.

Общее описаніе тундры и ея протяженіе. Положеніе границъ лѣсной растительности. Смѣна временъ года въ тундрѣ. Устройство поверхности и горные хребты. Рѣки и озера.

На крайнемъ сѣверѣ нашей страны, вдоль береговъ Ледовитаго океана, на громадномъ пространствѣ отъ границъ Норвегіи до Берингова моря, тянется безлѣсная сѣверная степь, извѣстная и въ географіи и въ общежитіи подъ названіемъ тундры. Мѣстами гнетущая своимъ мертвымъ однообразіемъ, суровая и непривѣтливая по климату, страшная для непривычнаго человѣка своей пустынностью, область эта имѣетъ, однако, свою оригинальную живописность. Уже самое протяженіе тундры, ея далеко открывающійся просторъ производятъ на душу человѣка впечатлѣніе, подобное тому, которое оставляютъ океанъ или обширныя пустыни; и во многихъ мѣстахъ кромѣ того пейзажи тундры не лишены своеобразной, хотя и суровой, чуждой яркихъ красокъ красоты.

Люди, не видавшіе тундры, часто представляютъ ее себѣ въ видѣ болотистой низменности или пустынныхъ, поросшихъ почти исключительно мхами и лишаями равнинъ. Такое представленіе неправильно. Само собою разумѣется, что на громадномъ протяженіи арктическихъ степей чередуются области съ разнообразнымъ устройствомъ поверхности: горные хребты пересѣкаютъ во многихъ мѣстахъ и европейскую и азіатскую части тундры; идеально ровныя, часто болотистыя низменности смѣняются то сильно пересѣченными, холмистыми про-

странствами, то поднятыми довольно высоко, до нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ уровнемъ океана, равнинами.

Въ географіи слову „тундра“ придаютъ обыкновенно общее значеніе. Тундры новаго свѣта очень похожи на европейско-азіатскія, и подъ именемъ этимъ вообще разумѣютъ безлѣсныя въ силу климатическихъ и почвенныхъ условій области, лежащія у береговъ Ледовитаго океана, къ сѣверу отъ границы высокоствольныхъ хвойныхъ лѣсовъ. Но сѣверяне, обитатели тундры, употребляютъ это названіе еще и какъ болѣе частный почвенно-ботаническій терминъ. Тундрой на сѣверѣ называются сравнительно болѣе высокія, плоскія или холмистыя равнины, часто и каменистые хребты, то съ песчаной очень бѣдной растительностью почвой, то поросшія ягелями и хвощами или густо покрытыя мхомъ, зарослями полярной березки и ягодниками. Въ противоположность тундрѣ подъ словомъ лайда разумѣютъ болотистыя рѣчныя долины и низменности вдоль береговъ обширныхъ озеръ или между озерами съ наносной иловатой почвой и нерѣдко съ пышными зарослями высокихъ осокъ и густыхъ ивовыхъ кустарниковъ, такъ называемой ёры. Надъ такими лайдами тундра поднимается обыкновенно крутыми обрывами, иногда въ нѣсколько десятковъ футовъ вышиною. Болѣе возвышенное мѣстоположеніе не мѣшаетъ, конечно, и тундрѣ вслѣдствіе извѣстныхъ почвенныхъ условій быть мѣстами болотистой и обыкновенно богатой озерами и текучими водами. Но въ общемъ со словомъ „тундра“ у сѣверянъ соединяется понятіе о болѣе возвышенной и сухой области, о „материкѣ“, и при этомъ характерно, что вмѣсто слова „тундра“ на сѣверѣ часто употребляется слово „гора“. „Итти горой“ или „итти тундрой“ — оба эти выраженія одинаково можно противопоставить словамъ „итти лайдой“.

Южныя границы типичной тундры, которыя не вездѣ на мало-изслѣдованномъ сѣверѣ Сибири можно опредѣлить точно, не совпадаютъ съ постоянной географической широтой. Черезъ каменистыя возвышенности Лапландіи безлѣсная область тянется только узкой полосой вдоль Мурманскаго берега. Далѣе, отъ горла Бѣлаго моря до Обской губы, южная граница тундры идетъ приблизительно по полярному кругу, вдаваясь языкомъ къ югу по гребню и склонамъ обнаженнаго въ его сѣверной

части Уральскаго хребта. Съ другой стороны пространства высокоствольнаго лѣса выдвигаются къ сѣверу за полярный кругъ довольно широкими полосами по бассейну низовой Печоры, вдоль Усы и по рѣчкамъ, текущимъ въ самой южной части полуострова Ямала. Къ востоку отъ Оби граница тундры значительно спускается къ югу, огибая Тазовскую губу, круто поднимается затѣмъ къ сѣверу до южныхъ частей Енисейской губы и Пясинскихъ озеръ (приблизительно 70° с. ш.), идя затѣмъ еще далѣе на сѣверо-востокъ къ устью Ха́танги. Восточнѣе, до Чаунской губы, граница лѣсовъ идетъ то нѣсколько сѣвернѣе, то южнѣе семидесятой параллели, причемъ безлѣсныя альпійскія области вдаются глубоко къ югу въ лѣса по сѣвернымъ хребтамъ — Верхоянскому, Хаяхъ-тахъ и другимъ. Тундры занимаютъ также широкое пространство вдоль сѣверовосточнаго берега Сибири, отъ побережья Берингова моря до Чауна и средняго теченія Анадыри, далѣе до Гижиги и въ сѣверной части Камчатки до 60° с. ш.; лѣсная область, занимающая почти всю Камчатку, отдѣлена здѣсь широкой полосой тундръ отъ лѣсовъ Охотскаго побережья и лѣсной площади, лежащей по верховьямъ Пенжины и Анадыри, къ востоку отъ обнаженнаго Яблоноваго хребта.

Такъ можно опредѣлить приблизительно лишь общее протяженіе сѣверной границы высокоствольныхъ лѣсовъ и криволѣсья. Болѣе подробное знакомство съ отдѣльными участками этой границы показываетъ, что она почти всюду очень сложна и извилиста.

Вдоль теченія рѣкъ, а часто и небольшихъ ручьевъ, иногда большими островами, иногда такими узкими полосами, что деревья оставляютъ впечатлѣніе какъ бы аллеи, насаженной вдоль русла рѣки, лѣса вдаются къ сѣверу въ предѣлы типичной тундры. Съ другой стороны, далеко южнѣе лѣсной границы, въ глубинѣ безконечныхъ сибирскихъ урмановъ, разбросаны большія болота, — совсѣмъ безлѣсныя или покрытыя, кромѣ ягодниковъ, ивъ и березовой стланки, также чахлымъ хвойнымъ криволѣсьемъ. Въ западной Сибири населеніе называетъ такія обширныя, непроходимыя лѣтомъ пространства тоже „тундрами“. Въ лѣсной части Лапландіи тѣмъ же словомъ называются обнаженныя возвышенности.

Въ чрезвычайно холодныхъ, съ низкими минимальными и средними температурами зимы, областяхъ сѣверной Сибири по бассейнамъ Хатанги, Лены и Индигирки лѣсная граница уходитъ далеко къ сѣверу за 70-ый градусъ; каменистая Лапландія, цѣликомъ лежащая за полярнымъ кругомъ, даже въ сѣверныхъ частяхъ своихъ покрыта еще роскошными — во многихъ мѣстахъ — лѣсами. Едва же восточнѣе — за Бѣлымъ моремъ — южная часть полуострова Канина, къ югу отъ полярнаго круга, занята областью типичной тундры, кое-гдѣ только пересѣченной полосами криволѣсья. Южнѣе 65° опускается лѣсная граница въ богатыхъ болотами равнинахъ у Тазовской губы, а вдоль береговъ Берингова моря типичная тундра тянется широкой полосой, уходя къ югу даже за 60-ый градусъ. Такое положенiе лѣсной границы показываетъ, что не зимнiе холода, не суровость климата только дѣлаютъ тундру безлѣсной, а что на протяженiе высокоствольныхъ хвойныхъ лѣсовъ и криволѣсья, ограничивающихъ съ юга область тундры, влiяетъ извѣстная совокупность климатическихъ и почвенныхъ условiй. Заболоченность почвы играетъ, повидимому, при этомъ большую роль, мѣшая развитiю лѣсной растительности. Почвенныя условiя влiяютъ сильно и на глубину лѣтняго залеганiя такъ называемой вѣчной мерзлоты. Почва тундры промерзла на большую глубину; въ восточной Сибири извѣстны мѣста, гдѣ въ берегахъ рѣкъ и обрывахъ овраговъ подъ поверхностнымъ наноснымъ слоемъ почвы лежатъ толстые пласты чистаго льда, — быть можетъ, остатки древнихъ ледниковъ. Въ мерзлой почвѣ тундръ уцѣлѣли мѣстами въ теченiе десятковъ тысячъ лѣтъ не скелеты только, а цѣлыя туши мамонтовъ съ мясомъ и шерстью — въ полной сохранности. Читателямъ извѣстно, вѣроятно, хотя бы по многочисленнымъ описанiямъ и изображенiямъ, чучело мамонта, которое стоитъ теперь въ зоологическомъ музеѣ Петербургской академiи наукъ. Мамонтъ этотъ найденъ цѣликомъ въ мерзлой землѣ на рѣкѣ Березовкѣ въ бассейнѣ Колымы.

Лѣтомъ тундра оттаиваетъ съ поверхности на различную, но небольшую въ общемъ глубину и одѣвается — въ особенности по ровнымъ и низкимъ мѣстамъ — богатой травяной и кустарниковой растительностью. Иногда, подходя къ не-

обозримой площади болотъ, зеленѣющихъ густыми зарослями травъ и кустарниковъ и блестящихъ полосами открытой воды, путешественникъ думаетъ, что путь ему прегражденъ. Ни чуть не бывало. Онъ пойдетъ и дальше со своими оленями и нагруженными нартами, не встрѣчая непреодолимыхъ препятствій, — развѣ сплошная цѣпь озеръ, которыя придется далеко обходить, пересѣчетъ ему дорогу. Ноги людей и животныхъ будутъ вязнуть почти до колѣнъ въ болотной трясинѣ; съ трудомъ будутъ проламывать олени непроглядныя и непролазныя — на первый взглядъ — чащи густой ивовой ёры; невообразимыя по количеству, неописуемыя по злобности тучи комаровъ будутъ вздыматься изъ необозримаго моря высокой сочно-зеленой осоки; не разъ въ припадкѣ понятной слабости проклянетъ путникъ тотъ день и часъ, въ который рѣшился онъ, хотя временно, связать свою судьбу съ забытой Богомъ страной; но подъ водой и тиной онъ будетъ итти по ровному мерзлому дну, какъ по полу, и проведетъ благополучно животныхъ и обозы, если инородцы, проводники его, хорошо знакомые съ мѣстными условіями, опытны и внимательны.

Если копать землю въ сухой песчаной или глинистой тундрѣ, то на глубинѣ одного — двухъ футовъ топоръ или желѣзная лопата начинаютъ звенѣть, точно ударяясь о камень, и тогда можно нащупать рукой слой холодной, какъ ледъ, и совершенно твердой промерзшей почвы. Въ глинистой почвѣ — даже и въ концѣ лѣта — мерзлота лежитъ обыкновенно не далеко отъ поверхности; подъ пескомъ глубже; болота оттаиваютъ иногда — въ особенности къ концу лѣта — на довольно значительную глубину.

Зима тундры продолжительна и сурова, лѣто коротко. Но если средина зимы лишена вовсе свѣта солнца, которое въ областяхъ тундры, лежащихъ къ сѣверу отъ 70 градуса, болѣе двухъ мѣсяцевъ не поднимается надъ горизонтомъ, зато весною и лѣтомъ оно не сходитъ съ неба. И въ полночь виситъ оно большимъ багровымъ шаромъ низко надъ землей на сѣверной сторонѣ неба; и лучи его, освѣщая землю круглыя сутки, съ необыкновенной быстротой пробуждаютъ къ жизни весною и развиваютъ роскошно въ короткое лѣто растительность, покрывающую тундру. Весна вступаетъ въ свои права какъ-то сразу,

быстрымъ переломомъ. Несмотря на яркіе и уже сильно грѣющіе лучи солнца еще сегодня лежали, какъ зимою, мощные забои снѣга надъ руслами рѣкъ и овраговъ и на склонахъ холмовъ и обрывовъ тундры; только немногія проталины показались на ровныхъ мѣстахъ, да полосы вдоль береговъ озеръ потемнѣли: тамъ ледъ покрытъ выступившей водой, — з а б е р е г о й. А на завтра скопившаяся въ ручьяхъ подъ снѣгомъ вода сразу прорветъ пласты снѣга; весенніе ручьи покатятся съ берега въ океанъ и на ледяную гладь озеръ, потопляя и постепенно поднимая ледъ; быстро зазеленѣетъ трава на проталинахъ, покажутся барашки и первые листочки на ивахъ и полярной березкѣ, завозятся въ травѣ насѣкомыя, и появится бичъ всего живого въ тундрѣ—комары. Гомонъ птицъ въ рѣчныхъ долинахъ и на озерахъ, съ которыхъ быстро исчезаетъ послѣдній ледъ, станетъ громче отъ количества и богаче отъ разнообразія голосовъ, и короткая, всего нѣсколько дней продолжающаяся дружная весна смѣнится сѣвернымъ лѣтомъ. По временамъ дни его ярки и утомительно-знойны для привычнаго къ холоду жителя тундры; по временамъ же и іюль угощаетъ путешественника рѣжущими вѣтрами и пасмурной непогодой, похожей на непогодь октября у насъ въ средней Россіи.

Трудно описать словами красоту ясныхъ, прозрачныхъ и тихихъ дней, которые стоятъ нерѣдко въ тундрѣ въ разгаръ весны и въ первый періодъ лѣта. Незаходящее солнце грѣетъ мягко и ласково, и кажется, что видишь и слышишь, какъ растетъ трава, и копошится кругомъ просыпающаяся жизнь. Однообразная, точно въ безконечность уходящая равнина тундры, въ которой человѣкъ кажется себѣ затеряннымъ, и величественный размахъ которой онъ чувствуетъ такъ же, какъ просторъ моря, погружена въ тишину. Тишины этой не нарушаютъ и точно тонутъ въ ней звуки свободной и первобытной, почти не тронутой вліяніемъ человѣка животной жизни. Гоготанье переговаривающихъ стадъ гусей доносится съ озеръ; свистятъ поднимающіяся съ земли при приближеніи человѣка ржанки; завываютъ сторожкія и хитрыя гагары; долетитъ рѣзкій голосъ поморника, подравшагося изъ-за добычи съ бѣлой, далеко видной въ тундрѣ полярной совой, или пѣтушокъ

куропатки съ задорнымъ крикомъ взмоетъ надъ густыми зарослями ивъ, — и опять на время все стихнетъ, и только шумитъ въ сторонѣ весенній, каскадомъ падающій съ обрыва ручей.

Дальше подвигается лѣто, и смолкаетъ замѣтно жизнь птицъ, занятыхъ выводомъ потомства. Ужъ не дерутся на виду на озерахъ и не мечутся въ глаза яркимъ блескомъ роскошнаго весенняго оперенія самцы гагъ и различныхъ сѣверныхъ утокъ; скрытнѣе держатся въ заросляхъ озеръ и тундры птицы со своими птенцами; большія стада линяющихъ, потерявшихъ способность летать гусей и казарокъ пережидаютъ это время на глухихъ, наименѣе посѣщаемыхъ людьми озерахъ тундры и рѣчныхъ долинъ. Нѣтъ прежней пестроты и живости птичьей жизни, какой развертывается она передъ глазами наблюдателя въ брачный періодъ ранняго лѣта. Но зато все роскошнѣе развивается буйная травяная растительность рѣчныхъ долинъ и низкой моховой тундры. Богатѣйшими коврами цвѣтовъ давно ужъ пестрѣютъ склоны и сухія луговины. Желтыя, красныя, лиловыя пятна проступаютъ среди зелени моховыхъ и травянистыхъ пространствъ. Чуть не въ ростъ человѣка поднимаются заросли осокъ на болотахъ и по краямъ озеръ. Исчезаютъ постепенно бѣлыя полосы и пятна тамъ, гдѣ на низкой моховой тундрѣ среди кустиковъ полярной березки во множествѣ засѣли, точно посаженныя, гряды и куртины морошки; но вмѣсто бѣлыхъ пятенъ цвѣтовъ золотисто-желтыми коврами отливаютъ сплошь усыпавшія стебли, крупныя, формой похожія на малину, ягоды. Можно лечь на мягкій мохъ и ѣсть, почти не двигаясь съ мѣста, если рѣшиться только стоически относиться къ уксусамъ комаровъ, которые живо облѣпятъ лицо и открытыя руки.

Въ ясные и жаркіе дни, которые бываютъ порою и въ тундрѣ, тусклая дымка, похожая на „мгу“ сухихъ русскихъ степей, затягиваетъ иногда открытый горизонтъ равнины. Сильная рефракція измѣняетъ очертанія отдаленныхъ холмовъ, а иногда и настоящій миражъ показываетъ скрытые за горизонтомъ контуры мѣстности и предметы. Согрѣтый солнцемъ воздухъ неподвижной пеленой виситъ надъ землею. Но чаще вѣтеръ гуляетъ надъ просторомъ тундры, на цѣлые дни, а

иногда и недѣли, заволакивая небо густой пеленой облаковъ, принесенныхъ со стороны океана; холодный дождь моросить, закрывая даль, и толстый моховой покровъ сухой до дождя тундры дѣлается похожимъ на пропитанную водой губку. Промокло и осклизло всё — и платье людей, и покрытые брезентомъ воза анасовъ; и кажется, что безконечный дождь промочилъ даже толстую шкуру оленей, и они бредутъ и шлепаютъ широкими копытами, тоже осклизлые и потемнѣвшіе, понуривъ рогатыя головы.

Чаще и холоднѣе дѣлаются непогоды къ концу августа, и такъ же быстро, какъ наступило короткое полярное лѣто, приходитъ и зима. Уже играютъ первые осенніе сполохи, и ночи стали темными и длинными, и скоро свѣжая пелена снѣга покрываетъ увядшую траву. Въ послѣдній разъ на нѣсколько минутъ выглянетъ солнце изъ-за южнаго горизонта, чтобы исчезнуть затѣмъ на много дней. И люди и животныя уже покинули сѣверныя области тундры. Къ границамъ лѣсовъ отходятъ кочевники со своими стадами, чтобы обезпечить себя топливомъ на зиму, а свои стада — нетронутыми еще пастбищами и защитой отъ зимнихъ бурановъ. За настоящими перелетными—водяными и болотными—птицами, которыя еще до наступленія зимы стадами потянулись въ далекій путь, къ солнечнымъ странамъ, гдѣ не падаетъ снѣгъ и ледъ не сковываетъ воды, откочевываютъ въ болѣе южныя области и постоянные жители тундры — сѣверные олени, куропатки, бѣлыя совы и подорожники. Немногіе звѣри и птицы остаются на зиму на сѣверѣ вблизи береговъ океана. Мертвая и темная зимою, тундра почти пуста. Втеченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ можно не встрѣтить на снѣжномъ просторѣ ея ни одного живого существа. Тихое морозное время, когда въ полномъ блескѣ и красотѣ одѣваетъ небо риза полярнаго сіянья, и луна свѣтитъ на пустыя снѣжныя равнины, смѣняется страшными по силѣ, по нѣскольку сутокъ бушующими буранами.

И когда уже минетъ полярная ночь и смѣнится постепенно сплошнымъ днемъ; когда первыя раннія птицы, вѣстники весны—куропатки, хищники, снѣжные подорожники—покажутся въ тундрѣ, наступитъ май, и подъ широтами умѣрен-

ныхъ странъ давно уже шумятъ одѣтые листвою лѣса, и пестрѣетъ цвѣтами лугъ, — тундра все еще лежитъ подъ снѣгомъ и льдомъ и грозитъ кочевнику и путешественнику последними, но не менѣе жестокими, чѣмъ зимою, снѣжными бурями. Только къ концу мая начинаетъ незаходящее солнце одолѣвать пелену снѣга и растоплять скованныя саженнымъ льдомъ воды. Наступаетъ снова весна.

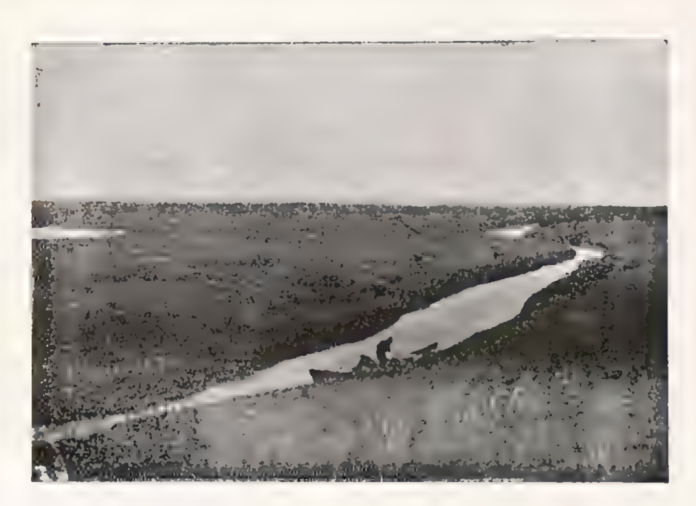
Тундры Европейской Россіи къ востоку отъ Бѣлаго моря (здѣсь лежатъ Канинская на полуостровѣ того же имени, Малоземельская къ западу отъ Печоры и Большеземельская, за Печорой — тундры) и западно-сибирскія низменны. Едва на 200—300 футовъ поднимаются надъ уровнемъ моря холмистыя части этой обширной приокеанской равнины. Только вблизи также незначительныхъ по высотѣ горныхъ хребтовъ, обрывающихся у самаго океана, расположены болѣе возвышенныя площади, — футовъ до 500 высотою. На пространствахъ типичной низменной тундры чередуются обыкновенно болѣе высокія всхолмленныя территоріи съ песчаной или глинистой почвой и сравнительно бѣдной растительностью и низкія кочковатыя моховыя равнины, одѣтыя толщами свѣжихъ мховъ и пластами торфа подъ ними, съ зарослями ягодниковъ и стелющейся полярной березы. Внутренность Кольскаго полуострова занята сильно волнистымъ, каменистымъ плоскогоріемъ, которое довольно круто поднимается отъ берега океана и покрыто хвойнымъ лѣсомъ. Высшія точки полуострова (близь озера Имандры) поднимаются на версту и нѣсколько болѣе надъ уровнемъ моря. Пространства Кольскаго полуострова интересны въ геологическомъ отношеніи тѣмъ, что области эти были, повидимому, центромъ, откуда ледниковый покровъ распространился на все пространство сѣверно-русской равнины; и многочисленные слѣды дѣйствія ледниковъ легко наблюдать на выходахъ гранитовъ, гнейсовъ и иныхъ кристаллическихъ породъ, изъ которыхъ состоитъ подпочва Лапландіи. Мало-типичная, каменистая тундра занимаетъ болѣе низменную узкую полосу вдоль океана. Мурманскій берегъ крутыми обрывами спускается въ море, образуя многочисленные глубокіе заливы, напоминающіе фьорды сосѣдней Норвегіи.

Равнины восточно-европейскихъ и западно-сибирскихъ тундръ покрыты отложеніями сѣверной морской трансгрессіи. Невысокіе каменистые хребты пересѣкаютъ западную тундру въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Изъ нихъ имѣющій видъ пологаго вала Канинскій камень, протянувшійся съ СЗ. на ЮВ. черезъ сѣверную часть полуострова Канина, поднимается не выше 100—120 саженъ надъ уровнемъ океана. Приблизительно такую же высоту, съ высшими точками до 150 саженъ, имѣетъ Тиманскій хребетъ, идущій широкой полосой уваловъ къ югу отъ восточнаго берега Чешской губы. Обнаженные, каменные, и лѣтомъ бѣлѣющіе пятнами снѣга хребты сѣвернаго Урала нѣсколько выше. Лежащій вблизи берега Карской губы Константиновъ камень, которымъ не доходя до моря обрывается хребетъ, имѣетъ высоту въ 210 саженъ, южнѣе же Уралъ все болѣе и болѣе повышается. Въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Константинова камня тянется хребетъ Пай-хой, достигающій высоты въ 180 саженъ и понижающійся къ Югорскому шару, переходя потомъ на Вайгачъ.

Берега океана отъ Бѣлаго моря до Енисея однообразны и низменны. Не выше 8—10 саженъ надъ моремъ поднимаются крутые глинистые и песчаные обрывы, а во многихъ мѣстахъ, въ особенности близъ широкихъ рѣчныхъ устьевъ, берегъ спускается плоскими низменностями. Далеко отъ береговъ идетъ отмелое море. Къ востоку отъ Енисея берега океана во многихъ мѣстахъ гористы и высоки, выше и самыя пространства каменистой тундры. Такъ, между Пясиной и Хетой лежитъ возвышенная Авамская тундра; части плоскогорья Сыверма между Пясиной и низовьемъ Енисея достигаютъ высоты около 100 саженъ. Таймырскій полуостровъ покрытъ еще вовсе неизслѣдованными отрогами хребтовъ Бырранга съ высотами, вѣроятно, значительно превышающими 100 саженъ.

Одинъ изъ этихъ отроговъ образуетъ обрывистый мысъ Челюскинъ, — самый сѣверный пунктъ Азіи, лежащій, по опредѣленію проф. Норденшёльда, подъ 77° 36′ 8″ широты. Мысъ этотъ впервые достигнутъ сухимъ путемъ и положенъ на карту штурманомъ Челюскинымъ во время Великой сѣверной экспедиціи въ 1742 году. Позже — уже въ концѣ прошлаго и

Порогъ на рѣкѣ Кеми (Архангельская губ.).



Видъ въ Канинской тундрѣ.

въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ—обогнули этотъ мысъ, пройдя къ востоку, суда трехъ экспедицій: норденшельдовская „Вега,“ „Фрамъ“ Нансена и „Заря,“ корабль послѣдней русской полярной экспедиціи.

Высокая тундра тянется и между Хатангой и Леной. Восточнѣе Лены мало-извѣстные отроги хребтовъ Верхоянскаго, Тазъ-хаяхъ-тахъ, Индигирко-Колымскаго и другихъ еще значительно выше. Къ востоку отъ Колымы мѣстность продолжаетъ сохранять гористый характеръ. Мысъ Шелагскій поднимается надъ океаномъ крутыми склонами до 400 саженъ высотою. Близь Колючинской губы и далѣе до Берингова пролива къ берегу океана подходятъ цѣпи, поднимающіяся до версты надъ уровнемъ моря.

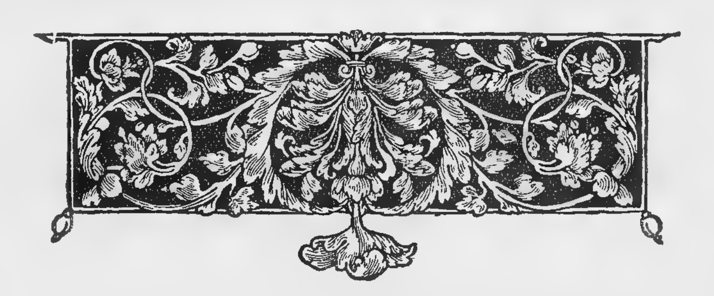
Низовья громадныхъ восточно-европейскихъ и азіатскихъ рѣкъ прорѣзываютъ тундру. Полноводная, текущая черезъ дремучіе лѣса Архангельской губерніи рѣка Мезень, впадающая на западной границѣ Канинской тундры, и громадная Печора съ ея длинными и богатыми водой притоками кажутся, при взглядѣ на карту, ничтожными рядомъ съ могучими сибирскими рѣчными системами Оби, Енисея и Лены. Сравнительно второстепенныя рѣки Сибири, нижнія теченія которыхъ лежатъ въ предѣлахъ тундры, какъ Хатанга, Оленекъ, Яна, Колыма, Анадырь, — могучіе потоки, по длинѣ, ширинѣ, обилію воды и размѣрамъ бассейновъ превосходящіе многія большія рѣки Европы. Вливаясь въ Ледовитый океанъ, рѣки эти образуютъ или большія, похожія на цѣлыя моря губы, или — какъ напр. Лена и Яна — обширныя дельты. Неся изъ глубины Сибирскихъ лѣсовъ, а отчасти даже изъ горныхъ системъ средней Азіи, согрѣвающуюся въ теченіе лѣта воду и выбрасывая ее въ океанъ въ громадномъ количествѣ, онѣ вліяютъ на плотность воды въ сибирской части Ледовитаго океана, на направленіе морскихъ теченій, на льдистость моря и метеорологическія условія въ ближайшихъ къ устьямъ большихъ рѣкъ частяхъ моря и побережья. Сѣверныя рѣки особенно богаты водой весною, когда подвигающаяся съ юга на сѣверъ изъ южныхъ частей бассейновъ полая вода получаетъ непрерывное подкрѣпленіе отъ тающихъ позже на сѣверѣ снѣговъ. Весеннее половодье на Оби, Енисеѣ и Ленѣ отличается грандіозными размѣрами.

Размѣры площадей, частью годныхъ и для земледѣльческой культуры, занятыхъ бассейнами великихъ сибирскихъ рѣкъ (бассейны Лены, Енисея и Оби обнимаютъ пространства отъ 2 до $2^1/_2$ милліоновъ кв. верстъ) вмѣстѣ съ большими глубинами широкихъ руслъ большинства этихъ рѣкъ заставляютъ придавать имъ значеніе важныхъ торговыхъ путей, не только связывающихъ между собою различныя области Сибири, но и открывающихъ въ будущемъ возможность выхода для Сибирскаго сырья въ Ледовитый океанъ — изъ однихъ рѣчныхъ системъ по направленію къ Атлантическому океану, изъ другихъ — къ Тихому. Теперь пока большія рѣки Сибири, частью цѣликомъ, частью низовьями своими протекаютъ по почти лишеннымъ населенія и незатронутымъ не только культурой, но и первыми шагами торговой предпріимчивости областямъ. Судоходство существуетъ только на Печорѣ, Оби, Енисеѣ и Ленѣ и то въ небольшихъ размѣрахъ, и только для Оби и Енисея изъ западно-сибирскихъ рѣкъ и для Колымы на востокѣ можно считать рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о возможности морского судоходства къ рѣчнымъ устьямъ.

Большія рѣки, текущія въ широкихъ, обильныхъ водою и богатыхъ растительностью и животной жизнью долинахъ, издавна служили путями, по которымъ проникало на суровый по условіямъ жизни, но богатый сѣверъ осѣдлое русское населеніе. Немногочисленные и бѣдные по числу жителей русскіе городки и села въ предѣлахъ европейской и азіатской тундры расположены по низовьямъ рѣкъ. Богатые рыбные промысла обезпечиваютъ здѣсь жизнь осѣдлаго населенія. Но тундра богата водой не только вблизи большихъ водяныхъ артерій. Безчисленное количество рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ пересѣкаютъ ее по всѣмъ направленіямъ. Почти каждый небольшой участокъ тундры, снятый въ большомъ масштабѣ, заключалъ бы въ себѣ весьма обильную и сложную сѣть текучихъ и стоячихъ водъ. Мерзлота не позволяетъ водѣ просачиваться глубоко въ почву; въ теченіе короткаго, холоднаго лѣта испареніе не велико. Болота тянутся мѣстами на большія пространства. Множество озеръ разбросано и по широкимъ долинамъ или „лайдамъ“ рѣкъ, и по низкой моховой,

Р. Ухта. На границѣ Вологодской и Архангельской губ.

и по высокой, сравнительно сухой, холмистой тундрѣ. Часто бываетъ, что, стоя среди тундры на холмѣ, видишь далеко кругомъ больше воды, чѣмъ земли. Въ предѣлахъ тундры есть и очень большія озера. Такъ озеро Таймыръ, почти совершенно неизслѣдованное и лежащее на Таймырскомъ полуостровѣ, на крайнемъ сѣверѣ Сибири, куда не часто заходятъ и кочевники, занимаетъ площадь приблизительно въ 2000 кв. верстъ. Озеръ въ 100—200 кв. верстъ площадью на пространствѣ тундры очень много. И прямо безчисленны разбросанныя по ея глади озера, въ версту или нѣсколько квадратныхъ верстъ размѣрами. Болѣе глубокія, не промерзающія зимою озера такого размѣра такъ же, какъ и значительные рѣчные бассейны, богаты рыбой и служатъ мѣстами лѣтняго рыбнаго промысла для инородческаго, а мѣстами и русскаго населенія крайняго сѣвера.



II.

Климатъ тундры; температура, осадки, бураны. Общій характеръ растительности тундры. Травяная растительность. Область криволѣсья.

При громадномъ протяженіи безлѣсной сѣверной области стараго свѣта, которая на западѣ прилегаетъ къ никогда незамерзающимъ у Мурманскаго берега частямъ Баренцова моря, а на востокѣ граничитъ съ самыми холодными областями высокой Сибири, климатическія условія въ различныхъ частяхъ тундры довольно разнообразны. На Мурманскомъ берегу зимой, для широты въ 68—70 градусовъ, температура очень высока, море и у береговъ почти никогда не замерзаетъ, и вліяніе океана, а отчасти также гольфстрима, сказывается очень сильно. Между тѣмъ нѣсколько южнѣе, въ глубинѣ высокой Лапландіи, бываютъ сильные зимніе холода. И вообще на всемъ протяженіи тундры вблизи побережья Ледовитаго океана зимы теплѣе, лѣто же относительно холоднѣе, чѣмъ дальше вглубь материка. Еще рѣзче выступаетъ разница температуръ, — въ особенности температуръ зимнихъ, — если сравнивать лежащія близко отъ полярнаго круга части европейской тундры и соотвѣтствующія по широтѣ области Сибири — по бассейнамъ Лены, Яны и Индигирки. Здѣсь зимніе морозы могутъ доходить до —68° по Цельзію, и разница между самой высокой и самой низкой температурой въ теченіе года приближается къ 100°.

Вслѣдствіе сильныхъ зимнихъ холодовъ въ континентальной восточной Сибири годовая изотерма температуры въ —16° отъ широты Таймырскаго озера въ западной Сибири спускается въ бассейнѣ Яны къ югу за полярный кругъ; изотерма же въ — 4°, проходящая черезъ Колгуевъ и устье Печоры, въ восточной Сибири идетъ черезъ верховья Олекмы и къ берегамъ Охотскаго моря, къ Аяну, поднимаясь затѣмъ снова къ области тундры въ сѣверной Камчаткѣ. Изотермы іюля въ предѣлахъ крайняго сѣвера европейско-азіатскаго материка тянутся приблизительно параллельно берегу Ледовитаго океана. Изотермы же самаго холоднаго мѣсяца — января — показываютъ особенно рѣзкое паденіе къ юго-востоку. Средняя температура января въ Канинской тундрѣ вблизи побережья океана та же (—12°), что въ Ярославлѣ и у сѣвернаго берега Аральскаго моря; а въ Азіатской Россіи изотерма января въ —24° отъ низовья Оби идетъ къ Благовѣщенску на Амурѣ. Вотъ среднія температуры для четырехъ лежащихъ недалеко отъ полярнаго круга пунктовъ у Мурманскаго берега, въ Западной и Восточной Сибири:

	Средняя годовая.	Средняя января.	Средняя іюля.
Кола . . .	— 0,5	—11,2	+12,7
Обдорскъ . .	— 7,8	—26,9	+13,6
Туруханскъ .	— 8,2	—28,2	+15,3
Верхоянскъ.	—16,9	—50,8	+15,1

Въ Сагастырѣ у устья Лены средняя января достигаетъ только — 37°.

Такимъ образомъ зима въ тундрѣ, за исключеніемъ только отдаленныхъ отъ океана частей ея въ восточной Сибири, не отличается особой суровостью. Лѣто холодно, и въ теченіе его выпадаетъ немного сравнительно жаркихъ, безоблачныхъ и безвѣтренныхъ дней. Но незаходящее въ лѣтніе мѣсяцы круглыя сутки за горизонтъ солнце все же даетъ достаточно тепла, чтобы растопить почти саженный пластъ льда надъ прѣсными водами, оттаить верхніе слои земли и развить съ большой быстротой еще роскошную въ южныхъ частяхъ тундры травяную растительность.

Количество годовыхъ осадковъ — опять, конечно, различ-

ное на протяженіи тундръ — въ общемъ не велико. Лѣтомъ часто ненастье стоитъ по нѣскольку дней, дожди бываютъ иногда продолжительны, но необильны: чаще сѣетъ, какъ сквозь сито, мелкая изморозь, или падаютъ при рѣзкомъ вѣтрѣ рѣдкія холодныя капли. Снѣговой покровъ обыкновенно тоже не очень мощенъ. Вѣтра сдуваютъ снѣгъ съ холмовъ и ровныхъ площадей и сносятъ его въ овраги и русла рѣкъ. Склоны холмовъ поэтому и зимой часто обнажены, и олени находятъ на нихъ непокрытый снѣгомъ ягель. На ровной тундрѣ толщина снѣгового покрова обыкновенно не превышаетъ $^1/_2$—1 аршина. Зато мощные снѣговые забои, черезъ которые весной съ трудомъ пробивается вода, заполняютъ ручьи и овраги. Когда въ тундрѣ давно уже наступило лѣто, кочевники пользуются еще не растаявшими грядами снѣга для удобной ѣзды на нартахъ. Снѣгъ въ открытой тундрѣ слегается плотно и выдерживаетъ тяжесть человѣка и оленей. Изрытая вѣтрами поверхность его образуетъ часто ряды грядокъ, такъ называемыя з а с т р у г и, по направленію которыхъ кочевники ночью и въ метели оріентируются въ тундрѣ.

Слоемъ льда до сажени толщиною покрываются прѣсныя воды. Мелкія озера и рѣки промерзаютъ до дна. При этомъ на небольшихъ рѣкахъ не бываетъ ледохода. Прорвавъ, наконецъ, забои снѣга, весенняя вода широкимъ и быстрымъ потокомъ наполняетъ русло. Отстающія отъ дна зимнія льдины начинаютъ съ шумомъ выныривать на поверхность воды, покрытыя иломъ и грязью, и вразбродъ уносятся полой водой.

Вѣтра на открытой тундрѣ, граничащей на югѣ съ обширными пространствами материка, а на сѣверѣ съ Ледовитымъ океаномъ, который никогда не замерзаетъ и не затирается льдомъ сплошь, часты и временами сильны. Въ общемъ въ лѣтніе мѣсяцы господствуютъ вѣтра изъ сѣверной половины горизонта, зимой — изъ южной. Въ морозное время и небольшой вѣтеръ начинаетъ мести по тундрѣ сухой снѣгъ, по временамъ же разыгрываются сильные и продолжительные бураны.

Пока снѣгъ лежитъ въ тундрѣ, и стоятъ морозы, человѣкъ тамъ всегда долженъ быть осмотрителенъ, чтобы не попасть въ буранъ далеко отъ спасительнаго чума, не надежно одѣтымъ и безъ провизіи. Иногда снѣжная буря приходитъ почти

Р. Ухта. Фот. *Лейцингера.*

внезапно. Сейчасъ только былъ ясенъ небосклонъ, тихъ воздухъ, и солнце сверкало милліонами искръ на яркой пеленѣ снѣга; а черезъ минуту налетитъ порывъ вѣтра—разъ, другой, — — и закурится снѣгъ на горизонтѣ, крутящіеся снѣжные вихри добѣгутъ и окружатъ человѣка. Не помогаетъ то, что вверху сквозь облака несущагося снѣга еще просвѣчиваетъ солнце: оно поможетъ еще нѣкоторое время сохранить общее направленіе пути, но кругомъ въ молочной мглѣ бурана ничего нельзя разсмотрѣть и на близкомъ разстояніи. Иногда къ поднятому вѣтромъ съ земли снѣгу примѣшивается и снѣгъ, падающій изъ облаковъ, и еще непрогляднѣе станетъ кругомъ. Медленно заноситъ чумы, которые съ трудомъ еще удалось поставить при началѣ бурана, и ряды нартъ вокругъ; цѣлый день придется ихъ потомъ откапывать лопатами. Потерявшіе подъ яростью вѣтра охоту пастись олени приходятъ въ лагерь, ложатся у чумовъ и между рядами нартъ, и ихъ тоже постепенно заноситъ снѣгомъ, — только вѣтвистые рога торчатъ кое-гдѣ наружу. Путешественникъ долженъ запастись тѣмъ невозмутимымъ терпѣніемъ, которое присуще аборигенамъ сѣверныхъ странъ: и день, и два, и шесть дней иной разъ пролежитъ онъ въ тѣсномъ и дымномъ чуму, слушая свистъ вѣтра, развлекаясь питьемъ чая, сказками самоѣдовъ да воспоминаніями бывалыхъ спутниковъ.

Если быстро разыгравшійся буранъ захватитъ далеко отъ чумовъ одну или нѣсколько нартъ, кочевники, съ невѣроятнымъ искусствомъ оріентирующіеся въ голой, совершенно лишенной на европейскій глазъ примѣтъ тундры, попытаются добраться до чума. Часто это удается. Но бываетъ и такъ, что путникамъ придется привязать оленей и лечь на нарты на сутки-другія, возлагая упованіе на двойное и дѣйствительно незамѣнимое по качеству мѣховое платье изъ оленьихъ шкуръ.

Въ сѣверныхъ областяхъ тундры, за 69-мъ примѣрно градусомъ широты, весенніе бураны большой силы и продолжительности разражаются въ иные годы еще во второй половинѣ мая. Когда начнутся сильныя оттепели, слипающійся снѣгъ уже не поднимается легко отъ вѣтра, и только верховая метель еще можетъ быть опасной.

Но если сердиты бураны на сѣверѣ, то тѣмъ привлекательнѣе кажутся тихіе дни, то съ сѣрымъ пасмурнымъ небомъ, нависшемъ низко надъ снѣжной тундрой, то прозрачные и сіяющіе яркимъ лѣтнимъ солнцемъ, такъ что ясно видны кругомъ зеленыя лайды и буроватые гребни далекихъ холмовъ. Въ тихіе лѣтніе дни при сильной рефракціи часто искажаются очертанія видныхъ вдали предметовъ: низкій обрывистый берегъ рѣчки покажется вдругъ отдаленнымъ, высоко-поднимающимся горнымъ обрывомъ; иногда отдаленные холмы кажутся точно плавающими въ воздухѣ. Еще сильнѣе бываютъ обманы зрѣнія зимой при туманахъ или легкой морозной пасмурности, которая иногда заволакиваетъ даль: близкіе предметы начнутъ казаться отдаленными и потому непомѣрно большими, и сидящую на снѣгу въ 50 шагахъ куропатку въ тундрѣ можно принять за оленя или бѣлаго медвѣдя. Только три лѣтнихъ мѣсяца — іюнь, іюль и августъ — тундра зеленѣетъ растительностью, да и то во второй половинѣ августа иногда подъ первыми морозами повянетъ зелень, и сѣверный вѣтеръ принесетъ первый снѣгъ. Пластами рыхлаго торфа — остатками сплошного покрова изъ мховъ и ягодниковъ — покрыта низкая кочковатая торфяниковая тундра. Въ другихъ мѣстахъ на песчаной, глинистой или каменистой подпочвѣ лежитъ только ничтожный слой перегноя, и бѣдный сравнительно растительный покровъ состоитъ здѣсь изъ ягелей, хвощей и немногихъ высшихъ растеній. Въ южной полосѣ тундры, на рѣчныхъ и озерныхъ лайдахъ, образованныхъ наносами, и на склонахъ, богатыхъ перегноемъ и выставленныхъ болѣе сильному дѣйствію солнца, травяная и кустарниковая растительность бываетъ чрезвычайно роскошной. Высокія осоки по болотамъ лайды поднимаются къ серединѣ лѣта въ ростъ человѣка. Непролазныя чащи ивовыхъ зарослей въ 2—3 фута высотою покрываютъ мѣстами болота рѣчныхъ долинъ. На сухихъ мѣстахъ долинъ и склонахъ тундры образуются часто великолѣпныя луговины, заросшія высокими злаками и разнообразными красивыми цвѣтами.

Въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ тундры природа дѣлается всё суровѣе, и растительный покровъ всё скуднѣе.

За 72—73° с. ш. начинаютъ исчезать ягодные кустарники, травы рѣдѣютъ. На большихъ пространствахъ выступаетъ покрытая лишь рѣдкой и хилой растительностью, глинистая или каменистая поверхность земли. Но еще и на далекомъ Таймырѣ и на покрытыхъ чернымъ сланцевымъ щебнемъ прибрежныхъ низменностяхъ Новой Земли въ удобныхъ мѣстахъ увидишь зеленыя лужайки и скопившiеся букетами или цѣлыми коврами, съ чрезвычайно короткими стеблями, но крупными вѣнчиками, цвѣты незабудокъ, камнеломокъ, ромашки и многихъ другихъ породъ.

На низкой моховой кочковатой тундрѣ нога ступаетъ точно по пушистому ковру. Заросли стелющейся полярной березы путаютъ ноги, торфяныя кочки мѣстами поднимаются большими буграми. Въ началѣ лѣта моховой покровъ во многихъ мѣстахъ закрытъ коврами сплошь цвѣтущихъ ягодниковъ; въ концѣ лѣта онъ розовѣетъ, краснѣетъ и чернѣетъ ягодами морошки, брусники, голубики и вороньей ягоды. Ближе къ южнымъ границамъ тундры всѣ кустарниковыя растенія поднимаются еще на футъ и больше надъ поверхностью почвы. Дальше къ сѣверу стволы ихъ, изогнутые и корявые, начинаютъ всё тѣснѣе ложиться на землю, ползти по ней и прятаться во мху, выставляя только короткія вѣтви и листья. Вся жизнь сосредоточивается у самой поверхности земли, въ верхнемъ слоѣ почвы, который воспринимаетъ и удерживаетъ теплоту солнечныхъ лучей.

Флора арктической области вообще состоитъ почти исключительно изъ многолѣтнихъ травъ и кустарниковъ. При наступленіи лѣта жизнь быстро пробуждается въ спавшихъ подъ снѣгомъ и мхомъ, но живыхъ стебляхъ и корневищахъ; они пускаютъ побѣги и листья и приносятъ цвѣты и плоды. Въ тундрѣ есть растенія, которыя въ 3—4 недѣли успѣваютъ пройти свой вегетаціонный циклъ и принести зрѣлыя сѣмена. Они торопятся, такъ какъ первые морозы въ тундрѣ иногда неожиданно рано полагаютъ конецъ лѣтней жизни растеній.

Чѣмъ ближе къ югу, къ границамъ лѣсовъ, тѣмъ разнообразнѣе и роскошнѣе становится растительность. Прекрасныя луговины—не по густотѣ и силѣ только, но и по составу растительности — встрѣчаются часто на сухихъ частяхъ пло-

дородныхъ лайдъ. Человѣкъ идетъ иногда, выше пояса закрытый, точно по полю поднявшагося хлѣба, по зарослямъ злаковъ. Сплошное море высокой осоки покрываетъ болота. Густыя чащи тальниковъ окружаютъ озера, на которыхъ во множествѣ плаваютъ, перелетаютъ и ведутъ свою хлопотливую жизнь различныя породы водяныхъ и болотныхъ птицъ. Встрѣчаются отдѣльно стоящія ивы и березы, уже съ толстыми стволами, но еще искривленныя, полуползучія, не поднимающіяся штамбомъ кверху, а видимо стремящіяся держать свои кроны близко къ землѣ, гдѣ больше защита отъ рѣзкихъ вѣтровъ, и гдѣ слой воздуха прогрѣтъ сильнѣе лѣтомъ. Появляются и хвойныя деревья; но на сѣверныхъ границахъ лѣсовъ, вблизи тундры, гдѣ исчезаетъ окончательно древесная растительность, ели, пихты, лиственницы и кедры не похожи на высокія и часто могучія деревья, слагающія сѣверные лѣса Россіи и Сибири. Здѣсь лежитъ переходная область такъ называемаго криволѣсья. На большія пространства тянутся низкія, часто очень густыя заросли хвойныхъ деревьевъ, поднимающихся всего на 2 — 3 фута отъ поверхности земли. На первый взглядъ кажется, что это молодая поросль. Но если пересчитать кольца нарастанія на тонкомъ, но чрезвычайно плотномъ стволѣ такого карликоваго дерева, то можно убѣдиться, что ему нѣсколько десятковъ лѣтъ. Часто убитая тѣми или другими неблагопріятными вліяніями — особенно суровой зимой, леденящими вѣтрами, которые къ тому же пришлось вынести безъ достаточной снѣговой защиты, увеличивающейся заболоченностью почвы и. т. д. — такая поросль гибнетъ и стоитъ потомъ долго, сѣрой массой покрывая тундру на большое пространство. Иногда довольно глубоко выдвигаются въ тундру рощи сравнительно высокорослыхъ и сильныхъ хвойныхъ деревьевъ. Но все же они достигаютъ всего 3—4 саженъ высоты, стволы ихъ конусовидны, быстро утончаясь къ вершинѣ, вѣтвей очень мало, и деревья имѣютъ поэтому чахлый видъ. Эти выходцы тайги въ тундру вообще развиты лучше и идутъ гораздо дальше къ сѣверу вдоль теченія рѣкъ и ручьевъ, которые какъ бы дренируютъ почву, такъ что по песчанымъ берегамъ ихъ хвойныя деревья, повидимому, чувствуютъ себя лучше. Иногда въ голой уже, только зарос-

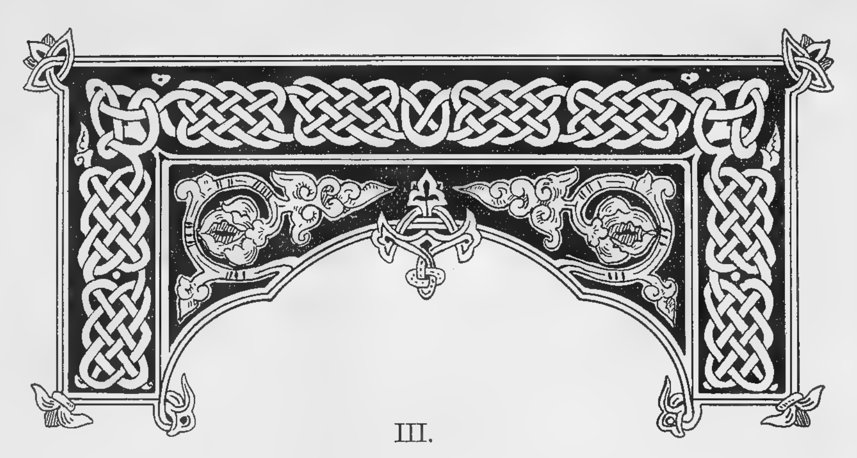
Криволѣсье по склонамъ хребта (Колымскій край).

Жители Нижне-Колымска.

лями тальниковъ и березовой сланкой кое-гдѣ одѣтой тундрѣ, видишь издали точно аллею елей или лиственницъ: это узкимъ бордюромъ, иногда въ одинъ рядъ съ каждой стороны, и довольно далеко отстоящія другъ отъ друга, тянутся хвойныя деревья вдоль небольшой рѣчки или ручья.

И тамъ, гдѣ болѣе значительныя рощи хвойныхъ деревьевъ, находящіяся въ лучшихъ сравнительно почвенныхъ или климатическихъ условіяхъ, выдвигаются въ полосу криволѣсья или открытой тундры, деревья обыкновенно не стоятъ сплошь. Въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями многія изъ нихъ погибаютъ; мертвые, лишенные хвои остовы превышаютъ обыкновенно числомъ живыя деревья. И у живыхъ немногія покрывающія стволы вѣтви коротки и искривлены, вершины часто согнуты по направленію господствующихъ вѣтровъ, и онѣ стоятъ чахлыя, покрытыя висящими на вѣтвяхъ и одѣвающими кору ихъ мхами и лишайниками, точно изнемогая въ непосильной борьбѣ съ вьюгами, непогодами и морозами крайняго сѣвера.

Граница между областью высокоствольныхъ лѣсовъ и криволѣсьемъ такъ же извилиста и неопредѣленна, какъ и между этимъ послѣднимъ и типичной тундрой. Далеко вдающіяся вглубь сѣверно-русской и сибирской тайги обширныя моховыя болота по растительности своей напоминаютъ полосу криволѣсья и тундру.



III.

Животныя тундры. Млекопитающія: ластоногія, хищники, сѣверный олень и охота за ними. Пеструшки. Фауна птицъ. Пресмыкающіяся и рыбы. Комары.

Животный міръ тундры не очень богатъ числомъ видовъ, т. е. отдѣльныхъ породъ животныхъ. Но зато въ мѣстахъ, удобныхъ для ихъ жизни, и частью въ годы, благопріятствующіе размноженію, нѣкоторыя породы животныхъ скопляются въ громадныхъ количествахъ. При маломъ числѣ населенія, разбросаннаго по громадной пустынной территоріи, разрушительное вліяніе человѣка на первобытныя условія жизни животнаго міра сравнительно ничтожны. Ни о какомъ косвенномъ вліяніи человѣческой культуры на жизнь природы здѣсь, понятно, не можетъ быть рѣчи; прямому же преслѣдованію людей здѣсь подвергаются сравнительно немногіе виды промысловыхъ животныхъ, дающихъ цѣнную шкуру или значительное количество сала и мяса. Самоѣдъ энергично охотится за бѣлымъ медвѣдемъ, оленемъ и песцомъ, ловитъ на гнѣздахъ капканами гусей а при случаѣ и нѣкоторыхъ другихъ птицъ, идущихъ въ пищу; рѣже загоняетъ въ сѣти линялыхъ утокъ или ловитъ ихъ петлями. Но онъ не стрѣляетъ по одиночной морянкѣ или гагѣ; въ отдаленныхъ мѣстахъ тундры, гдѣ нѣтъ правильнаго сбыта скупщикамъ, не ловитъ куропатокъ и обыкновенно вообще, обезпеченный запасами, не промышляетъ рыбы или птицы въ большомъ излишкѣ. Поэтому и тундра — по крайней мѣрѣ въ наиболѣе глухихъ частяхъ своихъ — мало потеряла еще первобытный обликъ, присущій тѣмъ областямъ земного шара, на которыя человѣческое населеніе не

успѣло наложить свою руку, — одновременно творческую и разрушительную.

Даже дикій сѣверный олень, всюду энергично преслѣдуемый кочевниками, и кромѣ того всегда быстро уступающій территоріи домашнимъ стадамъ оленей, еще пасется въ глухихъ мѣстностяхъ тундръ стадами въ сотни головъ; пушистые снѣжно-бѣлые песцы добываются ради ихъ цѣнной шкурки на крайнемъ сѣверѣ европейскаго и азіатскаго материка еще въ большомъ количествѣ и сравнительно съ другими пушными звѣрями Европы и Сибири гораздо медленнѣе уменьшаются въ числѣ; цѣнныя лососевыя рыбы неисчислимыми стадами входятъ изъ океана въ устья большихъ рѣкъ и населяютъ — мѣстами очень обильно — и меньшія рѣки и озера тундры; рѣчныя долины весной, пока вся птица еще на виду, кишатъ разнообразными породами водяныхъ и болотныхъ птицъ.

Фауна тундры привлекательна для путешественника, охотника или любителя природы еще и тѣмъ, что на обнаженной поверхности ея, послѣ схода снѣга и наступленія весны, особенно удобно наблюдать жизнь животныхъ, которая развертывается здѣсь передъ глазами человѣка неприкрытая, во всей своей красотѣ, сложности и разнообразіи.

Изъ крупныхъ хищныхъ млекопитающихъ сравнительно рѣдкимъ гостемъ тундры, и то только на самомъ побережьѣ океана, бываетъ б ѣ л ы й м е д в ѣ д ь. Этотъ большой, сильный и ловкій звѣрь, питающійся рыбой и морскими звѣрями, самъ плавающій и ныряющій немногимъ хуже тюленя, живетъ собственно на ледяныхъ поляхъ, съ которыми вмѣстѣ переносятъ его съ мѣста на мѣсто вѣтра и теченія океана. Болѣе обыкновенный на полярныхъ островахъ, онъ попадается, хотя и очень рѣдко, и на побережьѣ Лапландіи, на сѣверныхъ берегахъ Канина, у устья Печоры и Югорскаго шара, и гораздо чаще на побережьѣ Сибири, въ особенности на почти не посѣщаемыхъ людьми берегахъ отъ Енисея до восточнаго Таймыра. Но въ общемъ ледовитое побережье — крайняя южная граница области распространенія этого типичнаго полярнаго звѣря. Въ западной Сибири даже у сѣверныхъ береговъ Ямала и у Бѣлаго, за 73 градусомъ сѣверной широты, медвѣди появляются только ранней весной, осенью и зимой, пе-

реходя на береговой ледъ и затѣмъ на берегъ материка съ принесенныхъ вѣтромъ ледяныхъ полей Карскаго моря. На прибрежномъ льдѣ медвѣдь подкрадывается къ тюленямъ, чутко лежащимъ у своихъ отдушинъ, которыя ведутъ сквозь ледъ въ безопасную глубину воды. Онъ не прочь напасть и на громаднаго, клыкастаго моржа, борьба съ которымъ, впрочемъ, по разсказамъ промышленниковъ, иногда обходится недешево ошкую (такъ зовутъ звѣря промышленники). Самоѣды на материкѣ охотятся на медвѣдя на оленяхъ, преслѣдуя его по льду на нартѣ, подскакивая къ нему возможно близко и поворачивая прочь при неудачномъ выстрѣлѣ. Сильный звѣрь этотъ, по разсказамъ охотниковъ, нерѣшителенъ и не быстръ въ нападеніи, чаще всего обращается въ бѣгство, и охота за нимъ не считается особенно опасной. Его прекрасная шкура, идущая на ковры, на ярмаркахъ сѣверной Сибири и вообще изъ первыхъ рукъ продается по цѣнѣ отъ 40 до 100 рублей. Но на материкѣ нигдѣ не удается добывать много медвѣдей, а на берегахъ европейской тундры звѣрь этотъ становится почти рѣдкостью и въ послѣднее время добывается только у Югорскаго шара. На Новой Землѣ медвѣди еще многочисленны, но и здѣсь на южномъ островѣ они появляются къ зимѣ и исчезаютъ лѣтомъ, уходя со льдами къ сѣверу въ неизвѣстныя и недоступныя области приполярнаго моря.

Такіе же жители прибрежныхъ водъ и прибрежнаго льда у береговъ тундры—нѣсколько породъ тюленей и громадные моржи, которые тоже вылѣзаютъ изрѣдка погрѣться на песчаную отмель или „костливый“ (каменистый) берегъ. Тюлени часто заходятъ въ рѣки, а черезъ нихъ и въ близкія къ океану озера тундры. Въ устья большихъ рѣкъ входятъ и бѣлухи — крупные бѣлые дельфины, которые плаваютъ въ Ледовитомъ океанѣ большими стадами. Чукчи и эскимосы на побережьѣ у Берингова пролива — самые искусные охотники на морскихъ звѣрей. Но ихъ всюду добываютъ и другіе инородцы и русскіе промышленники. Особенно много тюленей бьютъ поморы въ горлѣ Бѣлаго моря и въ Мезенскомъ заливѣ.

Очень оригинально охотятся на тюленей съ винтовками на прибрежномъ припаѣ самоѣды тундръ, лежащихъ у Карскаго моря. Тюлени охотно выходятъ на сплошной береговой

Стадо оленей въ Обской губѣ.

Тюлень на льду.

ледъ (такъ наз. припай) и лежатъ подолгу наружу, рядомъ съ норой или отдушиной, которую животное само протаиваетъ и поддерживаетъ открытой всю зиму. Красивые и умные звѣри эти очень осторожны тамъ, гдѣ ихъ правильно преслѣдуютъ, но въ то же время очень любопытны. Самоѣды обыкновенно отправляются на охоту вдвоемъ. Пока одинъ изъ-за торосовъ или съ помощью особаго щита, о которомъ я буду еще говорить ниже, ползетъ къ звѣрю, стараясь приблизиться на разстояніе вѣрнаго выстрѣла, спутникъ охотника, стоя на значительномъ, не кажущемся звѣрю подозрительнымъ, разстояніи, но весь на виду, начинаетъ горланить тягучую и мало музыкальную импровизацію, уговаривая обыкновенно тюленя не пугаться, лежать спокойно и не обмануть ожиданій промышленниковъ. Любопытный звѣрь начинается приподыматься на ластахъ и вообще проявляетъ большой интересъ къ пѣснѣ, которую слышитъ, и забываетъ при этомъ свою обычную бдительность.

Волки всюду обыкновенны въ безлѣсной тундрѣ. Они имѣютъ шерсть, окрашенную гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у волковъ лѣсной полосы, а нерѣдко попадаются экземпляры совсѣмъ бѣлаго цвѣта, со шкурой, похожей на шкуру бѣлаго медвѣдя. Волкъ—единственный хищникъ въ тундрѣ, опасный для инородца-оленевода. Повсюду бродитъ этотъ хитрый звѣрь за стадами домашнихъ оленей, выжидая благопріятную мѣстность, буранную ночь или временное отсутствіе пастуховъ и собакъ для нападенія на стадо. Не такъ важно, что волки зарѣжутъ двухъ-трехъ оленей, какъ то, что стадо, подвергшееся нападенію, можетъ въ паническомъ ужасѣ разбѣжаться по безбрежной тундрѣ, такъ что найти и собрать его цѣликомъ будетъ трудно, а иногда и невозможно. Среди сѣверныхъ инородцевъ очень распространено религіозное почитаніе медвѣдя; но и къ волку нѣкоторые изъ нихъ — напр. сибирскіе самоѣды и коряки — проявляютъ особое, отдающее нѣкоторымъ мистицизмомъ почитаніе.

Красная лисица чаще встрѣчается только въ южныхъ частяхъ тундры, вблизи границы лѣсовъ. Россомаха нерѣдко забирается глубоко въ открытую тундру, копая свои обширныя логовища въ обрывахъ и торфяныхъ пластахъ

овраговъ. Далеко до крайняго сѣвернаго побережья промышляютъ маленькаго горностая. Но несравненно лучшую по количеству и цѣнности шкуръ добычу промышленникамъ даетъ песецъ. Эта небольшая короткоухая пушистая лисичка зимой бываетъ снѣжно-бѣлаго цвѣта, лѣтомъ и въ молодости она имѣетъ темную спину. Очень рѣдко въ тундрѣ попадаются песцы, всю жизнь остающіеся голубовато-дымчатаго цвѣта, — это та цѣнная разновидность, которая идетъ въ пушной торговлѣ подъ названіемъ голубого песца.

Песцы живутъ на отдаленнѣйшихъ островахъ полярнаго океана. Но они населяютъ также и всю тундру и часто заходятъ далеко къ югу, въ лѣса. И инородцы, и русскіе, гдѣ могутъ, охотятся за песцомъ, цѣнность шкурки котораго въ послѣдніе годы дошла до 18—20 рублей за штуку. Въ тундрѣ вблизи песцовыхъ норъ и на возвышенностяхъ, куда любятъ взбѣгать юркіе и любопытные песцы, во множествѣ ставятся желѣзные капканы, а еще чаще плашки или слопцы, — особыя деревянныя ловушки, устроенныя такъ, что схватившаго приманку звѣря убиваетъ падающее тяжелое бревно. Песцы копаютъ въ песчаныхъ холмахъ тундры глубокія норы, въ которыхъ и выводятъ своихъ дѣтенышей. Несомнѣнно, что самка приноситъ иногда до 16 дѣтенышей, но самоѣды увѣряютъ, что пометъ можетъ достигать и 20 штукъ. Цифры эти показываютъ, что песцы размножаются довольно быстро. Къ сожалѣнію, въ тундрѣ распространена также и лѣтняя охота за молодыми и взрослыми песцами, которые въ это время называются крестоватиками вслѣдствіе цвѣта ихъ шкуры, на которой темный цвѣтъ на спинѣ и верхней части лапъ образуетъ точно неясный крестъ. Лѣтнія шкурки крестоватиковъ, понятно, плохи по качеству и стоятъ всего около одного рубля за штуку.

Такой же обитатель одновременно и гористыхъ, полярныхъ острововъ Ледовитаго океана, и горъ и равнинъ тундры — сѣверный олень. Но звѣрь этотъ еще много дальше къ югу, чѣмъ песецъ, распространенъ въ лѣсахъ, попадаясь въ Европейской Россіи даже въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ и въ южной части Уральскихъ горъ, а въ Азіи — до самыхъ южныхъ границъ Сибири. Теперь въ тундрахъ олени распространены очень неравномѣрно. Гдѣ подолгу и

близко одно отъ другого пасутся большія стада домашнихъ оленей, тамъ сравнительно трудно встрѣтить дикаго. Въ Европейской Россіи въ предѣлахъ открытой, лишенной лѣса тундры, „дикари“ болѣе обыкновенны въ отрогахъ и хребтахъ сѣвернаго Урала. Въ Сибирскихъ тундрахъ оленей больше. Но даже на отдаленномъ отъ осѣдлыхъ поселеній человѣка Ямалѣ многочисленныя еще стада ихъ оттѣснены въ сѣверныя области полуострова и въ нѣкоторыя мало посѣщаемыя оленеводами части Карскаго побережья. Въ восточной половинѣ Сибири они также стали малочисленнѣе. Во многихъ мѣстностяхъ Сѣвера Сибири стада дикихъ оленей правильно перекочевываютъ, съ наступленіемъ зимы отходя въ предѣлы лѣсовъ, а весною передвигаясь опять въ тундру ближе къ океану, гдѣ ихъ меньше мучаютъ комары. Въ началѣ прошлаго столѣтія такія передвиженія олени дѣлали громадными по численности стадами, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они переплывали рѣки, инородцы устраивали на нихъ грандіозныя охоты, преслѣдуя плывущихъ звѣрей на своихъ легкихъ челнокахъ и закалывая ихъ копьями въ большомъ количествѣ. Такія охоты обычны были напримѣръ въ басссйнахъ Колымы и Анадыри. Теперь оленьи плавы сильно сократились по численности, значительно истребленные звѣри идутъ въ меньшемъ количествѣ и, повидимому, болѣе разсѣянно, и добыча на такихъ охотахъ сравнительно не велика.

Дикаго сѣвернаго оленя въ тундрѣ можно узнать на большомъ разстояніи по легкости и граціи бѣга и нѣсколько иной, чѣмъ у домашнихъ оленей, манерѣ держать туловище и голову. Въ различныхъ мѣстностяхъ лѣсные и тундровые дикари нѣсколько отличны по росту и цвѣту. Они носятъ большіе вѣтвистые рога, которые — только нѣсколько слабѣе развитые — есть и у самокъ. Въ срединѣ зимы олень сбрасываетъ свои рога, а къ лѣту — очень быстро — у него отрастаютъ новые, сначала мягкіе и покрытые кожей съ шерстью, потомъ постепенно твердѣющіе. Большіе и тяжелые рога эти мало мѣшаютъ быстрому и легкому бѣгу сѣверныхъ оленей, которые красотой и граціей все же уступаютъ своимъ родичамъ — другимъ породамъ оленей болѣе умѣренныхъ и южныхъ странъ.

Тамъ, гдѣ олени испытали преслѣдованіе, они очень осторожны. На далеко открытой поверхности ровной тундры, и тѣмъ болѣе на снѣжной пеленѣ, каждый показавшійся на большомъ разстояніи незнакомый предметъ привлекаетъ ихъ вниманіе. Чутье ихъ превосходно. Нужно терпѣніе привычнаго промышленника для подхода къ звѣрю на выстрѣлъ. Самоѣды, между прочимъ, употребляютъ два оригинальныхъ способа охоты на дикихъ оленей. При одномъ звѣря скрадываютъ. Промышленникъ имѣетъ съ собой особый щитъ (употребляемый и при тюленьемъ промыслѣ), состоящій изъ короткой, обтянутой бѣлой шкурой доски съ прорѣзаннымъ въ ней отверстіемъ, поставленной на два короткихъ полоза. Подойдя изъ-за вѣрнаго прикрытія на возможное разстояніе къ стаду или одиночному животному за вѣтромъ, промышленникъ ложится на землю и ползетъ очень медленно, закрытый доской и двигая ее передъ собою. Подойдя такимъ образомъ на выстрѣлъ, онъ выставляетъ въ отверстіе доски конецъ дула винтовки и лежа выцѣливаетъ звѣря. И такой осторожный подходъ далеко не всегда бываетъ удаченъ.

При другомъ способѣ охоты дикарей преслѣдуютъ на хорошо выѣзжанныхъ и быстрыхъ на бѣгу домашнихъ оленяхъ. Охотникъ подъѣзжаетъ къ звѣрямъ, пока они не тронутся, и затѣмъ пускаетъ своихъ бѣгуновъ во весь опоръ, держа нѣсколько въ сторону и какъ-бы заскакивая уходящихъ звѣрей. Послѣдніе, замѣтивъ маневръ, поворачиваютъ наискось въ другую сторону, но и охотникъ соотвѣтственно мѣняетъ направленіе. Растерявшіеся звѣри иногда начинаютъ метаться, дѣлая крутые повороты и уходя по ломанной линіи съ малыми углами, между тѣмъ какъ преслѣдователь двигается по сильно вытянутой ломанной линіи и такимъ образомъ выигрываетъ разстояніе. Онъ долженъ затѣмъ поймать наиболѣе выгодный моментъ, сразу остановить ѣздовыхъ оленей и, соскочивъ съ нарты, стрѣлять. Часто олени не даютъ догнать себя и уходятъ прямикомъ. За Енисеемъ, по словамъ Миддендорфа, самоѣды нагоняютъ иногда оленей на стрѣлковъ, ставя по снѣгу два длинныхъ сходящихся ряда колпышковъ съ привязанными къ нимъ крыльями птицъ, играющими роль флачковъ, между которыми гонятъ звѣрей.

Дикіе олени у самоѣдовъ пользуются также особымъ почитаніемъ. Шкурами ихъ, почти бѣлыми въ тундрѣ зимою, покрываютъ „шайтанскія“ нарты, на которыхъ возятъ домашнихъ идоловъ. Черепа съ вѣтвистыми рогами кладутъ на жертвенныхъ мѣстахъ, гдѣ они часто лежатъ большими грудами, накопившись за много лѣтъ.

Перечисленными звѣрями не исчерпывается еще фауна млекопитающихъ тундры. Маленькая хищная ласка распространена до самаго побережья океана вмѣстѣ съ горностаемъ. Заяцъ бѣлякъ во многихъ мѣстностяхъ встрѣчается въ большомъ числѣ. Маленькія полевки и землеройки копаютъ свои норки подъ моховымъ покровомъ тундры и корнями кустарниковъ и въ глинистыхъ обрывахъ холмовъ и овраговъ. Но самые интересные и характерные для тундры мелкіе звѣрки — это лемминги или пеструшки. Ихъ нѣсколько породъ. Такъ называемая копытная мышь или пеструшка, имѣющая чрезвычайно широкіе и длинные когти и бѣлѣющій зимою мѣхъ, живетъ на полярныхъ островахъ и въ сѣверныхъ областяхъ тундръ Азіи и восточной Россіи. Обскій леммингъ распространенъ и въ болѣе южныхъ частяхъ тундры и въ криволѣсьѣ. Этотъ послѣдній, такъ же какъ западные лапландскіе лемминги (здѣсь живетъ еще двѣ породы этихъ звѣрковъ), иногда размножается въ отдѣльныхъ областяхъ тундры въ громадныхъ количествахъ и переходитъ съ мѣста на мѣсто громадными стадами. Площадь тундры, обильно населенную пеструшками, можно узнать сразу: почва кругомъ вся источена ихъ норами. Довольно крупныя, пёстрыя, безхвостыя мыши шныряютъ подъ ногами, то исчезая во мху и норахъ, то показываясь на секунды на поверхности земли. Въ населенномъ массой пеструшекъ районѣ тундры обыкновенно держатся въ большомъ числѣ питающіяся ими птицы — хищные поморники, бѣлыя совы, тундровые канюки и. т. д. Въ періодъ размноженія, когда первыя большія проталины во второй половинѣ мая обнажатся, наконецъ, изъ подъ снѣгу, маленькіе грызуны эти находятся въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Когда идешь по проталинѣ, пеструшки-самцы съ своеобразнымъ, похожимъ на стрекотанье или отрывистый лай крикомъ выскакиваютъ со всѣхъ сторонъ изъ норъ и смѣло нападаютъ

— нельзя сказать на человѣка, — но по крайней мѣрѣ на его сапоги. Очень смѣшно видѣть крошечнаго звѣрка, останавливающагося противъ человѣка въ характерной позѣ, готоваго къ защитѣ или нападенію, яростно стрекочущаго и прыгающаго на ноги. Еще смѣшнѣе наблюдать, какъ собаки иногда смущаются и уступаютъ дорогу мыши при такихъ нападеніяхъ. Конечно, это случается не часто. Идя съ людьми райономъ, населеннымъ массами пеструшекъ, собаки сначала ловятъ и ѣдятъ звѣрковъ цѣликомъ, потомъ начинаютъ отъѣдать у нихъ только головы, наконецъ, отъѣвшись, совершенно перестаютъ обращать на нихъ вниманіе и прикусываютъ только наиболѣе назойливыхъ. У гнѣздъ хищныхъ птицъ, на холмахъ, гдѣ на привычныхъ мѣстахъ любятъ, осматривая окрестности, отдыхать бѣлыя совы или канюки, лежатъ обыкновенно цѣлыя кучи пеструшекъ, наловленныхъ въ запасъ и еще не съѣденныхъ.

Много верстъ и много дней можно итти тундрой и видѣть кругомъ по прежнему шныряющихъ, стрекочущихъ и дерущихся между собою лемминговъ. Потомъ почти сразу окончится ихъ царство. На громадномъ протяженіи дальнѣйшаго пути пеструшки вовсе не будутъ попадаться на глаза; развѣ рѣдко-рѣдко гдѣ-нибудь проммыгнетъ подъ ногами пестрый звѣрокъ и исчезнетъ въ норкѣ.

Въ открытой тундрѣ съ обширнымъ горизонтомъ и отсутствіемъ высокихъ зарослей не часто увидишь крупнаго звѣря. На далекомъ сѣверѣ Ямала или Таймыра, случается, конечно, увидѣть стадо пасущихся оленей, иногда даже очень многочисленное, разсмотрѣть вдали осторожно прокрадывающагося волка или играющихъ у норы песцовъ. Но чаще сторожкіе звѣри раньше почуютъ или увидятъ издали человѣка и уступятъ ему дорогу. Совсѣмъ другое дѣло съ птицами. Хлопотливая жизнь ихъ, вся на виду, окружаетъ путешественника, развлекая его безпрерывно своимъ движеніемъ и гомономъ.

Нѣсколько крупныхъ хищниковъ гнѣздится и охотится лѣтомъ въ тундрѣ. Немногіе виды мелкихъ пѣвчихъ птицъ распространены частью въ сѣверной обнаженной области тундры, частью южнѣе — въ ивовыхъ заросляхъ и криволѣсьѣ.

Это снѣжная и лапландская пуночки или подорожники, жители крайняго сѣвера, которые, покидая осенью свои суровыя гнѣздовыя области, зимой появляются и у насъ въ средней Россіи; рогатый жаворонокъ; бѣлая и желтоголовая трясогузки, щеврицы, чеканы и южнѣе распространенные виды славокъ и дроздовъ. Двѣ породы куропатокъ мѣстами во множествѣ гнѣздятся въ тундрѣ. Но всего богаче, разнообразнѣе и голосистѣе фауна водяныхъ и болотныхъ птицъ, населяющихъ озера тундры и въ особенности воды богатыхъ растительностью рѣчныхъ долинъ.

Изъ хищныхъ птицъ настоящіе жители тундры—крупная бѣлая съ мелкими темными пятнами полярная сова и сѣверный канюкъ, очень похожій на нашего обыкновеннаго лѣсного сарыча. Сову, старые самцы которой бываютъ снѣжно-бѣлаго цвѣта, видно лѣтомъ издалека. Точно бѣлые камни или комья снѣгу, сидятъ эти пушистыя красивыя птицы на холмикахъ или обрывахъ тундры, поднимающихся надъ рѣчными долинами и лайдами озеръ. На возвышенныхъ мѣстахъ и склонахъ, какъ и другіе хищники, кладутъ они, не дѣлая почти никакого гнѣзда, яйца и выводятъ своихъ бѣлыхъ пушистыхъ птенцовъ, которымъ въ пищу таскаютъ лемминговъ и птицъ. Живущая въ гнѣздовой періодъ въ свѣтѣ немеркнущаго дня, бѣлая сова хорошо видитъ при свѣтѣ и очень сторожка, подлетая близко къ человѣку и даже бросаясь на него сверху и и почти задѣвая его только около гнѣзда. Большую часть времени совы проводятъ въ неподвижности, въ противоположность канюку, который часто по цѣлымъ часамъ носится высоко въ воздухѣ, издавая своеобразный, далеко слышный крикъ. Канюки строятъ грубыя гнѣзда изъ прутьевъ тальника, помѣщая ихъ на глинистыхъ обрывахъ и вершинахъ холмовъ и выводя 4—5 птенцовъ.

И самыхъ сѣверныхъ областей тундры, лишенныхъ не только криволѣсья, но и замѣтно поднимающихся отъ земли ивовыхъ кустарниковъ, не избѣгаютъ и другія, широко въ общемъ распространенныя хищныя птицы: кречетъ, странствующій соколъ, бѣлохвостый орланъ и обыкновенная болотная сова, которую приходится встрѣчать еще подъ 70-мъ градусомъ. Сокола преслѣдуютъ главнымъ образомъ птицъ, въ особенности

куропатокъ, перьями которыхъ усѣяна почва вокругъ мѣстъ ихъ гнѣздовья.

Хищники появляются на сѣверѣ рано—въ апрѣлѣ и началѣ мая, когда воды скованы льдомъ, и глубокая зима съ морозами и снѣжными бурями царитъ еще въ тундрѣ. Такъ же рано прилетаютъ въ тундру и откочевывающія на зиму къ югу куропатки.

Изъ двухъ породъ этихъ послѣднихъ меньшая по размѣрамъ тундровая куропатка гнѣздится по обнаженнымъ, иногда почти совершенно лишеннымъ растительности песчанымъ площадямъ тундры, по каменистымъ розсыпямъ и горнымъ хребтамъ. Бѣлая куропатка, широко распространенная и въ лѣсахъ сѣверной Россіи и Сибири, любитъ заросли березовой стланки и чащи ивовыхъ кустарниковъ. Зимой и весной куропатки имѣютъ бѣлое опереніе, лѣтомъ надѣваютъ красивый пестрый нарядъ, причемъ бѣлыми остаются только большія перья крыльевъ. Съ ранней весны, когда приблизится періодъ тока, въ теплыя утра въ снѣжной тундрѣ со всѣхъ сторонъ слышны крики куропатокъ-пѣтушковъ. На снѣгу стада птицъ — особенно въ пасмурный день — не увидишь издалека, особенно если онѣ неподвижно лежатъ на снѣгу. Нарту, запряженную оленями, птицы эти обыкновенно подпускаютъ на выстрѣлъ, и уже съ апрѣля мѣсяца въ тундрѣ удается лакомиться свѣжимъ вкуснымъ мясомъ. Въ маѣ — а нѣкоторыя птицы и ранѣе — бѣлыя куропатки начинаютъ перелинивать и постепенно надѣвать свой лѣтній нарядъ. Но у самки линька безостановочно идетъ до конца, у самца же дѣлаются коричневыми только шея и голова, тѣло же еще и до средины іюня, въ теченіе насиживанія яицъ самкой, остается снѣжно-бѣлымъ. При этомъ токующіе — громко кричащіе и дерущіеся между собою — пѣтушки благодаря своему наряду рѣзко видны и на буро-зеленой поверхности весенней тундры, и на уцѣлѣвшихъ пятнахъ и забояхъ снѣга. Съ задорнымъ крикомъ взлетаютъ они кверху изъ ивовыхъ зарослей и косо падаютъ снова книзу, не шевеля крыльями. Весенній пейзажъ въ тундрѣ кажется точно не полнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не видишь красивыхъ взлетающихъ на воздухъ и сидящихъ на открытыхъ площадяхъ пѣ-

тушковъ куропатокъ. Позже они перелинивають окончательно и держатся болѣе скрытно съ выводками.

Царь водяныхъ птицъ въ тундрѣ — по величинѣ, красотѣ и силѣ — лебедь. Здѣсь встрѣчается чаще всего такъ называемый малый лебедь или лебедь Бевика. Самый маленькій изъ всѣхъ трехъ европейскихъ видовъ лебедей, онъ имѣетъ, однако, достаточно внушительные размѣры, а пролетая недалеко во время тумана, когда глазъ не опредѣляетъ правильно разстояній, и случаются довольно курьезные и странные обманы зрѣнія, кажется фантастически-громадной птицей. Далеко видные на свинцовой глади озеръ, сторожкіе лебеди водятъ обыкновенно лебедятъ на большихъ водоемахъ, и при приближеніи человѣка, пѣшаго или въ лодкѣ, торопливо уходятъ прочь къ зарослямъ, а въ крайнемъ случаѣ на сушу и затѣмъ въ сосѣднія озера.

Но лебеди въ тундрѣ не особенно многочисленны. Отдѣльныя пары ихъ встрѣчаешь то тутъ, то тамъ въ гнѣздовой періодъ на озерахъ тундры и большихъ рѣчныхъ долинъ. Позже, въ разгарѣ лѣта, случится изрѣдка увидать на большомъ водоемѣ 2—3 десятка линяющихъ птицъ. Породы гусей держатся на водахъ тундры въ несравненно большемъ количествѣ особей. Въ различныхъ областяхъ тундры Европы и Азіи распространены близкія по признакамъ разновидности гусей гуменниковъ; многочисленны также бѣлолобыя казарки, черныя казарки. гнѣздящіяся въ отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ частяхъ тундръ, и красивыя своимъ пёстрымъ опереніемъ красныя казарки, которыя водятся въ тундрахъ, лежащихъ близъ Обской и Енисейской губы. Крупный бѣлый гусь, опереніемъ похожій на лебедя, гнѣздится въ восточной Сибири за Леной, а красивый полосатый бѣлошей только въ басейнѣ Анадыри.

Первые гуси появляются рано въ тундрѣ. Одиночныхъ птицъ приходится иногда видѣть въ такую раннюю весну, когда нѣтъ проталинъ, и на льду рѣкъ и озеръ не показывалась еще вода. Вѣроятно, это передовыя птицы, которыя, быть можетъ, временно отлетаютъ обратно, къ югу. Когда замѣтнѣе станутъ признаки весны, появляются первыя стада птицъ, которыя

останавливаются кормиться на проталинахъ и постепенно разсыпаются по тундрѣ, занимая привычныя гнѣздовыя мѣста. Съ прилета гуси почти никогда не садятся на воду и начинаютъ плавать по озерамъ уже позже съ вышедшими изъ яицъ птенцами или во время линьки. Гуси-гуменники, какъ и казарки, выбираютъ мѣсто для гнѣзда на сушѣ, обыкновенно близко къ краю озера, рѣже на тундрѣ, чаще въ рѣчной долинѣ. Самка усердно сидитъ на яйцахъ, помѣщенныхъ въ выстланной травой и пухомъ ямкѣ, а самецъ лежитъ на землѣ рядомъ съ ней. Они отходятъ отъ гнѣзда только для поисковъ пищи. При приближеніи человѣка птицы затаиваются такъ, что ихъ трудно замѣтить на поверхности земли среди кочекъ и кустиковъ ивы, и подпускаютъ на 10—15 шаговъ, разомъ взлетая затѣмъ на воздухъ. Съ птенцами они сторожки и стараются скрыться въ заросляхъ озеръ, кустахъ и осокѣ, причемъ при упорномъ преслѣдованіи охотно выходятъ на берегъ и пробираются скрытно по землѣ въ сосѣдніе водоемы. Молодые самцы и самки, почему-нибудь не гнѣздящіеся, собираются въ періодъ высиживанія и вывода птенцовъ большими стаями на глухія озера тундры, гдѣ происходитъ линяніе. Вслѣдствіе быстрой потери маховыхъ перьевъ линяющіе гуси и казарки, какъ и многія другія водяныя птицы, теряютъ на время способность летать. Въ это время за гусями усердно охотятся повсюду въ тундрѣ, такъ какъ при удачѣ можно добыть сразу много птицъ.

Представившійся случай къ такой охотѣ, похожей скорѣе на бойню, но обѣщающей всегда запасы мяса и гусинаго жира, сразу поднимаетъ на ноги лѣнивыхъ кочевниковъ тундры. Вторую, третью, четвертую недѣлю послѣ весенней стоянки идете вы цѣлымъ таборомъ, со многими людьми, обозами груженыхъ нартъ и стадомъ запасныхъ оленей по однообразной тундрѣ. Низкія моховыя равнины смѣняются пространствами уходящихъ въ безконечную даль, бѣдныхъ растительностью холмовъ, между которыми — вдали и вблизи — синѣютъ озера; за холмами опять равнины, полосы зеленыхъ болотъ, заросшихъ тальникомъ и осокой, сквозь которыя пробираешься часами по колѣна въ водѣ. Переправы черезъ рѣки, охоты, рыбныя ловли и мелкіе эпизоды кочевой

жизни разнообразятъ путь. Наступило уже полное лѣто. Высоко поднялись травяныя заросли по краямъ озеръ; меньше водяныхъ птицъ, ходящихъ съ выводками, видно на открытой водѣ; прекратился крикъ куропатокъ. Только темные поморники и бѣлыя чайки носятся надъ тундрой и рѣчными долинами, да гагары по утрамъ и вечерамъ воютъ на озерахъ по прежнему.

Давно уже поговариваютъ самоѣды, что пора бы встрѣтить линныхъ гусей. Запасы рыбьяго жира на исходѣ, а безъ жира самоѣдамъ и жизнь не въ жизнь. Гусиный же жиръ не уступитъ рыбьему. И наконецъ долго жданный день настаетъ.

Далеко растянулся караванъ по возвышенной холмистой тундрѣ. За пологимъ уваломъ низкая лайда съ блестящими озерами, за лайдой снова цѣпи холмовъ. Извилисто вьется путь лощинами отъ озера къ озеру. Туманной хмарой затянута даль. Снова озеро впереди; крутой холмъ оборвался въ него съ одной стороны, съ другой болотистая лайда потянулась дальше между холмами, вѣрно въ сторону сосѣднихъ озеръ. Озеро такое же, какъ и всѣ другія кругомъ въ тундрѣ, и размѣрами невелико. Но когда ушедшіе далеко впередъ передовые анасы[1]) приближаются къ берегу, происходитъ остановка и поспѣшная суета. Видно, какъ самоѣды отстегиваютъ заводныя нарты анасовъ, слышны крики, поощряющіе къ усиленной дѣятельности оленей и собакъ. Вонъ уже понесся впередъ вдоль озера во всю прыть упряжки Худи; хромой Яптикъ съ неистовымъ крикомъ, безпрерывно толкая шестомъ оленей, поскакалъ въ объѣздъ къ противоположному берегу; маленькія бѣлыя лохматыя собаченки, какъ клубки шерсти, покатились по зеленымъ склонамъ холма: онѣ тоже хорошо знаютъ, что нужно дѣлать.

А вонъ и причина тревоги. Большое стадо гусей скопилось у противоположнаго берега. Переднія птицы уже вышли на берегъ и во всѣ ноги бѣгутъ по лощинѣ, стараясь уйти въ сосѣдній большой водоемъ, гдѣ ихъ не взять. Нужно поспѣшно „заскакать“ озеро, окружить его людьми и собаками

---

[1]) Отдѣленія обоза изъ нѣсколькихъ нартъ, идущихъ одна за другой, причемъ каждая пара оленей привязана къ нартѣ, находящейся впереди, а на самой передней (заводной) сидитъ человѣкъ, управляющій анасомъ.

и отрѣзать гусямъ всѣ пути къ спасенію. И это сдѣлано. Часть гусей успѣла убѣжать, но добрая сотня еще осталась на озерѣ или согнана съ берега обратно въ воду. Теперь уже весь караванъ стянулся къ мѣсту охоты. Со всѣхъ сторонъ на берегахъ озера скрытно сидятъ люди съ оленьими шестами или палками въ рукахъ и держатъ собакъ. Мигомъ спущены на воду легкіе долбленые челноки и стрѣлой понеслись въ погоню. Одинъ гусь за другимъ падаютъ подъ выстрѣлами и ударами веселъ. Многіе пытаются спастись ныряньемъ, но ныряютъ гуси довольно плохо. Нѣкоторые снова выходятъ на берегъ. Они выползаютъ осторожно по травѣ и кустамъ ёры и затаиваются на берегу. Но караульные и собаки зорки, и немногія птицы спасутся. То тутъ то тамъ мелькаютъ шесты, и люди преслѣдуютъ хлопающихъ безполезными крыльями и убѣгающихъ по землѣ птицъ. Крупный гусь бросается съ крутого обрыва обратно въ озеро и тащитъ за собой лохматую собаченку, которая, схвативъ его за хвостъ, трясетъ яростно головой, упирается ногами, но — сама немногимъ сильнѣе гуся — катится съ нимъ вмѣстѣ въ воду. . . Черезъ часъ бойня окончена: довольные самоѣды считаютъ груду добычи.

Многія породы утокъ живутъ въ тундрѣ. Изъ нихъ наиболѣе многочисленна на сѣверѣ такъ называемая морянка или, по сибирски, авлейка, — небольшая темная нырковая утка, звонкіе и очень мелодичные крики которой оживляютъ воды озеръ и рѣкъ. Морянка довольно близко подпускаетъ человѣка, надѣясь на свою замѣчательную способность нырять. Искусство это часто спасаетъ ее отъ пущеннаго заряда дроби; преслѣдовать линныхъ авлеекъ на водѣ большого озера даже въ самомъ легкомъ и быстромъ челнокѣ — напрасное занятіе: онѣ ныряютъ, постоянно мѣняя направленіе, и легко уходятъ отъ лодки. Гаги, которыя въ числѣ нѣсколькихъ видовъ распространены на Ледовитомъ океанѣ и которыя по образу жизни — морскія птицы, гнѣздятся кромѣ побережья материка и полярныхъ острововъ также и глубоко въ тундрѣ. Въ началѣ весны держатся онѣ громадными стаями у берегового льда. Когда вскроются воды тундры, великолѣпно окрашенные самцы этихъ птицъ появляются вмѣстѣ съ самками на водахъ большихъ рѣчныхъ долинъ. Позже самцы снова ухо-

дять въ море, а самки несутъ и высиживаютъ яйца въ болотистыхъ мѣстахъ лайдъ, Птицы эти — въ особенности западная или нормандская гага — даютъ знаменитый гагачій пухъ, которымъ обильно устланы ихъ гнѣзда. Онѣ не улетаютъ осенью на югъ, а уходятъ зимовать на полыньи и въ незамерзающія части Ледовитаго, Атлантическаго и Тихаго океановъ. Наша обыкновенная утка-шилохвостка въ западносибирскихъ тундрахъ также распространена къ сѣверу дальше 70-го градуса. Многія другія породы утокъ — чирки, широконоски, гоголя — держатся ближе къ границамъ криволѣсья.

Характерны для пейзажа открытыхъ водъ тундры также остроклювыя, крупныя гагары. Наиболѣе многочисленны два вида ихъ — черношейка и красношейка. Опереніе этихъ птицъ очень плотно и прилегаетъ тѣсно къ тѣлу, какъ чешуя; шкура толста, и подъ ней лежитъ слой сала. Короткія крылья позволяютъ имъ только съ трудомъ и шумомъ подниматься съ воды, съ которой онѣ почти никогда не разстаются. Громкіе крики ихъ, вой и хохотъ далеко разносятся надъ озерами въ ясныя „ночи", когда незаходящее солнце не грѣетъ, но свѣтитъ ярко съ сѣвернаго горизонта.

Хлопотливую дѣятельность и шумъ постояннаго раздора въ жизнь птицъ тундры вносятъ поморники, птицы изъ группы чаекъ, отличающіяся хищностью и задорнымъ нравомъ. Три породы этихъ птицъ, болѣе или менѣе темныхъ по окраскѣ, съ длинными крыльями и остроконечными хвостами, гнѣздятся въ тундрѣ. Они держатся безразлично и въ рѣчныхъ долинахъ, и у озеръ высокой тундры, и отъ своего гнѣзда въ видѣ простой ямки на землѣ съ 1—2 яйцами производятъ во всѣ стороны разбойничьи набѣги. Самый крупный и сильный, т. н. большой поморникъ главнымъ образомъ ловитъ пеструшекъ, когда ихъ много. Но онъ воруетъ также яйца всѣхъ другихъ птицъ, птенцовъ, преслѣдуетъ почему-нибудь ослабѣвшихъ птицъ и отбиваетъ добычу у чаекъ. Этотъ воръ вѣчно ввязывается въ ссоры со всѣми встрѣчными. Сейчасъ съ неистовымъ крикомъ дрался онъ съ бѣлой совой, гнѣздящейся на сосѣднемъ холмѣ; черезъ минуту преслѣдуетъ въ воздухѣ пролетѣвшаго въ сторонѣ канюка. На подошедшаго близко къ его гнѣзду песца

бросается онъ съ отчаяннымъ мужествомъ. При приближеніи человѣка самка осторожно сходитъ съ гнѣзда, отползаетъ скрытно въ сторону, потомъ взлетаетъ, падаетъ на землю и бьется, прикидываясь больной или раненой и стараясь привлечь къ себѣ вниманіе человѣка или собаки. Самецъ продѣлываетъ то же самое. Если это не помогаетъ, и врагъ все же приближается къ гнѣзду, птицы начинаютъ нападать на него, бросаясь сверху и почти задѣвая человѣка. Подстрѣленный куликъ часто попадаетъ въ лапы поморнику раньше, чѣмъ охотникъ поспѣетъ отбить его у вора. Двѣ другія породы этихъ птицъ меньше ростомъ, но не менѣе отважны и хищны. Русскіе жители бѣломорскаго побережья называютъ поморниковъ характернымъ именемъ „ѳомка-разбойникъ."

Красивыя бѣлыя, иногда дымчато-голубыя, иногда почти черныя сверху чайки носятся своимъ плавнымъ полетомъ надъ озерами и гнѣздятся на нихъ цѣлыми колоніями. Очень крупная полярная чайка, иначе бургомистръ, не разстается съ побережьемъ океана. Но нѣкоторыя другія породы чаекъ и маленькія узкокрылья крачки или морскія ласточки обыкновенны въ рѣчныхъ долинахъ и на озерахъ тундры. Охотно чайки собираются во множествѣ къ устьямъ большихъ рѣкъ, напр. Оби и Енисея, гдѣ имѣютъ готовую обильную пищу въ видѣ рыбныхъ отбросовъ около рыбопромышленныхъ заведеній. Многія породы куликовъ отъ крупныхъ кривоклювыхъ кроншнеповъ до крошечныхъ песочниковъ, зуйковъ и плавунчиковъ населяютъ лѣтомъ арктическую степь. Плавунчики съ помощью своихъ ногъ, снабженыхъ кожистыми оторочками на пальцахъ, плаваютъ по водѣ, точно миніатюрныя уточки. Они очень оригинально ведутъ себя въ періодъ вывода дѣтей. Самки, отложивши яйца, немедленно покидаютъ ихъ и начинаютъ, собравшись въ стаи, кочевать по водамъ тундры; самцы же высиживаютъ яйца и берутъ на себя и дальнѣйшія заботы о потомствѣ. Красивыя ржанки, которыхъ тоже нѣсколько породъ, гнѣздятся не только въ тѣсной близости отъ текучихъ и стоячихъ водъ, но часто и на сухой тундрѣ, — на площадяхъ, покрытыхъ мхомъ и ягодниками, и на бѣдныхъ растительностью, сухихъ холмистыхъ пространствахъ. Съ мелодичнымъ свистомъ поднимаются они то и

дѣло впереди идущаго по тундрѣ человѣка, иногда стараясь, какъ и поморники, отвлечь его въ сторону отъ гнѣзда.

День и ночь, которую въ пасмурную погоду, когда не видно солнца, на далекомъ сѣверѣ лѣтомъ нельзя отличить отъ дня, кипитъ въ тундрѣ хлопотливая жизнь множества птицъ, и звуки этой жизни доносятся со всѣхъ сторонъ, какъ-то странно гармонируя съ просторомъ безлюдной тундры. Короткая, но мелодичная пѣсенка подорожниковъ одна напоминаетъ нѣсколько звуки лѣса и полей другихъ, лежащихъ далеко на югѣ странъ.

Главная масса птицъ держится съ прилета и гнѣздится на лайдахъ рѣчныхъ долинъ. Здѣсь живетъ большинство водяныхъ и болотныхъ птицъ, и на обрывахъ тундры, ограничивающихъ рѣчныя долины, въ разсчетѣ на болѣе обильную добычу, гнѣздятся обыкновенно и хищники. Низкая моховая и холмистая высокая тундра бѣднѣе жизнью. Въ меньшемъ числѣ видны на озерахъ ея различныя водяныя птицы; а по сушѣ можно пройти иногда много часовъ и много верстъ, встрѣчая только альпійскихъ жаворонковъ и лапландскихъ подорожниковъ, слыша красивый свистъ гнѣздящихся ржанокъ, да поднимая изрѣдка выводокъ куропатокъ или пару темныхъ поморниковъ.

Богатыя растительностью, южныя области тундры обильнѣе птицами, чѣмъ дѣлающіяся все болѣе и болѣе безплодными пространства крайняго сѣвера. Къ сѣверу отъ 70-го градуса бѣднѣе дѣлается фауна птицъ. Только часть породъ, встрѣчающихся на пространствѣ тундръ, не избѣгаютъ и крайняго сѣвернаго побережья Азіатскаго материка, а есть и такія, которыя въ отдаленнѣйшихъ областяхъ сѣвера и на далекихъ полярныхъ островахъ океана живутъ преимущественно или даже исключительно. Извѣстны птицы, гнѣздовья которыхъ еще не найдены путешественниками: слишкомъ еще мало изучена громадная территорія сѣверныхъ пустынь, такъ что зоологи имѣютъ тамъ богатое поле для наблюденій и открытій. Красивая розовая чайка или чайка Росса, давно уже описанная и названная птица, встрѣчается лѣтомъ и осенью въ различныхъ областяхъ побережья восточной Сибири и въ полярномъ океанѣ. Думали, что она гнѣздится далеко на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Недавно только русскому путе-

шественнику С. А. Бутурлину удалось видѣть гнѣздовыя колоніи этой рѣдкой птицы въ сибирской тундрѣ въ дельтѣ рѣки Колымы.

Пресмыкающіяся и земноводныя животныя не живутъ вовсе въ тундрѣ. Только вблизи полярнаго круга, на границахъ криволѣсья или немногимъ сѣвернѣе, встрѣчаются въ Европейской Россіи и Западной Сибири наша обыкновенная живородящая ящерица и коричневая травяная лягушка. Но рыбой воды сѣвера богаты. Здѣсь найдено не очень много видовъ рыбъ, но зато нѣкоторыя породы встрѣчаются въ громадныхъ массахъ. Превосходныя на вкусъ лососевыя рыбы — щокуръ, пыжьянъ, сельга, таймень и многіе другіе сиги — живутъ въ озерахъ тундры и стадами входятъ изъ океана въ началѣ лѣта въ рѣки для метанья икры. Крупные осетры въ большомъ количествѣ ловятся въ низовьяхъ Оби и Енисея. Плотва, налимы и щуки во множествѣ живутъ въ озерахъ тундры. Въ рѣки восточной Сибири, впадающія въ Ледовитый океанъ и Берингово море, рыба иногда входитъ въ такомъ количествѣ, что толщи воды кишатъ проходящими одинъ за другимъ табунами. Песцы и собаки ловятъ въ это время съ берега рыбу, а въ лѣсахъ ждутъ прихода ея медвѣди, также охотники до ловли. Животныя отъѣдаются въ это время, а люди запасаютъ рыбу для себя и собакъ на всю долгую зиму.

Въ тундрѣ лѣтомъ, имѣя сѣти и знающихъ мѣстныя условія людей, всегда можно разсчитывать прокормиться рыбой. Но и безъ сѣтей удается иногда раздобыть уху. Крупныя щуки въ ясную погоду любятъ стоять въ травѣ на солнцѣ у самыхъ береговъ озеръ. Идя осторожно по берегу, часто можно высмотрѣть неподвижно стоящую внушительную по размѣрамъ рыбу и убить ее на мѣстѣ выстрѣломъ изъ ружья.

Богаче, чѣмъ можно было-бы ожидать, фауна безпозвоночныхъ животныхъ въ тундрѣ. Различные рачки и моллюски живутъ въ водѣ озеръ, болотъ и лужъ, быстро прогрѣваемыхъ незаходящимъ солнцемъ. Довольно богатъ и разнообразенъ міръ насѣкомыхъ. Правда, насѣкомыя держатся здѣсь какъ-то гораздо болѣе скрытно, чѣмъ въ умѣренныхъ странахъ съ ихъ жаркимъ лѣтомъ. Мелкія тускло-

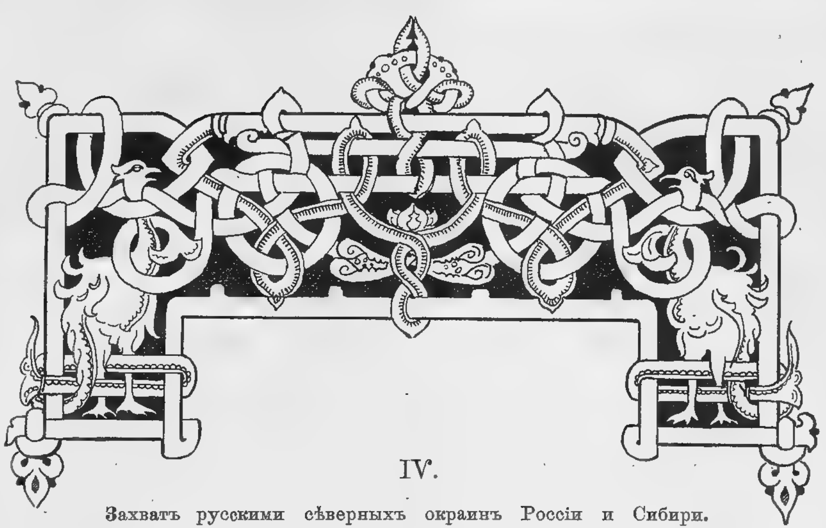
окрашенныя сѣверныя бабочки не носятся кругомъ по воздуху, а едва перепархиваютъ низомъ по луговинамъ. Чаще всего попадаются на глаза фриганиды и разнообразныя, иногда въ пестрые или блестяще-металлическіе цвѣта окрашенныя мухи, да разноцвѣтные мохнатые шмели гудятъ надъ цвѣтами.

Весной насѣкомыя появляются такъ же быстро и почти внезапно, какъ развертывается и зелень травъ и кустарниковъ. Едва пригрѣло солнце въ первый ясный, тихій и теплый, настоящій весенній день; едва начали быстро расширяться проталины, и прибывающая вода рѣчки потоплять лайду, — а уже, наклонившись къ землѣ, замѣтишь среди сухой бурой растительности, кое-гдѣ только просвѣчивающей первой зеленью, проворно бѣгущаго жука или усѣвшуюся на стеблѣ муху. Всего богаче обыкновенно фауна насѣкомыхъ по краямъ рѣчныхъ долинъ, на пологихъ обращенныхъ къ югу склонахъ, гдѣ на сухой, болѣе рыхлой и плодородной почвѣ, намытой бѣгущими по склонамъ дождевыми и весенними водами, пышно разрастаются высокіе злаки, и яркіе цвѣты отливаютъ разными красками среди густой травы.

Послѣ нѣсколькихъ настоящихъ лѣтнихъ дней, когда начнетъ подниматься травяная растительность, и согрѣется вода болотъ, появляются и комары, эта гроза всего живого въ тундрѣ. У самаго побережья океана и въ протянувшихся далеко на сѣверъ — за 73—74 градусы — областяхъ тундры они уже не опасны ни для людей, ни для оленей. Но южнѣе 70-го градуса, въ тихіе и теплые лѣтніе дни, красота которыхъ отравляется только этимъ бичемъ тундры, мученія и неудобства въ пути, причиняемыя комарами, тяжелы и разнообразны. Чрезвычайно труденъ дѣлается надзоръ за оленями, которые пытаются спастись отъ комаровъ, убѣгая противъ вѣтра, и могутъ убѣжать совсѣмъ за десятки и сотни верстъ, оставя и кочевниковъ и случайнаго путешественника въ критическомъ положеніи. Люди же тѣмъ болѣе не имѣютъ покоя ни днемъ ни ночью. Комары тучей поднимаются съ болотъ и съ сухого мохового покрова тундры и окружаютъ человѣка точно пологомъ, который колышится и звенитъ раздражающимъ тягучимъ жужжаньемъ. Мало спасаютъ и перчатки на рукахъ и сѣтка, спущенная на лицо. Въ малѣйшее

отверстіе, через которое можно добраться до тѣла, забираются жадные кровопійцы. Быстро распухаютъ руки и шея, къ которой вѣтерокъ изрѣдка прижимаетъ легкую сѣтку. Приходится закутывать голову, оставляя наружу только среднюю часть лица. Верхнее платье густо усажено комарами, ползающими и щупающими своими хоботами, нельзя ли и тутъ поживиться. Сплошь покрыта прицѣльная планка ружья, буссоль, стекла угломѣрнаго инструмента. Отовсюду нужно сгонять комаровъ. А какъ приготовить и съѣсть неизмѣнную и привычную всѣмъ участникамъ пути порцію гусинаго супа и выпить чайникъ кирпичнаго чая? Безчисленное количество комаровъ погибаетъ въ горячемъ пару и сыплется въ котелъ и кружки въ видѣ даровой, но нежелательной приправы. Окончательно потерявъ способность и охоту бороться, путникъ махаетъ рукой и привыкаетъ смотрѣть на плавающихъ въ супѣ насѣкомыхъ, какъ на сельдерей или укропъ.

Ночью нужно закутаться съ головой, чтобы заснуть. Но за многіе мѣсяцы привыкнувъ къ свѣжему воздуху, трудно спать даже въ комнатѣ, не только съ закрытымъ лицомъ. Ѣдкій дымъ костра, на который положенъ торфъ, спасаетъ только, пока сидишь въ самомъ дыму, а долго дышать дымомъ торфа невозможно. Послѣ тяжелаго и прерывистаго ночного полусна начинаются съ утра прежнія мученія. И поневолѣ путешественникъ съ радостью и надеждой видитъ, какъ горизонтъ со стороны океана начинаетъ заволакиваться туманомъ, и слова „нынче хорошая погода“ говоритъ о тѣхъ дняхъ, когда дуетъ рѣжущій сѣверный вѣтеръ, небо смотритъ октябремъ, и комары до времени стихаютъ, опускаясь на землю и пропадая, — какъ будто ихъ и не было.



IV.

Захватъ русскими сѣверныхъ окраинъ Россіи и Сибири. Русское населеніе Мурмана, Поморья и низовой Печоры. Осѣдлые пункты крайняго Сѣвера Сибири. Русскія селенія на нижней Колымѣ.

Человѣкъ приспособляется къ жизни почти во всѣхъ широтахъ. Холодна и непривѣтлива тундра, сильны ея снѣжныя метели, и длинна зимняя ночь. Только лѣтомъ держатся въ ней въ большомъ количествѣ птицы и звѣри, и только въ короткій періодъ, пока воды свободны отъ льда, человѣку легко добыть рыбу изъ рѣкъ и озеръ. Однако даже и отдаленныя области Сѣвера Сибири, ближайшія къ берегу Ледовитаго океана, имѣютъ и кочевое и осѣдлое населеніе.

Съ незапамятныхъ временъ тундры европейской Россіи и Сибири населены были финскими, монгольскими и палеазіатскими племенами. Одни изъ нихъ, повидимому, вытѣснены были къ сѣверу другими народами изъ болѣе южныхъ областей материка, другіе — напр. эскимосы, а быть можетъ и чукчи сѣверо-восточной Сибири, — вѣроятно, переправились въ Азію изъ Америки. Съ древнѣйшихъ временъ существовала торговля между жителями крайняго сѣвера Россіи и Западной Сибири и странами внутренней и южной Азіи. Проникавшіе во время захвата Сибирскихъ земель все далѣе и далѣе къ востоку отряды казаковъ и различныхъ искателей наживы, на низовьяхъ Оби, Енисея, Лены и далѣе къ востоку встрѣчали племена инородцевъ, которыя и теперь занимаютъ

тѣ же самыя территоріи. Только нѣкоторыя изъ этихъ племенъ очень сильно убавились въ числѣ, а иныя и вовсе исчезли. Многіе изъ инородцевъ оказали упорное сопротивленіе пришельцамъ, проникавшимъ въ ихъ области. Не разъ русскіе отряды были побиваемы въ столкновеніяхъ съ самоѣдами, коряками и чукчами. Теперь уже давно всѣ сѣверныя племена инородцевъ живутъ на мирномъ положеніи, и только смутныя преданія ихъ и сказки вспоминаютъ о тѣхъ временахъ, когда стрѣлы ихъ луковъ затмевали свѣтъ солнца, а богатыри ударомъ копья могли сразу пригвоздить къ землѣ троихъ враговъ.

Приокеанскія области Европейской Россіи на зарѣ развитія русскаго государства находились подъ властью предпріимчивыхъ и умѣлыхъ въ торговлѣ и колонизаціи новгородцевъ. Уже въ XI столѣтіи, а можетъ быть и много раньше, Великій Новгородъ собиралъ дань съ Печоры. Нѣсколько позже, судя по указаніямъ договорныхъ грамотъ, власть Новгорода простиралась на слѣдущія волости: Заволочье (земли по берегамъ Двины отъ Онеги до Мезени), Тре (Терскій берегъ, Лапландія), Пермь и Печора (область отъ Мезени до Урала). Упоминается въ числѣ волостей и Югорская земля (за Ураломъ), откуда, повидимому, въ древнѣйшія времена вывозилась дорогая пушнина къ Балтійскому морю. Уже съ начала XI вѣка извѣстны попытки новгородцевъ захватить и объясачить югру, а въ концѣ XII вѣка они получали изъ страны по нижней Оби дань, состоявшую изъ пушнины, моржовой кости, серебра и „узорочья", т. е. драгоцѣнныхъ украшеній, которыя приходили въ югру, вѣроятно, путемъ мѣновой торговли изъ средней и южной Азіи.

Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что новгородцы знали путь за Уралъ и моремъ, вдоль Карскаго побережья къ устью Оби. Во второй половинѣ XIV вѣка новгородскій отрядъ доходилъ до Обской губы съ юга, по Оби. Въ XV столѣтіи уже московскія войска ходили за Уралъ воевать югру и объясачили часть инородцевъ, жившихъ по Оби, а вскорѣ послѣ похода Ермака русскіе окончательно утвердились на крайнемъ Сѣверѣ Западной Сибири. Въ самомъ концѣ XVI столѣтія основанъ былъ Обдорскъ, а въ 1600 году на нижнемъ теченіи Таза острогъ Мангазея, названный такъ по имени

жившихъ вокругъ самоѣдовъ — молгомзеевъ. Лѣтъ черезъ 10 послѣ основанія Мангазеи русскіе проникли до устья Енисея. Въ теченіе XVII вѣка завоеваніе Сибири продолжалось и шло весьма быстро. Послѣдовательно отряды казаковъ и партіи промышленниковъ достигли низовьевъ Лены, Яны, Индигирки и Колымы. На Индигиркѣ русскіе охотники встрѣтились съ юкагирами, тогда еще многочисленнымъ и мужественнымъ племенемъ, упорно защищавшимъ свою территорію. Къ половинѣ XVII столѣтія русскіе достигли береговъ Тихаго океана. Въ 1648 году Семенъ Дежневъ, выйдя изъ Колымы, на которой уже въ 1644 году основано было казакомъ Стадухинымъ Нижне-Колымское зимовье, обогнулъ на суднѣ сѣверо-восточный уголъ Азіи, названный послѣ мысомъ Дежнева по его имени, прошелъ черезъ проливъ, теперь носящій названіе Берингова, и основалъ острогъ на Анадыри. Черезъ 2 года, въ 1650 году, казакъ Моторовъ проникъ до Анадыри сухимъ путемъ и встрѣтился тамъ съ Дежневымъ. На Анадыри русскіе столкнулись съ чукчами, съ которыми безпрерывная война русскихъ продолжалась до половины XVIII вѣка, и которые, однако, не были покорены силой оружія и объясачены. Въ концѣ XVII вѣка заложены остроги въ Камчаткѣ. Въ XVIII столѣтіи, вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, наступилъ періодъ научнаго изслѣдованія сѣверныхъ окраинъ Россіи, начавшійся путешествіемъ капитана Беринга для открытія и описи сѣверо-западныхъ береговъ Америки и работами нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ, описавшихъ въ періодъ такъ называемой Великой Сѣверной экспедиціи съ 1734 по 1742 годъ берега Ледовитаго океана отъ Бѣлаго моря до Берингова пролива. Проливъ этотъ названъ по имени коммандора Беринга, который открылъ сѣверо-западные берега Америки и послѣ крушенія своего судна умеръ на открытыхъ имъ же Командорскихъ островахъ. Изученіе сѣвернаго побережья и прилежащихъ областей тундры далеко не закончено еще и въ настоящее время.

Этотъ краткій очеркъ открытія и колонизаціи нашихъ сѣверныхъ окраинъ показываетъ, что приокеанскія области Европейской Россіи въ общемъ должны быть населены русскими со временъ болѣе древнихъ, чѣмъ сѣверныя окраины Сибири.

Новогородскія колоніи, повидимому, уже въ XI и XII вѣкахъ существовали по берегамъ Бѣлаго моря и впадающихъ въ него большихъ рѣкъ и на побережьѣ океана. Нѣкоторые знатные новгородцы имѣли обширныя вотчины на сѣверѣ. Извѣстно, что Мароа Борецкая надѣлила незадолго до того основанный Соловецкій монастырь нѣсколькими поселками и участками изъ принадлежавшихъ ей земель. Въ періодъ усиленія Москвы окончательно укрѣпилась въ краѣ русская народность. Во времена Іоанна Грознаго, послѣ англійской морской экспедиціи подъ начальствомъ сэра Гуго Виллоби въ Ледовитый океанъ для поисковъ сѣверо-восточнаго прохода въ Китай, одинъ изъ кораблей, которой попалъ въ устье Двины, начались торговыя сношенія Бѣлаго моря съ Европой. Петръ Великій, въ началѣ царствованія котораго Бѣлое море было единственнымъ доступнымъ морскимъ торговымъ путемъ для Россіи, обращалъ — въ особенности до основанія Петербурга — усиленное вниманіе на развитіе судостроенія и торговли въ Архангельскѣ. Въ настоящее время Бѣлое море соединено рельсовымъ путемъ съ центромъ Россіи, а срочные пароходные рейсы связываютъ Архангельскъ съ одной стороны съ берегами Мурмана и Норвегіей, съ другой—съ пунктами восточнаго побережья Архангельской губерніи до Югорскаго шара. Понятно, что съ культурной точки зрѣнія русское населеніе сѣверныхъ частей Архангельской губерніи находится въ несравненно болѣе удобныхъ условіяхъ, чѣмъ жители побережья Ледовитаго океана въ Сибири. Въ то же время климатъ западной части Ледовито-океанскаго побережья много мягче, чѣмъ на соотвѣтствующихъ широтахъ въ Сибири, такъ что даже на Кольскомъ полуостровѣ и около города Мезени существуетъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, земледѣліе.

На Мурманскомъ берегу постоянныя поселенія—колоніи— и временныя „становища“ промышленниковъ находятся по берегамъ глубокихъ губъ или бухтъ, гдѣ есть удобныя стоянки для судовъ. Для возможно широкой эксплоатаціи значительныхъ рыбныхъ богатствъ Мурманскаго моря и вообще для оживленія этого сѣвернаго, но незамерзающаго и всегда имѣющаго открытый путь въ океанъ берега правительство давно уже поощряетъ различными льготами переселеніе на Мурманъ.

Становище Рында на Мурманѣ.

Но и до сихъ поръ еще удобный въ промысловомъ отношеніи берегъ пустыненъ: на большомъ протяженіи его разбросано около 70 поселеній съ двумя тысячами съ небольшимъ колонистовъ, изъ которыхъ большинство—русскіе поморы, финны и лопари. Но на Мурманѣ и въ прилегающихъ къ нему частяхъ Лапландіи есть также норвежцы, зыряне, самоѣды и корелы (главная масса этого послѣдняго финскаго племени въ числѣ свыше 20.000 душъ живетъ въ Кемскомъ уѣздѣ). Кромѣ осѣдло живущихъ на Мурманѣ колонистовъ туда приходитъ ежегодно весною до 3000 промышленниковъ изъ Архангельскаго, Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ для лѣтняго промысла рыбы.

Къ востоку отъ Мурмана русское поморское населеніе занимаетъ Терскій, наиболѣе населенный Лѣтній (южный) и Зимній (сѣверо-восточный) берега Бѣлаго моря. Населеніе это въ общемъ довольно зажиточно, имѣя хорошіе заработки отъ морскихъ промысловъ, морской торговли и лѣсопильныхъ заводовъ. Но добрый запасъ лѣни и безпечности, пристрастіе къ водкѣ и слишкомъ медленный прогрессъ къ техникѣ морскихъ промысловъ и судостроенія въ значительной мѣрѣ тормозятъ экономическое и культурное развитіе сѣверянъ и дѣлаютъ для нихъ тяжелой и опасной конкуренцію сосѣднихъ норвежцевъ. По натурѣ поморы — хорошіе моряки, и часто на очень плохихъ судахъ отваживаются ходить въ довольно отдаленныя и опасныя плаванія. Но въ то же время они, напримѣръ, мало или вовсе незнакомы съ морскими картами. Море съ его часто не шуточными опасностями, привычка къ риску и необходимость товарищеской поддержки въ трудныя минуты наложили извѣстный симпатичный отпечатокъ на обликъ и характеръ прибрежныхъ жителей. При нѣкоторой безпечности и склонности къ фатализму, они мужественны, рѣшительны и быстры въ опасныя минуты и оживлены во время трудной работы. И мужчины и женщины обыкновенно рослы и крѣпки на видъ. Въ время лѣтняго ухода мужчинъ на Мурманъ или вообще на промысла, женщины исполняютъ въ поморскихъ селахъ всѣ административныя повинности до роли конвойныхъ при арестантахъ включительно, исправляютъ почтовую гоньбу (на лошадяхъ или на гребныхъ лодкахъ) и т. д. Имъ ничего не стоитъ прокатиться для собственнаго развлеченія въ от-

крытыхъ карбасахъ, хотя бы во время взводня (волненія), на веслахъ по открытому моря изъ Кеми или Сумского посада въ Соловецкій монастырь. Въ обстановкѣ жизни этихъ сѣверянъ — какъ отчасти и во многихъ другихъ мѣстахъ Архангельской и Олонецкой губерній и Сибири—сохранились многія черты изъ далекой старины, давно исчезнувшія внутри Россіи. Въ высшей степени оригинальна архитектура многихъ изъ древнѣйшихъ церквей этого края; жители сохранили старинный покрой новгородскаго сарафана и красивые головные уборы и пронесли неприкосновенными черезъ длинный рядъ поколѣній старинныя пѣсни и даже былины. Рѣчь ихъ пестритъ частью областными, частью старыми русскими словами, которыхъ нельзя уже услышать въ другихъ мѣстахъ Россіи. Вообще—историкъ, археологъ, музыкантъ въ той же мѣрѣ, какъ этнографъ, находятъ богатое поле для научныхъ излѣдованій на Сѣверѣ Архангельской губерніи.

У южныхъ береговъ Бѣлаго моря, кромѣ губернскаго города Архангельска, имѣющаго значительную торговлю, большіе лѣсопильные заводы, и привлекающаго въ періодъ навигаціи значительное число иностранныхъ грузовыхъ судовъ, лежатъ два небольшихъ уѣздныхъ городка — Кемь и Онега — и рядъ бойкихъ торговыхъ селъ. На Мурманѣ бывшій уѣздный городъ Кола, который упоминается въ лѣтописяхъ уже въ половинѣ XIII столѣтія, лежитъ далеко отъ открытаго океана, въ самой глубинѣ Кольскаго залива, на 70 верстъ вдающагося въ материкъ и потому замерзающаго зимою. Вслѣдствіе неудобства положенія Колы въ административномъ и торговомъ отношеніяхъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія основанъ былъ на Мурманскомъ берегу новый административный и торговый центръ — городъ Александровскъ, офиціально открытый 24 іюня 1899 года. Мѣсто для города—съ небольшимъ числомъ казенныхъ зданій и пристаней — было выбрано на берегу никогда или почти никогда не замерзающей Екатерининской гавани у выхода изъ того же Кольскаго залива.

На сѣверныхъ берегахъ Россіи есть и старинные монастыри, не разъ выносившіе погромы и разоренія въ различныя „лихолѣтья“. Небольшой Печенгскій монастырь расположенъ у залива того же имени вблизи границы Норвегіи.

Никольскій монастырь близъ устья Сѣверной Двины.

Основанный Мареой Посадницей Никольскій монастырь лежитъ въ самой дельтѣ Сѣверной Двины, верстахъ въ 35 отъ Архангельска.

Сравнительно бѣдные монастыри эти, конечно, не имѣютъ на сѣверѣ того значенія, какъ знаменитая Соловецкая обитель, расположенная на группѣ острововъ того же названія въ Онежской губѣ Бѣлаго моря и привлекающая ежегодно тысячи богомольцевъ. Вѣка смотрятъ со стѣнъ этого монастыря, сложенныхъ изъ громадныхъ валуновъ и дѣлавшихъ его въ прежнія времена сильной крѣпостью. Нѣкогда Соловецкій монастырь воевалъ со шведами, боролся оружіемъ съ Москвой, отринувъ Никоновы новшества, и выдержалъ семилѣтнюю осаду московской рати, а во время Восточной войны стрѣлялъ изъ своихъ старыхъ пушекъ въ бомбардировавшій его англійскій флотъ. Соловки имѣютъ земли и лѣса, подворья въ городахъ Архангельской губерніи, собственный докъ и пароходы для перевозки богомольцевъ. При монастырѣ есть гостиницы, школы и разнообразныя мастерскія, рыбныя ловли и значительное по размѣрамъ скотоводство. Даже овощи монастырь получаетъ изъ собственныхъ огородовъ площадью въ 50 десятинъ.

Восточнѣе горла Бѣлаго моря, вблизи береговъ обширнаго, богатаго рыбой и промысловымъ звѣремъ Мезенскаго залива, лежатъ большія села—Койда, Долгая Щель или Долгощелье, расположенное на самомъ нижнемъ теченіи рѣки Кулоя, и уѣздный городъ Мезень на рѣкѣ того же имени недалеко отъ ея устья. Мезень, которую промышленники-поморы и теперь еще называютъ иногда по старинному „слободой“, основана въ XVI вѣкѣ. Теперь это маленькій невзрачный городокъ съ деревянной церковью оригинальной старинной архитектуры. Ниже города по рѣкѣ Мезени расположены два большихъ лѣсопильныхъ завода. Сѣвернѣе этихъ поселеній маленькіе, иногда состоящіе изъ нѣсколькихъ избъ, русскіе поселки—Сёмжа, Несь, Мгла по западному берегу полуострова Канина, и Пёша, Вижасъ и другіе у береговъ Чешской губы—лежатъ уже въ предѣлахъ открытой тундры, находящейся въ пользованіи кочевниковъ-самоѣдовъ. Русскіе по низовью Мезени и берегамъ океана живутъ зажиточно, въ большихъ, свѣтлыхъ избахъ, и обыкновенно держатъ лошадей и коровъ. У Мезени и Долгой Щели сѣютъ въ небольшомъ количествѣ ячмень, картофель и огородныя овощи.

Большая группа селеній въ чертѣ открытой типичной тундры за полярнымъ кругомъ расположилась вблизи устья Печоры. Здѣсь Пустозерскую волость образуютъ села Куя, Пустозерскъ, Оксино, Великовисочное и другія—всего 6 селъ и 11 деревень. Морское судоходство изъ Архангельска и рѣчное по Печорѣ оживляютъ край. Лѣса басейна Печоры уже разработываются. Въ прошедшія времена Пустозерскъ былъ „острогомъ" (крѣпостью), защищавшимъ жителей Печоры отъ набѣговъ самоѣдовъ съ Кары, и мѣстомъ ссылки государственныхъ преступниковъ. Кромѣ русскаго населенія — потомковъ новогородскихъ выходцевъ, по низовой Печорѣ живутъ также ютящіеся у русскихъ селъ нищіе безоленные самоѣды и приходятъ ежегодно за промыслами и съ оленями изъ тундръ и изъ своихъ богатыхъ селъ по средней Печорѣ зыряне—ижемцы.

У достаточныхъ торговцевъ и промышленниковъ-пустозёровъ внутренность домовъ щеголяетъ опрятностью: различная мебель, зеркала, лубочныя картины украшаютъ комнаты. Гостепріимные хозяева любятъ угощать заѣзжаго путешественника винами, закусками, сластями и музыкой органчиковъ. Женщины въ семьяхъ занимаютъ почетное положеніе. Религіозность въ русскомъ населеніи развита замѣтно. Въ то же время пустозёры всегда стараются дать своимъ дѣтямъ начальное образованіе, и изъ тѣхъ деревень, гдѣ школъ нѣтъ, дѣтей на время отдаютъ къ роднымъ или знакомымъ въ села, имѣющія школы.

Къ востоку отъ Печоры берега Ледовитаго океана пустынны. Торговый пунктъ Хабарово на Югорскомъ шарѣ, куда существуютъ срочные рейсы пароходовъ Мурманскаго общества, оживляется только лѣтомъ, когда къ Югорскому проливу подходятъ самоѣдскія стада и пріѣзжаютъ русскіе и зырянскіе торговцы съ Печоры. По ту сторону Урала бойкое торговое село Обдорское съ тысячью душъ русскаго и зырянскаго населенія лежитъ далеко отъ открытаго океана, южнѣе впаденія Оби въ Обскую губу, вблизи сѣверной границы лѣсовъ. Ничтожные русскіе поселки есть въ области впаденія Енисея въ Енисейскій заливъ; но административнымъ центромъ для сѣвера Енисейской губерніи служитъ лежащій далеко южнѣе Туруханскъ. За пустынями лишеннаго не только осѣдлаго, но на сѣверѣ полуострова и кочевого населенія Таймыра русскіе поселки въ предѣлахъ восточно-сибирской тундры—кромѣ низовья Лены, куда доходятъ

рѣчные пароходы,—также существуютъ вблизи устьевъ впадающихъ въ океанъ другихъ большихъ рѣкъ—Анабары (Усть-Анабарское), Яны (Усть-Янскъ и Казачье), Индигирки (селеніе Русское устье), Колымы (Нижне-Колымскъ, Походское), а также на впадающей въ Берингово море Анадыри.

Эти русскія поселенія на крайнемъ сѣверѣ, отъ которыхъ „три года скачи, никуда не доскачешь“, отдѣлены отъ ближайшихъ къ нимъ болѣе южныхъ пунктовъ русской осѣдлости громадными пространствами земель, рѣдко населенныхъ только бродячими кочевниками. Отчасти потомки первыхъ завоевателей и колонизаторовъ сѣверо-восточной Сибири, отчасти позднѣйшіе поселенцы, а частью и обрусѣвшіе инородцы, сѣверяне эти живутъ здѣсь съ давнишнихъ временъ и выбрали пунктами поселеній своихъ устья рѣкъ, такъ какъ рѣки служили и служатъ здѣсь единственными удобными путями сообщенія, и именно низовья рѣкъ всего богаче рыбой,—важнѣйшимъ продуктомъ питанія людей и собакъ на крайнемъ сѣверѣ Сибири.

Условія жизни въ этихъ мѣстахъ совсѣмъ иныя, чѣмъ на сѣверѣ Европейской Россіи и Западной Сибири, и самое населеніе иное. Русская изба смѣняется здѣсь избой иного типа, низкой и съ плоской крышей, а то и инородческой юртой изъ стоймя поставленныхъ бревенъ. Вмѣсто русской печи дѣлается большой открытый каминъ или очагъ, на которомъ разводится сильный огонь; при этомъ помѣщеніе черезъ лучеиспусканіе быстро нагрѣвается, но послѣ потуханія огня столь же быстро и остываетъ. „Когда въ январѣ 1866 года я въѣхалъ въ Русское устье—писалъ баронъ Майдель, одинъ изъ изслѣдователей крайняго сѣвера Восточной Сибири—я никакъ не могъ взять въ толкъ (было, правда, довольно темно), гдѣ я находился, и что вокругъ меня дѣлалось. Я, повидимому, ѣхалъ по совершенно ровному мѣсту, изъ котораго не выдавалось не только дома, но даже куста, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ виднѣлись огненные столбы, выходившіе изъ земли. Но вотъ нарта остановилась, глубоко подъ нами отворилась дверь, и какъ бы изъ подземелья вырвался мнѣ навстрѣчу лучъ свѣта. Мнѣ пришлось спуститься круто внизъ, и я очутился передъ дверью маленькаго жилого домика съ плоскою крышей, въ которомъ ярко горѣлъ каминъ... На слѣдующій день загадка объяснилась: все мѣстечко было занесено снѣгомъ, каждый домикъ

былъ обнесенъ снѣговою стѣной точно такой же величины, какъ онъ самъ... Таково Русское устье зимою; въ теплое время года дома, конечно, высятся открыто, но окружены безконечной, однообразной тундрой побережья Ледовитаго океана—нигдѣ не видно ни одного дерева, ни одного куста: тоже достаточно печальная картина".

Русское населеніе низовьевъ восточно-сибирскихъ рѣкъ ведетъ такую же жизнь, какъ тамошніе осѣдлые инородцы. Нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ, напр. юкагиры и чуванцы, живущіе въ однихъ селеніяхъ съ русскими, ассимилируются послѣдними, но за то попадаются нерѣдко и русскіе по происхожденію, забывшіе свой родной языкъ. Сохранившіе его говорятъ неправильно съ своеобразнымъ шепелявымъ произношеніемъ. Культурный уровень жителей очень низокъ. Техническія знанія такъ примитивны, что, напримѣръ, русское населеніе бассейна Колымы не знаетъ употребленія пилы и паруса. О жителяхъ низовья Индигирки баронъ Майдель сообщаетъ, что они выродились вслѣдствіе постоянныхъ родственныхъ браковъ, являющихся результатомъ ихъ обособленнаго положенія. Затруднительность измѣненія первобытныхъ условій жизни и питанія въ этихъ отдаленныхъ и лишенныхъ сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія мѣстахъ станетъ ясной, если представить себѣ, что на нижней Колымѣ стоимость пуда муки доходитъ до 10 рублей, махорка стоитъ $1^1/_2$ р. за фунтъ, спички—1 р. за тысячу, желѣзная лопата—5 руб., ножницы—3 руб. и т. д.

Вотъ краткое описаніе нѣсколькихъ селеній по низовью Колымы, свѣдѣніями о которыхъ обязанъ я С. А. Бутурлину, посѣтившему Колыму въ 1905 году.

Нижне-Колымскъ, офиціально „селеніе Нижне-Колымское", а по мѣстному „крѣпость", хотя никакихъ слѣдовъ крѣпости тамъ уже не осталось, разбросанъ на болотистой, поросшей тальникомъ и чахлой лиственницей низменности одного изъ безчисленныхъ рукавовъ Колымской дельты. Въ селѣ есть церковь съ окнами изъ кусочковъ слюды. Есть казенный хлѣбозапасный магазинъ, складъ пороху и двѣ лавки торговцевъ. Домовъ около 60, изъ нихъ треть необитаема со времени бывшей въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія оспенной эпидеміи. Въ Нижне-Колымскѣ живетъ земскій засѣдатель (то же, что въ Россіи становой приставъ), священникъ—настоятель церкви, школьный учитель и два миссіонера. Главную часть населенія—около

Соловецкій монастырь

двадцати семействъ—составляютъ мѣщане мѣстнаго общества; кромѣ того 6 семействъ казаковъ Якутскаго полка, 2 семьи ссыльно-поселенцевъ и нѣсколько инородцевъ—всего до 175 человѣкъ. Въ селеніи головъ до десяти лошадей и коровъ и сотни три собакъ.

Дома „русской" постройки изъ горизонтально - положенныхъ бревенъ и съ прямо стоящими (не наклонными внутрь) стѣнами, но съ плоскими крышами, засыпанными землей. На крышу ведетъ всегда наклонно-стоящее бревно съ зарубками, такъ какъ крыша служитъ складомъ, и кромѣ того съ нея закрывается (накрывается сверху крышкой) труба очага. Нѣсколько болѣе богатыхъ домовъ имѣютъ окна изъ слюды, но куски слюды соединены не свинцовыми рамочками, какъ въ церкви, а узкими полосами тюленьей шкуры. Въ большинствѣ же домовъ въ окнахъ лѣтомъ натягивается налимья или иная рыбья шкура, а зимой вставляются льдины. Печи есть въ одиночныхъ богатыхъ домахъ, въ остальныхъ открытые очаги.

Въ сѣвернѣе Нижне-Колымска расположенномъ селеніи Походскомъ живетъ семействъ двадцать мѣщанъ, двѣ казачьихъ, одна семья ссыльно-поселенца и кромѣ того осѣдлые ламуты, юкагиры и якуты—всего до 130 человѣкъ. Есть 3 лошади и около 200 собакъ. Живущіе по нижней Колымѣ инородцы (здѣсь есть и отдѣльныя семьи чуванцевъ) имѣютъ языкъ и весь обиходъ русскій. Даже мѣстный якутскій родъ, сохранивъ внѣшній обликъ и многія черты якутскаго обихода, совершенно забылъ якутскій языкъ и принялъ тотъ плохой русскій, которымъ говоритъ все низовье Колымы.

Въ лежащемъ вблизи океана селеніи Сухарномъ (это самый сѣверо-восточный русскій осѣдлый пунктъ въ Имперіи) домовъ около 20. Но весной 1905 года С. А. Бутурлинъ засталъ здѣсь только двѣ семьи: мѣщанскую и чукотскую,—всего 7 душъ съ 4 собаками и 2 оленями. Круглый годъ живетъ здѣсь осѣдло одна только эта русская семья Ивана Савельева съ женой, дочерью и сыномъ. Осенью же, въ началѣ сентября, сюда переѣзжаютъ частью жители Походскаго и другихъ селеній для „подледнаго" промысла рыбы. Около этого времени подходятъ для промысловъ и торговли и ближніе чукчи, живущіе къ западу отъ Чаунской губы.

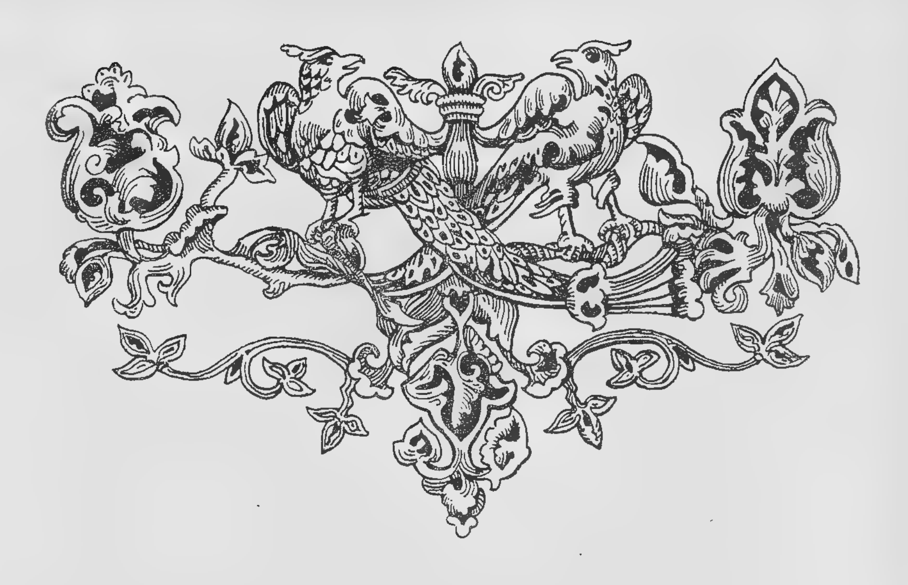
Мелкихъ заимокъ, гдѣ 1—2 семьи живутъ постоянно, въ низовьѣ немало. Есть и постройки на тоняхъ, куда промышленники пріѣзжаютъ на время хода рыбы. Тутъ обыкновенно не дѣлаютъ

настоящей избы, ограничиваясь колумой,—вродѣ маленькой якутской юрты.

На нижней Колымѣ осѣдлое „русское" населеніе, образовавшееся изъ давнишняго смѣшенія юкагировъ, чуванцевъ, якутовъ и коренныхъ русскихъ, имѣетъ смѣшанный физическій типъ: развитыя скулы, слабая—обыкновенно—растительность на лицѣ и иные признаки выдаютъ въ русскихъ примѣсь инородческой крови. Нарѣчіе порѣчанъ пестритъ областными словами, частью взятыми изъ инородческихъ языковъ. О фонетикѣ же его можетъ дать нѣкоторое представленіе начало пѣсни, записанной г. Богоразомъ:

Ай во пойѣ, ай во пойѣ, ай во пойѣ тайвонька.
На тайвонькѣ свѣтики, свѣтики айазоровы.
Сойву свѣтокъ, сойву я свѣтокъ со тайавѣ,
Совью вѣнокъ, совью вѣнокъ стайому мужу на гайавѣ—
Кайина, майина!

Свадебный ритуалъ колымчанъ сопровождается пѣніемъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ, содержаніе которыхъ обыкновенно непонятно поющимъ. Населеніе отличается большой свободой нравовъ, семьи въ большинствѣ случаевъ мало плодовиты; замѣтны многіе признаки вырожденія. Наклонность къ ссорамъ и сутяжничеству чрезвычайно распространена. Религіозность очень слаба, различныя суевѣрія и вѣра въ шамановъ господствуютъ среди русскаго населенія не меньше, чѣмъ среди инородческаго. „Нижне-Колымскіе русскіе—говоритъ г. Богоразъ—имѣютъ даже собственныхъ шамановъ, которые при заклинаніяхъ употребляютъ наборъ непонятныхъ словъ, повидимому, юкагирскаго происхожденія, а для толкованія ихъ призываютъ духа—переводчика".



V.

Занятія русскаго населенія. Мурманскіе промыслы. Рыболовство и звѣриные промысла Бѣлаго моря. Образъ жизни пустозёровъ. Жизнь въ Обдорскѣ. Русское населеніе въ бассейнѣ Анадыри.

Хотя земледѣліе въ нѣкоторыхъ пунктахъ Архангельской губерніи существуетъ у самаго полярнаго круга; хотя нѣкоторые сельско-хозяйственные опыты, произведенные въ послѣдніе годы въ Печорскомъ краѣ, показываютъ, что незаходящее солнце полярнаго дня ставитъ полевыя и огородныя культуры въ положеніе болѣе благопріятное, чѣмъ можно было бы ожидать этого по широтѣ мѣста и по общему характеру климата, — однако, воздѣлываніе земли не играло и врядъ-ли будетъ играть когда-нибудь въ жизни сѣвернаго населенія значительную роль. Даже побережье Бѣлаго моря живетъ привознымъ хлѣбомъ. Средства же къ жизни сѣверянамъ даютъ лѣсной промыселъ тамъ, гдѣ возможенъ сплавъ лѣса, разработка его и вывозъ за границу, морская и сухопутная торговля, промыслы морского звѣря и рыболовство.

Воды Мурманскаго берега, омываемаго южной вѣтвью Гольфштрома, богаты приходящей изъ океана рыбой въ такой мѣрѣ, что пока, кажется, еще нечего бояться истощенія ея запасовъ. Лѣтомъ и пришлое населеніе и колонисты Мурмана, прочно устроившіеся

тамъ и имѣющіе даже огороды и рогатый скотъ, занимаются ловлей трески, пикшуя, зубатки, палтуса, камбалъ и нѣкоторыхъ другихъ породъ морскихъ рыбъ. Приходящіе на лѣто рыбаки живутъ въ довольно примитивныхъ условіяхъ въ становищахъ, состоящихъ изъ плохенькихъ избенокъ. Такихъ временныхъ становищъ разбросано много по берегамъ Ледовитаго океана. Для морского лова употребляются примитивныя, обыкновенно безпалубныя суда. Главнымъ орудіемъ лова служитъ ярусъ, состоящій изъ веревки иногда въ нѣсколько верстъ длиною съ навѣшенными крючками, на которые насаживается приманка въ видѣ мелкой рыбы (мойвы, песчанки) или морскихъ червей. Ловцы или объединяются въ небольшія артели (что поощряется правительствомъ путемъ выдачи ссудъ на суда и снасти), или поступаютъ ввидѣ такъ-называемыхъ покрученниковъ на службу къ судохозяевамъ изъ извѣстной части улова (обыкновенно 3—4 рабочихъ на шнякѣ—рыбачьемъ суднѣ — получаютъ $^1/_3$ улова). Рабочіе нанимаются хозяиномъ еще зимою путемъ выдачи имъ припасовъ, причемъ часто впадаютъ въ неоплатную задолженность. Забрасываніе яруса производится въ зависимости отъ условій хода рыбы въ разстояніи отъ 5 до 25 верстъ отъ берега, что при плохихъ судахъ нерѣдко ставитъ рыбаковъ въ опасныя положенія. Употребляется и другой способъ ловли трески—главной промысловой рыбы—на уду—веревку значительной длины съ крючкомъ.

Лѣтній промыселъ пришлыми рабочими ведется лѣтомъ, въ теченіе $2^1/_2$—3 мѣсяцевъ. Осенью и весною промышляютъ только мѣстные колонисты и въ небольшихъ размѣрахъ. Технически промыслы здѣсь возможны круглый годъ. Хотя съ половины ноября до начала января продолжается полярная ночь, но океанъ свободенъ отъ льдовъ, и температура зимой довольно высока: средняя зимы около—6°, и морозы въ 15° считаются рѣдкостью.

Часто ловцы на Мурманѣ страдаютъ отъ недостатка наживки, такъ какъ ловъ ея и доставка въ становища не организованы какъ слѣдуетъ.

Кромѣ перечисленныхъ породъ рыбы у береговъ Мурмана промышляютъ также акулъ, а въ устьяхъ рѣкъ—сёмгу. Въ ранніе весенніе мѣсяцы появляются у восточнаго Мурмана—годами въ огромномъ количествѣ—тюлени (кожа или гренландскій тюлень), выходящіе послѣ рожденія дѣтенышей изъ Бѣлаго моря, и колонисты восточной

Екатерининская гавань на Мурманѣ.

части берега добываютъ ихъ также въ значительномъ количествѣ.

Промысловое населеніе Бѣломорскаго берега, частью уходящее на Мурманъ, у своихъ береговъ ловитъ сёмгу, сельдей и навагу. Ловъ сёмги, которую промышляютъ ставными и плавными сѣтями въ морѣ и заборами въ рѣкахъ, производится лѣтомъ, особенно въ августѣ и сентябрѣ; ловъ наваги—съ ноября по январь. Въ послѣднія десятилѣтія развился и достигъ большихъ размѣровъ (приблизительно до 100,000 пудовъ въ годъ) промыселъ наваги у береговъ Канина. Промышленники изъ Мезени, Долгой Щели и другихъ селъ поздней осенью отправляются въ лодкахъ въ становища, разбросанныя по устьямъ рѣкъ на пустынныхъ западныхъ берегахъ полуострова, и проводятъ здѣсь мѣсяца два—три, живя артелями въ тѣсныхъ и дымныхъ избушкахъ. Ловъ производится главнымъ образомъ рюжам —большими мордами, сдѣланными изъ сѣти, натянутой на обруч которыя ставятъ подъ ледъ, и въ которыя массами наваливается идущая въ рѣки рыба. Она тутъ же замораживается и потомъ вывозится скупщиками на оленяхъ и лошадяхъ черезъ Мезень и Пинегу къ станціямъ Архангельской желѣзной дороги. Промыселъ этотъ при удачномъ ходѣ его очень прибыленъ.

Необходимо замѣтить, что технически—и съ точки зрѣнія лова, и по способамъ заготовки рыбы—промысла нашего Архангельскаго сѣвера далеко отстали отъ промысловъ Западной Европы. Способы посолки трески, копченія сельдей, еще въ большей мѣрѣ заготовка цѣнной сиговой рыбы на большихъ промыслахъ Западной Сибири—на Оби и Енисеѣ—оставляютъ желать многаго. Промысломъ рыбы и звѣря въ открытомъ океанѣ вблизи русскихъ береговъ занимаются главнымъ образомъ иностранцы. Въ послѣдніе годы только весьма немногія промысловыя суда ходятъ за бѣлухой и другимъ морскимъ звѣремъ къ берегамъ Новой Земли. Китовый промыселъ, прибыльный въ рукахъ норвежцевъ или американцевъ, у русскихъ нейдетъ на ладъ. Много рыбы ввозится изъ Норвегіи въ Архангельскую губернію.

Годами значительный заработокъ населенію Зимняго берега и Мезенской губы даетъ тюленій промыселъ, который ведется въ небольшихъ размѣрахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Бѣлаго моря. Въ меньшемъ сравнительно количествѣ промышляютъ породы нерпу и морского зайца, въ большемъ—кожу или гренландскаго тю-

ленія, о которомъ упоминалъ я уже выше. Въ началѣ зимы громадныя стада кожи входятъ изъ океана въ Бѣлое море, гдѣ они въ концѣ января выметываютъ на ледяныхъ поляхъ своихъ дѣтенышей. Вмѣстѣ съ послѣдними стада тюленей выноситъ на льдахъ въ горло Бѣлаго моря и въ Мезенскій заливъ. Новорожденные тюлени, называемые бѣльками за свою бѣлую шерсть, въ теченіе 2—3 недѣль послѣ рожденія еще нейдутъ въ воду. Въ началѣ мая стада звѣрей вновь уплываютъ въ океанъ на сѣверъ.

Промыселъ тюленей на льдахъ въ горлѣ моря, у острова Моржовца и у береговъ Канина тяжелъ, а иногда и опасенъ. Артели промышленниковъ идутъ въ море на небольшихъ лодкахъ (карбасахъ), поставленныхъ на полозья, чтобы легче было перетаскивать ихъ по льду. Во каждомъ карбасѣ помѣщается обыкновенно 7 промышленниковъ, и много лодокъ соединяются въ одну артель. Иногда уходятъ въ море на 1—2 мѣсяца. Звѣрей бьютъ на льдахъ изъ винтовокъ, а также и баграми, такъ какъ самки не уходятъ отъ дѣтенышей, еще не умѣющихъ плавать. Снятыя съ убитыхъ тюленей сало и кожи плавятъ, привязывая ихъ на ремнѣ за кормой лодки. Случается иногда, что партіи, выходящія на развѣдки для поисковъ стадъ, отрываетъ со льдами отъ берега или отъ ледяного поля, гдѣ осталась главная партія промышленниковъ съ лодками, и подолгу носитъ въ морѣ, пока не прибьетъ къ береговымъ льдамъ или къ острову Моржовцу. Бывало не разъ, что такіе несчастливцы погибали; гибнутъ иногда и карбасы въ морѣ во время непогоды. При удачѣ промыслы бываютъ добычливы и выгодны, но случается, что звѣрей находятъ или убиваютъ мало, такъ что хозяева лодокъ и артели несутъ убытки.

Въ Мезенскомъ заливѣ русскіе промышленники ловятъ также и бѣлухъ. Стада этихъ крупныхъ дельфиновъ, дающихъ много сала и кожу, на отмеляхъ у береговъ Канина съ помощью многихъ лодокъ окружаютъ крѣпкими сѣтями и затѣмъ бьютъ гарпунами.

Ограничиваясь тѣмъ немногимъ, что я сказалъ о мурманскихъ и бѣломорскихъ промыслахъ, я вкратцѣ остановлюсь теперь на нѣкоторыхъ условіяхъ жизни населенія по низовой Печорѣ. Важную роль въ жизни пустозёровъ играютъ, понятно, также морскіе промысла. Есть промышленники, существующіе главнымъ образомъ ловомъ сёмги, который ведется только въ лѣтніе мѣсяцы въ самой Пе-

Мезенскій промышленникъ.

Колума (временное лѣтнее жилище у рыболовной тони) на нижней Колымѣ.

чорѣ и въ Болванской губѣ. Ловятъ также нельму, омулей и другую рыбу и промышляютъ бѣлухъ гарпунами. Промышленники съ Печоры къ востоку доходятъ иногда даже до Кары.

Въ то же время многіе изъ пустозёровъ имѣютъ стада оленей, для пастьбы которыхъ нанимаютъ пастуховъ-самоѣдовъ. Оленье мясо отправляется на Пинежскую ярмарку, а иногда уходитъ и за Уралъ въ Обдорскъ, шкуры же скупаютъ зыряне-ижемцы для выдѣлки замши. Часть шкуръ идетъ на мѣховое платье, которое нанимаютъ шить обнищавшихъ самоѣдовъ.

Самоѣды Большеземельской тундры, еще сохранившіе оленей или успѣшно промышляющіе звѣря, постоянные данники пустозёровъ. У болѣе богатыхъ изъ нихъ самоѣды забираютъ въ долгъ, съ обязательствомъ возврата продуктами промысловъ, чай, хлѣбъ, муку и иные товары. Опредѣленные самоѣды обыкновенно кредитуются у одного и того же хозяина, и часто впадаютъ въ неоплатные долги, что увеличиваетъ благосостояніе торговцевъ. Значительную роль въ торговлѣ играетъ водка. На лѣто многіе изъ промышленниковъ уходятъ сами или посылаютъ приказчиковъ внутрь тундры, на островъ Варандей или въ Югорскій шаръ, гдѣ скопляется со стадами много самоѣдовъ.

Товары для продажи самоѣдамъ пустозерскіе промышленники обыкновенно получаютъ отъ Чердынскихъ купцовъ, которые приходятъ весною на баркахъ на нижнюю Печору и привозятъ муку, колоніальный и красный товаръ и проч., а получаютъ въ обмѣнъ рыбу, пушнину, оленьи шкуры и т. д.

Такъ какъ въ селахъ нижней Печоры держатъ довольно много рогатаго скота и лошадей, то остающіяся дома женщины (какъ и на Мезени и въ Поморьѣ) должны въ теченіе лѣта заготовить сѣно. Во время этой работы говорятъ по старинному: народъ страдаетъ. Лѣтомъ же женщины запасаютъ клюкву, морошку и грибы.

Еще ранней весной въ предѣлахъ Пустозерской волости появляются обыкновенно со своими стадами оленеводы изъ ижемскихъ зырянъ, — постоянныхъ соперниковъ пустозёровъ въ промыслахъ и торговлѣ съ самоѣдами. По послѣднему зимнему пути стоявшіе зимою въ болѣе южной полосѣ Малой и Большой тундръ самоѣды начинаютъ перекочевывать къ берегамъ океана — къ побережью у Варандея, къ Хайпутырской губѣ и Югорскому шару. За ними идутъ ижемцы и пустозёры, которые везутъ туда же свои товары. Грузы на

эти большія разстоянія перевозятся, понятно, оленями. Торговый станъ и пустозёровъ и ижемцевъ — становище Хабарово на Югорскомъ шару, куда стягивается лѣтомъ много самоѣдовъ, частью переправляющихъ своихъ оленей на хорошія пастбища Вайгача.

Низовья Печоры посѣщаютъ рѣчные пароходы. Въ то же время пароходы Мурманскаго общества дѣлаютъ три или четыре рейса въ лѣто до Куи, причемъ разъ или два посѣщаютъ и Югорскій шаръ. Переходъ изъ Архангельска на Печору продолжается четверо сутокъ, первый рейсъ—около средины іюля—иногда встрѣчаетъ препятствія отъ льдовъ. На морскихъ пароходахъ пустозёры отправляютъ часть своихъ товаровъ въ Хабарово, а обратно переправляютъ закупленное у самоѣдовъ сырье; осенью промышленники возвращаются домой на оленяхъ. Наладившееся окончательно не такъ давно морское судоходство въ устья Печоры повело за собою вывозъ изъ ея бассейна лѣса и появленіе лѣсопильныхъ заводовъ, которые также даютъ заработокъ низовому населенію. Въ общемъ населеніе это довольно жизнью на своей холодной родинѣ, лежащей за предѣлами древесной растительности. Оно жизненно и живетъ, въ большинствѣ случаевъ, въ полномъ достаткѣ. О разнообразіи и богатствѣ обѣденнаго стола крестьянина съ Мезени или Печоры не можетъ и мечтать средній крестьянинъ черноземной полосы Россіи.

Жители лежащаго на нижней Оби большого села Обдорскаго, населеннаго частью русскими, частью зырянами, живутъ также еще въ сравнительно культурныхъ условіяхъ по отношенію къ путямъ сообщенія, торговлѣ и т. д. До Обдорска съ юга доходитъ почтовая дорога, и село имѣетъ почтовую станцію; пароходство на Оби развито довольно сильно; въ селѣ два училища, есть прекрасная библіотека, созданная стараніями лица, стоявшаго въ послѣднее десятилѣтіе во главѣ миссіи, имѣется миссіонерскій пріютъ для дѣтей инородцевъ, постоянно живетъ врачъ. Достаточные рыбопромышленники и торговцы села имѣютъ хорошіе дома, обставленные съ полнымъ комфортомъ. Въ значительной мѣрѣ обрусѣвшіе зыряне, выходцы съ Печоры, по культурному уровню своему мало отличаются отъ русскихъ.

Немногіе сравнительно жители села занимаются, въ качествѣ подсобнаго промысла, оленеводствомъ. Для большинства же главными занятіями служатъ рыбный промыселъ и торговля съ самоѣдами, и годовой распорядокъ ихъ жизни зависитъ главнымъ образомъ отъ

Пустозёръ.

двухъ явленій: отъ хода рыбы и прихода во время ярмарки изъ сѣверныхъ тундръ самоѣдовъ.

Весною, послѣ вскрытія Оби, большія стада рыбы идутъ изъ Ледовитаго океана въ Обь. Это ежегодное движеніе рыбы на нижней Оби обозначается остяцкимъ словомъ вонъзъ. Съ появленіемъ вонъзя большая часть мужского населенія Обдорска разъѣзжается по рыболовнымъ пескамъ—по низовью Оби и островамъ южной части Обской губы,—гдѣ неводами и другими орудіями промышляетъ рыбу. Къ этому же времени приходятъ „на низъ“ на судахъ и Тобольскіе промышленники, тоже арендующіе рыболовные пески, которые въ предѣлахъ тундры принадлежатъ инородцамъ — остякамъ и самоѣдамъ. Болѣе крупные рыбопромышленники живутъ въ Тобольскѣ; большинство обдорянъ ведутъ промыслы въ относительно мелкомъ масштабѣ. Владѣльцы судовъ и неводовъ нанимаютъ рабочими на промыслы частью русскихъ же (много рабочихъ привозится изъ Тобольска), частью остяковъ и самоѣдовъ. Во время лова оживляются берега и острова Оби внизъ до мыса Ямсале на Обской губѣ. Нѣкоторое число русскихъ живетъ въ южной части Обской губы и зимою.

Самоѣды пріѣзжаютъ въ Обдорскъ на время январской ярмарки, привозя на продажу пушнину и иные продукты промысловъ. Въ это время изъ лавокъ, амбаровъ и прямо съ нартъ на улицѣ жители Обдорска ведутъ бойкую торговлю съ пріѣзжающими инородцами. Пріѣзжаютъ на ярмарку и Тобольскіе купцы. Инородцамъ продаютъ кирпичный чай, сахаръ, муку, печеный хлѣбъ, который заблаговременно заготовляется въ большомъ количествѣ, сѣрое и красное сукно мѣдныя женскія украшенія, металлическія вещи, порохъ, свинецъ и ружья и т. д. Торговля ведется частью на деньги, частью мѣновая, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ и пушнина и товаръ не обмѣниваются обыкновенно непосредственно, а расцѣниваются предварительно по опредѣленной соотвѣтственной стоимости. Деньги самоѣды знаютъ хорошо, но далеко въ глубинѣ тундры охотнѣе берутъ, понятно, всякій товаръ. Въ Обдорскѣ же деньги можно реализировать тотчасъ. Опредѣленныя группы самоѣдовъ придерживаются опредѣленныхъ „хозяевъ“, у которыхъ обыкновенно кредитуются. Однако, особо рѣзкія формы эксплоатаціи мало возможны здѣсь и вслѣдствіе относительной зажиточности самоѣдовъ, и вслѣдствіе конкуренціи между торговцами. Самоѣды въ теченіе ярмарки—желанные гости въ

домахъ торгующихъ обдорянъ. Цѣны на муку, бакалейный товаръ и иные предметы въ Обдорскѣ не многимъ выше нормальныхъ, если принять во вниманіе, что удобный путь сообщенія съ отдаленными торговыми центрами страны есть только лѣтомъ. Оружіе, впрочемъ, самоѣдамъ-любителямъ иногда продается ненормально дорого. Подобныя Обдорской зимнія ярмарки, гдѣ встрѣчаются инородцы съ русскими торговцами, существуютъ и въ другихъ селахъ и городкахъ сѣверной Сибири.

Чрезвычайно быстрое увеличеніе цѣнъ на пушнину, происходящее въ послѣдніе годы, вызываетъ сильную конкуренцію при скупкѣ между торговцами. Нѣкоторые скупщики ѣздятъ въ глубину тундры, вымѣнивая и скупая товаръ у инородцевъ. Много сѣвернѣе Обдорска, на Обской губѣ и восточнѣе—на пустынномъ недавно Надымѣ, появляются осѣдлые жители, перехватывающіе цѣнный товаръ у Обдорскихъ и Тобольскихъ купцовъ. По окончаніи ярмарки пушнина изъ Обдорска идетъ въ Ирбитъ,—главный центръ Сибирской мѣховой торговли.

Въ длинную зиму въ Обдорскѣ въ ходу развлеченія добраго стараго времени,—посидѣлки и игры съ пѣніемъ пѣсенъ, часто старинныхъ и прекрасныхъ по музыкѣ, катаніе съ горъ на масленицу, ѣзда ряжеными и т. д. Сохранилось и много старинныхъ обрядовыхъ пѣсенъ, напр. свадебныхъ. Вотъ одна изъ свадебныхъ пѣсенъ записанная г. Бартеневымъ.

Какъ во стольномъ Новомъ городѣ,
По столовой новой горницѣ
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ столъ,
За столомъ сидѣлъ молодецъ,
Онъ чесалъ кудри русыя
Черепаховой гребелочкой,
Онъ чесалъ, самъ приговаривалъ:
„Приходи-ка, моя барышня,
„Ты катись, груша зеленая,
„Прилетай-ка, моя ласточка,
„Проблести, искра алмазная“.
Не успѣлъ рѣчи окончить онъ,
Какъ вдругъ двери растворилися,
На пятѣ остановилися.

Какъ отвѣтъ держитъ дѣвица,
Отвѣчаетъ свѣтъ (имя невѣсты):
„Если-бъ я была боярышня,
Я ходила бы со мамками;
Если-бъ я была груша зеленая
Я бъ висѣла въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду у батюшки;
Если-бъ я была ласточка,
Я бъ летала во синёмъ небѣ;
Если-бъ я была искра алмазная,
Я была бы въ золотомъ перстнѣ—
Въ золотомъ перстнѣ у молодца
У... (имя и отчество жениха)".

Языкъ русскихъ обитателей низовой Оби, а также и нижняго Енисея, еще чистъ по выговору и формамъ, и вліяніе на него инородческихъ языковъ сравнительно ничтожно. Онъ богатъ только областными словами и старинными формами. Отъ окружающихъ инородцевъ низовые русскіе взяли здѣсь только зимній олений костюмъ (даже обдорскія дамы носятъ зимой почти исключительно малицы) да отчасти оленеводство. Браки бываютъ съ зырянами, которые быстро русѣютъ, посылаютъ дѣтей въ школы и вообще стремятся жить по русски. Очень рѣдко только случается, что русская женщина выйдетъ замужъ за богатаго остяка или самоѣда; русскіе же мужчины въ браки съ женщинами инородческихъ племенъ не вступаютъ.

Русское населеніе крайняго сѣвера восточной Сибири, какъ я уже говорилъ выше, живетъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ сѣверяне Европейской Россіи и Западной Сибири. Заброшенное на громадныя и притомъ мало проѣздныя разстоянія отъ культурныхъ и торговыхъ центровъ юга Сибири и окруженное издавна инородцами, оно, частью ассимилировавъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ то же время смѣшалось съ ними, и бытъ его сдѣлался въ болѣе значительной степени похожимъ на бытъ инородцевъ.

Жители Индигирки или Колымы, о которыхъ я уже упоминалъ вкратцѣ, могутъ служить въ этомъ отношеніи хорошимъ примѣромъ. Здѣсь я скажу еще коротко объ образѣ жизни русскаго населенія отдаленнѣйшей страны Сибири,—бассейна Анадыри.

Кромѣ болѣе значительнаго селенія Маркова (около 350 жителей), расположеннаго на среднемъ теченіи Анадыри, выше и ниже по рѣкѣ есть еще нѣсколько мелкихъ поселковъ въ 2—5 домовъ; въ общемъ осѣдлое населеніе по Анадыри не превышаетъ 500 душъ. Состоитъ оно изъ русскихъ по происхожденію и изъ совершенно обрусѣвшихъ инородцевъ—юкагировъ, чуванцевъ и ламутовъ. Населеніе живетъ частью въ избахъ, частью въ юртахъ. Рамы со стеклами есть только у самыхъ зажиточныхъ; у остальныхъ же зимой въ окна вставляется ледъ, лѣтомъ—пузырь изъ китовыхъ кишекъ. Пола часто нѣтъ. Печь замѣнена чуваломъ (открытымъ каминомъ). Часто нѣсколько семействъ ютится въ одной избушкѣ; грязь и вонь наполняютъ избы. На лѣтнее время населеніе перекочевываетъ въ еще худшія юрты, стоящія у мѣстъ рыбной ловли. Костюмъ населенія—чукотскій, хотя изрѣдка встрѣчается лѣтомъ и европейское платье. Физическій типъ населенія разнообразенъ, но обыкновенно выдаетъ смѣшанное происхожденіе. Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбы и оленины. Рыбу зимой ѣдятъ сырую или вяленую, лѣтомъ—вареную безъ соли. Оленину также ѣдятъ и вареную и сырую. Распространено питье кирпичнаго чая, но хлѣбъ подается на столъ только у богатыхъ и то въ очень малыхъ количествахъ,—скорѣе какъ лакомство. Страсть къ водкѣ чрезвычайно сильна, и только трудность доставки ея умѣряетъ пьянство. За недостаткомъ спирта нѣкоторые любители ѣдятъ мухоморы.

Вотъ какъ въ теченіе года складывается жизнь анадырцевъ. Съ апрѣля мѣсяца начинаются приготовленія къ лову рыбы. Запасы пищи въ это время часто уже на исходѣ; кирпичъ чаю или фунтъ табаку можно еще получить при удачѣ у мѣстнаго торговца, но уже на весьма тяжелыхъ условіяхъ. Окончательно обнищавшіе запасами ѣдутъ на собакахъ за нѣсколько сотъ верстъ къ чукчамъ, чтобы получить въ кредитъ, а иногда и даромъ, 1—2 оленей, пропитаться ими съ семьей, а послѣдними запасами юколы (вяленой рыбы) прокормить собакъ до новой рыбы. Въ концѣ апрѣля начинаютъ перекочевывать на сѣверъ дикіе олени, и иногда удается промыслить нѣсколько головъ. Въ маѣ прилетаютъ гуси и лебеди, но ружей, пороху и свинцу на Анадыри очень мало. Въ началѣ іюня, когда взломаетъ рѣку и пройдетъ ледъ, начинается весенній промыселъ рыбы. Изъ зимнихъ жилищъ населеніе перекочевываетъ

въ лѣтники. Неводомъ обыкновенно владѣетъ артель изъ 2 или 4 семействъ. Самый горячій ловъ идетъ со средины іюля. Тутъ же готовится юкола, которая складывается въ маленькіе амбарчики. Однимъ неводомъ за лѣто въ среднемъ ловятъ и заготовляютъ отъ 7 до 8 тысячъ рыбъ,—количество, не хватающее въ теченіе цѣлаго года на 2 семьи съ собаками. Бываютъ и года неулова, и тогда жителямъ грозитъ голодъ и—что особенно тяжело—потеря ѣздовыхъ собакъ, для возможности держать которыхъ анадырецъ тратитъ больше половины труда цѣлаго года.

Благосостояніе семьи здѣсь измѣряется количествомъ собакъ: зажиточныя семьи держатъ двѣ упряжки (т. е. 24 собаки), среднія—одну (12 собакъ). Другихъ домашнихъ животныхъ здѣсь нѣтъ, и безъ собакъ невозможно передвиженіе, а слѣдовательно невозможны рыбный промыселъ, пушной, охота на оленей, невозможны сношенія съ чукчами. Часть жителей, кромѣ того, занимается извозомъ клади немногихъ торговцевъ, правильно торгующихъ съ чукчами. Въ половинѣ прошлаго столѣтія многіе анадырцы не держали собакъ; но въ тѣ времена дикіе олени перекочевывали еще очень большими табунами, и во время переправъ стадъ черезъ рѣки кололи звѣрей въ такомъ числѣ, что семьи обезпечивали себѣ существованіе на годъ, да и потребности были меньше,—напримѣръ, мало употребляли чаю и табаку.

Въ срединѣ августа анадырецъ вновь идетъ на промыселъ дикаго оленя, на который отправляется только часть мужчинъ (остальные продолжаютъ неводить). Оленей колятъ копьями съ легкихъ лодокъ въ то время, какъ звѣри плывутъ—во время обратной перекочевки изъ тундры къ лѣсамъ — черезъ рѣку. Промыселъ этотъ, почти исчезнувшій уже въ бассейнѣ Колымы, падаетъ и на Анадыри за уменьшеніемъ количества звѣря. Въ срединѣ сентября главные промыслы кончаются, и селенія вновь наполняются ихъ обитателями. По первому санному пути часть жителей уходитъ въ извозъ по найму торговцевъ (въ Гижигу, на Беринговъ проливъ). Другіе промышляютъ песцовъ и лисицъ, зайцевъ, куропатокъ; женщины выдѣлываютъ оленьи шкуры и шьютъ платье. Товары, привезенные изъ Гижиги, вновь развозятся по стойбищамъ чукчей, отъ которыхъ также получается товаръ—оленье платье, китовыя кишки для оконъ, кой-какія американскія издѣлія. Въ то же время пріѣзжія власти собираютъ ясакъ (очень неравномѣрный для лицъ инородческаго и русскаго

происхожденія: русскіе, числящіеся или крестьянами или мѣщанами, платятъ податей гораздо больше). Зимой нѣкоторые жители занимаются и выработкой кое-какихъ примитивныхъ кустарныхъ издѣлій. Въ мартѣ мѣсяцѣ вновь бываетъ надобность въ извозѣ въ Гижигу и на Колыму. Туда вывозятъ въ это время, между прочимъ, выдѣланныя оленьи шкуры. Извозъ вообще даетъ русскому населенію Анадырскаго бассейна весьма замѣтный въ его хозяйствѣ заработокъ. Какъ и въ другихъ мѣстахъ сѣверной Сибири, тяжелымъ бременемъ на населеніи лежитъ подводная повинность для казенныхъ надобностей.

А. В. Олсуфьевъ, посѣтившій въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Анадырь, писалъ, что въ общемъ мѣстное русское населеніе кажется имѣющимъ бо́льшую степень благосостоянія, чѣмъ населеніе Гижиги и Колымы. Однако все же здѣсь даже обезпеченіе рыбой не прочно. Въ то же время смѣшанное населеніе это сравнительно еще довольно крѣпко придерживается русскаго языка, религіи и обычаевъ. „По духу своему—говоритъ этотъ путешественникъ—они болѣе русскіе, чѣмъ русское населеніе гдѣ бы то ни было въ сѣверо-восточной Сибири. У нихъ въ цѣлости сохранились старинныя казачьи пѣсни, сказки, былины, всюду давно забытыя. Особенно замѣчательны пѣсни: то и дѣло въ нихъ упоминается про понятія, совершенно незнакомыя марковцамъ,—про бояръ, коня, яхонты, соловья, голубя и проч. Однако все это, такъ же, какъ и старинный русскій мотивъ, вѣрно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ обрядахъ женитьбы, сватовства и пр. они тоже сохранили много мелочей, уже давно утратившихся въ нашемъ крестьянствѣ. Хотя и уцѣлѣли нѣкоторые предразсудки, а также есть сказки, очевидно, инородческаго происхожденія, но такихъ сравнительно очень немного“.

Хотя нервныя заболѣванія среди мѣстныхъ женщинъ очень распространены, населеніе Анадыри, повидимому, все же жизненнѣе и крѣпче жителей Индигирки и Колымы и во многихъ отношеніяхъ симпатичнѣе по характеру. Оно имѣетъ средній по размѣрамъ естественный приростъ. Семейное начало сравнительно съ колымчанами болѣе крѣпко. Марковцы въ общемъ не лишены предпріимчивости, а совмѣстныя путешествія и артельные промысла выработали связь между жителями и обычай помогать другимъ въ крайности. Воровство бываетъ очень рѣдко, рѣдки также ссоры или драки. Религіозность

развита, хотя суевѣрія многочисленны, и распространена между прочимъ вѣра въ шамановъ. Число грамотныхъ среди населенія довольно значительно.

По склонности къ развлеченіямъ Марковцы — какъ и русскіе обитатели сѣверо-востока вообще — не идутъ въ сравненіе съ сѣверянами Архангельской губерніи или низовой Оби. „При высокомъ нравственномъ уровнѣ—говоритъ Олсуфьевъ—характеръ сѣвернаго жителя отличается въ высшей степени какою-то затаенною грустью, граничащей съ меланхоліей. Общественныхъ удовольствій—игръ, пляски, пѣнія — почти не бываетъ. Мотивы ихъ пѣсенъ грустны, а рѣдкія в е ч ó р к и отличаются методически чиннымъ и даже грустнымъ характеромъ“.

Въ концѣ 80-хъ годовъ XIX столѣтія въ устьѣ Анадыри былъ основанъ Ново-Маріинскій постъ, въ которомъ помѣщена была команда камчатскихъ казаковъ. Камчатскій и Якутскій казачьи полки существуютъ до настоящаго времени въ Восточной Сибири ввидѣ пережитка давнишняго времени. Они несутъ полицейскую службу при окружныхъ начальникахъ, обязаны числиться на службѣ по 20-25 лѣтъ и получаютъ отъ казны жалованье и паёкъ мукой. Зимующіе на устьѣ Анадыри при довольно тяжелыхъ условіяхъ казаки занимаются здѣсь пушнымъ промысломъ и торговлей съ чукчами.

Возможно, что культурныя условія, въ которыхъ живетъ населеніе по бассейну Анадыри, въ послѣдніе годы измѣнились уже или измѣнятся къ лучшему. Въ послѣднее время производились развѣдки на золото на Чукотскомъ побережьѣ; берега Берингова моря начали посѣщать уже не американскія только, но и русскія суда. Крупные рыбопромышленники начинаютъ посылать пароходы къ устьямъ Анадыри. Въ 1911 году сдѣлана даже первая удачная попытка отправить пароходъ изъ Владивостока мимо мыса Дежнева въ Колыму. Цѣны на муку и предметы первой необходимости на Анадыри должны понизиться. Однако въ то же время необходимо помнить, что развитіе путей сообщенія облегчаетъ и доставку въ глухія мѣстности спирта,—этого главнаго и наиболѣе вреднаго соблазна сѣверянъ и въ особенности тѣхъ, въ комъ есть инородческая кровь.

VI.

Сѣверные инородцы и черты ихъ жизни, общія всѣмъ племенамъ. Финскія племена Россіи и Западной Сибири. Лопари. Племена Самоѣдовъ. Палеазіатскія племена. Чукчи. Эскимосы. Коряки. Юкагиры и чуванцы. Тунгусскія племена. Ламуты. Исчезнувшія племена крайняго Сѣвера.

Коренные жители тундры,—племена инородцевъ, населяющихъ области имперіи вдоль береговъ Ледовитаго океана, еще въ большей степени, чѣмъ русскіе поселенцы, связали свою жизнь съ жизнью природы этихъ пустынныхъ и холодныхъ странъ. Сѣверный кочевникъ любитъ открытый просторъ тундры не меньше, чѣмъ горецъ узкій горизонтъ горной долины или калмыкъ свою сухую степь. Тѣ русскіе посельщики крайняго сѣвера, о которыхъ писалъ я выше, хотя и плотно усѣвшіеся въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ низовьяхъ рѣкъ и на побережьѣ океана, хотя и приспособившіе до извѣстной степени свои занятія и строй своей жизни къ совсѣмъ особливымъ условіямъ дальнихъ сѣверныхъ областей, все же въ нѣкоторой мѣрѣ кажутся точно временными поселенцами,—колонистами негостепріимнаго края. Многія изъ прежнихъ осѣдлыхъ русскихъ поселеній въ предѣлахъ тундры оказались недолговѣчными; быть можетъ, не вѣчны и нѣкоторыя изъ теперь существующихъ. На старыхъ картахъ Сибири на устьѣ Енисея ниже села Дудинскаго помѣчены многія зимовья русскихъ, которыя послѣ по различнымъ причинамъ лишились

Самоѣдка.

Самоѣды мужъ и жена—10 и 11 лѣтъ
(полуостровъ Ямалъ).

своего населенія или были оставлены жителями. Развившійся очень быстро въ началѣ XVII вѣка вблизи устья рѣки Таза въ теперешней Енисейской губерніи торговый городъ Мангазея, съ гостинымъ дворомъ и церквами, съ острогомъ, военнымъ гарнизономъ и бойкой торговлей, довольно скоро снова замеръ и исчезъ совсѣмъ. Точно такъ же и въ послѣднее время, въ зависимости отъ успѣшности промысловъ, добычи пушнины, развивавшихся эпидемій и такъ далѣе, отдѣльные поселки на сѣверѣ Сибири то расцвѣтали, то замирали, почти теряя свое населеніе. Мѣнялись условія торговли, мѣсто теряло выгоды своего положенія, и пришлое населеніе покидало территорію, съ которой не было связано органически.

Кочевые давнишніе обитатели тундры,—инородцы, племена которыхъ занимаютъ различныя территоріи ея громаднаго пространства отъ Норвегіи до Берингова пролива, населяютъ крайній сѣверъ со временъ очень отдаленныхъ. За исключеніемъ самоѣдовъ—колонистовъ Новой Земли и немногихъ жителей Колгуева, острова Ледовитаго океана, расположенные у береговъ Россіи, не имѣютъ постояннаго населенія. Но въ полосѣ тундръ всюду или почти всюду разбросаны стойбища инородческихъ племенъ. Большинство ихъ — кочевники-оленеводы. Вслѣдъ за звѣрями и птицами они осенью покидаютъ пастбища отдаленнаго сѣвера, отходя къ границамъ сплошныхъ лѣсовъ, гдѣ больше топлива, и гдѣ легче найти защиту отъ жестокихъ зимнихъ бурановъ; а съ приближеніемъ весны, когда длинная зимняя ночь пройдетъ, и быстро начнетъ прибывать день, который съ наступленіемъ лѣта продолжается 24 часа въ сутки, они двигаются со своими стадами обратно на сѣверъ къ океану, спасаясь отъ мучительныхъ для людей и стадъ комаровъ и отыскивая знакомыя пастбища, воды, богатыя рыбой, озера и рѣчныя долины, вновь населенныя тучами птицъ.

Наиболѣе типичными обитателями тундры изъ инородцевъ и сравнительно болѣе значительными по численности племенами нужно считать самоѣдовъ въ западной части европейско-азіатской тундры и чукчей въ восточной. Первые принадлежатъ къ группѣ урало-алтайскихъ народовъ, вторые—къ такъ называемымъ палеазіатамъ,—народамъ неизвѣстнаго происхожденія, но въ обликѣ, характерѣ и чертахъ жизни которыхъ есть что-то общее съ сѣверо-американскими племенами такъ-называемыхъ индѣйцевъ. Остальныя племена

инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ тундры вблизи побережья Ледовитаго океана, частью малочисленны и составляютъ остатки нѣкогда болѣе значительныхъ народовъ, частью живутъ въ полосѣ лѣсовъ, причемъ лишь извѣстный процентъ составляющаго ихъ населенія или отдѣльные роды кочуютъ въ предѣлахъ тундры или живутъ осѣдло на побережьѣ океана. Въ дальнѣйшемъ я буду говорить нѣсколько болѣе подробно о жизни и характерѣ самоѣдовъ и чукчей, упомянувъ, однако, также и объ остальныхъ инородцахъ крайняго сѣвера. Теперь же остановлюсь пока на нѣкоторыхъ чертахъ жизни и особенностяхъ ея склада, общихъ для всѣхъ обитателей тундръ Европы и Азіи.

Инородцы крайняго сѣвера стараго свѣта имѣютъ двухъ домашнихъ животныхъ—собаку и оленя, и въ противоположность сѣверянамъ Америки, у которыхъ олени появились очень недавно, послѣдніе играютъ въ ихъ жизни первенствующую роль. Сидячіе чукчи, эскимосы и коряки Ледовитаго и Тихоокеанскаго побережьевъ не имѣютъ вовсе оленей, но и они нуждаются — по условіямъ своей жизни — въ продуктахъ оленеводства и вымѣниваютъ таковые на добычу своихъ промысловъ. Ламуты и сѣверные тунгусы — такъ же какъ напр. и лѣсные остяки—обходятся малымъ числомъ оленей, необходимыхъ для передвиженія. Среди остальныхъ племенъ настоящихъ оленеводовъ, конечно, тоже есть — и въ немаломъ теперь числѣ—инородцы, живущіе безъ оленей и превратившіеся исключительно въ рыбаковъ или охотниковъ. Но это въ громадномъ большинствѣ случаевъ люди, по разнымъ причинамъ потерявшіе свои стада и обнищавшіе; ихъ можно до нѣкоторой степени приравнять къ безлошаднымъ крестьянамъ черноземной Россіи.

Олень даетъ инородцамъ прежде всего матеріалъ для жилища и платья. Хотя на сѣверо-восточномъ побережьѣ Сибири у сидячихъ рыболововъ, не откочевывающихъ и на зиму отъ океана, жилищемъ служитъ земляная, покрытая дерномъ хижина, и хотя деревянная юрта лѣсныхъ инородцевъ проникла мѣстами и въ черту тундры, все же въ общемъ основнымъ типомъ жилища сѣверныхъ племенъ служитъ чумъ,—переносная постройка, остовъ которой состоитъ изъ воткнутыхъ въ землю шестовъ, соединенныхъ вверху такъ, что они образуютъ конусъ. Остовъ этотъ покрытъ снаружи зимою нюгами —большими полотнищами, сшитыми изъ оленьихъ шкуръ, лѣтомъ ча-

ще всего большими коврами, сдѣланными изъ кусковъ березовой коры. Такое жилище, пожалуй, еще портативнѣе, чѣмъ кибитка степныхъ кочевниковъ; оно легко снимается и легко и быстро ставится вновь на мѣсто, выбранное для ночлега, стоянки и пастьбы оленей.

Устроенъ ли чумъ сравнительно примитивно, какъ я его вкратцѣ только что описалъ (а таково жилище большинства сѣверныхъ инородцевъ) или нѣсколько посложнѣе, какъ у чукчей, у которыхъ внутри чума дѣлается особый внутренній пологъ для спанья,—во всякомъ случаѣ онъ очень легко вентилируется и согрѣвается внутри огнемъ только пока огонь горитъ. Съ точки зрѣнія температуры жизнь въ чумѣ зимою требуетъ нѣкоторой привычки и выносливости и хорошаго платья. Но зато въ немъ никогда не бываетъ спертаго воздуха, и это обстоятельство, вѣроятно, помогаетъ стойкости сѣверныхъ инородцевъ противъ цынги. Температура и духота русскихъ избъ вообще съ трудомъ переносятся кочевниками. Деревянныя юрты сидячихъ инородцевъ также обыкновенно отапливаются огнемъ, горящимъ на каменкѣ или въ открытомъ каминѣ, такъ что дымъ наполняетъ юрту и выходитъ въ вентиляціонное отверстіе въ стѣнѣ или крышѣ.

Матеріаломъ для платья сѣверныхъ инородцевъ, отлично приспособленнаго къ климату и вообще къ условіямъ ихъ жизни, служатъ также шкуры, а отчасти и выдѣланныя въ замшу кожи оленей различнаго возраста. Платье носится зимой—по крайней мѣрѣ въ болѣе холодное время—въ два слоя: нижній дѣлается изъ шкуръ, повернутыхъ мѣхомъ внутрь, къ тѣлу; верхнее платье повернуто мѣхомъ наружу. У различныхъ племенъ формы платья нѣсколько видоизмѣняются. Въ западной половинѣ тундры распространена такъ называемая м а́ л и ц а—длинная, ниже колѣнъ, и широкая рубашка, сдѣланная изъ легкихъ и нѣжныхъ, отлично выдѣланныхъ шкуръ молодыхъ оленей. Совершенно такимъ же мѣхомъ покрываются обыкновенно сибирскія дохи. Малица пользуется почти всеобщимъ распространеніемъ и среди русскаго населенія сѣвера. Верхнее платье—г у с ь или с о в и к ъ—имѣетъ тотъ же покрой. Въ такомъ же расположеніи два слоя мѣха одѣваютъ и ноги. Нѣкоторые инородцы носятъ замшевые штаны. Въ двойномъ мѣховомъ оленьемъ костюмѣ человѣкъ—даже и непривычный европеецъ — безъ особыхъ опасеній за здоровье можетъ спать прямо на снѣгу.

Само собою разумѣется, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ инородцы тѣснѣе соприкасаются съ русскими, въ ихъ среду проникаетъ и русское платье. Самоѣды Каннинской и Большеземельской тундръ носятъ подъ малицами рубахи; у Тобольскихъ самоѣдовъ, работающихъ на промыслахъ низовой Оби, въ ходу лѣтніе гуси, сдѣланные изъ грубаго сѣраго сукна. Суконное платье часто носятъ лапландцы; и на западѣ и на востокѣ сѣверной Сибири можно увидѣть инородца въ пиджакѣ, и т. д.

Смѣшанный характеръ носятъ и утварь и вооруженіе инородцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вывелись еще луки и стрѣлы, обычное явленіе—кремневая винтовка, а рядомъ винтовки Бердана и цѣнныя норвежскія ружья на западѣ и винчестеры вблизи Берингова моря. Рядомъ съ ножами собственной ковки, издѣліями изъ оленьяго рога, мамонтовой кости и камня,—зеркала, фаянсовая посуда, а иной разъ и грамофонъ. Инородцы самыхъ отдаленныхъ областей тундры находятся въ правильныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ населеніемъ сѣверныхъ русскихъ селъ и съ наѣзжими торговцами и могутъ получать въ обмѣнъ на продукты оленеводства и промысловъ все необходимое, а часто и много лишняго изъ того, что хочетъ сбыть этотъ торговецъ. Собственныя издѣлія инородцевъ, всѣ давніе предметы ихъ обихода, выработанные многолѣтнимъ опытомъ, практичны и отличаются прочностью и изяществомъ. Хорошими примѣрами такихъ издѣлій могутъ служить нарты (легкія, иногда связанныя ремнями, деревянныя санки), годныя для движенія по тундрѣ и зимою и лѣтомъ; лыжи, въ особенности необходимыя для лѣсныхъ охотниковъ; тунгусскіе челноки изъ березовой коры, луки, ловушки и т. д. Управляясь весьма примитивными инструментами—иногда исключительно ножомъ — изготовляютъ они очень изящныя мелкія вещи изъ моржовой и мамонтовой кости или оленьихъ роговъ и любятъ—въ особенности, конечно, женщины—снабжать свои костюмы различными украшеніями.

Какъ и большинство другихъ сибирскихъ кочевниковъ, племена тундры сохранили родовой патріархальный бытъ. Члены одного и того же рода считаютъ себя какъ-бы кровными родственниками; между сородичами обыкновенно существуетъ болѣе тѣсное общеніе, и женъ принято брать изъ другого рода. Основою ихъ религіозныхъ воззрѣній служитъ анимизмъ, слагающійся изъ двухъ главныхъ

Самоѣдъ изъ Канинской тундры.

Обдорскія зырянки.

вѣрованій: изъ признанія возможности для человѣческихъ душъ жить послѣ смерти тѣла и вѣры въ существованіе другихъ духовъ и божествъ. Обычно представленіе о высшемъ божествѣ (Н у м ъ самоѣдовъ, отожествляемый ими съ христіанскимъ Богомъ; то же слово означаетъ небо), которому не ставятъ изображеній и не приносятъ жертвъ. Въ то же время сѣверно-сибирскіе инородцы склонны одушевлять окружающую природу, приписывая жизнь и человѣческія свойства предметамъ неодушевленнымъ, почему либо привлекающимъ ихъ вниманіе, и надѣляя особыми, даже сверхчеловѣческими способностями отдѣльныхъ животныхъ. Въ одномъ изъ описаній шаманскихъ экстазовъ, записанныхъ В. Богоразомъ со словъ чукотскихъ шамановъ, говорится: „Всѣ вещи имѣютъ жизнь. Лампа ходитъ. Стѣны дома имѣютъ свой голосъ. Шкуры, лежащія въ мѣшкахъ на запасъ для торговли, разговариваютъ по ночамъ. Оленьи рога на могилахъ покойниковъ ходятъ обозомъ вокругъ могилъ, а утромъ становятся на прежнія мѣста“. Интересно широкое распространеніе среди инородцевъ на сѣверѣ Сибири—въ тундрѣ и въ лѣсахъ—культа медвѣдя, который признается за сверхъестественное существо. Убійство медвѣдя, сниманіе съ него шкуры, приготовленіе въ пищу мяса и т. д. сопровождаются разнообразными религіозными обрядами. Суевѣрнымъ почитаніемъ могутъ пользоваться и нѣкоторыя другія животныя. У самоѣдовъ, напримѣръ, „святыми“ почитаются чайки и одна порода маленькихъ тундровыхъ куличковъ.

Посредниками между людьми и духами служатъ шаманы, почитаніе которыхъ издавна свойственно всѣмъ сѣвернымъ инородцамъ Сибири и распространено было въ прежнія времена и среди финскихъ племенъ Европейской Россіи. Интересно, что въ приколымской тундрѣ, на Амурѣ или въ лѣсахъ Алтая—всюду, гдѣ былъ раньше и теперь еще сохранился шаманизмъ, пріемы шаманскихъ к а м л а н і й сходны. Этнографы говорятъ намъ далѣе, что шаманы Сибири по существу сходны съ колдунами сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ. Шамановъ призываютъ къ больнымъ для ихъ излѣченія, для подачи совѣтовъ въ какой-нибудь бѣдѣ, напр. при неудачѣ промысловъ, при эпидеміяхъ домашнихъ животныхъ, для указанія мѣста нахожденія пропавшихъ оленей или имени похитителя таковыхъ и т. д. Картины шаманскихъ радѣній были много разъ описаны. Призывая духовъ, ударяя въ

бубенъ и подъ конецъ иногда кружась по юртѣ или чуму, шаманъ подъ конецъ впадаетъ въ эпилептическій припадокъ, въ которомъ или послѣ котораго и дѣлаетъ, по указанію являющихся къ нему духовъ, свои прорицанія. Настоящимъ шаманомъ можетъ быть не всякій: ребенокъ родится со склонностью къ этой способности и постепенно подготовляется—обыкновенно подъ руководствомъ зрѣлаго шамана—къ своему ремеслу. Въ глухихъ мѣстахъ Сибири не только отъ инородцевъ, но и отъ русскихъ очевидцевъ камланій, приходится слышать разсказы о довольно удивительныхъ фокусахъ, продѣлываемыхъ шаманами. Иногда явленія въ помѣщеніяхъ, гдѣ происходитъ чародѣйство, напоминаютъ тѣ, которыя спириты описываютъ происходящими на засѣданіяхъ въ присутствіи медіумовъ.

Въ большинствѣ мѣстностей Сибири шаманизмъ постепенно исчезаетъ. Сами инородцы говорятъ, что настоящихъ шамановъ остается очень мало. Остяки въ лѣсахъ по Оби скажутъ вамъ, что „стоющихъ“ шамановъ у нихъ нѣтъ, а искать ихъ нужно у самоѣдовъ въ тундрѣ; самоѣды о своихъ кудесникахъ тоже отзовутся презрительно и направятъ желающаго видѣть „настоящее“ камланіе къ остякамъ въ урманъ. У самоѣдовъ въ Архангельскихъ тундрахъ и на Карскомъ побережьѣ многіе мужчины и женщины „шаманятъ“, т. е. колотятъ въ бубенъ, гадаютъ, насылаютъ и снимаютъ порчу и т. д. Но это не настоящіе шаманы. Сосѣдніе русскіе называютъ ихъ словомъ „ворожеи“, а инородцы относятся къ нимъ въ общемъ иронически, хотя и не безъ примѣси нѣкотораго суевѣрнаго страха. У чукчей, повидимому, сохранились еще шаманы, пользующіеся всеобщимъ почитаніемъ и широкой извѣстностью.

Значительный процентъ сѣверныхъ инородцевъ офиціально обращенъ въ настоящее время въ христіанство; но много числится и язычниковъ. По религіозному міросозерцанію мало разницы между тѣми и другими. Принявъ крещеніе и являясь въ удобные моменты въ церковь—обыкновенно съ тѣми или другими „прикладами“, т. е. жертвами иконамъ ввидѣ шкуръ оленей или пушныхъ звѣрей—инородцы обыкновенно сохраняютъ и свою прежнюю религіозную философію, поклоненіе идоламъ и почитаніе шамановъ. При громадномъ пространствѣ сѣверной Сибири и отдаленности русскихъ осѣдлыхъ пунктовъ отъ многихъ областей кочеванія инородцевъ, вліяніе миссіонеровъ на ихъ полудикую паству очень не велико.

Идолы остяковъ

Въ характерѣ сѣверныхъ инородцевъ много свойствъ, глубоко симпатичныхъ. Въ общемъ это мирные люди, склонные къ обычному среди кочевниковъ гостепріимству и къ помощи ближнимъ. Они не лишены чувствъ національной гордости и въ свое время энергично боролись за свою свободу и родныя области противъ проникавшихъ на сѣверъ и востокъ Сибири русскихъ искателей приключеній и легкаго обогащенія. Чукчи вышли даже побѣдителями изъ этой борьбы, никогда не были оффиціально объясачены и присоединены къ Россіи и донынѣ считаютъ себя свободнымъ народомъ. Нерѣдкіе разсказы о рабскомъ положеніи женщинъ у инородческихъ племенъ невѣрны. Религіозныя воззрѣнія отводятъ женщинѣ подчиненное мѣсто въ нѣкоторыхъ церемоніяхъ; въ извѣстные періоды жизни женщины считаются нечистыми; на нихъ лежатъ домашнія работы, такъ какъ мужчина прежде всего оленеводъ и промышленникъ. Но положеніе женщинъ въ семьѣ вовсе не приниженное; онѣ верховодятъ иногда—въ зависимости отъ характера своего и главы семьи—совершенно такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ семьяхъ русскихъ, и съ ними, а такъ же съ дѣтьми, мужчины обращаются ласково и справедливо. Убійства среди инородцевъ случаются чрезвычайно рѣдко; только чукчей до извѣстной степени можно считать исключеніемъ изъ этого правила, такъ какъ они имѣютъ суровый нравъ и очень легко возбуждаются, доходя до частыхъ кровавыхъ столкновеній. Очень мягко обыкновенно инородцы относятся и къ домашнимъ животнымъ. Самоѣдъ, жестоко обращающійся съ оленями, навлекаетъ на себя общее осужденіе своихъ сородичей.

Чѣмъ глуше и недоступнѣе для русскихъ область тундры, тѣмъ полнѣе сохранили мѣстные инородцы прекрасныя черты характера дикихъ кочевниковъ. Гдѣ общеніе съ русскимъ населеніемъ постоянно и продолжительно, тамъ инородцы портятся, что стоитъ въ связи съ распространеніемъ водки и постепеннымъ обнищаніемъ. Занесенныя русскими болѣзни, въ особенности сифилисъ и оспа, тяжело отзываются на инородческомъ населеніи сѣвера. Въ общемъ многія племена сѣверянъ мало жизненны и стойки и постепенно уменьшаются въ числѣ. Совершенно такъ же, какъ у индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, культура приноситъ имъ не измѣненіе формъ ихъ жизни на лучшія, не здоровое повышеніе потребностей и богатство, а порчу нравовъ, нищету и даже постепенное вымираніе.

Болѣе значительная по протяженію западная часть палеарктической тундры отъ Лапландіи до Лены занята урало-алтайскими народами. Изъ нихъ къ финской группѣ относятся лопари Кольскаго полуострова, зыряне и обскіе остяки, выдѣляемые обыкновенно вмѣстѣ съ вогулами въ группу угро-финновъ. Народы эти живутъ въ главной своей массѣ въ лѣсной области и лишь отчасти занимаютъ безлѣсную полосу ближе къ берегамъ океана. Въ области западной тундры отъ Бѣлаго моря до Хатанги кочуютъ самоѣдскія племена, представители которыхъ есть также на Колгуевѣ и Новой Землѣ. Самоѣды—коренные обитатели тундры и большей частью оленеводы; только немногіе изъ нихъ, отчасти въ смѣшеніи съ остяками, ведутъ осѣдлую или полуосѣдлую жизнь въ лѣсной полосѣ. Отъ Енисея до Чаунской губы вблизи лѣсныхъ границъ, а мѣстами доходя до самаго океана, бродятъ тунгусскія племена, и на той же территоріи рѣдко разбросаны юрты и группы юртъ осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ якутовъ, представителей тюркской группы урало-алтайскихъ народовъ. Сильный и жизненный народъ этотъ въ числѣ свыше 200 тысячъ населяетъ главнымъ образомъ лѣсной бассейнъ Лены. Къ востоку отъ Лены, приблизительно отъ бассейна Яны, въ сѣверной полосѣ лѣсовъ и тундрахъ вдоль берега Ледовитаго океана и по Тихоокеанскому побережью до сѣверныхъ береговъ Охотского моря, частью кочуютъ, частью живутъ осѣдло представители нѣсколькихъ народовъ, языки которыхъ недостаточно изучены, и о происхожденіи которыхъ не существуетъ вѣроятныхъ гипотезъ. Это юкагиры, чуванцы, коряки и чукчи. Изъ нихъ послѣдніе, подобно самоѣдамъ Западной Сибири, наиболѣе типичные обитатели тундры. Вблизи Бернигова пролива по океанскимъ берегамъ есть также небольшія поселенія эскимосовъ,—выходцевъ изъ Америки.

Изъ упомянутыхъ выше народовъ финской группы лопарей въ предѣлахъ Архангельской Лапландіи отъ Мурманскаго берега до границъ Норвегіи, Швеціи и Финляндіи живетъ всего около 2000 человѣкъ (кромѣ нихъ въ Русской Лапландіи числится русскихъ около 6000, финляндцевъ около 800 и норвежцевъ около 200 человѣкъ). Близкое и очень давнее сосѣдство съ народами кавказской расы наложило свой отпечатокъ и на физическій типъ лопарей. Въ то же время у нихъ всё больше и больше выводится національная одежда, амѣняясь европейскимъ платьемъ.

Лопари въ Кольскомъ заливѣ на ловлѣ сёмги.

Образъ жизни ихъ полукочевой. Въ ихъ зимнихъ селеніяхъ или, по мѣстному, погостахъ строятся деревянныя юрты (по-лопарски тупа) съ каменками или открытыми каминами. Но зажиточные лопари имѣютъ и избы русскаго типа, снабжая ихъ мебелью и разнообразными предметами примитивнаго комфорта. Лѣтомъ у озеръ и рѣкъ, гдѣ идетъ ловъ рыбы, лопари—хозяева водъ—живутъ въ вѣжахъ—шалашахъ, сдѣланныхъ изъ жердей, хвороста и дёрна. Во время перекочевокъ ставятъ иногда временныя жилища въ типѣ самоѣдскаго чума, но обыкновенно покрытыя не оленьими шкурами, а парусиной.

Питаются лопари главнымъ образомъ животными продуктами, среди которыхъ рыба играетъ главную роль. Покупая готовый хлѣбъ у русскихъ, они печь его не умѣютъ и совершенно такъ же, какъ и самоѣды, приготовляютъ только ряску, т. е. поджариваютъ на огнѣ куски тѣста, сдѣланнаго изъ смѣси муки съ водой. Оленьи стада лопарей немногочисленны: въ рукахъ всѣхъ русскихъ лопарей теперь врядъ ли находится больше 20.000 оленей. Въ противоположность самоѣдамъ, они доятъ оленей; въ упряжкѣ и способахъ ѣзды также есть оригинальныя черты. Между прочимъ, кромѣ санокъ, имѣющихъ общій типъ сѣверной нарты, употребляютъ они для ѣзды также керёжку—экипажъ безъ полозьевъ, похожій на корыто. Немногіе сравнительно лопари держатъ также лошадей, коровъ и овецъ.

Оленеводство вообще въ жизни лопарей играетъ подчиненную роль. Полукочевой образъ жизни ихъ стоитъ главнымъ образомъ въ связи съ рыболовствомъ. По нѣскольку разъ въ годъ передвигаются они по условіямъ промысловъ съ одной рыболовной тони на другую, промышляя частью на морскомъ побережьѣ, частью на озерахъ внутри страны. Матеріальное положеніе громаднаго большинства лопарей не блестяще. Въ торговыхъ сношеніяхъ своихъ они не свободны, а находятся чаще всего въ постоянной зависимости отъ русскихъ, а отчасти и норвежскихъ торговцевъ, изъ которыхъ обыкновенно каждый фактически является монополистомъ или „хозяиномъ“ опредѣленной группы лопарей. При такихъ условіяхъ обмѣнъ продуктовъ промысловъ на товары, которые поставляетъ торговецъ, совершается съ большой выгодой для послѣдняго. Торговцы въ свою очередь нерѣдко жалуются на упадокъ честности среди лопарей, которые, конечно, обучаются плутнямъ у тѣхъ же своихъ хозяевъ.

По характеру лопари въ общемъ мягки и добродушны. Среди нихъ въ силѣ еще почитаніе старшихъ. Жена, завѣдующая всѣми домашними работами, занимаетъ почетное положеніе въ домѣ. Общества ихъ, состоящія изъ нѣсколькихъ погостовъ, управляются рѣшеніями сходовъ, которые часто отправляютъ и судебныя функціи. Но есть также волостные суды, по одному на каждую изъ двухъ волостей (Понойская и Кольская), на которыя раздѣляется Лапландія.

Въ настоящее время всѣ лопари христіане. Но, хотя, быть можетъ, и въ меньшей степени, чѣмъ другіе сѣверные инородцы, они все же сохранили многіе остатки своихъ прежнихъ языческихъ вѣрованій. Церквей въ Лапландіи очень мало. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ при церквахъ и зимнихъ погостахъ есть школы, въ которыя лопари довольно охотно посылаютъ своихъ дѣтей. Они вообще склонны къ обрусѣнію, и хотя и привязаны къ своей суровой, но привольной жизни въ тундрахъ и глухихъ лѣсахъ Кольскаго полуострова, все же постепенно перенимаютъ обычаи осѣдлой русской жизни—строятъ русскія избы, носятъ русское платье, учатся грамотѣ и замѣняютъ свои странныя монотонныя пѣсни поэтическими пѣснями поморья.

По другую сторону Бѣлаго моря, отъ береговъ Мезенскаго залива черезъ все громадное пространство Архангельскихъ и Западно-Сибирскихъ тундръ до холоднаго Таймыра кочуютъ коренные оленеводы—самоѣды. Они раздѣляются на юрацкихъ самоѣдовъ, занимающихъ кочевья отъ Бѣлаго моря до Енисея, енисейскихъ, обитающихъ по нижнему Енисею, и Авамскихъ или Тавгынскихъ—къ востоку отъ Енисея до Хатангской губы. Юрацкіе самоѣды западной тундры по особенностямъ говора и мѣсту обитанія могутъ быть раздѣлены на канинскихъ, тиманскихъ, большеземельскихъ, каменныхъ (на Ямалѣ) и низовыхъ (въ тундрѣ между Обской и Тазовской губами и далѣе въ бассейнѣ Гыды). Среди енисейскихъ Миддендорфъ различаетъ роды Байскихъ, Карасинскихъ и Хантайскихъ самоѣдовъ, частью живущихъ осѣдло или полуосѣдло уже въ лѣсной полосѣ. Отдѣльно нужно упомянуть племена береговыхъ (енисейскихъ) и Тазовскихъ юраковъ, лѣсныхъ остяко-самоѣдовъ и также описанныхъ Миддендорфомъ Вадеевскихъ самоѣдовъ, кочующихъ со своими стадами на Боганидѣ и въ верховьяхъ Таймыра. Лингвисты считаютъ самоѣдовъ за выходцевъ изъ южной Сибири, съ Саянскаго нагорья, гдѣ сохранились еще остатки небольшихъ племенъ, языки ко-

торыхъ близко сходны съ языками самоѣдскихъ племенъ тундры[1]).

Число самоѣдовъ опредѣляютъ приблизительно въ 12—13 тысячъ. Возможно, что цифра эта ниже дѣйствительной. Въ тундрахъ отъ Канина до Енисея доходятъ они лѣтомъ до самыхъ береговъ Ледовитаго океана, занимаясь, кромѣ оленеводства, и промысломъ морскихъ звѣрей. Въ области Таймыра кочевья ихъ къ сѣверу простираются обыкновенно только до Таймырскаго озера.

Самоѣды почти всѣ безъ исключенія оленеводы-кочевники. Но въ европейской тундрѣ все большій и большій процентъ оленей переходитъ въ руки зырянъ, а отчасти и русскихъ, и все больше отбирается безоленныхъ самоѣдовъ, которые живутъ промысломъ рыбы, а иногда и мелкими работами и нищенствомъ вблизи русскихъ и зырянскихъ селъ. Въ бассейнѣ Печоры и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ лѣсной полосы есть небольшое число самоѣдовъ, ставшихъ осѣдлыми и живущихъ въ русскихъ избахъ. Осѣдло или полуосѣдло въ становищахъ—уходя лишь иногда съ собаками и чумами на промыслы въ другія части острова—живутъ самоѣды-колонисты Новой Земли. Среди самоѣдовъ Большой Земли и тундръ, лежащихъ западнѣе послѣдней, сравнительно уже немного осталось богачей, имѣющихъ болѣе тысячи или нѣсколько тысячъ оленей. Въ Тобольской и Енисейской губерніяхъ самоѣды, населяющіе въ теченіе большей части года области тундръ, еще не посѣщаемыя русскими и зырянами, живутъ гораздо независимѣе и богаче, чѣмъ ихъ сосѣди за Уральскимъ хребтомъ, и большія—до нѣсколькихъ тысячъ головъ—стада оленей не составляютъ у нихъ особой рѣдкости.

Типъ самоѣдовъ указываетъ, повидимому, на смѣшанное происхожденіе этого народа. Нерѣдко встрѣчаются люди съ очень рѣзко выраженнымъ монгольскимъ типомъ,—съ узкими и сильно косыми черными глазами, выдающимися скулами и т. д. Другіе имѣютъ, напротивъ, скорѣе финскій типъ. Понятно, что самоѣды въ извѣстной степени смѣшиваются и съ сосѣдними имъ финскими племенами (остяками, зырянами), и съ русскими. Въ общемъ типъ ихъ

---

[1]) С. Паткановъ въ новѣйшемъ сочиненіи своемъ „О приростѣ инородческаго населенія Сибири“ дѣлитъ самоѣдовъ Туруханскаго края такимъ образомъ I. *Юраки*: 1) Береговой родъ, 2) Тазовскій родъ. II. *Енисейскіе* и *Тавгійскіе самоѣды*: 1) Карасинскій родъ. 2) Хантайскій. 3) Вадеевскій. 4) Авамскій. III. *Остяко-самоѣды*: 1) Карасинскій родъ. 2) Баихинскій. 3) Тымско-караконскій родъ.

не красивъ; но лица дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ и парней нерѣдко довольно привлекательны. За весьма малыми исключеніями самоѣды небольшого роста и имѣютъ довольно слабую мускулатуру; руки и ноги ихъ очень малы и обыкновенно правильны и красивы. Они въ среднемъ не сильны физически, въ тяжелой работѣ устаютъ много скорѣе русскихъ, но очень стойко переносятъ холодъ, голодъ и отсутствіе сна.

Въ настоящее время нельзя дать типичную картину жизни, общую для всѣхъ самоѣдовъ. У Архангельска, Мезени или Обдорска можно видѣть чумы обнищавшихъ самоѣдовъ, промышляющихъ мелкой работой, а иногда и нищенствомъ, и связанныхъ неразрывными узами съ ближайшей лавкой винной монополіи. Въ другихъ мѣстахъ потерявшіе оленей самоѣды стоятъ со своимъ ничтожнымъ имуществомъ на рѣкѣ или озерѣ, богатомъ рыбой, а то и на морскомъ берегу. Если имъ нужно передвинуться на другое мѣсто, семья впряжется въ нарты, на которыя положенъ чумъ, припряжетъ рядомъ собакъ (если хоть собаки остались) и „перекаслаетъ", куда нужно. Многіе чумы изъ года въ годъ стоятъ вблизи русскихъ рыбныхъ промысловъ на болѣе значительныхъ рѣкахъ, и мужчины, способные къ работѣ, нанимаются въ батраки къ русскимъ и зырянскимъ хозяевамъ. Другіе—и это и пріятнѣе и обыкновенно выгоднѣе для нихъ—нанимаются пастухами къ соплеменникамъ своимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, у которыхъ уцѣлѣли еще большія стада.

Среди самоѣдовъ европейскихъ тундръ, наполненныхъ зырянскими стадами и на всемъ протяженіи доступныхъ русскимъ торговцамъ и промышленникамъ, обѣднѣвшихъ самоѣдовъ очень много. Жизненная конкуренція съ болѣе одаренными сосѣдями имъ не по силамъ. Но въ пустынныхъ тундрахъ Западной Сибири, въ сѣверныя области которыхъ не такъ легко проникаютъ торговцы и съ ними водка, самоѣды въ значительной степени сохранили еще первобытный укладъ своей вольной жизни.

Въ глубинѣ Ямала лѣтомъ богатый чумъ съ тысячью—иногда и съ тремя-четырьмя тысячами — оленей стоитъ обыкновенно у рѣчной долины или большого озера, гдѣ есть рыбная ловля и гнѣздятся и линяютъ гуси. Верстахъ въ 10—20 въ сторонѣ, а иногда и много ближе, стоятъ чумы сосѣдей. Каждый чумъ имѣетъ болѣе или менѣе постоянную территорію съ ягельными пастбищами, песцовыми но-

Самоѣдскій чумъ.

рами и рыбными озерами. Семьи, принадлежащія къ одному и тому же роду, стоятъ поблизости. По урочищамъ—отъ рѣки до рѣки или по протяженію морского берега—вамъ въ тундрѣ укажутъ точно области, гдѣ пасутся лѣтомъ стада родовъ Окотэтта, Вануйта, Яптикъ... Многочисленные роды раздѣляются на ватаги, выбирающіе ватажныхъ старшинъ, которые, однако, только собираютъ ясакъ и сборъ на содержаніе инородческой управы въ Обдорскѣ и сносятся при необходимости съ русскими властями. Изъ ватажныхъ старшинъ выбираются и судьи, которые разбираютъ на основаніи обычнаго права недоразумѣнія между самоѣдами (кромѣ убійствъ, за которыя долженъ судить русскій судъ, но которыхъ почти не бываетъ).

Когда олени съѣдятъ кормъ вблизи стоянки, или когда это требуется по условіямъ промысловъ, чумъ передвигается на другое мѣсто, оставаясь, однако, чаще всего въ предѣлахъ извѣстнаго небольшого района. Хозяинъ чума, иногда съ сыновьями, иногда и съ наемными работниками, пасетъ стадо, которое, между прочимъ, нужно хорошо караулить отъ волковъ, и занимается промыслами; женщины проводятъ время за работой дома и вблизи стана: съ весны собираютъ, яйца водяныхъ птицъ, особенно гусей, вялятъ рыбу и гусиное мясо заготовляютъ жиръ, шьютъ платье и т. д.

Семьи самоѣдовъ въ среднемъ немногочисленны. Но богатые имѣютъ иногда двухъ, трехъ, даже четырехъ женъ, и бываетъ, что каждая жена съ дѣтьми живетъ въ отдѣльномъ чумѣ. Большое стадо обыкновенно раздѣляется: часть мужчинъ большой семьи стоитъ съ ѣздовыми „быками" тамъ, гдѣ лучше промыслы,—иногда на берегу океана, гдѣ пастбища плохи, но гдѣ зато можно промышлять тюленей, а ранней весной также и моржей и бѣлаго медвѣдя. Остальную большую часть стада держатъ въ глубинѣ тундры на лучшихъ пастбищахъ.

Съ ранней весны до поздней осени самоѣды „дома", такъ какъ открытая тундра—ихъ настоящая родина. Они превосходно знакомы съ территоріей на большія разстоянія вокругъ мѣстъ своихъ стоянокъ, хорошо знаютъ, гдѣ стоятъ ихъ ближніе и дальніе сосѣди, любятъ ѣздить въ гости и принимать у себя. Сенсаціонныя извѣстія, вродѣ свѣдѣній о проѣздѣ путешественниковъ, о появленіяхъ падежей и т. д., передаются по тундрѣ изъ конца въ конецъ съ поразительной быстротой. Освѣдомленность эта позволяетъ самоѣдамъ

быстро приходить на помощь тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые почему-нибудь впадутъ въ бѣду, напримѣръ, потеряютъ отъ какой-нибудь причины оленей, очутившись такимъ образомъ въ безвыходномъ положеніи, такъ какъ передвиженіе станетъ невозможнымъ.

По мѣрѣ того, какъ проходитъ лѣто и становится осень—по календарю, а въ сущности зима съ раннимъ снѣгомъ и холодомъ,—рессурсы въ тундрѣ истощаются. Правда, за лѣто скопленъ ю р о к ъ (вяленая рыба), гусиный и рыбій жиръ; оленье мясо, которое правильно въ пищу употребляютъ, впрочемъ, только богатые самоѣды, есть тоже. Но привезенные съ юга запасы чаю, сахару, муки, печенаго хлѣба, пороху и иныхъ продуктовъ, безъ которыхъ въ наше время уже не обходятся и инородцы крайняго сѣвера, приближаются къ истощенію. Надвигается зимняя ночь безъ просвѣта и съ сильными въ открытой тундрѣ буранами, при которыхъ тяжело пасти оленей. И самоѣды собираются въ далекій путь къ югу.

Дорога до мѣстъ зимовокъ—на границѣ или въ чертѣ лѣсовъ—предстоитъ не близкая, а караванъ движется медленно, и перекочевка продлится мѣсяца два. Утромъ, пользуясь свѣтомъ уже короткаго дня, мужчины сгоняютъ къ чуму оленей и отбираютъ животныхъ для запряжки. Женщины снимаютъ чумы и укладываютъ на нарты тѣ вещи, которыя нужны были на стоянкѣ. Много нартъ съ пушниной, запаснымъ платьемъ, провизіей, понятно, не развязываются и всегда готовы. Обозъ богатаго самоѣда состоитъ иногда изъ многихъ десятковъ, даже сотни нартъ. Запряженные парами оленей-онѣ идутъ отдѣльными а н а с а м и по 6—8 нартъ, причемъ каждымъ анасомъ управляетъ человѣкъ, сидящій на передней з а в о д н о й нартѣ. Впереди каравана на четверкѣ отборныхъ, часто подобранныхъ въ масть, оленей съ красивой сбруей ѣдетъ глава семьи. Ряды нартъ слѣдуютъ за нимъ. Позади пастухи, также сидя на нартахъ, гонятъ многочисленное стадо.

Въ день проходятъ верстъ 15, иногда нѣсколько больше или меньше, смотря по условіямъ дороги и погодѣ. Караванъ растягивается по снѣжной тундрѣ на большое разстояніе. Въ концѣ дневного пути ищутъ мѣсто съ хорошимъ нетронутымъ ягелемъ. Чаще и чаще мужики слѣзаютъ съ нартъ и небольшой лопаточкой раскапываютъ снѣгъ, удостовѣряясь въ качествахъ пастбища. Наконецъ,

вожатый останавливаетъ свою четверку и втыкаетъ свой длинный шестъ (тюръ), которымъ погоняютъ оленей, въ снѣгъ. На этомъ мѣстѣ долженъ стоять чумъ.

Мало-по-малу подходятъ анасы; отстегнутые олени, мотая рогатыми головами, отряхиваются и, отбѣжавъ въ сторону, присоединяются къ стаду. Быстро снимаютъ шесты съ нарты, втыкаютъ ихъ крѣпко въ снѣгъ, соединяя вершинами, такъ что образуется правильный конусъ (у богатаго самоѣда чумъ имѣетъ иногда сажени три въ діаметрѣ) и покрываютъ ихъ нюгами. Женщины разводятъ огонь въ чумѣ и захватываютъ снѣгу въ котелъ. Мужчины возятся около нартъ или, окончивъ дѣла, болтаютъ. Наконецъ, скуластое и курносое, но румяное и часто миловидное дамское лицо въ мѣховомъ капорѣ высовывается между полами чума.—Сяй едаръ пи (чай уже готовъ)—говоритъ самоѣдка. Можно итти въ чумъ.

Въ него нужно влѣзать наклонившись, почти на четверенькахъ, но проспать зимнюю ночь въ хорошемъ платьѣ въ немъ можно безъ опасеній. Дымъ отъ костра бываетъ тягостенъ съ непривычки, но если нѣтъ вѣтра, то дымъ вытягиваетъ вверхъ въ дымовое отверстіе, и лежать въ чумѣ сносно. Снѣгъ покрытъ коврами, связанными изъ березовыхъ прутьевъ, поверхъ нихъ сплошь настланы оленьи шкуры. Костеръ (въ тундрѣ обыкновенно топятъ кустарниковой полярной березкой или ивнякомъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—мхомъ или лишайникомъ) разведенъ на желѣзномъ листѣ, надъ нимъ подвѣшенъ котелъ или чайникъ. Пока огонь горитъ, въ чумѣ такъ тепло, что хочется снять мѣховое платье; когда онъ потухнетъ, температура быстро сравняется съ наружной; но отъ вѣтра и бурана защита надежна, и прогрѣвшійся передъ огнемъ человѣкъ уже не страдаетъ отъ холода.

Низкіе столики ставятся передъ трапезующими. Чай пьютъ въ чайныхъ чашкахъ. У богатаго самоѣда подадутъ сахаръ, черные и бѣлые сухари, крендели. Въ мирной бесѣдѣ проходитъ длинный вечеръ. Одинъ изъ пастуховъ уѣзжаетъ караулить стадо. Остальные члены семьи укладываются спать. Завтра караванъ снимется и пойдетъ дальше.

Черезъ два дня въ третій на пути дѣлаютъ дневку. Иногда бураны замедляютъ путь. Придя на зимнія пастбища въ лѣсахъ или криволѣсьѣ, кочевники снова подолгу стоятъ на мѣстѣ, передви-

гаясь немного, насколько это нужно стаду. Тобольскіе самоѣды во время январской ярмарки пріѣзжаютъ въ Обдорскъ, привозятъ на продажу продукты своихъ промысловъ—пушнину, перо, сало, моржевые и изрѣдка мамонтовы клыки—и закупаютъ необходимые имъ съѣстные и огнестрѣльные припасы на цѣлый годъ. Немало закупаютъ и водки.

Какъ и другіе инородцы сѣвера, какъ большинство полудикихъ племенъ, самоѣды на образованнаго европейца производятъ впечатлѣніе симпатичное. При нѣкоторомъ лукавствѣ и большой сдержанности, они — говоря вообще—вѣрны данному слову, гостепріимны и охотно помогаютъ людямъ, очутившимся въ нуждѣ. Довольно страстная въ основѣ природа ихъ просыпается часто, когда они опьянѣютъ. Женщины занимаютъ достаточно почетное мѣсто въ семьѣ, а дѣти отличаются какимъ-то врожденнымъ благонравіемъ и деликатностью. Строй семьи еще патріархаленъ; женъ берутъ не изъ своего рода, уплачивая калымъ, у богатыхъ значительный (до 200 оленей, т. е. до 3000 рублей съ придачей пушнины). Жена взамѣнъ приноситъ мужу приданое изъ оленей, пушнины, платья и иныхъ вещей, нужныхъ въ хозяйствѣ. Вдова поступаетъ обыкновенно въ жены къ младшему брату умершаго мужа. Дѣвку замужъ продаетъ отецъ, за смертью его—братъ. Женятъ иногда мальчиковъ 10 лѣтъ на дѣвицахъ того же возраста. Бываетъ—когда нужна баба по хозяйству—взрослыхъ женщинъ выдаютъ и за младенцевъ, такъ что женѣ приходится носить на рукахъ своего мужа. Молодую, оказавшуюся неряхой или слишкомъ сварливой, могутъ изъ чума вернуть отцу. Послѣдній, впрочемъ, обыкновенно не горюетъ, такъ какъ надѣется продать дочь второй разъ. Нерѣдко при этомъ возникаютъ споры о возвратѣ калыма или приданаго.

На рѣкѣ Морды на Ямалѣ въ чумѣ богатаго оленевода я имѣлъ разъ удовольствіе познакомиться съ супружеской парой, которая состояла изъ мужа 10 лѣтъ и жены 11-ти. Мать молодого, хозяйка чума, говорила мнѣ, что молодая, недавно вступившая въ семью, хороша по хозяйству, но что у нея прескверный характеръ, такъ что она заѣла всѣхъ бабъ въ чумѣ.

Значительная часть самоѣдовъ, въ особенности въ азіатскихъ тундрахъ, офиціально числятся язычниками. Жертвенныя мѣста, сравнительно рѣдкія въ Европейской Россіи, на сѣверѣ Западной

Сибири въ тундрахъ, занятыхъ самоѣдами, попадаются часто. Деревянные идолы, ввидѣ примитивно обдѣланныхъ чурбаковъ, рѣже ввидѣ болѣе совершенно вырѣзанныхъ фигуръ, ставятся обыкновенно на холмахъ, высокихъ обрывахъ надъ рѣчными долинами и озерами и на морскомъ берегу. На Ямалѣ знаменитое святилище, извѣстное по слухамъ и среди обдорскихъ русскихъ и зырянъ подъ названіемъ Ямальскій шайтанъ, находится въ тундрѣ недалеко отъ мыса Хаэнъ на проливѣ Малыгина. Тамъ собрано громадное количество идоловъ различныхъ формъ и величинъ.

Около идоловъ лежатъ, скопляясь за много лѣтъ, рогатые черепа оленей, принесенныхъ въ жертву. Въ общемъ оленей самоѣды, однако, жертвуютъ мало и обходятся смазываніемъ рта идоловъ масломъ или жиромъ и принесеніемъ имъ въ даръ кренделей и различныхъ ненужныхъ предметовъ вродѣ лоскутковъ, негоднаго ствола винтовки и т. под. Пожертвованнаго оленя съѣдаютъ жертвователи, шкуру увозятъ, а идолы получаютъ только черепъ съ рогами. На жертвенныхъ мѣстахъ кладутъ и черепа медвѣдей. Въ чумахъ самоѣды держатъ и возятъ съ собой маленькихъ домашнихъ идоловъ, одѣтыхъ въ мѣховые лоскутки и похожихъ на куклы. Всѣ эти священные предметы они, разумѣется, не считаютъ богами, а лишь изображеніями, посвященными невидимымъ духамъ. Поэтому ими особенно и не дорожатъ: при нѣкоторомъ тактѣ и умѣньѣ въ самоѣдскихъ тундрахъ всегда можно купить или получить въ подарокъ нѣсколько боговъ.

Крещеные самоѣды на жертвенныхъ мѣстахъ обыкновенно приносятъ жертвы подобно язычникамъ. Но вмѣстѣ со своими домашними богами они возятъ на священныхъ или, по выраженію русскихъ, шайтанскихъ нартахъ, также и иконы, вывезенныя изъ Обдорска. Крестятся часто по обѣту. Попавшій въ бѣду или заболѣвшій самоѣдъ обѣщаетъ тадебціямъ (духамъ) двухъ оленей, потомъ десять, а если это не помогаетъ, даетъ иногда обѣтъ креститься. Послѣ крещенія обѣтъ считается исполненнымъ, и счеты съ новой религіей оконченными. Исключенія тутъ рѣдки. Въ Обдорскѣ, однако, самоѣды, какъ и остяки, любятъ бывать у богослуженій и приносятъ приклады въ церковь. По разговорамъ съ самоѣдами мнѣ казалось, что Бога христіанъ они отождествляютъ съ Нумомъ.

Въ тобольскихъ тундрахъ самоѣды хоронятъ покойниковъ, по-

мѣщая ихъ въ поставленные на землю ящики, носящіе названіе халмеръ. Изрѣдка хоронятъ въ лодкахъ или бочкахъ. Погребеніе сопровождается нѣкоторыми церемоніями. Каждый родъ въ тундрѣ имѣетъ свои халмеры. Съ умершимъ кладутъ нѣкоторыя вещи домашняго обихода. Надъ могилами женщинъ, на поднятой надъ ящикомъ перекладинѣ, вѣшаютъ колокольчики. Во время вѣтра звонъ этихъ колокольчиковъ слышенъ издалека въ молчаливой зимней тундрѣ.

Нѣкоторые изъ самоѣдовъ охотно разсказываютъ сказки. Обыкновенно ихъ поютъ тягучимъ и однообразнымъ речитативомъ. Есть сказки, похожія на наши былины. Онѣ повѣствуютъ о войнахъ и подвигахъ богатырей. Отъ полета стрѣлъ ихъ поднимается буря надъ моремъ, ударъ копья (которое и теперь часто надѣвается на задні конецъ оленьяго шеста) можетъ пробить долину въ горномъ хребтѣ. Чумы ихъ изъ чистаго желѣза, а олени могутъ бѣжать цѣлый годъ безъ отдыха и корма. Но преданій, которыя могли бы имѣть историческое значеніе, самоѣды, повидимому, не имѣютъ. Другія сказки— бытового характера — интересны потому, что въ нихъ много чертъ изъ жизни самоѣдовъ. На Ямалѣ, среди каменныхъ самоѣдовъ, а также и въ другихъ мѣстахъ тундры, распространена между прочимъ довольно поэтическая легенда о самоѣдѣ Вылкѣ, котораго во время охоты за бѣлымъ медвѣдемъ вмѣстѣ съ его оленями унесло въ море на льдинѣ. Сказка говоритъ яркими словами о его страданіяхъ и разсказываетъ дальше, какъ онъ, достигнувъ берега, попалъ къ старику Илибёмъ-бэрти—духу-покровителю оленей.

Близость русскихъ и зырянъ портитъ и губитъ самоѣдовъ прежде всего потому, что они слишкомъ пристращаются къ легко добываемой водкѣ. Обѣднѣвшіе самоѣды, ютящіеся вблизи селъ и русскихъ рыбныхъ промысловъ, въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не похожи характеромъ на самолюбивыхъ и полныхъ чувства собственнаго достоинства жителей отдаленныхъ пустынныхъ тундръ. Конечно, и тутъ и тамъ не всѣ люди одинаковы. Во временныя сношенія съ русскими торговыми пунктами вступаютъ, кажется, всѣ самоѣды безъ исключенія, хотя нѣкоторые чумы остаются въ иныя зимы на крайнемъ сѣверѣ тундръ. Въ Сибири самоѣды почти не носятъ русскаго платья подъ малицами (какъ родичи ихъ Архангельской губерніи), но всѣ привыкли къ питью чая, употребленію

Самоѣдское кладбище на Ямалѣ.

табаку, хлѣба, и почти не имѣютъ луковъ и стрѣлъ, употребляя огнестрѣльное оружіе, частью цѣнное, новѣйшихъ системъ. Сильно и неудержимо бѣднѣющіе самоѣды Архангельскихъ тундръ уменьшаются въ числѣ; у енисейскихъ замѣчается еще небольшой приростъ.

Въ тундрѣ Тобольской губерніи, на территоріяхъ, занятыхъ самоѣдами, кочуютъ кое-гдѣ въ небольшомъ числѣ оленеводы изъ Обскихъ остяковъ, главная масса которыхъ живетъ въ лѣсахъ бассейна Оби [1]). Они частью обсамоѣдились настолько, что говорятъ только по-самоѣдски. Самоѣды вообще смѣшиваются съ остяками. Въ самоѣдскихъ чумахъ въ отдаленныхъ тундрахъ нерѣдко бываютъ жены остячки.

И въ Архангельскихъ и въ Тобольскихъ тундрахъ—въ послѣднихъ въ болѣе южной полосѣ ихъ—теперь большія оленьи стада принадлежатъ зырянамъ, первоначально также лѣснымъ жителямъ. Это одаренное племя, въ значительной степени обрусѣлое и въ торговыхъ дѣлахъ выдерживающее съ успѣхомъ конкуренцію не только со всѣми остальными инородцами, но и съ русскими. По типу, вѣроятно, вслѣдствіе давняго смѣшенія, они похожи на русскихъ сѣверянъ. Женщины ихъ часто рослы и очень красивы. Они способные торговцы и искусные и очень практичные оленеводы, умѣющіе извлекать всю возможную прибыль изъ своихъ стадъ. Кромѣ того зыряне очень склонны къ колонизаціи пустыхъ областей сѣвера и изъ бассейна Печоры, гдѣ живетъ большинство ихъ, проникли къ западу до Лапландіи, къ востоку—далеко въ Сибирь. Въ Тобольской губерніи они составляютъ значительную часть населенія Обдорска и живутъ по Надыму и далѣе къ востоку. Живя обыкновенно осѣдло, они имѣютъ большія стада, которыя поручаютъ пасти пастухамъ изъ самоѣдовъ, но и сами часто подолгу кочуютъ со стадами въ тундрѣ. Имъ не грозитъ вымираніе; скорѣе они повинны въ эксплоатаціи и экономическомъ порабощеніи другихъ инородцевъ.

Какъ къ западу отъ Енисея самоѣды, такъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири чукчи могутъ служить примѣромъ типичныхъ

---

[1]) Обскихъ остяковъ не нужно смѣшивать съ Енисейскими остяками или енисейцами,—совсѣмъ другимъ племенемъ. Эти послѣдніе относятся къ палеазіатамъ, между тѣмъ какъ первые—финны.

обитателей безлѣсной тундры. Ихъ числится около 12 тысячъ, причемъ по образу жизни они раздѣляются на сидячихъ, живущихъ осѣдло по берегамъ океана и занимающихся морскимъ промысломъ, и кочевниковъ-оленеводовъ. Поселенія сидячихъ чукчей, которыхъ около 3 тысячъ, тянутся по побережью Ледовитаго океана начиная отъ мыса Шелагскаго, ограничивающаго съ востока Чаунскую губу, до Берингова моря. Оленеводы кочуютъ сѣвернѣе лѣсной границы въ тундрахъ Чукотскаго полуострова и по бассейнамъ Анадыри и Колымы. Въ Колымскомъ округѣ чукчи сравнительно недавніе пришельцы. Въ началѣ прошлаго вѣка западной границей ихъ стойбищъ была рѣка Бараниха (верстахъ въ 200 къ востоку отъ Колымы). Въ поискахъ новыхъ пастбищъ подвигались они постепенно къ западу, и теперь небольшое количество чукчей кочуетъ уже западнѣе Алазеи. Зимой, какъ и самоѣды, чукчи-оленеводы откочевываютъ со своими стадами къ югу, къ лѣсной границѣ, не углубляясь, однако, обыкновенно въ тайгу далѣе двухъ-трехъ десятковъ верстъ, а съ наступленіемъ ранней весны двигаются обратно въ чистую тундру и къ побережью Ледовитаго океана.

Чукчи въ общемъ отличаются сильнымъ сложеніемъ и выносливостью. Въ то же время и характеръ ихъ довольно рѣзко отличенъ отъ характера гораздо болѣе мягкихъ и миролюбивыхъ лопарей, самоѣдовъ или тунгусовъ. Типъ ихъ смѣшанный, но часто среди нихъ встрѣчаются люди, мало похожіе на монголовъ, а скорѣе на представителей племенъ сѣверо-американскихъ туземцевъ. „Красивый мужской чукотскій типъ—пишетъ Богоразъ—приближается къ тому представленію, которое мы имѣемъ о типѣ нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ, напр. патагонцевъ. Онъ высокъ, плечистъ, со статной, но нѣсколько тяжелой фигурой; лицо имѣетъ цвѣтъ свѣтлой бронзы съ крупными и правильными чертами; лобъ высокій и прямой; носъ крупный, прямой, рѣзко очерченный; глаза большіе, широко разставленные, выраженіе лица мрачное“.

При хорошей физической силѣ чукчи очень выносливы къ холоду, голоду, также въ ходьбѣ и бѣганьѣ. Съ большой твердостью переносятъ они физическія страданія. Такъ между прочимъ для родильницы считается позорнымъ кричать или охать во время родовъ. Въ то же время отличаются они легкой возбудимостью. Ссоры и драки между ними вещь обычная, не рѣдки убій-

Юкагирки съ низовой Колымы.

Чукчи съ низовой Колымы.

ства и даже самоубійства по ничтожнымъ поводамъ. „Разозленный чукча—говоритъ Богоразъ—рычитъ, гнѣвно скалитъ зубы и характернымъ движеніемъ закусываетъ по направленію къ врагу рукоять ножа или даже рукавъ одежды. Многіе отъ гнѣва плачутъ“.

С. А. Бутурлинъ, пробывшій болѣе полугода на нижней Колымѣ, разсказывалъ автору этихъ строкъ слѣдующіе эпизоды, характеризующіе нравъ чукчей. Пріѣхавшій на Анюйскую ярмарку чукча сообщилъ своимъ знакомымъ, что онъ рѣшилъ умереть и дѣйствительно зарѣзался ножомъ. Причиною самоубійства былъ упорный бронхитъ, который надоѣлъ умершему; чукча полагалъ, что ввиду упорной хворости онъ уже не можетъ считать себя настоящимъ воиномъ. Въ другой разъ въ лагерѣ изъ нѣсколькихъ чумовъ одинъ изъ чукчей во время выпивки счелъ себя обиженнымъ какой-то шуткой своего сосѣда. Оскорбившись онъ захватилъ свой американскій винчестеръ и мѣшокъ патроновъ и, уйдя на ближайшій холмъ, началъ обстрѣливать лагерь. Его пробовали остановить криками, но это было безполезно. Чукчи принуждены были послать двухъ парней, которые, далеко обойдя стрѣлявшаго, подползли къ нему сзади и пристрѣлили его.

Обычай кроваваго мщенія и теперь въ полной силѣ среди чукчей; но кровомщеніе примѣняется только въ томъ случаѣ, если убійство совершено членомъ другого рода. Убійство же въ предѣлахъ рода и тѣмъ болѣе семьи остается безнаказаннымъ. Интересенъ обычай убивать дряхлыхъ стариковъ; но въ этомъ случаѣ иниціатива смерти исходитъ всегда отъ самого старика, причемъ такая добровольная смерть разсматривается, какъ доблесть.

Среди чукчей нерѣдко многоженство, но въ большинствѣ случаевъ женъ бываетъ не больше двухъ. Отдѣльные богатые чукчи имѣютъ до 4 и даже до 7 женъ. Какъ и у самоѣдовъ, жены часто помѣщаются въ отдѣльныхъ шатрахъ и во всякомъ случаѣ имѣютъ отдѣльные полога въ общемъ шатрѣ. Нерѣдки браки между малолѣтними, которымъ предоставляется потомъ вырастать вмѣстѣ и вступать фактически въ брачныя отношенія по ихъ усмотрѣнію. Браки чукчей въ общемъ плодовиты. Къ дѣтямъ въ семьяхъ относятся мягко и ласково, и сами они отличаются добронравіемъ. Нерѣдко чукчи женятся на ламуткахъ, юкагиркахъ и даже русскихъ женщинахъ. Очень оригиналенъ обычай перемѣннаго брака, пр

которомъ нѣсколько мужчинъ (трое — четверо, иногда и больше) вступаютъ въ союзъ вродѣ побратимства, причемъ жены всѣхъ считаются общей собственностью. Какъ и у самоѣдовъ, чукча обыкновенно вступаетъ въ брачный союзъ со вдовой умершаго брата.

Очень немногіе чукчи—во всякомъ случаѣ меньше $^1/_4$ всего ихъ числа—крещены, и притомъ крещеные обыкновенно не помнятъ даже своего христіанскаго имени. По религіознымъ воззрѣніямъ они анимисты и обычно приписываютъ предметамъ способность оживать. Существуетъ вѣра—не вполнѣ, однако, опредѣленнаго и однообразнаго характера—въ божественное существо или творца міра. Очень распространено представленіе о злыхъ духахъ. У человѣка, по вѣрованію чукчей, нѣсколько душъ—у в и р и т ъ. Эти увириты подобны человѣку, но ростомъ съ комара. Разнообразные и многочисленные обряды и гаданія сопровождаютъ различные моменты жизни семьи. Въ шатрахъ держатъ каменныхъ пенатовъ, амулеты и священные бубны. Шаманы пользуются большимъ уваженіемъ. В. Г. Богоразъ разсказываетъ, что способности къ шаманству у нѣкоторыхъ чукчей какъ-бы прирождены. Юноша, склонный къ шаманскому вдохновенію, при наступленіи половой зрѣлости рѣзко мѣняется: онъ ищетъ уединенія, начинаетъ очень мало ѣсть, проводитъ цѣлые дни вдали отъ жилища подъ открытымъ небомъ, не говоритъ съ окружающими и не отвѣчаетъ на вопросы. Иногда такое состояніе кончается болѣзнью и смертью. При благопріятномъ теченіи развитія шаманскихъ способностей будущій шаманъ начинаетъ подолгу стучать въ бубенъ, и у него постепенно развивается способность къ чревовѣщанію. Въ дальнѣйшемъ можетъ у шамана-мужчины происходить измѣненіе психики въ смыслѣ развитія женскихъ привычекъ и способностей. Шаманъ надѣваетъ женское платье, усваиваетъ женскую манеру говорить и начинаетъ интересоваться исключительно женскими занятіями. Эти превращающіеся по манерамъ въ женщинъ шаманы между чукчами считаются самыми могущественными. Другіе шаманы не испытываютъ такого превращенія, и шаманскія способности ихъ выражаются въ искусствѣ чревовѣщанія, гаданьяхъ, предсказаніи будущаго и продѣлываніи различныхъ, иногда—по отзывамъ путешественниковъ—довольно загадочныхъ фокусовъ. Какъ и у самоѣдовъ, среди чукчей есть и женщины шаманки. Особаго шаманскаго костюма у чукотскихъ шамановъ нѣтъ. Только у приморскихъ чукчей шаманы носятъ

пёструю мѣховую рубаху съ разрѣзами по бокамъ и вышивками, но этотъ костюмъ заимствованъ у эскимосовъ.

Какъ и ихъ сосѣди—коряки—чукчи очень искусно выдѣлываютъ изъ моржовой кости различныя изображенія и предметы обихода. Инородцы вообще мастера на разныя ручныя работы. Сидячіе — хорошіе мореходы. На байдарахъ, сдѣланныхъ чаще всего изъ моржовыхъ шкуръ, охотятся они за морскими звѣрями, изрѣдка даже за китами, и плаваютъ иногда черезъ Беринговъ проливъ въ Америку. Перепись 1897 года зарегистрировала 76 поселковъ осѣдлыхъ чукчей въ 519 юртъ и съ населеніемъ въ 3058 душъ, а если считать вмѣстѣ эскимосовъ, живущихъ чрезполосно съ чукчами по берегу Берингова пролива, то 85 поселковъ съ 705 юртами и населеніемъ въ 4365 душъ. Эскимосы и сидячіе чукчи въ большей мѣрѣ, чѣмъ оленные, страдаютъ отъ частаго соприкосновенія съ посѣщающими берега Берингова пролива американскими китобоями, которые ведутъ торговлю съ инородцами при широкомъ примѣненіи въ качествѣ мѣнового товара плохого рома. Изъ вымѣниваемыхъ чукчами предметовъ вообще едва ли четвертая часть составляетъ вещи, нужныя въ ихъ хозяйствѣ, остальныя три четверти (если не $^{9}/_{10}$)—безполезный для нихъ, но занимательный товаръ ввидѣ украшеній, зеркалъ, музыкальныхъ инструментовъ, грамофоновъ и т. п. Пьянство, нищета и болѣзни развиваются среди прибрежныхъ жителей дальняго сѣверо-востока Сибири, не защищенныхъ отъ „культуры" далью непроходимой тундры.

Вотъ что пишетъ о сибирскихъ эскимосахъ одинъ изъ путешественниковъ нашего времени [1]): „Покинувъ бухту Св. Креста, пошли мы въ бухту Провидѣнія, въ которой американская кампанія содержитъ торговую станцію [2]). Здѣсь встрѣтились мы въ первый разъ съ сибирскими эскимосами. Число ихъ не велико, все племя врядъ-ли насчитываетъ больше 1000 душъ, которые живутъ на Азіатскомъ континентѣ въ 9 селеніяхъ. Мужчины и женщины одѣты въ платье изъ шкуръ тюленей и оленей, шерстью внутрь, причемъ платье

---

1) Paul Niedieck. Kreuzfahrten im Beringmeer. Berlin. 1907.

2) Рѣчь идетъ о „Сѣверо-восточномъ Сибирскомъ обществѣ", офиціально русскомъ, образовавшемся яко-бы для эксплоатаціи горныхъ богатствъ чукотскаго п-ва, но занимавшемся больше торговлей спиртомъ. Любопытная дѣятельность этой „компаніи" описана К. Н. Тульчинскимъ въ „Извѣстіяхъ Географическаго Общества" за 1906 г. (т. XLII).

переполнено насѣкомыми. Они все время чешутся, и если паразитъ пойманъ, то его берутъ въ ротъ и дѣлаютъ безвреднымъ, энергично раскусывая зубами. На темени мужчины выстригаютъ себѣ тонзуру, а по сторонамъ лица волосы висятъ прядями. Стѣны ихъ зимнихъ хижинъ эскимосы дѣлаютъ изъ китовыхъ реберъ, воткнутыхъ вертикально въ землю въ двухъ футахъ разстоянія одно отъ другого. Промежутки заполняются мхомъ и землею, а крыша обыкновенно состоитъ изъ моржовой шкуры. Лѣтнія жилища сдѣланы изъ шкуръ, натянутыхъ на деревянный остовъ. Въ большей степени, чѣмъ сосѣдніе чукчи, эскимосы сибирскаго берега приходятъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціей черезъ посѣщающихъ это побережье китобоевъ. Многіе говорятъ по англійски, нѣкоторые побывали въ Санъ-Франциско, и слѣдствіемъ этой близости съ бѣлыми явилась ихъ дегенерація. Команды китобойныхъ судовъ ввозили въ страну въ массахъ отвратительнѣйшую водку, за которую они вымѣниваютъ моржовую кость и звѣриныя шкуры; они наградили эскимосовъ болѣзнями, какихъ тѣ раньше не знавали, и привели здоровый и веселый народецъ на границу полнаго паденія“.

Южнѣе чукчей, по далеко отъ морского берега раскинувшимся безлѣснымъ тундрамъ, лежащимъ у Олюторскаго залива (южная часть побережья Берингова моря), и далѣе на югъ по сѣверо-восточнымъ берегамъ Камчатки, по Пенжинѣ и Гижигѣ обитаютъ родственные по языку и типу чукчамъ к о р я к и, общая численность которыхъ достигаетъ почти 7,000 человѣкъ. Изъ этого числа около 3,200 живутъ осѣдло, остальные кочуютъ съ многочисленными еще пока стадами оленей. И тѣ и другіе частью живутъ уже въ лѣсной полосѣ.

Какъ и чукчи, коряки энергично боролись за свою независимость во время завоеванія береговъ Тихаго океана русскими. Воевали они не рѣдко и съ чукчами. Въ физическомъ типѣ ихъ, а также во многихъ подробностяхъ обихода, есть черты, напоминающіе чукчей. „Съ физической стороны—пишетъ д-ръ Н. В. Слюнинъ—корякъ представляетъ большую противоположность тунгусу: въ большинствѣ случаевъ рослый, широкоплечій, съ богато-развитой мускулатурой, онъ тяжелъ на подъемъ; движенія его грубоваты и медленны; говоритъ всегда не спѣша, какъ-бы обдумывая. Лицо большею частью продолговатое, крайне рѣдко короткое, безъ рѣзкой скуластости; носъ прямой... брови густые и нависшіе, что еще

больше придаетъ суровое выраженіе коряку. Женщины въ общемъ средняго роста, но съ наклонностью къ великорослости; сложенія довольно плотнаго; лицо правильнаго очертанія, безъ выдающихся скулъ, съ прямымъ носомъ, и часто отличается относительной миловидностью въ ранней молодости".

Отношеніе къ женщинамъ у оленныхъ коряковъ гораздо хуже, чѣмъ у сидячихъ. Дѣти—которыхъ въ семьяхъ довольно много, что указываетъ на значительную жизненность коряцкаго племени—пользуются любовью и заботливостью родителей. Дѣтей кормятъ грудью до 4—5 лѣтъ, а иногда и дольше, и дѣлаютъ для нихъ различныя сложныя игрушки. Пѣсни коряковъ довольно разнообразны по содержанію, танцы богаты мимикой и разными комическими выходками, причемъ танцующіе изображаютъ охоты и всевозможныя сцены изъ своего быта. По религіи они язычники-шаманисты, но религіозныя воззрѣнія оленныхъ и сидячихъ коряковъ разнятся въ значительной степени. Между прочимъ осѣдлые коряки вѣрятъ въ загробную жизнь умершихъ, между тѣмъ какъ оленные, повидимому, идеи о загробной жизни не имѣютъ. Языки осѣдлыхъ и кочевыхъ коряковъ также нѣсколько различны. Нѣкоторые изъ сидячихъ коряковъ въ значительной мѣрѣ обрусѣли; есть и христіане, или, вѣрнѣе, крещеные, но ихъ немного.

Шатеръ кочевыхъ коряковъ похожъ на чукотскій, но юрты осѣдлыхъ имѣютъ совсѣмъ особенный типъ. „Юрты, дома или палатки—пишетъ путешественникъ баронъ Майдель—какъ бы мы ни назвали жилища осѣдлыхъ коряковъ—производятъ оригинальное впечатлѣніе. Передъ собою видишь высокую ульеобразную постройку, имѣющую на верхушкѣ горизонтальную, укрѣпленную на шестахъ площадку изъ досокъ, очень похожую на большіе тарелкообразные воротники, которые носили въ Германіи въ XVI столѣтіи. Изъ купола выходитъ дымъ, а по внѣшней сторонѣ постройки на площадку ведетъ лѣстница. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ боку замѣчаемъ пристроенный изъ балокъ ходъ, закрывающійся тяжелою дверью и имѣющій около двухъ саженей длины и высоту человѣческаго роста. Въ зимнее время въ жилище коряка можно проникнуть только черезъ дымовое отверстіе, а нижній ходъ открывается исключительно лѣтомъ. Какъ только наступаетъ весна и становится тепло, хозяинъ отворяетъ дверь, выноситъ свою кожаную лодку и исправляетъ ее

Лодка эта состоитъ изъ крѣпкаго деревяннаго остова, который обтягивается сшитыми непроницаемо для воды тюленьими шкурами, шерстью наружу; въ такомъ видѣ она можетъ быть пущена въ дѣло. До тѣхъ поръ, пока ѣздятъ на лодкѣ, въ хижину ходятъ только черезъ нижнюю дверь; когда же наступаетъ холодное время года, кожи съ остова лодки снимаютъ, хозяинъ снова заноситъ ее въ свой домъ, и ходъ внизу запирается. Съ этого времени до весны можно пользоваться только верхнимъ ходомъ".

Покрой коряцкаго платья напоминаетъ чукотскій. Какъ и чукотки, коряцкія женщины носятъ зимой сплошной мѣховой мѣшокъ, раздѣленный для ногъ въ видѣ шароваръ внизу, который надѣвается съ ногъ и завязывается у шеи. Многія женщины татуируютъ лицо, что дѣлаютъ и нѣкоторыя чукотки. Коряки, сидящіе въ сѣверной части Камчатки, до извѣстной степени ассимилировались со своими сосѣдями—камчадалами, образовавъ смѣшанное населеніе.

Въ тундрахъ на сѣверѣ Якутской области, отчасти и въ полосѣ лѣсовъ, живутъ остатки двухъ нѣкогда многочисленныхъ племенъ, которыя энтографами относятся также къ палеазіатамъ: это юкагиры и чуванцы. Въ эпоху, когда русскіе впервые появились къ востоку отъ Лены, около средины XVII вѣка, юкагиры были многочисленнымъ и воинственнымъ народомъ, занимавшимъ своими кочевьями громадное пространство отъ нижней Лены до Чаунской губы. Войны съ чукчами, коряками и русскими, голодъ и оспенныя эпидеміи—одинъ изъ бичей сѣверныхъ инородцевъ—постепенно сокращали ихъ число. По X ревизіи въ 1859 г. числилось ихъ еще 1686 душъ, послѣдняя же перепись 1897 года зарегистрировала на пространствѣ Колымскаго и Верхоянскаго округовъ всего 660 юкагировъ. Нѣкоторые изъ юкагировъ вполнѣ обрусѣли и живутъ осѣдло; другіе, сохранившіе свой языкъ и обычаи, ведутъ жизнь бродячихъ охотниковъ, держа — и то далеко не всегда—столько оленей, сколько нужно для перевозки ихъ небольшого скарба и составныхъ частей конусообразной, покрытой берестой урасы. Небольшое количество ихъ бродитъ въ лѣсахъ по Алазеѣ и Омолону. Уходя глубоко въ незаселенные пустые лѣса бассейна Колымы, они выставлены всѣмъ бѣдамъ, связаннымъ съ неудачей промысловъ, съ недостаткомъ пороха, свинца, сѣтей. „Я подарилъ—пишетъ въ своемъ отчетѣ С. А. Бутурлинъ, изслѣдовавшій въ низовьяхъ Колымы экономическое положеніе населенія по

порученію министерства внутреннихъ дѣлъ—юкагирскому Ушканьему роду одну новую берданку съ патронами, и добытые въ первой половинѣ апрѣля 20 оленей позволили большинству пережить до лѣта; но двѣ семьи Спиридоновыхъ—7 человѣкъ взрослыхъ и двое дѣтей—перемерли отъ голода на рѣкѣ Поповкѣ. Десятый, Алексѣй Спиридоновъ, случайно застрѣлилъ лебедя, долго кормился имъ и въ концѣ концовъ выбрался живымъ, но не смѣлъ сначала разсказывать объ этомъ несчастіи, такъ какъ сохранилъ себя людоѣдствомъ"...

Чуванцы почти перестали существовать, какъ народъ. Какъ и юкагиры, они распадаются на осѣдлыхъ или полуосѣдлыхъ рыболововъ и бродячихъ оленеводовъ и охотниковъ. Первые, подобно юкагирамъ, составляютъ часть населенія русскихъ поселковъ, расположенныхъ въ среднемъ теченіи Анадыри. Они вполнѣ обрусѣли. Вторые, въ числѣ всего нѣсколькихъ семействъ, скитаются главнымъ образомъ въ области верховьевъ Пенжины и Анадыри. Бродячіе чуванцы, повидимому, находятся въ стадіи быстраго вымиранія. Уже въ 60-хъ годахъ барону Майделю вовсе не удалось встрѣтить чуванцевъ, помнившихъ свой родной языкъ, такъ какъ осѣдло жившіе въ низовьяхъ Колымы и Омолона представители этого племени говорили по-русски. Въ настоящее время всѣхъ чуванцевъ, считая и живущихъ въ русскихъ поселкахъ по Колымѣ и Анадыри и часто и офиціально и въ отчетахъ путешественниковъ числящихся „русскими", около 200 душъ.

Въ прошлыя времена чуванцы въ значительномъ числѣ жили по лѣвому берегу и верховьямъ Анадыри, владѣли большими стадами оленей и вели войны съ чукчами, которыми и были вытѣснены изъ своихъ вотчинъ.

Изъ числа инородцевъ, болѣе широко распространенныхъ въ лѣсной полосѣ, но частью бродящихъ или живущихъ осѣдло и въ предѣлахъ тундры, я упомяну еще долганъ и ламутовъ. Первые изъ нихъ очень мало изучены этнографами, говорятъ на якутскомъ языкѣ, но по происхожденію своему принадлежатъ, повидимому, къ тунгусамъ Долганскаго рода. Въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ душъ они частью живутъ въ бревенчатыхъ юртахъ, частью бродятъ съ небольшими стадами оленей, или питаясь главнымъ образомъ рыболовствомъ и охотой, въ Туруханскомъ краѣ отъ Пясины черезъ вер-

ховья Таймыра до Хатанги, мѣстами въ сосѣдствѣ съ восточными племенами самоѣдовъ и якутами, съ которыми они частью и смѣшиваются. Племя это въ противоположность большинству сибирскихъ инородцевъ, такъ же какъ и настоящіе якуты, жизненно и увеличивается въ числѣ. Что касается до ламутовъ, то это настоящіе тунгусы. Названіе ихъ происходитъ отъ тунгусскаго слова ламу—море и самими тунгусами прилагается къ тѣмъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые живутъ вблизи морскихъ береговъ—безразлично, у Ледовитаго океана или Тихаго. Такъ какъ охотничьи роды тунгусовъ бродятъ съ мѣста на мѣсто, то случается, конечно, что „ламуты", названіе которыхъ можно передать терминомъ „береговые тунгусы", уходятъ отъ морского берега вглубь лѣсовъ, а вмѣсто нихъ, наоборотъ, къ морскому берегу подкочевываютъ изъ внутреннихъ частей страны „тунгусы". Поэтому даже и приблизительную численность ламутовъ опредѣлить очень трудно. Въ предѣлахъ Якутской области ламутами называются обыкновенно сѣверные тунгусскіе роды, обитающіе въ Колымскомъ и Верхоянскомъ округахъ, а коренные роды болѣе южныхъ мѣстностей называются собственно тунгусами. Было бы, пожалуй, правильнѣе, какъ предложилъ это С. Паткановъ, совсѣмъ упразднить названіе „ламуты", такъ какъ они не составляютъ отдѣльнаго племени тунгусовъ.

Въ общемъ на сѣверѣ Восточной Сибири, въ предѣлахъ Якутской области, кочевья тунгусовъ разбросаны отъ теченія Анабары (по которой спускаются они до 72°—73° с. ш.) къ востоку до самаго устья Оленека и далѣе по нижнему теченію Лены и Яны до широты села Казачьяго. Западнѣе и восточнѣе Омуляхской губы, между Яной и Индигиркой, доходятъ они до самаго океана и къ востоку обнимаютъ бассейнъ нижней Колымы съ Малымъ и Большимъ Анюями, простираясь почти до Чаунской губы. Тунгусы не имѣютъ здѣсь районовъ, строго отграниченныхъ отъ якутовъ и чукчей. „Между тѣмъ, какъ годичныя кочевки чукотскихъ оленеводовъ — говоритъ Богоразъ—большей частью ограничиваются переходами съ зимняго пребыванія стадъ на лѣтнее и обратно, заключенными въ извѣстныхъ, довольно ограниченныхъ предѣлахъ съ уклоненіями въ сторону не болѣе 50—100 верстъ, размахъ ламутскихъ скитаній требуетъ гораздо болѣе обширныхъ границъ и простирается ежегодно на многія сотни верстъ. Проживая во время лѣта... за предѣлами

Тунгуска.

лѣсной растительности... они уже съ конца августа приближаются къ опушкѣ, мало по малу углубляются внутрь тайги и въ поискахъ охотничьей добычи переходятъ съ бассейна одной рѣчки на другую".

Въ Анадырскомъ округѣ есть небольшое количество (душъ 50) обрусѣвшихъ ламутовъ, которые вмѣстѣ съ обрусѣвшими юкагирами и чуванцами живутъ въ селеніяхъ по Анадыри и ея притокамъ. Нѣсколько сотъ бродячихъ ламутовъ съ оленями кочуютъ въ бассейнѣ Анадыри, мѣняя мѣста въ зависимости отъ хода промысловъ.

По внѣшнему виду своему ламуты—низкаго роста, очень худощавые, но ловкіе и выносливые люди. Монгольскіе признаки черепа и лица у нихъ обыкновенно выражены довольно явственно. Живутъ они главнымъ образомъ охотой. Весной по насту — на легкихъ лыжахъ, зимой и лѣтомъ—верхомъ на оленѣ ламутъ скитается по тайгѣ и по хребтамъ тундры въ поискахъ за дикимъ оленемъ, лосемъ, горнымъ бараномъ и пушнымъ звѣремъ. Семья его слѣдуетъ за нимъ. Уходя съ утра, мужчины назначаютъ женщинамъ то мѣсто, гдѣ вечеромъ долженъ быть разбитъ чумъ. Охотятся ламуты обыкновенно въ одиночку. Оленей они держатъ немного, но олени ихъ славятся силой и охотно вымѣниваются чукчами. Какъ и южные тунгусы и многіе другіе сибирскіе инородцы, ламуты почитаютъ медвѣдя: охота на этого звѣря сопровождается умилостивительными пѣснями и искупительными обрядами.

Вольный кочевникъ самой чистой крови, выносливый и смѣлый охотникъ, отличный стрѣлокъ изъ ружья и лука, тунгусъ имѣетъ обыкновенно очень бодрый и нарядный видъ. „Ламутъ — говоритъ Майдель—является во всѣхъ отношеніяхъ щеголемъ даннаго захолустья: стоитъ взглянуть на его одежду, которая, будучи легкой и удобной, не только не стѣсняетъ движеній тѣла, но и такъ всегда разукрашена, какъ только позволяютъ ему средства. Кафтанъ изъ оленьихъ шкуръ сшитъ всегда съ большой тщательностью: на цвѣтъ идущихъ на него шкурокъ обращается большое вниманіе... Сапоги, поясъ, огнестрѣльное оружіе, колчанъ и все остальное, что онъ имѣетъ на себѣ и вокругъ себя, изящно украшено шитьемъ и рѣзьбой; однимъ словомъ, на стройномъ и ловкомъ ламутѣ все взятое вмѣстѣ производитъ пріятное впечатлѣніе. Но особенное вниманіе обращаютъ дѣвушки и женщины на свой нарядъ".

Нарядъ этотъ украшается различными вышивками, бусами и серебряными монетами. Волосы тщательно убраны. На оружіе и украшенія для себя и своихъ женщинъ ламутъ не жалѣетъ денегъ, когда они есть. Крытая берестой у р а с а ламута имѣетъ очень малые размѣры и устроена такъ, чтобы ее легко было увезти на спинѣ одного оленя. Жерди очень легки, береста сшивается длинными полосами, которыя вывариваются и дѣлаются мягкими, такъ что ихъ легко скатать тонкими полосами. Иногда берестяная покрышка урасы украшается различными узорами.

Путешественники называютъ ламутовъ „дворянами тундры" за ихъ изящество и оттѣнки самостоятельности, достоинства и благородства въ ихъ характерѣ. Въ торговыхъ сношеніяхъ они весьма честны, а при всякихъ столкновеніяхъ не любятъ давать себя въ обиду. Дикіе и рѣшительные чукчи всегда стараются избѣгать рѣзкихъ недоразумѣній съ ламутами. Какъ и остальные тунгусы, они наиболѣе подвижные охотники лѣсовъ и тундры.

Далеко въ область тундры въ восточной Сибири проникли и я к у т ы,—инородцы, по языку принадлежащіе къ тюркской группѣ монгольскихъ народовъ и такъ же, какъ и тунгусы, имѣющіе довольно рѣзко выраженный монгольскій типъ. На глубокомъ сѣверѣ Таймырскаго края, по бассейнамъ Хатанги и Анабары и далѣе къ востоку въ приокеанской полосѣ Якутской области разбросаны ихъ н а с л е г и. Они живутъ вперемежку съ русскими и инородцами другихъ племенъ, побѣждая не только послѣднихъ, но и первыхъ своей жизненностью и коммерческими способностями. Въ восточной полосѣ Сибири они играютъ ту же роль, какъ зыряне въ западной. Якутовъ насчитывается около 225000, и главная масса ихъ живетъ въ лѣсахъ Якутской области*).

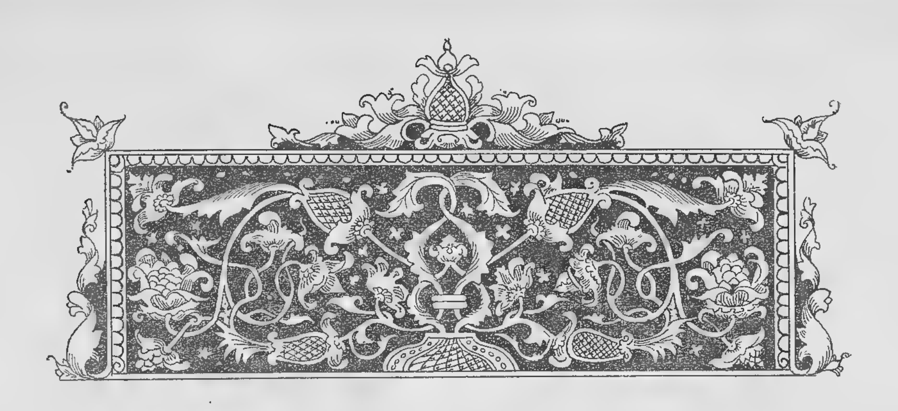
Кромѣ перечисленныхъ мною племенъ на сѣверѣ Восточной Сибири во время прихода туда русскихъ жили и другія племена— о м о к и, а н ю и л ы, ш е л а г и; существованіе послѣднихъ, впрочемъ, отрицается нѣкоторыми знатоками сѣверно-сибирскихъ народовъ. Вѣроятно, они погибли въ борьбѣ съ русскими, другъ съ другомъ и отъ занесенныхъ эпидемій. Вотъ что записалъ спутникъ барона Вран-

---

*) Подробности объ остякахъ, якутахъ, тунгусахъ и о другихъ лѣсныхъ инородцахъ см. т. I. Сибирь.

геля въ его сѣверно-сибирской экспедиціи 1820—23 годовъ, мичманъ Матюшкинъ, со словъ одного старика.

„Нашъ хозяинъ увѣрялъ насъ, что онъ происходитъ отъ омоковъ, и не мало гордился тѣмъ, что въ его семействѣ во всей чистотѣ сохранился языкъ сего народа. Коркинъ часто и охотно разсказывалъ мнѣ много чудеснаго и невѣроятнаго о своихъ предкахъ, ихъ богатствахъ, храбрости, битвахъ съ иноземцами... По его словамъ, на берегахъ Колымы, къ сѣверу отъ Омолона и устья обоихъ Анюевъ, жили нѣкогда омоки, миролюбивый и столь многочисленный народъ, что тогда говаривали: на берегахъ Колымы болѣе омокскихъ огнищъ, нежели въ ясную ночь звѣздъ на небѣ. Омоки занимались охотою и рыбною ловлею... Народъ омокскій стоялъ уже на нѣкоторой степени промышленнаго образованія и задолго до пришествія русскихъ зналъ употребленіе желѣза. При завоеваніи Сибири губительные предшественники русскихъ—корь, оспа и другія прилипчивыя болѣзни—произвели ужасныя опустошенія между туземцами. Омоки рѣшились, оставивъ свое отечество, удалиться туда, гдѣ вѣчные снѣга и льды могли спасти ихъ отъ преслѣдованія чужеземцевъ, и отправились двумя большими отдѣленіями, со всѣмъ своимъ имуществомъ и безчисленными оленями, отъ устья Колымы на сѣверъ. Куда направили омоки свой путь, гдѣ поселились, и вообще о дальнѣйшей судьбѣ ихъ старикъ ничего не зналъ. Я разспрашивалъ другихъ, но никто не могъ мнѣ сообщить достовѣрныхъ извѣстій. Вѣроятно, что омоки пошли на западъ берегами Ледовитаго моря, потому что при устьѣ Индигирки находятся донынѣ явные слѣды юртъ и другихъ жилищъ, о происхожденіи и существованіи которыхъ сторожилы ничего не помнятъ кромѣ того, что сіи развалины съ незапамятныхъ временъ назывались *Омокскимъ юртовищемъ*.



VII.

Скотоводство въ тундрахъ. Рогатый скотъ и лошади. Оленеводство. Ѣзда на оленяхъ. Собаки на Сѣверѣ.

Важнѣйшія домашнія животныя умѣренныхъ странъ проникли за осѣдлымъ населеніемъ и во многія отдаленныя мѣстности тундры. Русское населеніе въ селахъ по нижней Печорѣ, въ поселкахъ по рѣкамъ Неси и Мглѣ въ Канинской тундрѣ и по побережью Чешской губы, лопари и колонисты у Мурманскаго берега держатъ лошадей и коровъ. Въ Восточной Сибири, по Ленѣ и Колымѣ, чрезвычайно выносливыя и неприхотливыя якутскія лошади служатъ мѣстами человѣку для переѣздовъ и перевозки вьюковъ къ самымъ берегамъ океана. Несомнѣнно, что тундра—въ особенности въ своихъ южныхъ частяхъ, по долинамъ болѣе значительныхъ рѣкъ—можетъ давать запасы травы и сѣна, если не самаго лучшаго качества, то все же годные и въ достаточномъ количествѣ для содержанія, вѣроятно, многихъ тысячъ головъ рогатаго скота и лошадей; и при условіи вывода стойкихъ по отношенію къ климату и пищѣ породъ крупнаго скота, при широкомъ распространеніи и улучшеніи идеальной въ этомъ отношеніи, по отзывамъ многихъ путешественниковъ, якутской лошади, скотоводство въ предѣлахъ тундры можетъ развиться гораздо шире, чѣмъ оно существуетъ теперь.

Широко распространенное домашнее животное сѣверныхъ кочевниковъ въ тундрѣ — это олень. Существуя благополучно почти безъ всякаго ухода человѣка, не нуждаясь въ запасахъ корма на зиму или во время переѣздовъ на самыя значительныя разстоянія,

вполнѣ свыкшійся съ суровыми климатическими условіями крайняго сѣвера, домашній олень служитъ единственнымъ достояніемъ и показателемъ зажиточности и имущественной независимости кочевого населенія, а равно и важнѣйшимъ орудіемъ для возможности экономическаго использованія обширныхъ пространствъ тундры. Во многихъ мѣстностяхъ сѣвера, гдѣ отсутствуютъ хорошія зимнія ягельныя пастбища, пригодныя для оленей, или гдѣ жизнь полукочевого или осѣдлаго населенія особенно тѣсно связана съ рыболовствомъ,—напримѣръ, на Новой Землѣ, мѣстами на рѣкахъ Восточной Сибири и по Ледовитому и Тихоокеанскому побережьямъ Чукотскаго полуострова,—единственнымъ домашнимъ животнымъ, употребляемымъ и для охоты, и для ѣзды, и для перевозки грузовъ, служитъ собака. Собаки играютъ важную роль и въ жизни оленеводовъ и у охотниковъ сѣверной лѣсной полосы.

Время и исторія одомашненія сѣвернаго оленя, какъ и другихъ домашнихъ животныхъ—спутниковъ человѣка уже въ доисторическія времена,—неизвѣстны. Въ настоящее время олень распространенъ въ тундрѣ отъ Лапландіи до береговъ Тихаго океана. Лучшіе, коренные оленеводы тундры, владѣющіе иногда тысячными стадами, сосредоточенными въ рукахъ одного хозяина,—самоѣды въ западной тундрѣ, чукчи и коряки въ восточной. Въ качествѣ домашняго животнаго олень распространенъ широко и въ сибирскихъ лѣсахъ: небольшими сравнительно количествами домашнихъ оленей владѣютъ и остяки въ глубинѣ урмановъ (дремучихъ лѣсовъ) Обскаго бассейна, и родственныя самоѣдамъ небольшія племена инородцевъ въ Саянахъ и у озера Косогола.

Въ рукахъ осѣдлаго русскаго населенія въ тундрѣ оленей немного, и русское оленеводство вообще какъ-то не клеится. Въ бассейнѣ Печоры и на нижней Оби много оленей отъ самоѣдовъ перешло въ руки практичныхъ и оборотистыхъ зырянъ, и зырянскія стада въ Большеземельской и Тобольской тундрахъ быстро увеличиваются въ числѣ, давая хорошіе доходы своимъ хозяевамъ.

Численность домашнихъ оленей на всемъ пространствѣ тундры даже приблизительно опредѣлить трудно. Понятно, что точной регистраціи не только домашнихъ оленей, но и самаго населенія, здѣсь не существуетъ, и офиціальной статистикѣ довѣрять трудно. Сопоставляя существующія данныя о размѣрахъ оленеводства въ различ-

ныхъ областяхъ европейской и азіатской тундры, приходится сдѣлать заключеніе, что въ рукахъ оленеводовъ находится около или свыше милліона, быть можетъ, до $1^1/_2$ милліоновъ головъ оленей. Изъ этого числа тысячъ 400 считается въ Архангельской губерніи. Стада отдѣльныхъ хозяевъ зырянъ и самоѣдовъ въ Архангельской и Тобольской губерніяхъ достигаютъ численностью 5—6 тысячъ головъ. Еще бóльшія стада сосредоточены въ рукахъ немногихъ богачей изъ чукчей и коряковъ. У громаднаго большинства кочевниковъ размѣры стадъ много меньше, иногда даже до десятковъ оленей. Лѣсные инородцы обыкновенно имѣютъ въ среднемъ по нѣскольку головъ оленей на хозяина. Часто ранѣе зажиточные оленеводы по какимъ-нибудь причинамъ теряютъ все стадо, дѣлаются, такъ сказать, „пѣшими“ и начинаютъ жить исключительно рыболовствомъ и охотой, нанимаются рабочими на русскіе рыбные промыслы или пастухами къ богатымъ оленеводамъ.

Заботы кочевниковъ объ оленьемъ стадѣ не велики. Олень всегда пасется на волѣ, на подножномъ кормѣ, лѣтомъ богато обезпеченный зеленымъ кормомъ изъ травъ и побѣговъ ивняковъ, зимой—откапывая изъ-подъ снѣгу и поѣдая главнымъ образомъ бѣлый и жирный лишайникъ—оленій ягель. Присутствіемъ ягельныхъ пастбищъ, достаточно обильныхъ для даннаго стада, и опредѣляется направленіе пути и стоянокъ во время зимнихъ, весеннихъ и осеннихъ кочеваній. Лѣтомъ въ тундрѣ вездѣ открытъ путь на оленяхъ, зимой—только тамъ, гдѣ можно по дорогѣ встрѣтить ягельныя пастбища. Поэтому во многихъ мѣстахъ въ Сибири къ самому берегу океана, гдѣ ягельныхъ пастбищъ мало, кочевники подходятъ только съ полнымъ наступленіемъ весны и появленіемъ зеленаго корма. Лѣтомъ жары и комары тяжелы для оленей; зимой—длинная ночь и сильные бураны затрудняютъ пастьбу стадъ. Потому-то большинство кочевниковъ съ наступленіемъ осени и передвигается къ границамъ лѣсовъ, а ранней весной обратно къ сѣверу въ глубину тундры и къ прохладнымъ берегамъ Ледовитаго океана. Это двѣ большихъ ежегодныхъ перекочевки оленеводовъ; въ остальное время—въ теченіе лѣта и зимы—они передвигаются мало, поскольку только необходимо смѣнить вытравленное пастбище, и каждый родъ, а часто и отдѣльные чумы, занимаютъ привычныя опредѣленныя мѣста въ криволѣсьѣ, самой сѣверной полосѣ лѣсовъ или тундрѣ. Жары, комары и недоста-

токъ открытыхъ удобныхъ пастбищъ не позволяютъ держать оленей въ большомъ количествѣ инородцамъ, постоянно обитающимъ въ лѣсной полосѣ.

Способность оленя зимой жить исключительно на подножномъ кормѣ, добывая его даже изъ-подъ глубокаго снѣга, дѣлаетъ его незамѣнимымъ животнымъ для переѣздовъ и перевозки грузовъ на громадныхъ и пустынныхъ пространствахъ тундры. Безъ оленей многія внутреннія области тундры и побережья Ледовитаго океана были бы недоступны и зимою и лѣтомъ для человѣка. Во многихъ мѣстахъ дальняго сѣвера, въ Архангельской губерніи и Сибири, есть проторенные торговые пути, по которымъ товары сѣвера—рыба, пушнина, оленье мясо и шкуры — вывозятся къ городкамъ и селамъ, въ которыхъ существуютъ ярмарки, и происходитъ товарообмѣнъ между торговыми центрами страны и отдаленными пустынными окраинами. Многіе торговые тракты въ сѣверной Сибири обслуживаются главнымъ образомъ или исключительно оленями. Въ Архангельскихъ тундрахъ и Западной Сибири олень употребляется для ѣзды исключительно, какъ упряжное животное; за Енисеемъ на немъ ѣздятъ также верхомъ и перевозятъ вьюки.

Въ качествѣ упряжного животнаго олень имѣетъ и большія и притомъ необходимыя для тундры достоинства, и довольно большіе недостатки. Для оленей, запряженныхъ въ очень низкія, вродѣ русскихъ дровней формой, но гораздо болѣе легкія и изящныя, и притомъ очень прочныя санки, такъ называемыя нарты, на которыхъ въ тундрѣ ѣздятъ и зимой и лѣтомъ, всюду дорога. По глубокому снѣгу и по кочкамъ лѣтней моховой тундры, по сухимъ холмамъ и безконечнымъ болотамъ потащитъ оленья упряжка грузъ или пассажира, лишь бы жиръ былъ заблаговременно наѣденъ, шкура не стерта, и тяжесть не чрезмѣрна по числу запряженныхъ животныхъ. Попавъ въ зыбкую трясину или весенній зажоръ, гдѣ сразу увязнетъ и съ покорнымъ и безнадежнымъ выраженіемъ на мордѣ ляжетъ на бокъ лошадь, олени не теряются нисколько. Провалившись по уши, они точно гребутъ ногами, выгибаютъ, какъ кошки, спину и вытаскиваютъ нарту на крѣпкое мѣсто, не измѣняя при этомъ нисколько своей обычной флегмѣ. При этомъ олени превосходно плаваютъ, и при переправахъ даже черезъ широкія рѣки упряжки пустыхъ нартъ пускаютъ вплавь. Лѣтомъ для пастьбы на островѣ Вайгачѣ оленей

плавятъ даже черезъ Югорскій шаръ. На легковой, т. е. пассажирской нартѣ, которая запрягается въ западной тундрѣ обыкновенно четверкой оленей[1]), можно уѣзжать зимой верстъ по 15 и болѣе въ часъ, если олени хороши. Извѣстны случаи, когда, не смѣняя оленей, на нихъ проѣзжали одной упряжкой по 100 верстъ и болѣе. Въ тѣхъ областяхъ тундры, гдѣ стоитъ много кочевниковъ, можно быстро передвигаться на большія разстоянія, мѣняя въ попутныхъ чумахъ оленей. Въ зимнюю грузовую нарту, на которую кладутъ 8—10 пудовъ, въ европейской тундрѣ и Западной Сибири обыкновенно запрягаютъ двухъ оленей. Лѣтомъ пара оленей везетъ только 2—3 пуда; кромѣ тяжести пути на полозьяхъ безъ снѣга тутъ играетъ роль и то обстоятельство, что лѣтомъ олени, не переносящіе теплой погоды и часто измученные комарами и оводами, вообще слабѣе. При перекочевкахъ и передвиженіи грузовъ на большія разстоянія необходимы смѣнные олени, или же послѣ каждыхъ двухъ дней пути нуженъ дневной отдыхъ, такъ какъ олени при продолжительной работѣ довольно быстро теряютъ силы.

Своеобразная прелесть заключается въ продолжительной „легковой“ ѣздѣ на быстрыхъ оленяхъ по безграничной и однообразной зимней тундрѣ. На многія сотни верстъ кругомъ тянется пустыня, въ которой рѣдко разбросанные, въ десяткахъ верстъ одинъ отъ другого, въ лощинахъ подъ защитой отъ вѣтра спрятались остроконечные чумы кочевниковъ. Вереницей бѣгутъ нѣсколько нартъ по снѣжной равнинѣ; рѣзко выступаютъ по снѣжной пеленѣ и контуры оленей съ вѣтвистыми рогами, и фигуры сѣдоковъ, одѣтыхъ въ совики или гуси—длинныя оленьи рубахи съ капюшонами, мѣхомъ наружу; точно копья торчатъ впередъ длинные хореи или тюры, по самоѣдски—шесты, которыми—колющими ударами—погоняютъ оленей. Молчитъ пустынная зимняя тундра: ни птицы, ни слѣда звѣря кругомъ на бѣлой пеленѣ. Скрипятъ полозья по мерзлому снѣгу, да иногда кашлянетъ олень на бѣгу. Легкой пасмурностью задернута даль. Изрѣдка откроются въ сторонѣ крутые обрывы береговъ надъ обширнымъ озеромъ или смутно помаячитъ на горизонтѣ низкая гряда пологихъ холмовъ; и опять все ровно, однообразно и пустынно. Каж-

[1]) Въ сѣверо-восточной Сибири при ѣздѣ на оленяхъ часто запрягаютъ только пару оленей, и нарта и вся сбруя тамъ нѣсколько отличны отъ самоѣдскихъ.

Катанье на оленяхъ въ Архангельскѣ.

Чукотскій чумъ.

дые полчаса останавливаютъ оленей; тяжело дышутъ усталые звѣри и хватаютъ снѣгъ; пять минутъ отдыху и дальше. Проходитъ часъ другой, третій...

— Далеко ли чумъ?

— Хупто, хупто (далеко, далеко)?

Доѣдемъ ли скоро до чая и оленины? Нѣтъ, кажется. Сгустилась бѣлесоватая мгла на горизонтѣ, въ той сторонѣ, гдѣ за далью снѣжной тундры и широкой полосой прибрежнаго льда катитъ свинцовыя волны океанъ. Дернулъ порывъ вѣтра разъ, другой—и побѣжали по снѣгу снѣжныя змѣйки, закурились гребни заструговъ и сугробовъ по краямъ лощинъ... Черезъ минуту буранъ одѣнетъ тьмою пока еще видный кругомъ горизонтъ тундры. Труднѣе становится путь. Самъ старый Лямби выѣзжаетъ впередъ: какъ волкъ или песецъ, какимъ-то внутреннимъ чутьемъ, удерживаетъ онъ вѣрное направленіе и въ непроглядной мглѣ метели. Несется вѣтеръ по ровному простору и сѣчетъ людей и оленей снѣгомъ. Подбираютъ ноги сѣдоки и оправляютъ платье, чтобы не набило снѣгу подъ подолы и капюшоны гусей, чтобы не намокли подъ гусями ма́лицы, а то дѣло будетъ плохо. И впередъ, только тѣснѣе сдвинувшись, чтобы не потерялись отдѣльныя нарты, несется сквозь снѣжную мглу поѣздъ.

Все сильнѣе крутятся вокругъ бѣлые вихри. Высунули языки чаще кашляютъ усталые олени. Неувѣренно мѣняетъ направленіе передняя нарта. Вотъ она встала, и ее нагнали остальныя.—Въ чемъ дѣло?—Не видно ни зги,—мимо чумовъ проѣдемъ. Обождать надо, не посвѣтаетъ ли.

Одинъ за другимъ ложатся около нартъ обрадованные отдыхомъ олени. Ложатся и люди на нарты, поджавъ ноги и укрывшись теплѣе; двойное оленье платье надежно, сало и мороженая рыба есть въ запасѣ; теперь довольно времени для сна или размышленій, — какъ кому угодно. Быстро растетъ сугробъ съ навѣтренной стороны нартъ; заноситъ постепенно и низовой метелью и снѣгомъ, теперь обильно несущимся сверху изъ густыхъ тучъ, и людей и оленей.

И подъ равномѣрный тягучій шумъ вѣтра не замедлитъ на васъ спуститься сонъ,—крѣпкій, но необыкновенно чуткій, подобный сну звѣря, какимъ человѣкъ спитъ только на свѣжемъ воздухѣ послѣ долгой жизни въ пустынѣ. И сновидѣнье, какъ почему-то бываетъ всего чаще, перенесетъ васъ въ совсѣмъ иной, далеко оставленный міръ.

Жаркій лѣтній день сіяетъ кругомъ, и пахнетъ травой и зрѣющимъ хлѣбомъ. Зеленой чащей нависли кусты орѣшника, густо разросшагося по склону оврага; высокой стѣной стоитъ опушка дубравы. Пріятно дышать влажной прохладой, лежа въ тѣни кустовъ. Мягки и пахучи кругомъ лѣсныя травы, и молчитъ старый лѣсъ, только слышно, какъ вдали звенитъ коса за оврагомъ, да привязанный за кустомъ конь жуетъ сочные стебли и звенитъ стременами...

Но дернулъ олень за возжу, привязанную къ нартѣ, и улетѣлъ лѣтній сонъ. По прежнему мечутся и играютъ кругомъ снѣжные вихри; почти засыпало снѣгомъ нарту; рядомъ съ ней возвышается снѣговой холмикъ, покрывшій четверку быковъ; только одинъ олень поднялъ голову и нюхаетъ воздухъ,—вѣрно чуетъ дымъ далекаго чума.

И снова путаются мысли и тускнетъ сознаніе. И кажется, что далеко, до края горизонта, волнуется теплое море. Бѣлый городъ поднялся амфитеатромъ по склонамъ горъ. Ряды пальмъ вытянулись вдоль гранитныхъ плитъ, которыми прилежныя человѣческія руки одѣли дикій нѣкогда берегъ моря. И вѣетъ надъ моремъ мягкій вѣтеръ южной осени, и солнце грѣетъ лицо такъ сильно, что хочется отвернуться... Но что-то мѣшаетъ двинуться, и вдругъ возвращается дѣйствительность: правда, очень тепло подъ двойнымъ мѣхомъ и снѣгомъ, и поднявшійся олень наклонилъ равнодушную, мохнатую морду и дышетъ прямо въ лицо. И вновь пропали и олени, и метель, и тундра, и нѣтъ уже сновидѣній, только чей-то голосъ говоритъ громко, а что—нельзя понять. И поднявшись изъ-подъ слоя снѣга, вижу я передъ собой высокую одѣтую мохнатымъ гусемъ фигуру моего переводчика.

— Вставайте—говоритъ онъ:—прояснѣло, и чумъ виденъ; въ верстѣ отъ него стояли, чтобъ прахъ побралъ эти бураны... Лямби и на свѣтъ не глядитъ,—засмѣяли его ребята.

Упряжь оленей чрезвычайно проста. На голову животнаго надѣвается узда безъ удилъ, на шею широкая лямка, отъ которой подъ брюхомъ между ногъ оленя проходитъ ремень, за который онъ тянетъ нарту. Ремни отдѣльныхъ животныхъ соединены между собой и пропущены черезъ блочки, сдѣланные изъ дерева, оленьяго рога, моржовой или мамонтовой кости, такимъ образомъ, что олени

принуждены тянуть равномѣрно. Управляютъ четверкой съ помощью только одной возжи, привязанной къ уздѣ крайняго лѣваго оленя, крикомъ и ударами длиннаго шеста. Лопари запрягаютъ по одному оленю въ особый, похожій на корыто, экипажъ, въ которомъ удобно ѣздить въ лѣсахъ. Въ западныхъ тундрахъ при передвиженіи оленьихъ обозовъ или при перекочевкахъ соединяютъ вмѣстѣ пять-шесть нартъ, привязывая каждую пару запряженныхъ въ нарту оленей къ идущей впереди нартѣ. Такая цѣпь грузовыхъ нартъ въ Западной Сибири называется анасъ. Передняя пара привязана къ заводной нартѣ, на которой ѣдетъ впереди сѣдокъ, управляющій всѣмъ анасомъ. Онъ слѣдитъ, чтобы олени правильно проходили препятствія и неровности пути, чтобы упавшій олень не удавился уздой, отпрягаетъ и замѣняетъ другимъ выбившагося изъ силъ—присталого—оленя, поднимаетъ опрокинувшіяся нарты и т. д.

Въ Восточной Сибири—главнымъ образомъ въ лѣсной полосѣ—оленемъ пользуются также, какъ верховымъ и вьючнымъ животнымъ. Для ѣзды на оленѣ, на котораго кладутъ очень примитивное сѣдло безъ стремянъ, нуженъ навыкъ. Маленькіе и легкіе тунгусы—мастера этого дѣла. Рослый европеецъ иногда оказывается слишкомъ тяжелымъ для оленя. Садятся на сѣдло особымъ и довольно хитрымъ способомъ, опираясь на палку, чтобы очень постепенно опускать тѣло на недостаточно крѣпкую спину некрупнаго животнаго. Подъ верхомъ олень незамѣнимъ при переѣздахъ по глухимъ горнымъ лѣсамъ, по болотамъ и въ особенности при переправахъ осенью или зимой черезъ незамерзающіе горные потоки.

Пастьба оленей иногда требуетъ напряженной работы и достаточно опытности. Животныя обыкновенно не отходятъ на слишкомъ большое разстояніе отъ чума, но многочисленное стадо все же пасется на довольно значительной площади. Сидящіе на запряженныхъ нартахъ пастухи должны слѣдить, чтобы часть оленей не отбилась далеко прочь, не ушла или не осталась на мѣстѣ при перекочевкѣ. Лѣтомъ, когда олени бѣгаютъ, мучимые комарами, и когда на почвѣ не остается ясныхъ слѣдовъ копытъ, это особенно трудно. Волки часто нападаютъ на стада; при этомъ охваченное паническимъ ужасомъ стадо можетъ убѣжать на большое пространство, причемъ олени мало по малу разбредутся по тундрѣ и могутъ быть вовсе не отысканы. Опасность здѣсь нѣсколько облегчается тѣмъ, что испуган-

ные волкомъ олени чаще всего бросаются къ чуму, подъ защиту людей. Въ сильные многодневные бураны дежурство пастуховъ при стадѣ не легко. Собаки много помогаютъ имъ, охраняя стадо отъ волковъ, сгоняя его, когда нужно, къ чуму, пригоняя отбившихся оленей и т. д. Умныя и опытныя собаки очень цѣнятся. У чукчей пастухи часто пасутъ стада пѣшкомъ. Чтобы отобрать для перекочевки или ѣзды упряжныхъ оленей, все стадо пригоняютъ къ чуму и загоняютъ въ неводъ,—кругъ, составленный изъ нартъ и протянутыхъ веревокъ. Прорывающихся изъ невода животныхъ или одиночныхъ, идущихъ напр. на убой, ловятъ длиннымъ, сплетеннымъ изъ тонкихъ ремней арканомъ, который самоѣды бросаютъ мастерски на рога, шею или на ноги бѣгущему животному.

Оленеводъ-кочевникъ получаетъ отъ оленей необходимѣйшие предметы своего обихода. Шкуры употребляютъ при устройствѣ жилища и на платье; мясо, молодые, не отвердѣвшіе еще рога, иногда даже содержимое желудка оленя—идутъ въ пищу. Правильно убиваютъ оленей на ѣду, конечно, только болѣе богатые хозяева, имѣющіе многочисленныя стада. Рога и кости употребляются на различныя подѣлки, крѣпкія нитки сучатся изъ волокнистыхъ связокъ. Не имѣющіе оленей сѣверные инородцы добываютъ необходимые имъ продукты оленеводства у сосѣднихъ кочевниковъ путемъ обмѣна или покупки. Въ настоящее время значительное количество оленьихъ тушъ, шкуръ на мѣха и замшу и шерсти идетъ внутрь страны, а съ Печоры и изъ Архангельска уходитъ также заграницу.

При благополучномъ теченіи дѣла оленеводство—занятіе довольно прибыльное. Пастбища въ тундрѣ даровыя. Въ стадѣ численностью въ 1000 головъ можно считать около $^1/_3$ или 350 головъ самокъ. На каждую сотню самокъ или важенокъ нужно держать 5—6 племенныхъ самцовъ. Затѣмъ въ стадѣ около 100 ѣздовыхъ кастрированныхъ оленей, которые называются быками; отъ 150 до 200 головъ „быковъ“, назначенныхъ для закола и продажи; остальные—молодыя животныя. Приплодъ такого стада можно опредѣлить въ среднемъ числѣ въ 250 головъ или 25%. Поэтому, при поступленіи въ продажу 200 головъ или 20%, стадо, давая 20% дохода, должно еще возрастать. Въ европейскихъ и западно-сибирскихъ тундрахъ стоимость оленя равняется приблизительно 10—15 рублямъ; хорошо выѣзженные ѣздовые быки цѣнятся дороже.

Конечно, въ дѣлѣ оленеводства, какъ и во всякомъ другомъ, для успѣха нуженъ заботливый и зоркій глазъ хозяина. Въ западной тундрѣ кромѣ самоѣдскихъ племенъ успѣшно ведутъ оленей также зыряне. Они и относятся къ дѣлу болѣе коммерчески и практически, чѣмъ самоѣды или чукчи. Богатый самоѣдъ обыкновенно не убиваетъ правильно оленей въ своемъ стадѣ на продажу, а часто даже отказывается продать 2—3 головы живьемъ. Стадо его безпрерывно растетъ, пока не придетъ повальная болѣзнь, истребляющая половину, а то и все стадо. Зыряне же правильно убиваютъ извѣстную часть своихъ стадъ на мясо и шкуры, полнѣе используютъ силы оленей, какъ упряжныхъ животныхъ, годныхъ для перевозки товаровъ, и вообще стараются извлекать изъ стада всю возможную денежную выгоду и превращать излишній приростъ въ деньги.

Въ торговлю отъ оленей идетъ мѣхъ трехъ сортовъ. Въ стадахъ тундры въ теченіе второй половины апрѣля и мая телятся важенки. Новорожденный олень, который очень быстро послѣ рожденія можетъ слѣдовать за матерью, называется пыжикъ или пѣшка. Темно-коричневый, рѣдко бѣлый, довольно нѣжный и слабый мѣхъ пыжиковъ идетъ на изготовленіе самоѣдскихъ чулокъ и извѣстныхъ пыжиковыхъ шапокъ, которыя теперь въ ходу и въ большихъ городахъ Россіи. Во время весеннихъ бурановъ значительное количество новорожденныхъ пыжиковъ въ стадахъ тундры погибаетъ (а частью, особенно въ зырянскихъ стадахъ, они и закалываются), и мѣхъ ихъ, стоимостью въ 2—3 рубля, идетъ въ продажу. Въ 4—5 мѣсячномъ возрастѣ, къ осени, выросшій пыжикъ мѣняетъ шерсть на болѣе плотную и называется нéплюй. Шкура такого животнаго употребляется на изготовленіе мѣховъ для малицъ, совиковъ, дохъ и дамскихъ шубъ шерстью наружу и стоитъ на мѣстѣ 3—4 рубля. Къ глубокой зимѣ олень вырастаетъ, шерсть его грубѣетъ, и шкура (такъ наз. постель) идетъ на покрышки и постилку въ чумахъ и выдѣлку замши. Шерсть оленя чрезвычайно плотна, и одна шкура, положенная на землю, дерево или даже камень, даетъ усталому человѣку мягкое ложе.

Оленеводству тундры очень сильно вредятъ эпизоотіи, въ особенности сибирская язва. Появляясь внезапно въ различныхъ частяхъ тундры, язва истребляетъ иногда до послѣдняго оленя многочисленныя стада, обращая сегодня въ нищихъ людей, вчера еще

богатыхъ. Въ 1907 году въ Печорской тундрѣ пало отъ сибирской язвы болѣе 100000 головъ оленей. Болѣзнь эта опасна и для людей, такъ какъ человѣкъ, поѣвшій сырого мяса больного оленя (а самоѣды очень любятъ сырую оленину, и мѣстные русскіе также привыкаютъ ѣсть сырое мясо), или заразившійся при сниманіи шкуръ съ павшихъ животныхъ, также умираетъ. Въ Архангельской губерніи въ послѣднее время сдѣланы удачные опыты предохранительной прививки оленямъ сибирки. Но ветеринарный персоналъ, которому могли бы быть поручены прививки стадамъ въ широкихъ размѣрахъ, и въ Архангельской губерніи недостаточенъ, въ глухихъ же сибирскихъ тундрахъ всякая помощь оленеводству пока еще совершенно отсутствуетъ.

Я упоминалъ уже выше о томъ значеніи, которое имѣютъ въ жизни оленеводовъ собаки, необходимыя для охраны и пастьбы оленьихъ стадъ. У самоѣдовъ теперь пастушьи собаки при стадахъ очень разнотипны, сохранившіяся же еще кое-гдѣ чистокровныя бѣлыя оленныя лайки очень красивы. Во многихъ мѣстностяхъ крайняго сѣвера собаки служатъ и единственнымъ упряжнымъ животнымъ. Сѣверныя ѣздовыя собаки—это въ большинствѣ случаевъ похожія на волковъ остроухія лайки, отличныя нѣсколько отъ охотничьихъ лаекъ лѣсной области Россіи и Сибири. Но типъ этихъ собакъ далеко не вездѣ сохранился чистымъ.

Управленіе собаками, которыя запрягаются въ низкія, болѣе легкія, чѣмъ оленьи, нарты, требуетъ значительнаго искусства и навыка. Передвиженіе на собакахъ возможно и тамъ, гдѣ нельзя ѣхать на оленяхъ за неимѣніемъ корма,—напр. въ отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ областяхъ Таймыра, у побережья океана и по морскому льду. Но для пути на собакахъ для нихъ необходимо запасать кормъ (обыкновенно въ видѣ вяленой рыбы—юколы), такъ какъ въ зимней тундрѣ никогда нельзя разсчитывать навѣрное встрѣтить звѣрей и прокормить собакъ охотой. Привычныя собаки бѣгутъ быстро и могутъ безъ отдыха проходить большія пространства.

Въ сѣверо-восточной Сибири, гдѣ особенно развита ѣзда на собакахъ, собачью нарту дѣлаютъ длиною въ 12, шириною въ 2, а высотою въ 1 футъ; она легка и гибка, части ея связаны ремнями. Въ дальнія поѣздки впрягаютъ 10—14 собакъ гусемъ, по-парно. Вожакомъ служитъ опытная передовая собака, которой управляютъ голо-

У рыбной пристани въ Архангельскѣ.

Кормленіе ѣздовыхъ собакъ.

сомъ. Кромѣ того управляющій нартой каюръ имѣетъ въ рукахъ ощтолъ,—палку съ остріемъ на концѣ, которая втыкается въ снѣгъ передъ нартой, когда ее нужно затормозить. Такъ какъ узкая нарта тянется однимъ длиннымъ ремнемъ, къ которому припряжены собаки, то она сильно раскатывается и легко опрокидивается, чему долженъ мѣшать каюръ, сидящій вререди пассажира и безпрерывно балансирующій на нартѣ. Обязанность его утомительна и требуетъ много силы и ловкости.

Собаки употребляются для возки тяжестей н быстрой „легковой" ѣзды. По хорошему (не рыхлому) снѣгу на нарту, запряженную 14 собаками, можно грузить до 60 пудовъ и двигаться со скоростью 4—6 верстъ въ часъ. Если упряжка везетъ только каюра и сѣдока съ неболшимъ количествомъ багажа, то можно ѣхать яъ дальнее путешествіе по 10 верстъ въ часъ, проѣзжая верстъ 60—70 въ день. На короткія разстоянія—если напр. нужно сдѣлать одинъ перегонъ верстъ въ 60—пускаютъ упряжку со скоростью верстъ 15 въ часъ можно ѣхать и быстрѣе. Выносливость собакъ также значительна. Баронъ Майдель разсказываетъ, что въ результатѣ состязанія между двумя собственниками собакъ, упряжка сдѣлала 250 верстъ въ теченіе 15 часовъ съ двума остановками для передышки и корма. Для такой ѣзды нужны тренированныя животныя. Для ѣзды употребляются обыкновенно кастрированные самцы.

Отъ передовой собаки требуютъ, чтобы она умѣла хорошо держаться даннаго ей съ мѣста направленія и слушаться голоса. Она должна также выучится не обращать вниманія на встрѣчные слѣды животныхъ и мѣшать остальнымъ собакамъ отвлекаться отъ прямой ихъ обязанности. Но послѣднее качество встрѣчается рѣдко. Обыкновенно, завидя животное или наткнувшись на свѣжій слѣдъ, упряжка гонитъ звѣря, такъ что собакъ трудно бываетъ остановить. При встрѣчахъ съ домашними оленями, даже запряженными въ нарты, собачья упряжка можетъ броситься душить животныхъ. Нападенія собакъ на оленей во многихъ мѣстахъ сѣвера мѣшаютъ хозяевамъ держать одновременно и оленей и собакъ.

Ѣздовыя собаки въ сѣверо-восточной Сибири играютъ тажке большую роль и при промыслахъ на побережѣ океана и на морскомъ

льду,— за тюленями и бѣлыми медвѣдями. Неизбѣжный спутникъ лѣсного охотника—также собака, находящая и преслѣдующая звѣря и въ то же время помогающая при передвиженіяхъ и перевозкѣ грузовъ въ тайгѣ.

VIII.

Сѣверное побережье и Ледовитый океанъ. Его физическія условія. Плаванія по Ледовитому океану съ древнѣйшихъ временъ. Торговое мореплаваніе изъ Европы въ Сибирь. Рейсы въ Колыму.

Берега тундры омываются съ сѣвера Ледовитымъ океаномъ. Отъ береговъ Норвегіи до проливовъ Югорскаго шара и Карскихъ воротъ простираются воды Баренцова моря; между Новой Землей и западнымъ берегомъ Ямала лежитъ часть льдистаго Карскаго моря далѣе въ устьяхъ нѣкоторыхъ сибирскихъ рѣкъ океанъ вдается въ сушу длинными, вытянутыми съ сѣвера на югъ заливами. Наибольшій изъ нихъ—величиною съ цѣлое море—Обская губа. Въ восточной Сибири, подъ 170-мъ меридіаномъ отъ Гринвича, въ материкъ вдалась обширная Чаунская губа; еще восточнѣе, близь самаго Берингова пролива, губа Колючинская. За мысомъ Дежнѣва берегъ Азіи поворачиваетъ къ югу, и область тундры тянется здѣсь вдоль побережья Берингова моря.

Отъ Бѣлаго моря и до Енисея берега материка почти всюду низки и отмелы на большое пространство; бухтъ, вполнѣ удобныхъ для стоянки большихъ судовъ, здѣсь нѣтъ. Къ тому же берега этихъ частей Канинской, Тиманской, Большеземельской и Западно-Сибирской тундръ очень пустынны. Промышленники съ Мезени, Печоры и изъ маленькихъ селеній, расположенныхъ по берегу Чешской губы, останавливаются и укрываются въ бурю со своими карбасами въ бо-

лѣе глубокихъ сравнительно устьяхъ небольшихъ рѣкъ тундры. Устья рѣкъ Мезени и Печоры доступны и для большихъ морскихъ судовъ.

Обская губа достаточно удобна для плаванія морскихъ судовъ лѣтомъ; но въ самомъ устьѣ глубокой Оби находится мелководный баръ, такъ что большіе океанскіе пароходы не могутъ входить въ рѣку. Черезъ Енисейскую губу большія суда могутъ плавать свободно въ широкій и многоводный Енисей и проходить далеко къ югу. Восточнѣе Енисея побережье Сибири недостаточно изслѣдовано. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ части его нанесены на карты очень не точно, и вообще на сѣверныхъ берегахъ Сибири есть пространства, карты которыхъ составлены еще на основаніи работъ Великой сѣверной экспедиціи, во время которой—въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны—нѣсколько партій морскихъ офицеровъ обошли на судахъ и описали сибирскій берегъ Ледовитаго океана. Въ общемъ менѣе всего извѣстны очертанія побережья, состояніе льда около него и условія плаванія на пространствѣ отъ Енисея до Лены. Но, напримѣръ, и обширная Тазовская губа, впадающая въ Обскую, очень богатая рыбой, и изученіе которой могло бы имѣть большое значеніе для развитія нижне-обскихъ промысловъ, наносится на карты на основаніи древнихъ съемокъ. Такое плохое знаніе водъ, важныхъ въ промысловомъ отношеніи, тормозитъ, конечно, и частную предпріимчивость рыбопромышленниковъ, которые, отыскивая новыя удобныя мѣста для рыбной ловли, принуждены бываютъ рисковать своими пароходами. Въ послѣднее сравнительно время, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія и въ началѣ текущаго, вновь сдѣланы были съемки части побережья Карскаго моря и Обской губы, Енисейской губы и береговъ отъ Лены до Берингова пролива. Нѣсколько экспедицій посѣтили также различныя области Архангельскихъ, Западно-Сибирскихъ и Восточно-Сибирскихъ тундръ.

Вліяніе Атлантическаго океана и гольфштрома еще сильно въ самыхъ западныхъ частяхъ сѣвернаго побережья Россіи. Какъ я уже упоминалъ выше, море у Мурманскаго берега, даже въ гаваняхъ, почти никогда не замерзаетъ. Въ Бѣломъ морѣ и въ водахъ Баренцова моря отъ Канина до Новой Земли льда гораздо больше. У западныхъ береговъ южнаго острова Новой Земли ледъ часто стоитъ еще въ іюнѣ; точно также иногда и лѣтомъ приноситъ ледъ съ сѣ-

вера къ Колгуеву и къ побережью материка отъ Чешской губы до Югорскаго шара. Но плаваніе въ Беренцовомъ морѣ не только вполнѣ возможно въ теченіе поздняго лѣта, но—съ нѣкоторыми затрудненіями—даже въ періоды ранней весны и позднихъ осеннихъ мѣсяцевъ. Карское море и Ледовитый океанъ вдоль побережья Сибири имѣютъ больше льда. Судоходство здѣсь въ большей или меньшей мѣрѣ свободно обыкновенно только въ августѣ и сентябрѣ. Однако часто и зимою въ Карскомъ морѣ и у Сибирскихъ береговъ подолгу стоятъ открытыми большія пространства воды. Такія пространства свободнаго моря съ большого разстоянія видны по „водяному" небу,—надъ ними стоитъ синій туманъ, между тѣмъ какъ надъ областями, покрытыми льдомъ, небо кажется свѣтлымъ.

Въ сибирскихъ моряхъ губы, далеко вдающіяся въ материкъ, напр. Обская губа, и проливы между материкомъ и островами,—напр. между Ямаломъ и островомъ Бѣлымъ или отъ побережья между Леной и Индигиркой и до Ново-Сибирскихъ островов—крѣпко замерзаютъ на всю зиму. Вдоль береговъ материка стоитъ обыкновенно зимой припай—полоса неподвижнаго берегового льда отъ нѣсколькихъ верстъ до многихъ десятковъ верстъ шириною. Далѣе въ океанѣ ледъ подвиженъ и зимой. Его носитъ вѣтрами и теченіями, причемъ иногда ледъ идетъ сравнительно мелкими льдинами, иногда громадными ледяными полями. Когда вѣтеръ нажимаетъ плавучій ледъ на береговой припай, льдины взлѣзаютъ другъ на друга, громоздясь въ высокія груды, такъ называемые торосы, которые могутъ достигать высоты 4—5 саженъ. Такіе торосы образуются часто и на отмеляхъ у береговъ, и на ледяныхъ поляхъ въ открытомъ морѣ. Рѣдко сравнительно въ Баренцовомъ и Карскомъ моряхъ можно видѣть настоящія ледяныя горы или айсберги: такъ называются громадныя глыбы чистаго синяго льда, высоко поднимающіяся надъ поверхностью воды и еще гораздо глубже сидящія въ водѣ. Льдины эти отламываются отъ спускающихся въ море ледниковъ сѣвернаго острова Новой Земли. Гораздо больше бываетъ этихъ айсберговъ въ западной половинѣ Ледовитаго океана, гдѣ они происходятъ съ обширныхъ ледниковъ Гренландіи.

У сѣверо-западныхъ береговъ Новой Земли, въ различныхъ частяхъ Карскаго моря и въ Сибирскомъ морѣ много льда бываетъ годами и лѣтомъ. Теплыя прѣсныя воды, выносимыя лѣтомъ въ

большомъ количествѣ изъ большихъ рѣкъ Сибири, вліяютъ на количество и состояніе льдовъ вблизи устьевъ. Особенно рано, насколько это пока извѣстно, очищается море и долго стоитъ открытымъ осенью на долготѣ Обской и Енисейской губъ.

Даже и въ срединѣ лѣта въ океанѣ бываетъ холодно. Когда задуетъ крѣпкій вѣтеръ съ сѣверо-востока, изъ заполненныхъ вѣчнымъ льдомъ приполярныхъ пространствъ океана; когда на встрѣчу идущему кораблю катятся высокія гряды свинцовыхъ волнъ, и брызги холоднаго дождя несутся надъ палубой,—и человѣку, одѣтому въ толстую шерстяную фуфайку и непроницаемую для воды рыбачью куртку, можетъ иногда притти въ голову мечта о шубѣ. Но бываютъ—чаще всего въ концѣ іюня и іюлѣ — дни ясные и тихіе, когда свѣтлоголубое небо поднимается яснымъ куполомъ надъ лазурными водами моря, которое цвѣтомъ и видомъ своимъ напомнитъ путешественнику южно-европейскія моря. Тишина въ воздухѣ бываетъ тогда полная, синей неподвижной пеленой простирается кругомъ гладь океана, и нерѣдкіе миражи, во время которыхъ видны висящими надъ горизонтомъ въ опрокинутомъ видѣ отдаленные берега или гряды островковъ, развлекаютъ пассажировъ, а капитану судна приходится смотрѣть зорко,—гдѣ настоящій берегъ и гдѣ призрачный.

Холодная поверхность моря остужаетъ прилегающій къ ней слой воздуха, плотность слоевъ котораго дѣлается неравномѣрной. Холодны воды Ледовитаго океана и на днѣ: на небольшихъ глубинахъ уже температура и лѣтомъ близка къ 0° или ниже 0°. Къ востоку отъ Новой Земли и въ Сибирскомъ Ледовитомъ морѣ на глубинѣ 50 метровъ термометръ обыкновенно показываетъ—1° или—2°. Отношеніе плотностей и точка замерзанія у морской богатой солями воды иныя, чѣмъ у прѣсной. Наиболѣе плотна и тяжела морская вода при температурахъ, близкихъ къ 0°; замерзаніе воды на поверхности начинается при нѣсколькихъ градусахъ ниже 0°, во время же волненія море замерзаетъ съ трудомъ и при довольно низкихъ температурахъ.

Высота приливовъ очень различна въ разныхъ частяхъ сѣвернаго побережья и вдающихся въ сушу моряхъ и заливахъ. Очень высока и бурна приливная волна въ Мезенской губѣ Бѣлаго моря, близъ устьевъ рѣкъ Кулоя и Мезени. Здѣсь въ высокіе приливы вода поднимается на высоту 3 саженъ. Обширныя песчанныя отмели, ле-

жащія у западныхъ береговъ Канина, въ это время покрываются водой, такъ что въ приливъ можно плыть на довольно большомъ суднѣ по тому самому мѣсту, по которому за нѣсколько часовъ до того прошелъ по сухому песку человѣкъ. Морская вода наполняетъ устья рѣкъ и съ большой быстротой и силой несется далеко – при маломъ паденіи рѣки верстъ на 15—внутрь страны, чтобы съ началомъ отлива скатиться обратно. Такимъ образомъ рѣки въ низовьяхъ своихъ текутъ во время отлива въ море, во время же прилива назадъ изъ моря на сушу и отъ устья къ верховьямъ.

Холодныя и бурныя, часто заполненныя льдомъ, воды Ледовитаго океана и его морей въ глубинахъ своихъ и на днѣ скрываютъ богатую флору водорослей и еще болѣе богатую фауну морскихъ животныхъ. Вблизи берега и острововъ Бѣлаго моря или у Мурмана во многихъ мѣстахъ, если смотрѣть черезъ бортъ лодки, видны грубоко на днѣ черезъ прозрачную воду цѣлые густые лѣса красныхъ и бурыхъ водорослей. Спущенная драга (мѣшокъ въ желѣзной рамѣ, которымъ ловятъ морскихъ животныхъ, живущихъ на днѣ) или сѣть приносятъ натуралисту разнообразную и богатую добычу. Крупные и красивые морскіе ежи и морскія звѣзды ползаютъ между водорослями; точно призраки—студенистыя, прозрачныя и почти не видныя въ толщѣ воды, иногда окрашенныя въ нѣжные цвѣта — мелькаютъ вблизи поверхности медузы и ктенофоры. Во многихъ мѣстахъ слои воды кишатъ неисчислимыми количествами мелкихъ рачковъ и крылоногихъ моллюсковъ, которыми питаются громадные киты. Обезпеченныя богатыми запасами пищи гуляютъ большими стадами въ морѣ и входятъ въ устья рѣкъ разнообразныя промысловыя рыбы, которыхъ въ видѣ консервовъ, солеными или свѣжими поставляетъ къ нашему столу богатый сѣверъ.

О рыбныхъ промыслахъ и охотахъ на морскихъ млекопитающихъ—бѣлухъ, моржей и различныхъ тюленей — я говорилъ уже выше. Въ открытомъ океанѣ чаще всего попадаются на глаза человѣку, плывущему ва кораблѣ, стада бѣлухъ. Когда небо пасмурно, и вѣтеръ гонитъ темныя волны съ бѣлыми гребнями, а крупные бѣлые звѣри бѣгутъ вдали цѣлымъ стадомъ, выныривая поминутно на поверхность, не разберешь сразу, гдѣ пѣна волнъ, и гдѣ бѣлыя спины играющихъ въ водѣ бѣлухъ.

Если не вспоминать времена норманновъ, то можно сказать,

что воды, омывающія сѣверные берега Европейской Россіи, стали хорошо знакомы западно-европейцамъ только въ XVI столѣтіи. Въ теченіе второй половины этого вѣка нѣсколько англійскихъ и голландскихъ экспедицій посѣтили берега русскаго сѣвера, причемъ одно судно—подъ начальствомъ знаменитаго Баренца—обогнуло даже сѣверный конецъ Новой Земли и зимовало на островѣ, а одна флотилія проникала въ Карское море. Экспедиціи эти пытались черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ найти морской путь въ Китай. Протяженія сѣверныхъ береговъ Сибири тогда и приблизительно еще не знали. Одинъ изъ кораблей первой англійской экспедиціи 1553 года попалъ въ Бѣлое море къ устью Двины, откуда командиръ его, извѣстный всѣмъ школьникамъ Ченслеръ, ѣздилъ ко двору Іоанна Грознаго. Съ этого времени началась морская торговля Россіи съ Англіей.

Далеко въ Сибирскія моря иностранцы на корабляхъ проникнуть не могли, и мало по малу иностранныя экспедиціи въ восточную часть Баренцова моря прекратились. Русскіе нашли дорогу дальше. Когда первые иностранные корабли появились у русскихъ береговъ, промысловое и торговое мореплаваніе русскихъ сѣверянъ изъ Холмогоръ, Слободы (Мезени) и Пустозерскаго края было въ полномъ развитіи: извѣстно, что по сѣвернымъ морямъ плавали еще новгородцы въ періодъ торговой и политической славы Великаго Новгорода.

Въ самомъ началѣ XVII вѣка, когда русскіе уже утвердились на Оби и Иртышѣ, на далекомъ сѣверѣ на устьѣ рѣки Таза, впадающаго въ Тазовскую губу, для надзора за сѣверными инородцами и торговли съ ними былъ основанъ и быстро выросъ городъ Мангазея, о которомъ вкратцѣ я говорилъ уже выше. Во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка это былъ городъ съ острогомъ (деревянной крѣпостью), церквами, гостинымъ дворомъ, воеводами и отрядомъ войска. Пушная торговля съ инородцами, которая велась мѣновымъ способомъ къ полной выгодѣ русскихъ, въ тѣ времена была очень прибыльна. И сѣверяне изъ Поморья и съ Печоры стали ходить на судахъ въ Мангазею черезъ Карское море путемъ, быть можетъ, съ отдаленныхъ уже временъ извѣстнымъ сѣвернымъ промышленникамъ. Флотиліи пинежанъ, мезенцевъ и пустозеровъ на кочахъ—тогдашнихъ небольшихъ судахъ, обыкновенно груженыхъ хлѣбомъ—плыли вдоль берега Карскаго моря и затѣмъ по рѣкамъ Мутной и

Зеленой (теперешнія рѣки Морды и Сё-яга) съ ихъ системой озеръ, раздѣленныхъ короткимъ волокомъ, проходили полуостровъ Ямалъ и направлялись затѣмъ въ Обскую и Тазовскую губу.

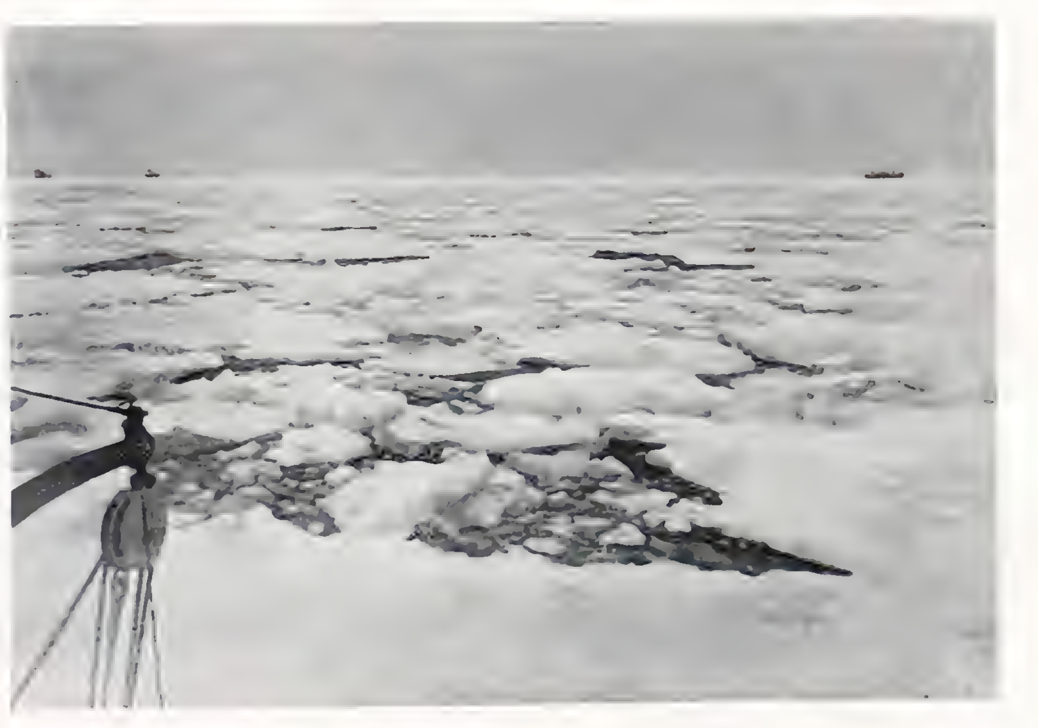
Къ сожалѣнію, эти морскія предпріятія, представлявшія собою, быть можетъ, зародышъ будущей широкой морской торговли съ Сибирью, рано окончились. Московское правительство усмотрѣло въ морской торговлѣ только одно,—что торговцы, проходя морскимъ путемъ, ускользаютъ отъ таможенныхъ заставъ, поставленныхъ на торговыхъ дорогахъ черезъ Уралъ. Тобольскіе воеводы, въ свою очередь, боялись, чтобы „нѣмцы", придя по слѣдамъ русскихъ промышленниковъ въ устье Оби, не повоевали Сибири. Въ 1620 году путь торговымъ людямъ моремъ былъ запрещенъ подъ страхомъ смертной казни. Вскорѣ затѣмъ, послѣ большого пожара, запустѣла и Мангазея. Населеніе ея частью переселилось на Енисей въ теперешній Туруханскъ.

Мало-по-малу путь черезъ Карское море въ Сибирь былъ забытъ. Отряды Великой Сѣверной экспедиціи при плаваніяхъ по Ледовитому океану въ тогдашнихъ несовершенныхъ парусныхъ судахъ встрѣчали значительныя препятствія отъ льдовъ. Позднѣе, въ XVIII и началѣ XIX столѣтій, было сдѣлано русскими мореплавателями нѣсколько неудачныхъ попытокъ проникнуть въ воды океана къ востоку отъ Новой Земли и Югорскаго шара. Установился мало-помалу взглядъ на Карское море и Сибирскій океанъ, какъ на воды, всегда заполненныя льдомъ и потому для судовъ не проходимыя. Отдѣльныя лица, впрочемъ, относились скептически къ такому выводу. Въ 1862 году русскій морякъ лейтенантъ П. П. Крузенштернъ на парусной шкунѣ попытался пройти изъ Печоры въ Енисей. Но судно его было затерто льдомъ въ Карскомъ морѣ, и онъ съ трудомъ вышелъ съ командой на берегъ Ямала. Въ концѣ 60-хъ годовъ нѣсколько норвежскихъ промышленниковъ, всегда искавшихъ не тронутыхъ еще областей океана для лучшаго промысла морскихъ звѣрей, пересѣкли въ іюлѣ и августѣ въ нѣсколькихъ направленіяхъ Карское море, почти не встрѣтивъ льда. Плаванія эти стали извѣстны и заставили нѣкоторыхъ географовъ прійти къ заключенію, что бываютъ годы, когда Карское море не заполнено льдами. Въ половинѣ 70-хъ годовъ англійскій капитанъ Виггинсъ и затѣмъ знаменитый шведскій путешественникъ баронъ Норденшельдъ благопо-

лучно провели суда изъ Европы въ Енисей. А немного лѣтъ спустя тотъ же Норденшельдъ на пароходѣ „Вега“ прошелъ мимо береговъ Сибири въ Берингов проливъ и вокругъ Азіи, разрѣшивъ такимъ образомъ нѣсколько сотъ лѣтъ занимавшую географовъ и моряковъ задачу открытія сѣверо-восточнаго прохода т. е. пути черезъ восточную часть Ледовитаго океана въ южныя моря. Весь путь отъ Баренцова моря до Берингова до нашихъ дней сдѣлало только одно это судно—„Вега“.

Путь черезъ Карское море въ Обь и Енисей съ ихъ громадными, охватывающими большую часть Сибири бассейнами, сулившій значительныя выгоды торговлѣ, привлекъ вниманіе русскихъ и еще въ большей мѣрѣ иностранныхъ купцовъ. Со времени первыхъ поѣздокъ Виггинса и Норденшельда до послѣдняго времени через Карское море въ Сибирь и изъ Сибири въ Европу ходило болѣе 100 судовъ, изъ нихъ половина съ торговыми цѣлями. Около 80% всѣхъ судовъ прошло благополучно. Часть судовъ вынуждены были изъ-за препятствій отъ льдовъ, встрѣченныхъ главнымъ образомъ въ Югорскомъ шарѣ, вернуться съ пути обратно въ Европу, и нѣсколько судовъ погибло въ Обской губѣ, устьѣ Енисея и Карскомъ морѣ,—большинство не отъ встрѣчъ со льдами, а отъ случайныхъ причинъ. Плохое знакомство капитановъ торговыхъ кораблей съ условіями плаванія и льдами Карскаго моря, недостатки картъ и слишкомъ большіе расходы по страхованію судовъ всегда тормозили развитіе морской торговли съ Сибирью. Но вопросъ о самой возможности широкаго развитія судоходства черезъ Карское море до устья Енисея не можетъ быть, по всему накопившемуся уже опыту, разрѣшенъ иначе, какъ въ положительномъ смыслѣ. Послѣдній разъ торговое англійское судно прошло въ Енисей не далѣе, какъ истекшимъ лѣтомъ 1911 года.

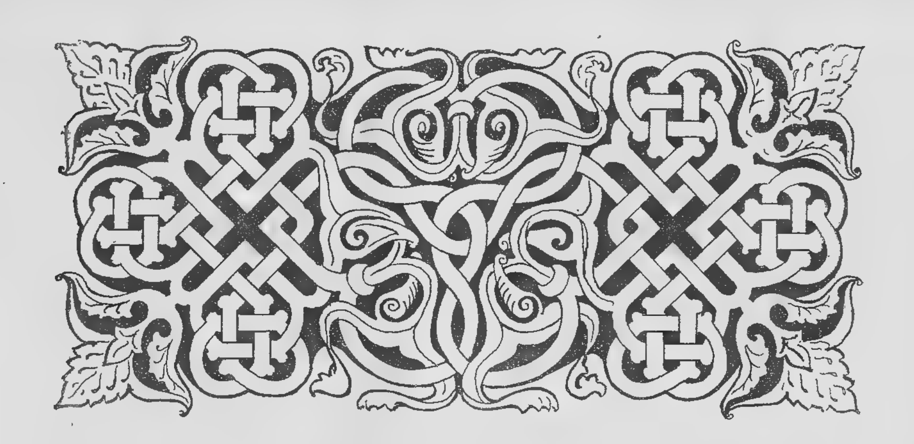
Труднѣе отвѣтить на вопросъ, возможно-ли ежегодное плаваніе кораблей вдоль Сибирскихъ береговъ до самаго Тихаго океана Здѣсь слишкомъ мало еще и теоретическихъ данныхъ и опыта. Береговая полоса океана отъ Берингова моря до устья Колымы обыкновенно бываетъ свободна лѣтомъ, и, вѣроятно, плаваніе этимъ путемъ въ концѣ лѣта не встрѣтитъ особыхъ препятствій. Менѣе извѣстно побережье и океанъ отъ Енисея до Лены, въ особенности берега далеко выдвинувшагося на сѣверъ полуострова Таймыра.



Пароходы, затертые льдомъ въ Бѣломъ морѣ.

Возможно, что у береговъ его ледъ можетъ въ иные годы застаиваться непроходимыми массами даже и позднимъ лѣтомъ и осенью. Однако, мы знаемъ, что здѣсь, и вообще весь путь отъ Югорскаго шара до Новосибирскихъ острововъ, и послѣ „Веги“ Норденшельда благополучно прошли два судна: „Фрамъ“ Нансена, отправлявшагося въ свое знаменитое путешествіе къ полюсу, и корабль русской полярной экспедиціи 1900—1903 года—„Заря“.

Въ настоящее время вопросъ о торговомъ плаваніи къ устьямъ Оби и Енисея можно считать рѣшеннымъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ на ассигнованныя правительствомъ средства сдѣланы были первыя работы по установкѣ станцій безпроволочнаго телеграфа по пути слѣдованія судовъ изъ европейскихъ морей къ Сибирскимъ берегамъ —на Югорскомъ шару, въ Карскихъ воротахъ и на берегу Ямала. Назначеніе этихъ станцій—давать своевременно въ теченіе лѣта извѣщенія въ Архангельскъ о состояніи льдовъ въ наиболѣе трудной части пути—области Карскаго моря къ востоку отъ проливовъ, ведущихъ въ Баренцово. Лѣтомъ 1911 года былъ посланъ также пароходъ добровольнаго флота изъ Владивостока въ Колыму съ административными грузами для селеній Колымскаго бассейна, которые ранѣе перевозились сухимъ путемъ изъ Якутска или съ Охотскаго моря. Плаваніе этого парохода было успѣшно, и онъ благополучно —хотя и встрѣтивъ на пути нѣкоторыя затрудненія отъ льдовъ— возвратился обратно во Владивостокъ, сдавъ грузы въ Нижне-Колымскѣ. Второй пароходъ благополучно прошелъ тѣмъ же путемъ въ текущемъ 1912 году. Такимъ образомъ сдѣланы рѣшительные шаги для развитія мореплаванія вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири.



IX.

Острова Ледовитаго океана. Колгуевъ. Новая Земля. Вайгачъ. Островъ Бѣлый. Ново-Сибирскій архипелагъ. Острова Беннета и Врангеля.

Большое количество острововъ лежитъ въ русскихъ водахъ Ледовитаго океана вблизи материка; значительнѣйшіе изъ острововъ слѣдующіе. Въ Баренцовомъ морѣ миляхъ въ 50 отъ Тиманскаго берега едва поднимается надъ поверхностью моря низменный, туманный и даже лѣтомъ нерѣдко льдами окруженный Ко́лгуевъ; на границѣ Карскаго моря длинной дугой вытянулись къ сѣверу, защищая Баренцово море отъ льдовъ Сибирскаго океана, острова Вайгачъ и Новая Земля; островъ Бѣлый узкимъ проливомъ отдѣленъ отъ выдвинувшагося въ Карское море полуострова Ямала. Восточнѣе Лены лежитъ группа Ново-Сибирскихъ острововъ, еще ближе къ Берингову проливу островъ Врангеля. Изъ острововъ этихъ постоянное населеніе есть только на Колгуевѣ и Новой Землѣ.

Островъ Колгуевъ, имѣющій верстъ 100 въ длину и верстъ 60 въ ширину — съ запада на востокъ — почти сплошь образованъ низменной ровной тундрой. Небольшіе песчаные холмы есть въ центральныхъ частяхъ его; обрывистые берега поднимаются на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ океана, песчаныя отмели — особенно въ юго-восточной части острова—выдаются далеко въ море. Въ этой именно части, въ становищахъ Бугрино и Шарокъ, — отмелыхъ бухтахъ, об-

разованныхъ отошедшими отъ берега песчаными косами („кошками“), но открытыхъ со стороны моря,—останавливаются пароходы и мелкія суда промышленниковъ.

Растительность Колгуевской тундры похожа на таковую ближайшихъ частей материка. Цвѣты ягодниковъ пестрятъ моховой покровъ, фута на два надъ почвой поднимаются кое-гдѣ кусты ивъ. Хорошія ягельныя пастбища есть во многихъ частяхъ острова. Изъ болѣе крупныхъ наземныхъ млекопитающихъ на Колгуевѣ постоянно живутъ только песцы. Но тюлени и даже моржи держатся у береговъ, а иногда зимою на льдахъ заноситъ сюда и бѣлаго медвѣдя. Богата и довольно разнообразна фауна птицъ. Красивыя гаги перелетаютъ стаями по морю вблизи береговъ и бѣлѣютъ, качаясь на гребняхъ волнъ; множество чаекъ, различныхъ куликовъ, гусей и утокъ гнѣздится по берегамъ, на озерахъ и на самой тундрѣ.

Постоянное населеніе острова состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ самоѣдовъ. Они пасутъ на островѣ тысячъ 7—8 оленей, большинство которыхъ принадлежитъ не имъ, а крестьянамъ съ нижней Печоры. На маленькихъ парусныхъ судахъ, формой и оснасткой похожихъ на тѣ древнія „кочи“, на которыхъ плавали по морю предки теперешнихъ пустозеровъ при Борисѣ Годуновѣ, собственники оленей приходятъ ежегодно на Колгуевъ съ Печоры, привозятъ товары въ обмѣнъ на самоѣдскіе промыслы и увозятъ шкуры оленей. Вся торговля складывается, конечно, въ формы, не слишкомъ выгодныя для самоѣдовъ. Въ послѣдніе годы Колгуевъ начали посѣщать пароходы Мурманскаго общества, поддерживающіе сообщеніе Архангельска съ Югорскимъ шаромъ и съ самоѣдскими колоніями Новой Земли.

Узкій гористый островъ Новая Земля сѣверной оконечностью своей доходитъ почти до 77° с. ш. и имѣетъ въ длину около 1000 верстъ. Довольно широкій проливъ Карскія ворота отдѣляетъ его отъ острова Вайгача; послѣдній отъ материка отдѣленъ узкимъ, но глубокимъ Югорскимъ шаромъ. Новоземельскій островъ раздѣленъ на двѣ части—южную меньшую и сѣверную большую—проливомъ Маточкинъ шаръ, который узкой щелью—мѣстами уже версты—прорѣзываетъ гористую страну съ запада на востокъ. Длина этого пролива—95 верстъ.

Время открытія Новой Земли, задолго до первыхъ посѣщеній ея западно-европейскими экспедиціями знакомой русскимъ промышленникамъ, неизвѣстно. Въ августѣ 1553 года берега Новой Земли

видѣлъ Виллоби, начальникъ первой экспедиціи, посланной англичанами для открытія сѣверо-восточнаго пути въ Китай. Первымъ изслѣдовалъ часть береговъ громаднаго острова голландскій путешественникъ Баренцъ, по имени котораго называется море, лежащее къ западу отъ Новой Земли. Онъ участвовалъ въ трехъ экспедиціяхъ, ходившихъ для отысканія сѣверо-восточнаго прохода, и въ 1596 году, обойдя Новую Землю съ запада, зимовалъ съ экипажемъ своего судна въ Ледяной гавани у сѣверо-восточнаго конца острова. На возвратномъ пути въ іюнѣ 1597 года Баренцъ умеръ въ лодкѣ у сѣверныхъ береговъ Новой Земли.

Русскія изслѣдованія Новой Земли начались во второй половинѣ XVIII столѣтія. Въ 1768—69 годахъ морской офицеръ Розмысловъ, зимовавшій у восточнаго конца пролива Маточкинъ шаръ и пытавшійся, хотя неудачно, пробраться на своемъ очень плохомъ суднѣ отъ береговъ Новой Земли къ устью Оби, положилъ на карту Маточкинъ шаръ и часть западныхъ береговъ острова. Рядъ дальнѣйшихъ русскихъ экспедицій съ цѣлью изученія Новой Земли посѣтилъ островъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Особенно много для ознакомленія съ берегами Новой Земли дали плаванія морскихъ офицеровъ—извѣстнаго Ѳ. П. Литке, бывшаго позже президентомъ Императорскаго Географическаго Общества и скончавшагося въ глубокой старости въ 1882 году, и штурмана П. К. Пахтусова. Послѣдній дважды зимовалъ на Новой Землѣ, описалъ неизвѣстный ранѣе восточный берегъ южнаго острова и черезъ мѣсяцъ по возвращеніи изъ второй экспедиціи умеръ отъ послѣдствій перенесенныхъ лишеній. Этому замѣчательному во многихъ отношеніяхъ русскому полярному изслѣдователю поставленъ памятникъ въ Кронштадтѣ. Одинъ изъ спутниковъ Пахтусова, лейтенантъ Циволька, предпринявшій послѣ смерти послѣдняго самостоятельное путешествіе на Новую Землю, умеръ на островѣ отъ цынги. Островъ съ цѣлью ознакомленія съ его растеніями и животными посѣтилъ также знаменитый русскій ученый—академикъ Бэръ.

И въ послѣднее 10-лѣтіе на Новой Землѣ нѣсколько разъ бывали ученыя экспедиціи—иностранныя и русскія. Между прочимъ въ Малыхъ Кармакулахъ на Новой Землѣ въ 1882 году вела наблюденія русская полярная станція, одна изъ числа 14, устроенныхъ по проекту Вайпрехта европейскими государствами и Соединенными Штатами въ различныхъ пунктахъ крайняго сѣвера для одновременныхъ го-

дичныхъ наблюденій. Здѣсь зимовала экспедиція подъ начальствомъ лейтенанта Андреева. Другая русская станція, работавшая въ составѣ международной полярной экспедиціи, устроена была въ то же время на устьяхъ Лены подъ руководствомъ штурмана Н. Д. Юргенса.

Для познанія геологическаго строенія внутреннихъ областей южнаго острова сдѣлала много экспедиція академика Ѳ. Н. Чернышова 1895 года; нѣкоторые ледники сѣвернаго острова изучены и описаны были англичанами Пирсономъ и Фейльденомъ, плававшимъ въ 1897 г. на Новую Землю на яхтѣ „Лаура". Норвежскіе промышленники нѣсколько разъ огибали островъ съ сѣвера. Но до настоящаго времени еще не только внутреннія области обширнаго острова, но и часть побережій его, напр. восточный берегъ сѣверной части, почти не изслѣдованы. Въ теченіе полуторасотлѣтнихъ изслѣдованій Новой Земли, со временъ Розмыслова, много разъ разсчитывали найти тамъ полезныя ископаемыя, сначала серебро, послѣ залежи каменнаго угля. Пробовали искать ихъ и въ послѣднее время. Ожиданія эти пока не вполнѣ оправдались, хотя впрочемъ на югѣ острова недавно вновь найдены залежи мѣдной руды. Богатства Новой Земли, пока заключаются не въ драгоцѣнныхъ металлахъ или минералахъ, а въ запасахъ (еще довольно значительныхъ) морскихъ звѣрей и цѣнной рыбы у береговъ острова.

Открытія на Новой Землѣ стоили жизни нѣсколькимъ смѣлымъ и энергичнымъ изслѣдователямъ, стоявшимъ во главѣ посѣщавшихъ островъ экспедицій, и многимъ людямъ изъ состава ихъ командъ. Еще больше погибло на негостепріимномъ островѣ промышленниковъ, отправлявшихся туда для охоты за медвѣдями, песцами и морскимъ звѣремъ. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія русскіе поморы вели промыслы въ отдаленныхъ частяхъ Ледовитаго океана гораздо шире, чѣмъ теперь. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были годы, когда число русскихъ промысловыхъ судовъ, посѣщавшихъ на лѣто островъ, доходило до ста. Извѣстно, что въ прошедшія времена русскіе промышленники ходили и на Грумантъ (Шпицбергенъ). На Новой Землѣ промысловыя партіи иногда оставались зимовать для возможности поздняго осенняго и ранняго весенняго промысла. При этомъ они проводили продолжительную зимнюю ночь въ тѣсныхъ и дымныхъ промысловыхъ избахъ, въ бездѣйствіи и снѣ. Поэтому, при недостаткѣ къ тому же свѣжаго мяса и овощей, часто цынга производила страшныя опустошенія среди зимовавшихъ партій, которыя, случалось, вымирали до послѣдняго человѣка. Постоянная дѣятельность

втеченіе зимы—лучшее средство борьбы съ этой полярной болѣзнью. Пахтусовъ, хорошо знакомый со всѣми условіями жизни на крайнемъ сѣверѣ, заставлялъ своихъ людей втеченіе всей зимы ежедневно, за исключеніемъ развѣ дней съ сильными буранами, дѣлать большія прогулки, собирая плавникъ на дрова и осматривая поставленныя на песцовъ ловушки. И во время его экспедицій люди почти не болѣли цынгой.

Въ давно прошедшія времена Новая Земля видѣла и переселенцевъ, собиравшихся основаться прочно на островѣ. Раза два на южныя берега полярнаго острова переселялись раскольники, спасавшіеся отъ религіозныхъ гоненій. Всѣ они быстро вымирали отъ цынги.

Богатый въ промысловомъ отношеніи островъ всегда привлекалъ къ себѣ промышленниковъ надеждой на обильную добычу. Но, грозя кораблямъ бурями и опасностями неизвѣстныхъ, часто окутанныхъ туманомъ береговъ, а людямъ—тьмою, скукой и лишеніями тяжелыхъ зимовокъ, онъ притягивалъ и многочисленныхъ изслѣдователей, и это не удивительно. Человѣкъ, посѣтившій Новую Землю, вѣроятно, никогда не забудетъ суровую красоту ея мрачныхъ пейзажей, ея черныя, какъ уголь, сланцевыя горы, блестящія и лѣтомъ полями снѣга; высокіе, обрывистые берега, окаймленные внизу бѣлой пѣной бушующаго прибоя, и даль полярнаго моря, то волнующагося свинцово-сѣрыми волнами подъ низко ползущими тучами и медленно несущаго ледяныя поля, то спокойнаго, лазурно-синяго, залитаго блескомъ незаходящаго солнца.

Холодный по средней температурѣ года климатъ Новой Земли носитъ, однако, явственный океаническій характеръ. Морозъ очень рѣдко превышаетъ—30°. Зато лѣто очень холодно: средняя температура его всего около +3°, въ іюлѣ термометръ только въ немногіе дни поднимается до 10°. Небо обыкновенно покрыто облаками, туманы бываютъ продолжительны и иногда окутываютъ окрестности пеленой, непроницаемой для глаза и на очень близкомъ разстояніи. Но въ то же время въ срединѣ лѣта на Новой Землѣ выпадаютъ дни, прекрасные яркимъ сіяніемъ солнца, прозрачностью воздуха и какой-то особенной величественной тишиной. Академикъ Бэръ писалъ, что въ чувствѣ, которое возбуждаетъ въ человѣкѣ въ тихіе лѣтніе дни природа этого полярнаго острова, есть что-то торжественное и возвышенное, и чувство это можно сравнить съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оставляютъ горныя области Альпъ. „Я не могъ отдѣлаться отъ мысли—

прибавляетъ онъ—что вокругъ меня утро творенія, за которымъ лишь позже послѣдуетъ жизнь“.

И берега и внутреннія части Новой Земли почти на всемъ протяженіи острова гористы. На южномъ островѣ сложенныя изъ черныхъ глинистыхъ сланцевъ цѣпи не высоки, достигая всего 150—200 метровъ. Гористыя мѣстности эти почти совершенно лишены растительности. Хаотически разбросаны кругомъ черные обрывы, щели и крутыя осыпи, состоящія изъ крупныхъ и мелкихъ обломковъ. Пласты сланцевъ то лежатъ параллельно горизонту, то, поставленные вертикально, образуютъ безформенныя нагроможденія, карнизы и острые шпицы. Полосы фирноваго снѣга лежатъ все лѣто на склонахъ и въ щеляхъ между обрывами, и шумъ потоковъ, бѣгущихъ изъ—подъ снѣжныхъ полей, одинъ нарушаетъ тишину безжизненной равнины.

По долинамъ рѣчекъ, а мѣстами и вдоль западныхъ и восточныхъ береговъ южнаго острова, есть и низменныя мѣста. Значительная по протяженію низменность, Гусиная Земля, расположена на западномъ берегу между 71° и 72½°, протянувшись верстъ на полтораста въ длину съ сѣвера на югъ и верстъ на 20—30 въ ширину. Покрытая сравнительно довольно богатымъ травянымъ покровомъ Гусиная Земля богата прѣсными озерами и прорѣзана небольшими рѣчками, въ долинахъ которыхъ держится много птицъ, въ особенности гусей.

Ближе къ Маточкину шару горныя цѣпи становятся выше, пейзажи диче и величественнѣе. У западнаго устья пролива вершины достигаютъ 1000 метровъ высотою. Глетчеры спускаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ водѣ пролива и океана. Они дѣлаются многочисленнѣе и имѣютъ бóльшую мощность далѣе къ сѣверу, по берегамъ сѣверной части Новой Земли; мало изслѣдованный сѣверный островъ— такъ называемая Земля Литке, — повидимому, покрытъ льдомъ на значительныхъ протяженіяхъ. Сползая въ море, края ледниковъ обламываются, и такимъ образомъ родятся большія ледяныя горы, которыя вѣтрами и теченіями выносятся иногда въ Карское море и въ океанъ къ западу отъ Новой Земли.

Западные берега и южнаго и сѣвернаго острововъ очень сильно изрѣзаны моремъ. Съ давнишнихъ временъ промышленники имѣли здѣсь удобныя и привычныя стоянки для судовъ въ глубокихъ бухтахъ, называемыхъ становищами. У такихъ бухтъ партіями охотниковъ часто выстраивались избы для жизни лѣтомъ, а иногда и для зимовокъ. Развалины и остатки такихъ избъ сохранились еще мѣстами

на западныхъ берегахъ. Восточные берега южнаго острова, описанные нѣкогда Пахтусовымъ, но почти не посѣщаемые промышленниками и мало извѣстные, ниже и меньше изрѣзаны. На восточныхъ берегахъ Земли Литке, къ сѣверу отъ Маточкина шара, заливы Чекина, Незнаемый, Медвѣжій и др. вдаются глубоко внутрь острова; въ глубинѣ ихъ ледяные обрывы глетчеровъ нависли надъ моремъ.

Почти всюду поверхность Новой Земли состоитъ изъ чернаго сланцеваго щебня. Склоны горъ обнажены; глазъ видитъ только черные каменистые обрывы и пятна снѣга по нимъ, и пейзажи острова напоминаютъ поэтому виды высокихъ горныхъ областей. Мхи и лишаи, всползающіе довольно высоко по склонамъ, окрашены тускло, мало выдѣляются на поверхности темныхъ скалъ и не вліяютъ на общій характеръ пейзажа.

Только по низкимъ мѣстамъ, у береговъ и въ долинахъ ручьевъ и рѣчекъ, каменистая почва покрыта тонкимъ слоемъ наносовъ, и здѣсь развивается своеобразная по внѣшнему виду и мѣстами довольно богатая растительность. Въ теченіе короткаго лѣта, подъ дѣйствіемъ незаходящаго солнца, успѣваютъ расцвѣсти разнообразные яркіе цвѣты. Они разстилаются цѣлыми коврами и радуютъ глазъ путешественника, утомленный печальнымъ видомъ каменистой пустыни. Цвѣты эти—крупныя синія незабудки, камнеломки, лютики, ромашка и иные—почти лишены листьевъ и имѣютъ такіе короткіе стебли, что на первый взглядъ кажется, будто сорванный цвѣтокъ положенъ на землю. Вся растительность вообще жмется здѣсь къ прогрѣваемому солнцемъ верхнему слою почвы. Полярныя ивы не поднимаются вовсе надъ землей, а стелются по землѣ подъ слоями мховъ, выставляя на поверхность только листочки. Ползучій стволъ деревца, который можно вытащить изъ мха рукой, достигаетъ иногда длины въ 2—3 аршина и толщины въ мизинецъ. Злаки и иныя травянистыя растенія также развиваются мѣстами довольно пышно, образуя въ рѣчныхъ долинахъ и на прибрежныхъ низменностяхъ обширныя зеленыя луговины. Около 150 видовъ цвѣтковыхъ растеній найдено на Новой Землѣ, и приблизительно столько же тайнобрачныхъ формъ. Послѣднія видны всюду и на безплодныхъ каменистыхъ мѣстахъ, взбираются по вывѣтрившимся склонамъ, обрастаютъ даже мѣстами гладкія поверхности скалъ и камней.

Если растительность острова для такихъ высокихъ широтъ еще богата и разнообразна, то еще въ большей мѣрѣ то же самое можно

сказать о животной жизни. Норвежцы и русскіе промышляютъ у береговъ Новой Земли бѣлухъ, моржей и тюленей, а въ рѣкахъ и озерахъ острова ловятъ крупныхъ лососей изъ породы такъ наз. „гольцовъ". Бѣлый медвѣдь появляется зимой даже на южномъ островѣ еще въ довольно большомъ числѣ и также служитъ предметомъ промысла, служа цѣнной добычей самоѣдамъ. Большія стада дикихъ сѣверныхъ оленей пасутся на прибрежныхъ низменностяхъ и въ горныхъ долинахъ, песцы также еще многочисленны, несмотря на усиленное преслѣдованіе. Волки и красныя лисицы только очень рѣдко забѣгаютъ съ материка на островъ. Маленькіе лемминги то появляются во множествѣ, копая норы въ покрытыхъ наносами травянистыхъ частяхъ низменностей, то снова исчезаютъ изъ ранѣе населенныхъ ими областей, вѣроятно, перекочевывая въ другія, болѣе богатыя пищей части острова.

На берегахъ южнаго острова лѣтуетъ довольно богатая фауна птицъ. Мелкихъ пѣвчихъ птицъ здѣсь живетъ немного породъ,— вѣроятно, только 4 вида, и два или три хищника, между которыми бѣлая сова—самый обыкновенный. Но водяныя птицы — гуси, утки, кайры, гагары и чайки, а также различные кулики разнообразны по числу породъ и довольно многочисленны. Особый характеръ берегамъ Новой Земли во многихъ мѣстахъ придаютъ такъ называемые „птичьи базары",—безчисленныя скопленія гнѣздящихся полярныхъ гагарокъ, которыхъ орнитологи называютъ кайрами. Не строя никакихъ гнѣздъ, морскія птицы эти, которыя плаваютъ и ныряютъ лучше чѣмъ летаютъ, откладываютъ свои яйца на карнизахъ и неровностяхъ высокихъ скалъ и обрывовъ, поднимающихся отвѣсно надъ моремъ. Такой птичій базаръ виденъ издалека. Отвѣсная черная скала берега или прибрежнаго островка сплошь унизана рядами птицъ, сидящихъ здѣсь въ неисчислимомъ количествѣ.

Иногда къ такому базару можно подобраться близко только въ лодкѣ, подъѣхавъ, если нѣтъ прибоя, къ подошвѣ скалы. Иногда подойдя на край обрыва съ суши и улегшись на землю, чтобы случайно не оборваться, увидишь подъ собою на сланцевыхъ карнизахъ ряды сидящихъ довольно крупныхъ птицъ съ бѣлымъ брюхомъ, черной спиной и крыльями и довольно длиннымъ и острымъ клювомъ. Онѣ смирны, какъ самыя ручныя домашнія птицы, подпускаютъ человѣка на два—три шага, и, если прикрыться камнемъ или просто сдѣлать быстрое движеніе, удается часто поймать гагарку

9

рукой. Множество птицъ слетаетъ съ карнизовъ или бросается иногда прямо вертикально въ море, которое на далекое пространство кругомъ покрыто плавающими и ныряющими за пищей гагарками. Шумъ крыльевъ наполняетъ воздухъ. Если, находясь подъ скалой въ лодкѣ, выстрѣлить изъ ружья, то покажется, будто ураганъ зашумѣлъ надъ головою. Тысячи птицъ бросятся въ море, но еще большее число останется сидѣть неподвижно. Срываясь съ карнизовъ, гагарки часто сбрасываютъ въ море свои лежащія тутъ же яйца. Крупныя морскія чайки гнѣздятся часто на этихъ же базарахъ, въ перемѣшку съ гагарками, но обыкновенно въ меньшемъ числѣ.

Самоѣды ловятъ гагарокъ на кормъ собакамъ съ помощью особыхъ арканчиковъ въ видѣ веревки съ петлей, привязанной къ шесту. Сверху обрыва петлю спускаютъ внизъ и надѣваютъ ее осторожно на шею птицѣ, вытягивая ихъ наверхъ одну за другой. Съ наступленіемъ зимы гагарки не улетаютъ на югъ, а уходятъ на полыньи и въ незамерзающія части океана. Это сѣверныя океаническія птицы— такія же, какъ гаги, чистики, люрики и оригинальные тупики, которые за свой странный высокій клювъ называются иногда морскими попугайчиками. Всѣ эти породы также встрѣчаются у Новой Земли.

Остальныя птицы—гуси, казарки, кулики, хищники и воробьиныя—съ наступленіемъ зимы улетаютъ къ югу. Песцы и олени остаются на островѣ, и бѣлые медвѣди приходятъ со льдами съ далекаго сѣвера, показываясь не только на южномъ островѣ Новой Земли, но и на Вайгачѣ и у Югорскаго шара.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ развивается на Новой Землѣ болѣе богатая травяная растительность, живетъ и довольно много насѣкомыхъ. Различныя безкрылыя, жуки, перепончатокрылыя, мухи и даже бабочки представлены здѣсь очень многими видами. Комары также есть на Новой Землѣ, но ихъ очень мало, и они не мучаютъ путешественника такъ, какъ въ тундрѣ. Довольно богато жизнью и море у береговъ острова: моллюски, иглокожія, черви, ракообразныя и кишечнополостныя животныя населяютъ мѣстами дно моря и толщи воды. Встрѣчаются и разнообразныя рыбы, изъ которыхъ въ наибольшемъ количествѣ ловятся омули и гольцы.

До 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія Новая Земля не имѣла постояннаго осѣдлаго населенія. Партіи промышленниковъ съ древнѣйшихъ временъ посѣщали ея берега, зимовали на островѣ и нерѣдко претерпѣвали разнообразныя злоключенія при крушеніи судовъ

или во время тяжелыхъ зимовокъ, въ особенности потому, что люди на Новой Землѣ, при плохомъ питаніи и недостаточномъ движеніи легко заболѣваютъ цынгой. Помощь на пустынномъ островѣ можно было получить только случайно.

Въ 1877 году въ Мало-Кармакульскомъ становищѣ въ заливѣ Моллера на западномъ берегу южнаго острова построена была обществомъ спасанія на водахъ изба и при ней амбаръ для склада припасовъ. Въ то же время для охраны построекъ и для зимняго промысла на островъ согласились переселиться изъ Малоземельской тундры 5 чумовъ (24 человѣка) самоѣдовъ, которые прочно обосновались на Новой Землѣ. Отдѣльныя семьи самоѣдовъ, переходившія съ Югорскаго шара или перевезенныя на Новую Землю печерскими торговцами, которые снабжали такихъ временныхъ поселенцевъ припасами, вымѣнимая таковые на пушнину и иные продукты промысла, живали тамъ по нѣскольку лѣтъ и ранѣе. Новые поселенцы были снабжены всѣмъ необходимымъ, и первую зиму вмѣстѣ съ ними провелъ на Новой Землѣ штурманскій офицеръ Т я г и н ъ. Позже количество новоземельскихъ колонистовъ-самоѣдовъ увеличилось, и они перешли въ вѣдѣніе Архангельской администраціи. Образовалось три постоянныхъ поселка: одинъ въ Мало-Кармакульскомъ становищѣ, гдѣ построена была небольшая часовня, другой южнѣе, въ Бѣлушьей губѣ, и третій—у западнаго устья Маточкина шара. Число живущихъ въ нихъ самоѣдовъ доходило почти до 100 человѣкъ. Нѣкоторые изъ поселенцевъ возвращаются обратно въ тундру, другіе вновь прочно устроились на суровомъ по условіямъ жизни, но богатомъ звѣремъ и рыбой островѣ. Отдѣльные русскіе промышленники также по нѣскольку лѣтъ жили и промышляли въ самоѣдскихъ колоніяхъ. Въ 1910 году самоѣдовъ на Новой Землѣ числилось 86 душъ, русскихъ—17 душъ.

Съ основаніемъ поселковъ на Новую Землю стали правильно ходить пароходы Мурманскаго общества, дѣлающіе изъ Архангельска въ лѣто два рейса—одинъ въ іюлѣ, другой въ концѣ августа или сентябрѣ. Пароходъ посѣщаетъ всѣ 3 становища (а въ послѣдніе годы посѣщалъ также и новую русскую колонію въ Крестовой губѣ, сѣвернѣе Маточкина шара), причемъ въ первый рейсъ принимаетъ промыслы колонистовъ для продажи ихъ въ Архангельскѣ, а во второй—доставляетъ самоѣдамъ все необходимое для жизни, не исключая и дровъ, а также и всякія вещи, которыя заказываютъ

для себя отдѣльные колонисты. Матеріальное положеніе послѣднихъ —если сравнивать таковое съ положеніемъ большинства самоѣдовъ въ европейской тундрѣ—довольно удовлетворительно. Домашнихъ оленей на Новой Землѣ самоѣды не держатъ, — главнымъ образомъ изъ-за недостатка сплошныхъ, удобныхъ для надзора за оленями пастбищъ. Ѣздятъ и перевозятъ грузы они исключительно на собакахъ. Большая часть поселенцевъ живетъ въ избахъ (русскаго типа) становищъ. Но нѣкоторые зимуютъ и въ чумахъ и уходятъ для болѣе успѣшнаго промысла въ другія части Новой Земли, даже на Карскую сторону и на сѣверный островъ за Маточкинъ шаръ. Въ зиму убиваютъ на Новой Землѣ обыкновенно нѣсколько десятковъ медвѣдей и добываютъ значительное количество оленьихъ шкуръ, песцовъ, ремней изъ кожи ластоногихъ, сала и рыбы[1]).

Такъ какъ самоѣды выносливы по отношенію къ климатическимъ условіямъ и кромѣ того питаются часто свѣжимъ мясомъ убитыхъ оленей, а изъ Архангельска имъ привозятъ въ достаточномъ количествѣ овощи, то они въ общемъ мало страдаютъ отъ цынги и хорошо переносятъ темную новоземельскую зиму. Большинство изъ нихъ довольно своей жизнью на островѣ. Дѣти выживаютъ тамъ благополучно и отличаются обычной для маленькихъ самоѣдовъ смышленностью и крѣпостью. Отсутствіе домашнихъ оленей, съ которыми такъ свыклись самоѣды, составляетъ нѣкоторое неудобство ихъ жизни. Зато обыкновенно они обезпечены богатыми промыслами, и нищета не угрожаетъ имъ въ той мѣрѣ, какъ безоленнымъ самоѣдамъ на материкѣ.

Русскія промысловыя суда въ послѣднія десятилѣтія почти не посѣщали сѣверный островъ Новой Земли. Въ началѣ и половинѣ прошлаго столѣтія наши поморы плавали за промыслами до самой сѣверной оконечности острова: сѣверный мысъ его издавна извѣстенъ былъ у промышленниковъ подъ именемъ мыса Доходы, и многія другія становища и острова на крайнемъ сѣверѣ издавна носятъ русскія названія. Въ то же время норвежцы усиленно развивали свои промыслы у береговъ острова, лежащихъ къ сѣверу отъ Маточ-

[1]) Лѣтомъ 1910 года колонисты Новой Земли отправили на продажу въ Архангельскъ (промысла продаются съ аукціона Архангельской администраціей): живыхъ медвѣжатъ 10, медвѣжьихъ шкуръ 39, нерпы 1296, сала 1900 пудовъ, моржевыхъ шкуръ 2, оленьихъ 210, песцовъ 258, лисицъ 4, бѣлухъ 5, морскихъ зайцевъ 15. Медвѣжьи шкуры проданы по 118 руб., песцы почти по 22 руб. Всего выручено 19.000 руб.

Самоѣдъ съ собаками (Новая Земля).

кина шара, и построили даже на берегахъ этихъ дома и станціи для заготовки рыбы и для зимовки охотниковъ. Обстоятельство это заставило наше правительство обратить вниманіе на возможность эксплоатаціи сѣверныхъ частей Новой Земли. Въ послѣдніе годы сѣверный островъ посѣтили нѣсколько русскихъ экспедицій, а въ губѣ Крестовой сѣвернѣе Маточкина шара основана колонія, въ которой поселены русскіе поморы. Въ настоящее время нельзя еще рѣшить вопросъ, удастся ли русскимъ поселенцамъ обосноваться прочно на берегахъ острова. Что на Новой Землѣ можно безъ особыхъ опасеній зимовать русскимъ, такъ же какъ и самоѣдамъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Но обычная у русскихъ промышленниковъ привычка проводить длинную полярную ночь, когда нельзя промышлять, въ праздности и снѣ, почти безъ всякаго движенія на открытомъ воздухѣ, дѣлаетъ ихъ мало-приспобленными къ перенесенію Новоземельской зимы съ ея продолжительной темнотой. По послѣднимъ извѣстіямъ въ русской колоніи Крестовой губы въ истекшую зиму было много заболѣваній цынгой. Вымерла также партія промышленниковъ, зимовавшая въ Мелкой губѣ по найму однаго изъ Архангельскихъ купцовъ.

Русскій сѣверъ переживаетъ въ настоящее время нѣкоторое оживленіе по отношенію къ промысламъ и судоходству. Нужно надѣяться, что довольно богатый въ промысловомъ отношеніи островъ, мимо береговъ котораго пролегаютъ пути отъ Европейскихъ странъ къ устьямъ Сибирскихъ рѣкъ, будетъ тщательно изслѣдованъ въ картографическомъ, судоходномъ и промысловомъ отношеніи, и что у береговъ его найдетъ себѣ приложеніе не иностранная только, какъ теперь, но и русская предпріимчивость.

Между южной оконечностью Новой Земли и материкомъ, отдѣленный отъ послѣдняго узкимъ, но глубокимъ проливомъ Югорскій шаръ, островъ Вайгачъ протянулся съ СЗ. на ЮВ. на 100 верстъ, имѣя около 40 верстъ въ ширину. На большей части протяженія своего островъ гористъ, и пейзажи его напоминаютъ виды южнаго острова Новой Земли; утесистые обрывы восточныхъ береговъ поднимаются футовъ на 200 и больше надъ уровнемъ моря. Внутреннія области острова не изслѣдованы. Вблизи южныхъ береговъ есть хорошія ягельныя пастбища, и флора острова нѣсколько богаче, чѣмъ на Новой Землѣ. Фауна та же, только бѣлые медвѣди встрѣчаются рѣже, волкъ и красная лисица чаще забѣгаютъ съ материка, а нѣкоторыя болѣе южныя тундровыя формы птицъ можно встрѣтить

легче, чѣмъ за Карскими воротами. Домашнія стада оленей, принадлежащія большеземельскимъ самоѣдамъ и печорскимъ зырянамъ и русскимъ, пасутся лѣтомъ въ южной половинѣ острова. Отдѣльные чумы самоѣдовъ, переходящихъ съ материка, зимуютъ иногда на берегахъ Вайгача, промышляя звѣря на островѣ и на льдахъ проливовъ и Карскаго моря.

Среди самоѣдовъ тундръ, расположенныхъ къ западу отъ Уральскаго хребта, Вайгачъ издавно слыветъ святымъ островомъ. Многочисленны здѣсь жертвенныя мѣста съ массою деревянныхъ идоловъ. Много такихъ идоловъ сожжено было миссіонерами въ началѣ и срединѣ прошлаго столѣтія. Но „шайтановъ“ на берегахъ острова видѣли и Норденшельдъ и позднѣйшіе путешественники. „Жертвенный холмъ—пишетъ Норденшельдъ въ отчетѣ о путешествіи „Веги“ вокругъ Азіи—лежалъ на самомъ высокомъ мѣстѣ юго-западнаго мыса острова Вайгача, и представлялъ собою естественный холмъ, возвышающійся на два метра надъ окружающею равниною, которая оканчивалась къ морю крутыми обрывами. Поверхность была ровна, но подымалась постепенно до высоты въ 18 метровъ надъ уровнемъ моря. Почва состояла изъ силурійскаго известняка, въ круто падающихъ пластахъ, съ простираніемъ отъ востока на западъ, а найденныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окаменѣлости сходны съ готландскими. По мѣстамъ на равнинѣ находились небольшія впадины, покрытыя очень богатою, ровнозеленою травяною растительностью. Возвышенныя сухія части равнины были покрыты роскошнымъ цвѣточнымъ ковромъ изъ желтыхъ и бѣлыхъ солянокъ, голубыхъ эритрихій, полемоній, паррій, желтыхъ хризоспленій и др. Эти послѣднія, обыкновенно невзрачные цвѣты, здѣсь особенно роскошны и образуютъ важную часть цвѣточнаго ковра. Лѣса нѣтъ совсѣмъ. Даже кустарники едва достигаютъ въ вышину 1 аршина и то лишь на защищенныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ долинахъ и у подножія склоновъ, обращенныхъ на югъ. Жертвенникъ состоялъ изъ кучи камней, въ нѣсколько метровъ въ квадратѣ, расположенныхъ на отдѣльно стоящей возвышенности среди равнины... Идолы состояли изъ нѣсколькихъ сотъ деревянныхъ палокъ съ уродливо вырѣзанными человѣческими лицами на верхнемъ концѣ каждой. Длина палочекъ обыкновенно отъ 15 до 20 сантиметровъ, нѣкоторыя длиною до 370 сант. (5 аршинъ). Всѣ были воткнуты въ землю на юго-восточной

сторонѣ холма. Вблизи жертвенника видны были головешки и остатки очага, на которомъ была изготовляема трапеза“.

Берега Вайгача съ востока мало изрѣзаны моремъ. Но на западныхъ берегахъ есть бухты, достаточно удобныя для стоянки судовъ. Таковы напримѣръ бухта Варнека близь западнаго устья Югорскаго шара и губа Долгая на сѣверо-западномъ концѣ острова. Широкій проливъ Карскія ворота, отдѣляющій Вайгачъ отъ Новой Земли, и Югорскій шаръ иногда и позднимъ лѣтомъ бываютъ наполнены пловучимъ льдомъ.

Въ холодномъ и льдистомъ Карскомъ морѣ, узкимъ проливомъ Малыгина отдѣленный отъ сѣвернаго берега Самоѣдскаго полуострова или Ямала, лежитъ другой святой островъ самоѣдовъ—Бѣлый или—по самоѣдски—Сэръ-о. Составляя продолженіе сѣверной очень низменной части Ямала, Бѣлый тянется въ видѣ обширной и ровной, едва поднимающейся надъ моремъ площади наносовъ. Зимой одѣтая снѣгомъ ровная поверхность его кажется гладью покрытаго льдомъ моря или большого озера. Обрывы береговъ его едва на нѣсколько футовъ подняты надъ морскимъ уровнемъ. Почва острова песчаная, растительность бѣдна, и ягельныхъ пастбищъ очень мало. Мелкія озера и небольшіе ручьи разнообразятъ кое-гдѣ лѣтомъ его однообразную равнину.

Дикіе олени переходятъ въ большомъ числѣ на островъ съ сосѣдняго Ямала по льду пролива, который замерзаетъ поздней осенью и остается подо льдомъ до іюня. На немъ живутъ также волки, песцы и горностаи, гнѣздятся черные гуси, другія водяныя птицы, кулики, совы и снѣжные подорожники. Но птицъ здѣсь, на крайнемъ сѣверѣ Ямала и Бѣломъ, уже далеко не такъ много, какъ южнѣе, внутри тундры и по берегамъ Обской губы и Карскаго моря.

Самоѣды ранней весной и осенью стрѣляютъ на островѣ бѣлыхъ медвѣдей и оленей. Промышленниковъ, которые отправляются туда черезъ проливъ Малыгина, ихъ оленей, нарты и оружіе окуриваютъ обыкновенно бобровой струей въ предупрежденіе злыхъ вліяній. Два почитаемыхъ жертвенныхъ мѣста лежатъ на южномъ берегу острова. Возможно, что какое-нибудь святилище особой славы и цѣнности лежитъ въ глубинѣ Бѣлаго, такъ какъ самоѣды Ямала обыкновенно пытались путемъ различныхъ хитростей помѣшать немногимъ путешественникамъ, посѣщавшимъ Бѣлый, проникнуть далеко въ глубину острова.

Много мелкихъ малоизвѣстныхъ острововъ разбросано вблизи береговъ Сибири отъ устья Енисея до сѣверной оконечности Таймыра. Вблизи Енисейской губы лежитъ описанный Норденшельдомъ островъ Сибирякова съ гаванью, очень удобной для стоянки судовъ. Много восточнѣе, между меридіанами устья Яны и Индигирки, довольно далеко къ сѣверу раскинулся Ново-Сибирскій архипелагъ, состоящій изъ острововъ Малыхъ, Ближнихъ или Ляховскихъ и сближенныхъ между собою большихъ острововъ Котельнаго, Фадѣевскаго и Новой Сибири. Около трехъ послѣднихъ лежитъ еще нѣсколько мелкихъ острововъ, и вся сѣверная группа объединяется часто подъ названіемъ Дальнихъ острововъ или архипелага Анжу по имени изслѣдовавшаго ихъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія морского офицера, который путешествовалъ одновременно съ барономъ Врангелемъ.

Острова эти, открытые промышленниками во второй половинѣ XVIII столѣтія, раздѣлены не широкими, отмелыми проливами. Ляховскій островъ виденъ въ ясную погоду съ материка. Проливы плотно замерзаютъ на зиму; но далѣе къ сѣверу, недалеко за архипелагомъ Анжу, море и зимой бываетъ свободно или покрыто разбитымъ, движущимся льдомъ, и близость обширныхъ пространствъ открытой воды смягчаетъ нѣсколько климатъ этихъ сѣверныхъ острововъ. Въ первой половинѣ іюля ломаетъ обыкновенно ледъ у береговъ Котельнаго, Фадѣева и Новой Сибири; но массы пловучаго льда часто окружаютъ берега въ теченіе всего лѣта. Прочный ледяной припай начинаетъ вновь образовываться между материкомъ и островами съ конца августа или начала сентября, а въ концѣ октября партіи промышленниковъ уже переходятъ съ материка на островъ Котельный по сплошному льду.

Геологически Ново-Сибирскіе острова сходны съ сосѣдними областями материка, образуя отдѣлившіяся, размытыя моремъ части сѣвернаго берега Сибири. Во многихъ мѣстахъ основныя каменныя породы выходятъ на поверхность, слагая отдѣльные горные массивы острововъ. Но большая часть ихъ протяженія состоитъ изъ пропитанныхъ водой глинъ, песку и илу, причемъ подъ верхними наносными слоями почвы лежатъ мѣстами мощные пласты чистаго льда. Древнія напластованія почвеннаго льда занимаютъ вообще на островахъ и въ сосѣднихъ областяхъ материка значительныя пространства. Вотъ что говоритъ напр. о Фадѣевскомъ островѣ одинъ изъ

путешественниковъ, недавно посѣтившій архипелагъ (лейтенантъ А. Колчакъ): „Островъ этотъ, такъ сказать, въ схематическомъ видѣ представляетъ собою глыбу льда, прикрытую сравнительно тонкимъ слоемъ наносовъ. Весь SO-й берегъ острова имѣетъ видъ ледяной стѣны, кое-гдѣ замаскированной обвалами этихъ наносовъ. Эта мощная масса льда, прорѣзанная повсюду трещинами, заполненными рыхлыми отложеніями, болѣе или менѣе глубокими оврагами и руслами тундренныхъ ручьевъ и рѣчекъ,... весьма типична для всѣхъ Ново-Сибирскихъ острововъ и, быть можетъ, для многихъ частей противолежащаго сибирскаго побережья и встрѣчается повсюду, гдѣ только не выступаютъ на поверхность твердыя породы. Особенно интересными являются указанія на пребываніе этого почвеннаго льда подъ уровнемъ моря... Есть указанія на то, что эти древніе ледники, пережившіе трансгрессію моря, и въ настоящее время простираются подъ уровнемъ моря, образуя вблизи береговъ Фадѣевскаго острова и Новой Сибири настоящее ледяное дно, прикрытое только мѣстами тонкимъ слоемъ илистыхъ отложеній“.

Характерныя черты пейзажамъ острововъ придаютъ такъ наз. „байджараки“,—глиняные пирамидальные и конусовидные холмы до трехъ и болѣе саженъ высотою, которые образуются на обрывахъ долинъ и береговъ вслѣдствіе размыванія пловучей въ теплое время, не покрытой сплошнымъ дерновымъ покровомъ почвы. Островъ Новая Сибирь, имѣющій въ длину до 140 и ширину до 60 верстъ и образующій на сѣверо-западѣ мысъ Высокій, замѣчателенъ присутствіемъ такъ называемыхъ „деревянныхъ горъ“. Онѣ тянутся верстъ на 20 между устьями рѣкъ Рѣшетниковой и Обуховой и состоятъ изъ слоевъ песчаника съ прослойками бураго угля и стволами полуобуглившихся деревьевъ. Въ обнаженіяхъ массы древесныхъ стволовъ то оказываются лежащими горизонтально, то стоятъ вертикально, высовываясь изъ вершинъ гряды. Вѣроятно, это скопленія древняго плавника.

Рѣки на островахъ довольно многочисленны. Ближайшія сибирскія рѣки—Лена, Яна, Индигирка—выносятъ въ океанъ много плавника, и поэтому онъ обиленъ на Ново-Сибирскихъ островахъ. Древесной растительности на нихъ нѣтъ. Цвѣтковыя растенія разбросаны отдѣльными дерновинами и раздѣлены пространствами оголенной почвы, мѣстами подернутой мхами и лишаями. Фауна млекопитающихъ состоитъ изъ бѣлаго медвѣдя, оленя, песца, горностая и двухъ

видовъ лемминговъ. Фауна птицъ, подробно изученная въ послѣднее время участникомъ русской полярной экспедиціи 1900—903 годовъ А. А. Бялыницкимъ-Бирулей, довольно богата. Рыба изъ лососевыхъ породъ водится только въ рѣкахъ, такъ какъ озера мелководны и промерзаютъ до дна зимою.

Почва Ново-Сибирскихъ острововъ богата костями ископаемыхъ четвертичныхъ млекопитающихъ. Тамъ много также мамонтовыхъ бивней, которые добываются и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ материковой тундры. Для добычи этой цѣнной кости на Ново-Сибирскіе острова ежегодно отправляются партіи промышленниковъ съ материка. Больше всего бивней добываютъ на Большомъ Ляховскомъ островѣ, но промысловыя партіи посѣщаютъ и сѣверные острова, оставаясь тамъ все лѣто и часть осени, до сентября, когда становится ледъ въ проливахъ. На островахъ добываютъ также медьѣдей, песцовъ, оленей, которые большими стадами перекочевываютъ весною съ материка, и линялыхъ гусей. Постояннаго населенія на Ново-Сибирскихъ островахъ въ настоящее время нѣтъ; но на нихъ находили не разъ слѣды пребыванія, быть можетъ, болѣе или менѣе продолжительнаго, инородцевъ, вѣроятно, юкагировъ.

Прямо къ сѣверу отъ острова Новой Сибири, отдѣленный отъ него проливомъ верстъ въ 100 шириною, лежитъ островъ Беннета, имя котораго связано съ воспоминаніемъ о трагической судьбѣ двухъ выдающихся полярныхъ путешественниковъ. Въ іюнѣ 1881 года судно „Жаннета" полярной американской экспедиціи, снаряженной на средства издателя „Нью-іоркъ-герольда" г. Беннета и бывшей подъ начальствомъ лейтенанта Де-Лонга, было раздавлено льдомъ въ океанѣ далеко къ сѣверо-востоку отъ Ново-Сибирскаго архипелага. Оставя судно и двигаясь на шлюпкахъ къ берегамъ Сибири, экспедиція открыла островъ, объявленный де-Лонгомъ владѣніемъ Соединенныхъ Штатовъ и названный по имени лица, снарядившаго экспедицію. Вмѣстѣ съ восточнѣе его лежащими маленькими островами Генріэты и Жаннеты, открытыми той-же экспедиціей, островъ составляетъ архипелагъ Де-Лонга. Значительное большинство участниковъ этой несчастной экспедиціи, какъ извѣстно, погибло,—одни въ морѣ, другіе на сушѣ, въ устьяхъ Лены, отъ голода и истощенія. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Де-Лонгъ.

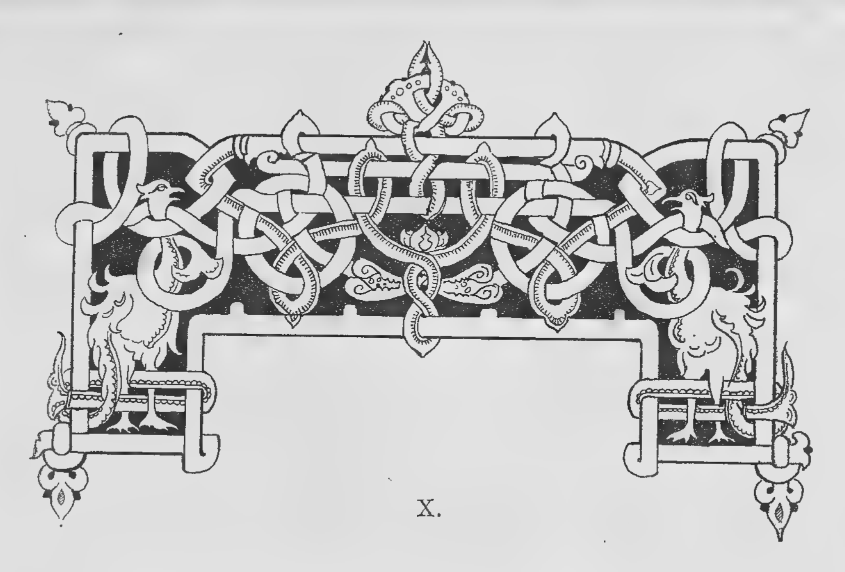
Начальникъ русской полярной экспедиціи 1900—1903 года баронъ Э. В. Толль, во время пребыванія судна экспедиціи „Заря" у

Ново-Сибирскихъ острововъ, въ маѣ 1902 года съ астрономомъ Ф. Г. Зеебергомъ и двумя якутами, на нартахъ и съ двумя легкими байдарками, ушелъ на островъ Беннета для его изслѣдованія. Льды не позволили „Зарѣ“ лѣтомъ подойти къ острову, и до лѣта 1903 года о путешественникахъ не было никакихъ извѣстій. Въ августѣ этого года посланный на поиски пропавшей партіи лейтенантъ А. Колчакъ на шлюпкѣ достигъ береговъ острова Беннета, гдѣ нашелъ записку барона Толя съ извѣстіемъ, что путешественники въ октябрѣ 1902 г. покинули островъ, направившись по льдамъ къ Ново-Сибирскому архипелагу. Несомнѣнно, что баронъ Толль и его спутники погибли на возвратномъ пути.

Островъ Беннета имѣетъ, при почти треугольной формѣ, въ окружности около 50 верстъ и представляетъ плоскогоріе въ 1000 футовъ высотою съ отдѣльными возвышенностями до 1500 футовъ. Берега его обрываются къ морю высокими отвѣсными скалами. Внутреннія части острова покрыты сплошнымъ фирновымъ покровомъ. На южномъ берегу спускаются къ морю два ледника. Мѣстами подъ крутыми берегами выступаютъ низкія песчаныя прибрежья, покрытыя кое-гдѣ плавникомъ. На островѣ живутъ олени, песцы, лемминги и различныя птицы.

На долготѣ устья Колымы и нѣсколько южнѣе 71° пять маленькихъ возвышенныхъ островковъ образуютъ группу острововъ Медвѣжьихъ. Далѣе къ востоку, между Чаунской губой и Беринговымъ проливомъ, подъ той же приблизительно широтой лежитъ островъ Врангеля. Онъ открытъ американскими китобоями во второй половинѣ прошлаго вѣка; но еще Врангель въ отчетѣ объ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ своихъ сѣверо-восточнаго побережья Сибири въ 1820—23 гг. указывалъ, что къ сѣверу отъ мыса Якана, лежащаго восточнѣе Чаунской губы, лѣтомъ на большомъ разстояніи отъ берега видны бываютъ вершины горъ.

Названная въ честь Врангеля полярная земля простирается верстъ на 60 въ длину. Сложенныя изъ гранитовъ и глинистыхъ сланцевъ горы поднимаются на высоту 2 тысячъ футовъ. Въ юго-восточной части острова есть бухта, удобная для стоянки кораблей. До береговъ этого острова доходятъ иногда американскія китобойныя суда.



X.

Заключеніе. Богатства крайняго сѣвера и возможность широкой ихъ эксплоатаціи. Сѣверный морской путь.

Обширная область сѣверныхъ тундръ, о которой постарались мы дать нѣкоторое понятіе въ предыдущихъ главахъ, пустынная, бѣдная сравнительно дарами природы и суровая, но привлекательная просторомъ и волей свободной, хотя и полной лишеній жизни, очень мало еще изслѣдована. Многія части протяженія ея до сихъ поръ даже приближенно и въ общихъ чертахъ не нанесены на карты, такъ какъ никогда не были пройдены путешественниками или топографами. На крайнемъ сѣверѣ Сибири есть горные хребты, большія озера и значительныя по размѣрамъ рѣки, которыхъ не видѣлъ никогда и о которыхъ не писалъ еще ни одинъ географъ. Очертанія цѣлыхъ обширныхъ морскихъ заливовъ, напр. Тазовской губы, и рѣкъ, величиною равныхъ или превосходящихъ значительнѣйшія рѣки Европы, судоходныхъ на большомъ протяженіи и богатыхъ рыбой, проложены на карты еще въ давнія времена, часто только на основаніи разспросныхъ свѣдѣній, и не провѣрены и не изучены въ новѣйшее время.

Между тѣмъ значительныя природныя богатства сѣверныхъ окраинъ Россіи могутъ быть использованы въ размѣрахъ неизмѣримо большихъ, чѣмъ это можетъ сдѣлать теперь очень рѣдкое населеніе тундры, въ главной массѣ своей полудикое и живущее въ краю, котораго почти не коснулась еще широкая торговая предпріиичивость,

обладающая достаточными капиталами и нужными техническими средствами.

Въ настоящее время въ полосѣ тундры и на сѣверномъ побережьѣ существуютъ, обезпечивая въ большей или меньшей мѣрѣ мѣстное населеніе и отправляя нѣкоторое, довольно незначительное въ общемъ, количество товаровъ внутрь страны: пушной и морской звѣровый промыселъ, не регулируемый никакими законами или правилами и въ большинствѣ мѣстностей подавляемый недостаткомъ хорошаго доступнаго оружія и пороха и тяжелыми для промышленниковъ, недобросовѣстными условіями торговли; рыбный промыселъ, въ сколько-нибудь замѣтныхъ, дающихъ продукты для вывоза внутрь страны, размѣрахъ существующій на Мурманѣ, у береговъ Канина, въ устьяхъ Печоры, Оби, Енисея и Лены и начавшійся въ самое послѣднее время въ Беринговомъ морѣ, но всюду примитивный по способамъ лова и заготовки рыбы; оленеводство, небольшое по размѣрамъ сравнительно съ пространствами пастбищъ, страдающее отъ падежей и не получающее почти никакой помощи отъ государства.

Не слѣдуетъ, какъ иногда дѣлаютъ это въ послѣднее время, смотрѣть на тундру, какъ на землю обѣтованную, въ которой черезъ десять лѣтъ будутъ созрѣвать поля пшеницы, и гдѣ добрый русскій мужичокъ обрѣтетъ, наконецъ, необходимые ему просторъ и достатокъ; нельзя видѣть въ сѣверныхъ окраинахъ золотое дно, гдѣ можно черпать деньги, не вкладывая въ предпріятія ни капиталовъ, ни ума, ни знаній; но нельзя и видѣть въ нихъ только страну холода и мрака, въ которой влачатъ свое жалкое существованіе несчастные, обдѣленные природой дикари. И теперь русское населеніе тундры и сѣвернаго побережья, хотя и отрѣзанное отъ центральныхъ областей страны громадными разстояніями и отсутствіемъ путей сообщенія, во многихъ мѣстностяхъ богаче, развитѣе и свободнѣе крестьянъ черноземной полосы Россіи; и среди инородцевъ рядомъ съ личностями, опустившимися отъ соприкосновенія съ худшими сторонами и низшими представителями культуры или ведущими по разнымъ причинамъ жалкое и полуголодное бродячее существованіе, есть не мало людей крѣпкихъ, довольныхъ своей жизнью въ суровомъ, но свободномъ просторѣ сѣверной пустыни.

Важныхъ ископаемыхъ богатствъ въ предѣлахъ тундры мы пока не знаемъ. По нижнему теченію Енисея близъ Туруханска и кое-гдѣ въ сѣверо-восточной Сибири есть залежи графита, въ низовьѣ Лены

каменный уголь плохого качества. Серебро находили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣвера Европейской Россіи и золото, въ послѣднее время, на Чукотскомъ полуостровѣ. На всемъ пространствѣ Сибирскихъ тундръ отъ Уральскаго хребта до Чаунской губы вмѣстѣ съ Ново-Сибирскими островами издавна добывается мамонтова кость,—бивни уже на зарѣ человѣческаго существованія исчезнувшаго громаднаго звѣря, дающіе матеріалъ, не уступающій по качествамъ слоновой кости. Добыча этой кости не велика и постепенно уменьшается. Хорошій графитъ не добывается изъ-за затруднительности вывоза. Но примѣръ сосѣдней съ восточной окраиной Азіатскаго материка Аляски, которая въ 60-хъ годахъ за ничтожную сумму продана была Россіей Соединеннымъ Штатамъ, и въ которой оказались богатѣйшія залежи золота, и Шпицбергенъ съ найденными тамъ запасами каменнаго угля отличнаго качества показываютъ, что горныя области крайняго сѣвера заслуживаютъ тщательнаго изслѣдованія не съ одной только теоретически-научной точки зрѣнія.

Богатая промысловая фауна тундры и прибрежной полосы океана въ настоящее время использована еще очень мало. Количество пушного звѣря, главнымъ образомъ ставшаго уже очень цѣннымъ въ настоящее время песца, на крайнемъ сѣверѣ, правда, не безгранично; но промыселъ зимняго песца все же можетъ еще значительно увеличиться за счетъ вреднаго, широко практикующагося въ настоящее время промысла крестоватика, во время котораго вылавливаются молодые и лѣтніе звѣри, не имѣющіе и десятой доли цѣнности зимнихъ. Промыселъ морского звѣря, нѣсколько болѣе широко поставленный въ нѣкоторыхъ пунктахъ сѣвернаго побережья Европейской Россіи и отчасти на островѣ Новой Землѣ, гдѣ промышляютъ самоѣды—колонисты, на берегахъ Сибири всюду имѣетъ случайный характеръ и даетъ мало добычи. Русскаго китобойнаго промысла нѣтъ нигдѣ, и истинными хозяевами морского звѣрового промысла въ русскихъ частяхъ Баренцова моря, у Новой Земли и въ Карскомъ морѣ фактически нужно считать норвежцевъ, а въ Беринговомъ—американцевъ и японцевъ. Недостатокъ ружей, патроновъ, пороха и свинца въ отдаленныхъ мѣстностяхъ сѣверной Сибири не только тормозитъ промыслы, но нерѣдко угрожаетъ голодной смертью и даже приводитъ къ гибели тѣхъ изъ инородцевъ, которые существуютъ главнымъ образомъ охотничьимъ промысломъ, Даже въ болѣе доступныхъ сравнительно Тобольскихъ и Енисейскихъ тундрахъ, ко-

чевое население которыхъ ежегодно посѣщаетъ Обдорскъ и Туруханскъ, самоѣды принуждены платить за винтовки безобразно-высокія цѣны, между тѣмъ какъ арсеналы государства завалены вышедшими изъ употребленія патронами и военными винтовками, которыя въ концѣ-концовъ пойдутъ въ ломъ.

Широко развившійся охотничій промыселъ мало-по-малу неминуемо приводитъ къ уменьшенію количества, иногда къ почти полному истребленію пушного звѣря. Факты показываютъ, что и сильное преслѣдованіе морскихъ звѣрей замѣтно сказывается на количествѣ животныхъ, которыя частью истребляются, частью отпугиваются и уходятъ въ недоступныя человѣку области Ледовитаго океана. Несравненно труднѣе, если не невозможно, на сѣверѣ исчерпать запасы рыбы, такъ какъ къ побережью и въ устья сѣверныхъ рѣкъ рыба, появляющаяся здѣсь въ извѣстные періоды года въ большихъ количествахъ, подходитъ изъ простора Атлантическаго, Ледовитаго и Тихаго океановъ. Между тѣмъ въ сравненіи съ громаднымъ протяженіемъ сѣверной береговой линіи Россіи, съ размахомъ широкихъ морскихъ губъ и дельтъ, которыми кончаются рѣки, рыбные промыслы сѣвернаго побережья прямо ничтожны. Почти на всемъ пространствѣ сѣверныхъ береговъ Сибири, линія которыхъ занимаетъ 130 меридіановъ т. е. больше трети земной окружности, и на Беринговомъ морѣ, за малой численностью населенія и отсутствіемъ путей для вывоза рыбы, промыслы ведутся—гдѣ они существуютъ—только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. При этомъ въ глухихъ мѣстностяхъ Сибири населеніе часто страдаетъ отъ недостатка матеріаловъ для изготовленія сѣтей, не имѣетъ соли и заготовляетъ вяленую рыбу, которая при неподходящей погодѣ замѣняется и тухлой, сгноенной въ земляныхъ ямахъ. Способы лова, заготовки рыбы и рыболовныя суда вполнѣ примитивны почти у всѣхъ промышленниковъ даже и на Мурманскомъ берегу съ его старинной рыбопромышленностью, о развитіи и поддержкѣ которой заботится въ извѣстной мѣрѣ правительство. Очень выгодный и часто особенно добычливый промыселъ наваги, существующій кромѣ внутреннихъ частей Бѣлаго моря также у береговъ Канина, развивается очень медленно, и промышляютъ навагу въ устьяхъ только части рѣкъ западнаго берега Канинскаго полуострова и Чешской губы. Въ Сибири болѣе значительное по размѣрамъ рыболовство существуетъ только въ устьяхъ Оби и на очень маломъ протяженіи самой южной части об-

ширной Обской губы, и то въ формахъ очень примитивныхъ: цѣнные осетры и сиги портятся здѣсь плохимъ посоломъ, икры вовсе не умѣютъ готовить, а дѣло изготовленія рыбныхъ консервовъ ведется въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Промыслы нижняго Енисея и Лены гораздо меньше по размѣрамъ обскихъ, въ Беринговомъ морѣ, въ устьяхъ громадной Анадыри, только въ самые послѣдніе годы впервые появились пароходы русскихъ промышленниковъ.

Между тѣмъ въ Баренцовомъ морѣ, недалеко къ сѣверу отъ Мурманскаго берега и Канина, въ частяхъ океана, международныхъ и открытыхъ для промысла всѣмъ желающимъ юридически, но экономически, казалось бы, долженствовавшихъ быть всецѣло или главнымъ образомъ въ рукахъ русскихъ рыбаковъ, на банкахъ (отмеляхъ), чрезвычайно богатыхъ рыбой, ведется широкій промыселъ иностранными траулерами. Это паровыя суда размѣровъ достаточныхъ для того, чтобы неопредѣленно долгое время оставаться въ открытомъ морѣ, не спасаясь къ берегу при крѣпкомъ вѣтрѣ или бурѣ, производящіе добычливый ловъ особыми сѣтями мѣшковидной формы—тралами, которые пароходъ таскаетъ за собой по дну океана на удобныхъ для этого способа лова и обильныхъ рыбой мѣстахъ. Снабженные обыкновенно холодильниками, пароходы наловленную добычу въ свѣжемъ видѣ доставляютъ въ европейскіе порты и вновь уходятъ на промыселъ въ океанъ. Ловы здѣсь настолько выгодны, что число такихъ иностранныхъ судовъ въ Мурманскихъ водахъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Широко промышляютъ въ русскихъ моряхъ, у побережья Новой Земли, гдѣ бываетъ въ лѣто 2—3 русскихъ судна, и въ Карскомъ морѣ, которое русскія суда вовсе не посѣщаютъ, и звѣробойныя яхты норвежцевъ.

Сѣверъ Берингова моря и Ледовитоокеанское побережье Чукотской земли до Колючинской губы посѣщаютъ главнымъ образомъ китобойныя и звѣроловныя суда американцевъ. Прибрежные коряки, эскимосы и чукчи, къ которымъ и безъ того ужъ нерѣдко на казенно-офиціальномъ языкѣ прилагается странное и немного комичное наименованіе несовершенно-подданныхъ, экономически тяготѣютъ къ Америкѣ гораздо больше, чѣмъ къ Россіи. Съ чукчами легче объясниться по англійски, чѣмъ по русски; они промышляютъ американскими винчестерами, получая за очень дешевую цѣну самыя ружья, но послѣ за чрезвычайно дорогую — патроны къ нимъ, и большую часть своихъ товаровъ сдаютъ американцамъ. Путемъ тор-

говыхъ сношеній прибрежныхъ племенъ съ другими инородцами восточной Сибири, экономическое вліяніе американцевъ проникаетъ и довольно глубоко въ тундру.

Я упоминалъ выше, что осѣдлое русское и отчасти инородческое населеніе въ полосѣ тундръ, напр. на Мурманѣ, въ селахъ и деревняхъ въ низовьяхъ Печоры, по западнымъ берегамъ Канина, на Чешской губѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Сибири держитъ лошадей и коровъ. Въ подходящихъ мѣстахъ тундра имѣетъ достаточное количество годныхъ пастбищъ, корма съ которыхъ заготовляются и на зиму. Несомнѣнно, что пастбища крайняго сѣвера материка могли бы прокормить довольно значительное количество крупнаго рогатаго скота и лошадей, а это обстоятельство имѣетъ большое значеніе для рѣшенія вопроса о возможности расширенія области осѣдлаго обитанія русскаго и инородческаго населенія. Громадныя пространства болотъ тундры—даже и по рѣчнымъ лайдамъ—конечно, покрыты главнымъ образомъ осоками и другими травами мало пригодными въ кормъ скоту. Но есть и площади, дающія хорошее сѣно. Вѣроятно къ тому же, что во многихъ мѣстахъ довольно примитивныя работы по осушкѣ почвы могли бы значительно увеличить число и размѣры такихъ площадей. Тундра имѣетъ короткое и холодное лѣто. Но солнце лѣтомъ свѣтитъ круглыя сутки и посылаетъ достаточно тепла и свѣта для развитія травяной растительности, которая—по крайней мѣрѣ въ болѣе южныхъ областяхъ тундры—поражаетъ впервые видящаго ее человѣка своей силой и роскошью. Подъ полярнымъ кругомъ въ благопріятные годы вызрѣваетъ еще ячмень и благополучно существуютъ огороды. Въ послѣдніе годы по мысли г-на Журавскаго главнымъ управленіемъ земледѣлія про изведены опыты посѣва различныхъ хлѣбовъ и овощей на нижней Печорѣ, давшіе результаты во многихъ отношеніяхъ благопріятные. Не нужно, конечно, поспѣшно переоцѣнивать и обобщать результаты этихъ опытовъ, строго принимая во вниманіе всѣ условія культуръ и всю стоимость подготовки и разработки почвы. Но они все же показываютъ, что климатическія условія и отдаленнаго сѣвера нашей страны не таковы, чтобы служить неопредолимымъ препятствіемъ всякой земледѣльческой и огородной культурѣ. Впрочемъ культура эта при существованіи путей сообщенія, понятно, необходима для осѣдлыхъ жителей тамъ, гдѣ они могутъ извлекать средства

для своего существованія изъ другихъ промысловъ. Около города Красноводска на восточномъ берегу Каспійскаго моря на большое пространство нѣтъ почти буквально никакой растительности; нѣкоторыя станціи Закаспійской желѣзной дороги стоятъ въ сыпучихъ пескахъ настоящей пустыни. Жизнь въ такихъ мѣстахъ при тропической жарѣ и безводіи, вѣроятно, труднѣе, чѣмъ въ тундрѣ.

Климатическія условія этой послѣдней не могутъ служить вполнѣ препятствіемъ развитію осѣдлой жизни въ широкихъ размѣрахъ. Я уже упоминалъ о томъ, что на побережьѣ Ледовитаго океана въ Сибири зима значительно теплѣе, чѣмъ напр. въ областяхъ, лежащихъ сѣвернѣе Якутска. И при оцѣнкѣ вліянія на жизнь человѣка климата и продолжительной зимней темноты нужно помнить, что все сѣверное побережье Архангельской губерніи лежитъ южнѣе сѣверной Норвегіи, что городъ Гаммерфестъ расположенъ сѣвернѣе 70° широты, а „золотой“ городъ Номъ въ Аляскѣ, выросшій въ нѣсколько лѣтъ,— вблизи Берингова пролива.

Если для расширенія осѣдлости въ тундрѣ и на берегахъ Ледовитаго океана и для улучшенія условій жизни поселенцевъ на крайнемъ сѣверѣ важно распространеніе домашнихъ животныхъ— овецъ, коровъ и лошадей, въ особенности прекрасно приспособленной къ суровымъ климатическимъ условіямъ Якутской лошади, то не менѣе вниманія заслуживаетъ и оленеводство, которое имѣетъ величайшее значеніе для благостоянія сѣвернаго инородческаго населенія и для будущаго экономическаго развитія сѣвера. На пространствѣ тундръ Европы и въ особенности Сибири еще достаточно простора для его расширенія. При правильной постановкѣ оленеводства доходность его и прямая и косвенная польза для государства могутъ быть оченъ значительны. Важность оленьяго хозяйства для страны, владѣющей сѣверными областями, можно усмотрѣть изъ того вниманія, съ какимъ относится къ развитію его въ Аляскѣ правительство Соединенныхъ Штатовъ. Въ Сѣверной Америкѣ домашнихъ оленей не было. Лѣтъ двадцать тому назадъ правительствомъ Штатовъ было закуплено, главнымъ образомъ въ Чукотской землѣ, нѣкоторое количество оленей. Теперь оленеводство въ Аляскѣ быстро растетъ. Стада, находящіяся главнымъ образомъ въ рукахъ племенъ индѣйцевъ, поставлены подъ особый надзоръ лицъ и учрежденій, завѣдующихъ инородческими школами въ Аляскѣ. Въ Россіи, единственной странѣ,

издавна обладающей большимъ по размѣрамъ оленеводствомъ, только въ самое послѣднее время сдѣланы нѣкоторыя попытки для борьбы съ эпизоотіями оленей, и только въ одной Архангельской губерніи. Между тѣмъ періодически развивающіеся въ тундрѣ падежи оленей потрясаютъ въ корень хозяйство цѣлыхъ обширныхъ районовъ. Послѣдній большой падежъ на Печорѣ принесъ государству убытокъ, который нужно оцѣнивать, вѣроятно, приблизительно въ три милліона рублей. Столь же сильные падежи въ послѣдніе годы были на сѣверѣ Тобольской и Енисейской губерній. Оленеводство нашего сѣвера до настоящаго времени остается не изслѣдованнымъ и не изученнымъ.

Для Россіи, государства, обладающаго обширными территоріями на крайнемъ сѣверѣ, существованіе оленеводства въ возможно большихъ размѣрахъ очень важно. Только черезъ посредство оленей можетъ быть использовано подавляющее большинство пастбищъ обширной тундры. Въ то же время, даже при значительномъ развитіи лѣтнихъ водяныхъ сообщеній по рѣкамъ и судоходства по Ледовитому океану, океанское побережье зимою, а многія внутреннія области тундры также и лѣтомъ, будутъ достижимы для пассажирскаго и грузового сообщенія только при помощи оленей. Кромѣ этого нѣкоторые факты показываютъ, что сѣверный олень можетъ сдѣлаться животнымъ домашнимъ въ большей степени, чѣмъ теперь, что нѣкоторые олени способны привыкать къ разнообразной пищѣ, не нуждаясь во что бы то ни стало зимой въ ягелѣ, и что подборомъ могутъ быть выведены крупныя и сильныя, возовыя или вьючныя животныя. Такъ какъ домашніе олени есть мѣстами въ южной Сибири, а дикіе въ европейской Россіи встрѣчаются еще въ Нижегородской и Уфимской губерніяхъ, то возможность широкаго—со временемъ—развитія оленеводства въ странѣ нельзя отрицать.

Съ оленемъ—пока, по крайней мѣрѣ, но вѣроятно также и въ будущемъ—связаны благополучіе, относительная экономическая независимость и жизненность большинства кочевыхъ племенъ тундры. Большинство инородцевъ, теряющихъ оленей, опускаются, совершенно нищаютъ и мало-по-малу подвигаются къ вымиранію. Между тѣмъ сѣверные инородцы составляютъ незамѣнимый и, вѣроятно необходимый матеріалъ для будущаго экономическаго развитія сѣвера. Осѣдлое русское населеніе всегда будетъ сосредоточиваться

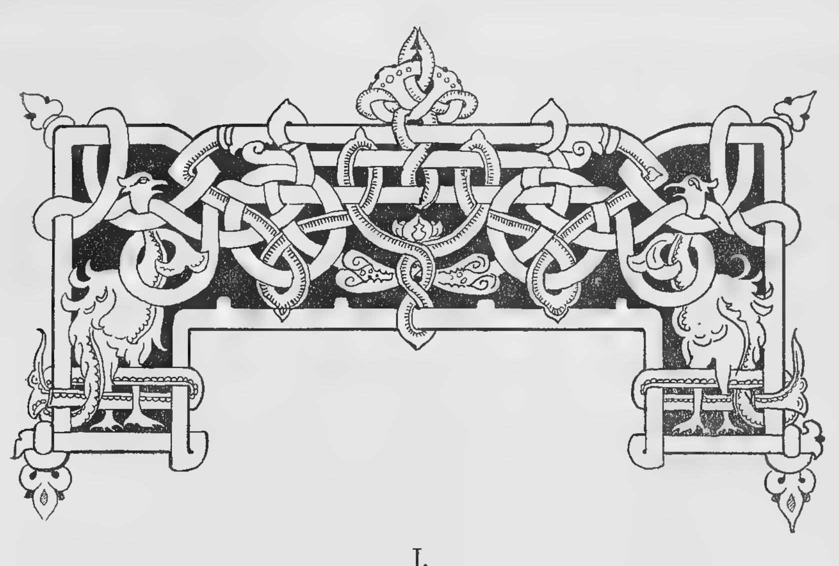
вблизи большихъ рѣкъ,—центровъ рыбопромышленности и естественныхъ путей сообщенія, и въ болѣе южныхъ сравнительно и болѣе доступныхъ для морского судоходства частяхъ побережья. Въ глубинѣ тундры, далеко отъ рѣкъ и въ отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ пунктахъ Сибирскихъ береговъ, конечно, еще много лѣтъ не будетъ осѣдлаго русскаго населенія. Для оленныхъ же инородцевъ почти все пространство тундры доступно и годно для жизни, а слѣдовательно всѣ пункты далекаго сѣвера и всѣ части побережья Ледовитаго океана достижимы сухимъ путемъ со стороны Сибири, пока существуютъ инородцы, владѣющіе достаточнымъ количествомъ оленей. Понятно, насколько большое значеніе имѣетъ это обстоятельство для возможности изслѣдованія тундры, использованія ея горныхъ богатствъ, если бы таковыя были найдены, а также и для дѣла большой государственной важности,—развитія морскихъ сообщеній по Ледовитому океану.

Судоходство по Ледовитому океану, хотя бы сначала къ ближайшимъ къ Европѣ устьямъ великихъ сибирскихъ рѣкъ—Оби и Енисея, быстро оживитъ побережье тундры Архангельской и Тобольской губерній и подниметъ до значительныхъ размѣровъ рыбопромышленность сѣвера, для развитія которой необходима возможность быстрой и удобной доставки цѣнной рыбы къ европейскимъ рѣкамъ. Путь этотъ откроетъ и выходъ на міровыя торговыя дороги сибирскому сырью, въ особенности неиспользованнымъ еще запасамъ западно-сибирскаго лѣса.

По всѣмъ имѣющимся теоретическимъ даннымъ и даннымъ опыта въ теченіе поздняго лѣта и начала осени устья Оби и Енисея доступны для судоходства съ запада, устья Колымы—съ востока черезъ Беринговъ проливъ. Съ развитіемъ судоходства въ Енисей и съ расширеніемъ его съ востока—не до Колымы только, но и до Лены, по всему вѣроятію, придутъ капиталы, необходимые для эксплоатаціи мало еще использованныхъ богатствъ крайняго сѣвера Сибири, и оживленіе порникнетъ въ тундру. [1])

---

[1]) Помѣщенные въ этой книгѣ снимки частью взяты, съ разрѣшенія проф. Д. Н. Анучина, изъ коллекціи фотографій географическаго музея Московскаго университета, частью сдѣланы мною лично или моими спутниками во время нѣсколькихъ поѣздокъ на крайній сѣверъ Европейской Россіи и Сибири. Нѣкоторыя изъ фотографій получены мною отъ моихъ друзей С. А. Бутурлина (снимки, сдѣланные въ Колымскомъ краѣ), В. Р. Алѣева и Э. Е. Беккера.



I.

Сѣверная лѣсная область.

Сѣверный лѣсной край это огромная страна, раскинувшаяся между тундрой и верхнимъ Поволожьемъ, ограниченная Озерною областью съ запада и Сѣвернымъ Ураломъ на востокѣ.

Вся лѣсная часть Архангельской губерніи до Обонежья и Онежской губы, вся Вологодская, сѣверная часть Вятской и сѣверозападная Пермской, представляетъ изъ себя область, способную вмѣстить любую великую державу Запада [1])

Верхнее Заволжье, т. е. Тверская, Ярославская, Костромская и и сѣверная часть Нижегородской губерніи по своей природѣ близко примыкаютъ къ Сѣверному лѣсному краю и служатъ переходной полосой къ Московской Промышленной области, заключенной между Волгой и Окой.

Если оставить въ сторонѣ административныя дѣленія, южную границу Сѣвернаго лѣсного края слѣдовало бы провести значительно ближе къ Волгѣ, такъ какъ трудно усмотрѣть какое-либо отличие

---

[1]) Три губерніи, Архангельская, Вологодская и Вятская занимаютъ около 1 милл. 200 тыс. квадратныхъ верстъ, т. е, почти столько же, сколько Германія и Австро-Венгрія, взятыя вмѣстѣ. Мы исключаемъ отсюда Вятской губ., тундры, затѣмъ Кольскій полуостровъ, являющійся продолженіемъ Финноскандіи и восточныя окраины Архангельской и Вологодской губерній, входящихъ въ сѣверное Пріуралье и всетаки получаемъ область, которая покрываетъ значительно площадь Германіи.

въ природѣ южной части Вологодской губ. съ одной стороны, Ярославской и Костромской съ другой, особенно въ ихъ сѣверныхъ частяхъ. И было бы гораздо естественнѣе отнести эту границу вплоть до самой Волги выше впаденія въ нее Камы.

Не менѣе трудно указать опредѣленную границу между разсматриваемой областью и тундрой. Между ними также есть переходная полоса „криволѣсья", гдѣ лѣсъ уже не развивается нормально, какъ въ болѣе южныхъ областяхъ, теряетъ свой сплошной характеръ, прерываясь значительными пространствами, имѣщими природу тундры. Лѣсъ и тундра вдаются взаимно другъ въ друга глубокими и часто очень обширными островами и полуостровами, величина и положеніе которыхъ вполнѣ зависитъ отъ рельефа и другихъ физико-географическихъ условій мѣстности.

Вся эта огромная страна составляетъ лишь часть того непрерывнаго моря древесной растительности, которое простиралось когда-то вплоть до западныхъ береговъ Европейскаго материка, къ югу до черноземной степной полосы, а на востокѣ сливалось съ необъятнымъ зеленымъ океаномъ сибирской тайги.

И въ то время, какъ къ западу и къ югу многовѣковая работа землепашцевъ давно покончила съ былымъ господствомъ лѣса, замѣнивъ его пашнями или разрозненными островками періодически вырубаемыхъ лѣсныхъ участковъ, сѣверный край до сихъ поръ сохранилъ свой первобытный характеръ. Правда, вдоль большихъ „сплавныхъ" рѣкъ лѣса сильно повырублены, и мѣстами сведены совсѣмъ, но въ дали отъ рѣчныхъ береговъ стоятъ по-прежнему дремучія дѣвственныя чащи, шумитъ темная хвоя сѣверныхъ елей сосенъ и пихтъ, трепетная крона осинъ и пахучихъ березъ шепчется съ узорной листвою рябины.

Этотъ обширный край, родина древней чуди-бѣлоглазой, достояніе предпріимчивой республики Господина Великаго Новгорода, позднѣе ставшій волостью именитыхъ людей Строгановыхъ, до сихъ поръ еще переживаетъ эпоху медленнаго разселенія русскаго племени по рѣчнымъ долинамъ въ глубину непролазныхъ, нетронутыхъ таежныхъ дебрей. Онъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой край Европейской Россіи, за исключеніемъ Кольскаго полуострова, Канина, тундръ, да пожалуй еще Прикаспійскихъ степей сохранилъ свой былой характеръ. И не мудрено: вѣдь здѣсь мы встрѣчаемъ населеніе такое рѣд-

кое, какъ нигдѣ въ Европѣ (въ 1897 г. было въ вологодской—меньше 4, а въ Архангельской только 0,5 человѣка на 1 кв. версту.

Суровая природа этой окраины не балуетъ человѣка. Часто она еще безусловно господствуетъ надъ его слабыми силами. Вотъ почему она здѣсь такъ мало порабощена и порою такъ величествена въ своемъ первобытномъ лѣсномъ убранствѣ.

II.

Рельефъ.

Весь сѣверный край представляетъ низкую лѣсистую и болотистую равнину и только на крайнемъ востокѣ онъ приподымается, чтобы примкнуть къ сравнительно высокому Сѣверному Уралу.

На всемъ остальномъ пространствѣ до Озернаго края и Бѣлаго моря мы не встрѣчаемъ возвышенностей выше 150 саженъ.

Въ общемъ почти весь Сѣверный край расположенъ по скату къ Ледовитому Океану и Бѣлому Морю и только Вятская губ. принадлежитъ къ Волжскому бассейну.

Чѣмъ ближе къ океану, тѣмъ равнина дѣлается ниже и менѣе покатой. Теченіе рѣкъ приближающихся къ своимъ устьямъ, становится крайне медленнымъ и рѣки широко разливаются среди низкихъ береговъ. Самыя устья отличаются необычайною шириной и незамѣтно переходятъ въ морскіе заливы или „губы“, названныя по имени тѣхъ рѣкъ, которыя въ нихъ впадаютъ. Таковы Онежская, Двинская, Мезенская и Печорская губа.

Между бассейнами рѣкъ располагаются плоскіе водораздѣлы, обычно покрытые болотами и лѣсами. Самыми высокими изъ нихъ являются т. н. Сѣверные Увалы, расположенные между бассейнами Волги и Сѣверной Двины. Высота ихъ въ среднемъ около 80 саж. и только кое гдѣ ближе къ Уралу поднимаются они до 100 и даже 120 саженъ.

Водораздѣломъ р. Мезени и Вычегды съ одной стороны и П-ечоры съ другой служитъ древній Тиманскій хребетъ, идущій отъ верховьевъ Вычегды къ Ледовитому Океану. Средняя высота его не выше Уваловъ, т. е. не болѣе 80 саженъ. Отдѣльныя вершины, впрочемъ поднимаются до 150 саженъ.

Весьма замѣтная возвышенность располагается по лѣвому берегу Сухоны, занимая треугольникъ между нею, Сѣверной Двиной и лѣвымъ притокомъ послѣдней—Вагой. На югѣ она продолжается еще въ сторону Кубенскаго озера. Высокій лѣвый берегъ Сухоны представляетъ живописный обрѣзъ этой возвышенности, сложенной изъ слоистыхъ породъ Въ „Опокахъ" берегъ поднимается надъ рѣкой на цѣлыя 40 саженъ. Кое гдѣ высота этой возвышенности достигаетъ до 100 и даже 120 саженъ.

Если оставить въ сторонѣ полуостровъ Канинъ, а также тѣ высокія и глубокія гряды, которыя отходятъ на западъ отъ Урала и извѣстны подъ именемъ „пармъ", то все остальное пространство занято низкой и плоской равниной, понижающейся еще болѣе къ берегамъ океана и въ долинахъ большихъ рѣкъ.

Впрочемъ, нужно сказать, что огромныя области въ предѣлахъ лѣсного края до сихъ поръ еще ждутъ своихъ изслѣдователей и потому свѣдѣнія, касающіяся распредѣленія высотъ и низменностей очень смутны и приблизительны. Въ общемъ, повидимому, преобладающая высота подъ уровнемъ моря здѣсь не превышаетъ 40 саженъ, постепенно понижаясь къ Бѣлому морю и Ледовитому океану.

Къ югу отъ Сѣверныхъ Уваловъ мы встрѣчаемъ уже низменность, склоняющуюся къ Волгѣ. Только въ серединѣ Вятской губ. проходитъ въ меридіональномъ направленіи, изслѣдованный Кротовымъ Вятскій Увалъ, доходящій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 130 саженъ надъ уровнемъ моря. Пока еще не были смыты, покрывавшія его толщи пестрыхъ мергелей, вѣроятная высота его была по мнѣнію Кротова, около 180 саж.

III.

Геологическое прошлое.

Кому приходилось видѣть берега Сухоны и Сѣверной Двины тому не могла не броситься въ глаза правильная и горизонтальная слоистость ихъ обрывистыхъ береговъ.

Кое гдѣ лишь можно замѣтить небольшія смѣщенія, изогнутости и уклоны, которые впрочемъ не нарушаютъ общаго спокойнаго залеганія пластовъ.

Сѣверъ Россіи въ этомъ отношеніи сохраняетъ особенности всей великой Русской равнины, отличающейся, за нѣкоторыми исключеніями необыкновенно спокойнымъ положеніемъ геологическихъ напластаваній.

Здѣсь съ отдаленнѣйшихъ временъ почти не было значительныхъ горообразующихъ процессовъ и лишь медленныя поднятія и опусканія земной коры вызывали отъ времени до времени, то появленіе морскихъ бассейновъ, то перемѣщеніе ихъ, то ихъ полное исчезновеніе.

Эти перемѣщенія моря проф.А . П. Павловъ объясняетъ слабыми пологими прогибами (синеклизы) земной коры, которые поперемѣнно проходили то въ широтномъ направленіи съ Востока на Западъ, то въ меридіональномъ—съ Сѣвера на Югъ. Въ послѣднемъ случаѣ морскіе бассейны располагались обыкновенно ближе къ Уралу, предоставляя сушѣ Западную часть равнины.

Еще въ очень далекое время образовалась здѣсь, широкая котловина, на днѣ которой наслаивались отложенія послѣдующихъ

геологическихъ эпохъ. Западнымъ берегомъ ея служилъ и служитъ Кольско-Финляндскій кристаллическій массивъ, построенный изъ первозданныхъ гранитовъ, гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ Массивъ этотъ занимаетъ и большую часть сѣверной половины Озернаго края между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами и Бѣлымъ моремъ.

Восточнымъ краемъ этой котловины съ древнѣйшихъ временъ служилъ Тиманскій кряжъ, кристаллическіе сланцы котораго поднялись еще въ архейскую эру, хотя дальнѣйшее поднятіе его совершалось и въ другіе періоды вплоть до среднемѣловой эпохи.

Другая возвышенность на Востокѣ — длинная меридіональная цѣпь Уральскаго хребта, образовалась въ концѣ каменноугольнаго періода и въ началѣ пермскаго.

Происходившія на этомъ пространствѣ смѣны суши и моря вкратцѣ представляются въ такомъ видѣ.

Въ нижнесилурійское время море затопило южную часть разсматриваемой области. Сѣверная граница этого моря грубо можетъ быть проведена отъ южныхъ береговъ Онежскаго края до верховьевъ Вычегды и Печоры. Длинный заливъ этого моря вдался далеко на сѣверовостокъ и проходилъ къ югу отъ Вычегды къ верховьямъ Печоры, какъ разъ въ области современныхъ сѣверныхъ Уваловъ.

Въ серединѣ и концѣ девонскаго періода большая часть сѣвернаго Лѣсного края стала дномъ обширнаго морского бассейна, покрывавшаго всю восточную половину Европейской Россіи отъ Ледовитаго океана до Каспія. Выходы девонскихъ породъ были замѣчены въ разныхъ мѣстахъ Лѣсной области: въ Обонежьи, по Тиману, по западнымъ склонамъ Урала, Пай-Хоя и др.

Въ началѣ слѣдующаго каменноугольнаго періода морская поверхность въ сѣверной области значительно сокращается: Тиманъ выступаетъ въ видѣ суши. Объ этомъ мы можемъ догадываться, такъ какъ нижнекаменноугольныя морскія отложенія на немъ отсутствуютъ. Но уже со среднекаменноугольной эпохи для сѣвера Россіи наступаетъ новая морская трансгрессія. Морской бассейнъ, покрывающій сѣверъ, вмѣстѣ съ Тиманомъ составляетъ только часть обширнаго меридіональнаго моря восточной половины Европейской Россіи.

Въ верхнекаменноугольное время наступаютъ значительныя измѣненія въ очертаніяхъ моря и суши. Къ этой эпохѣ относится на-

чало образованія Урала въ видѣ огромной меридіональной складки, выдвинувшейся со дна каменноугольнаго моря.

Прямымъ продолженіемъ каменноугольныхъ известняковъ являются отложенія *пермской* системы, которая непосредственно налегаетъ на отложенія предыдущей эпохи. Море этого періода отлагаетъ въ предѣлахъ сѣвернаго края известняки, выходящіе на поверхность по берегамъ рѣкъ Мезени, Пинеги, Сѣверной Двины, Сухоны и въ водораздѣлѣ между Вычегдой и Камой. Вмѣстѣ съ тѣмъ море это постепенно сокращается въ своихъ размѣрахъ. На сѣверѣ оно прерывается окончательно сформировавшимся Тиманомъ. Западный и восточный берега его постепенно сближаются и къ концу пермскаго періода остается только замкнутый бассейнъ. Въ послѣднемъ отлагаются въ это время слои, такъ называемыхъ, *пестрыхъ мергелей.* Прѣсноводныя и наземныя отложенія этой эпохи, находимыя въ разныхъ мѣстахъ по Югу, Лузѣ, Вычегдѣ, по Сухонѣ, Малой Двинѣ (у Котласа), въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергались изслѣдованіямъ В. П. Амалицкаго, находившаго здѣсь богатые остатки рептилій и так. наз., глоссоптеріевой флоры.

Къ началу Мезозойской эры море покидаетъ восточную равнину сѣвернаго края. Вмѣсто него выступаетъ суша. Но уже въ концѣ юрскаго періода море снова захватываетъ большую часть восточной Россіи. Отложенія его въ Сѣверной области мы находимъ съ обѣихъ сторонъ Тиманскаго кряжа.

Въ нижнемѣловую эпоху мы застаемъ здѣсь снова длинный морской бассейнъ въ восточной части равнины отъ Ледовитаго океана до Каспія. Въ Сѣверномъ краѣ онъ покрывалъ бассейны Вычегды Мезени, Печоры, тогда какъ бассейны рѣкъ Сухоны и Сѣверной Двины оставались, повидимому сушей.

Песчаники и рыхлые темные сланцы, отлагавшіеся на днѣ нижнемѣлового моря, сохранились лишь кое-гдѣ. Благодаря своей незначительной толщинѣ и рыхлому строенію, они слабо сопротивлялись позднѣйшему разрушенію, тѣмъ болѣе, что уже во вторую половину мѣловой эпохи море покинуло эти бассейны и весь Сѣверъ Россіи вмѣстѣ съ верхнимъ Поволожьемъ, бассейнами Вятки и Камы, сдѣлался континентомъ, продолжая оставаться имъ въ слѣдующій третичный періодъ.

Начало четвертичнаго періода во всей сѣверной половинѣ Рос-

сіи отличалось, какъ извѣстно, необыкновенно мощнымъ развитіемъ ледниковъ. Ледяной покровъ достигалъ необычайной толщины и тяжелые ледяные потоки медленно сползали съ Кольско Финляндскаго массива, увлекая обломки гранитовъ и унося съ собою песокъ и глину, вмерзавшіе въ ихъ нижніе слои.

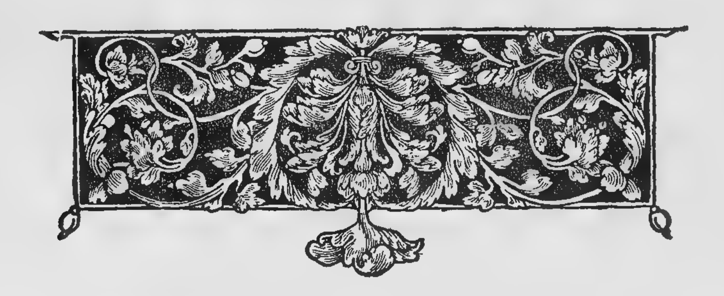
Ледниковые валуны, пески и глины встрѣчаются на всемъ протяженіи сѣвернаго края, то прикрывая сплошною массою болѣе древнія породы, то скопляясь въ видѣ грядъ различной длины и мощности.

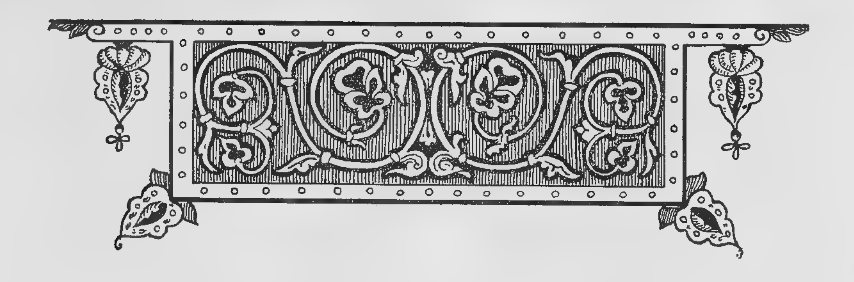
Къ концу ледниковаго періода весь сѣверовостокъ Россіи, начиная отъ долины Сѣверной Двины и рѣки Ваги, до самаго Урала вновь затопляется широкимъ выступомъ Ледовитаго океана, причемъ Тиманъ, какъ и прежде, поднимается длиннымъ узкимъ островомъ изъ холодныхъ водъ сѣвернаго моря.

Въ это же время Балтійское море рядомъ проливовъ черезъ Ладожское и Онежское озеро соединяется съ Бѣлымъ.

Впрочемъ восточный заливъ океана остается здѣсь сравнительно недолго и дно его снова становится сушей, на которой новые пески и глины покрываютъ размытыя ледниковыя отложенія. Эти послѣдніе морскіе наносы встрѣчаются всюду къ сѣверу отъ Вычегды и извѣстны подъ именемъ остатковъ Сѣверной Морской Трансгрессіи.

Съ тѣхъ поръ море уже не заливало сѣверную окраину Россіи и она вступаетъ въ современную эпоху низменной лѣсистой равниной, на которой образуются влажныя лѣсныя подзолистыя почвы и мощные торфяники, а надъ измѣненіемъ рельефа работаютъ обильныя здѣсь текучія воды.





IV.

Климатъ и Орошеніе Сѣвернаго Лѣсного Края

Климатъ.

Климатъ сѣвернаго лѣсного края обладаетъ тѣми же свойствами, что и климатъ всей русской равнины вообще: суровость его увеличивается къ сѣверу, континентальность—къ востоку.

Огромное вліяніе на климатъ всей этой области имѣетъ близость Ледовитаго океана и различіе физическихъ условій отдѣльныхъ его частей.

Западная часть моря Баренца, прилегающая къ Скандинавіи и Мурманскому берегу, представляетъ изъ себя какъ бы продолженіе Атлантическаго океана, благодаря заходящему сюда теплому теченію Гольфштрома, который огибаетъ сѣверный берегъ Норвегіи, направляется къ востоку вдоль Кольскаго полуострова и у Новой Земли не доходя до нея поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Вся эта часть моря согрѣвается его водами, а суша, которая съ ней граничитъ, получаетъ отсюда сравнительно теплыя воздушныя теченіи.

Къ востоку отъ Новой Земли разстилается суровое Карское море куда Гольфштромъ уже не проникаетъ. Надъ его холодными волнами возникаютъ холодныя воздушныя теченія. Сѣверныя и сѣверовосточные вѣтры несутъ съ собой стужу и отличающійся слабою влажностью воздухъ, который увеличиваетъ континентальность восточной части Сѣвернаго края.

Всюду здѣсь суровость зимъ возрастаетъ къ востоку и изотермы января идутъ почти прямо съ сѣвера на югъ, параллельно Уралу Въ то время какъ въ Архангельскѣ (на Западѣ) самый холодный мѣсяцъ имѣетъ среднюю температуру около—13,5°C, на той же широтѣ близъ Урала температура января едва ли выше—18°C.

Напротивъ лѣтнія температуры имѣютъ иное расположеніе и іюльскія температуры на востокѣ во всякомъ случаѣ не ниже, чѣмъ на западѣ.

Впрочемъ, нельзя не сказать, что въ метеорологическомъ отношеніи вся разсматриваемая область изслѣдована еще очень недостаточно. Пунктовъ наблюденій въ общемъ мало, и наблюденія ведутся большею часть въ слишкомъ короткій промежутокъ времени.

Во всякомъ случаѣ къ востоку разница между температурами самаго холоднаго и самаго теплаго времени возрастаютъ, что всегда бываетъ связано съ увеличеніемъ континентальности климата.

Годовыя изотермы, какъ и вообще въ Россіи, идутъ не параллельно широтамъ, а наискось, спускаясь съ сѣверо-запада къ юго-востоку, при чемъ область Печоры пересѣкаетъ изотерма годовой температуры= =—4°С, по долинѣ Мезени проходитъ изотерма—2°С, по правую сторону Сѣверной Двины, пересѣкая Вычегду и сѣверный изгибъ Камы, изотерма 0°.

Къ сѣверо-востоку отъ этой линіи находится единственная въ Европѣ область съ температурой года ниже 0° и ея южныя границы являются вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверными границами распространенія многихъ деревьевъ. Юго-западная часть Вологодской губ. и южная часть Вятской лежатъ уже за изотермой+2°С и въ этомъ отношеніи сливаются съ областью верхняго Поволожья.

Нѣкоторое представленіе о температурныхъ условіяхъ можно почерпнуть изъ слѣдующей таблицы.

	Сѣв. шир.	Долгота	Годовая темпер	Темпер. января.	Темпер. іюля.
Архангельскъ	64°33′	40°32′	+0,3°	—13,7°	+15,8°
Вологда	59°14	39°53′	+2,4°	—11,8°	+18,3°
Усть-Сысольскъ	61°40′	50°51′	+0,3°	—15,2°	+16,6°
Вятка	58°36′	49°41′	+1,4°	—14,9°	—18,6₀

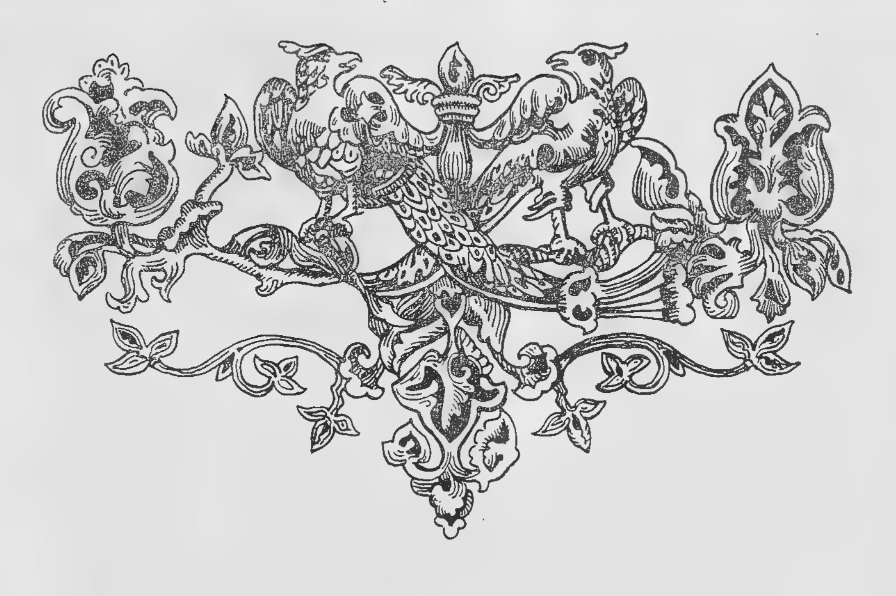
Лѣтомъ надъ океанами Ледовитымъ и Атлантическимъ развивается высокое давленіе воздуха, отчего надъ всей русской равниной устанавливается преобладаніе западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, дѣлающихъ лѣто болѣе холоднымъ, чѣмъ оно могло бы быть при другихъ условіяхъ. Это охлаждающее вліяніе лѣтнихъ вѣтровъ болѣе сказывается въ западной половинѣ области, чѣмъ въ восточной, обладающей болѣе теплымъ лѣтомъ.

Зимой напротивъ высокое давленіе въ южной Россіи является причиной юго-западныхъ вѣтровъ, нѣсколько уменьшающихъ зимнюю стужу, что въ западной части области сказывается опять таки болѣе замѣтно.

Высота мѣстности оказываетъ охлаждающее вліяніе на климатъ и потому въ восточной части Архангельской и Вологодской губерній, въ полосѣ Урала мы встрѣчаемъ болѣе суровыя климатическія условія: здѣсь снѣгъ на вершинахъ не стаиваетъ почти все лѣто, не смотря на незначительную высоту Уральскихъ горъ.

Тамъ, гдѣ лѣсная область граничитъ съ тундрой, почва съ трудомъ оттаиваетъ въ лѣтніе мѣсяцы, а въ болотахъ промерзаетъ настолько, что часто пріобрѣтаетъ свойства вѣчной мерзлоты. Образованіе мерзлоты ведетъ къ гибели и исчезанію лѣсовъ и разрастанію площади мерзлыхъ болотъ.

Нужно замѣтить, что благодаря малому количеству тепла почва и воздухъ (лѣтомъ) нашего края обладаютъ большой относительной влажностью, несмотря на то, что годовое количество осадковъ здѣсь невелико. По самой южной части Вологодской губ. проходитъ граница области сравнительно обильныхъ атмосферныхъ осадковъ (отъ 50—60 сантиметровъ въ годъ), которая въ видѣ огромнаго треугольника вдается съ запада внутрь русской равнины и охватываетъ Московско-Промышленную область и верхнее Поволжье. Весь бассейнъ Сѣв. Двины и Вятки получаетъ въ среднемъ отъ 40 до 50 куб. ст. осадковъ. Въ бассейнахъ Мезени и верхней Печоры выпадаетъ меньше 40 куб. сант. и наконецъ, въ бассейнѣ средней и нижней Печоры и Большеземельской тундры только 20—30 куб. сант. И тѣмъ не менѣе, благодаря ничтожному испаренію, мы видимъ здѣсь обиліе болотъ и высокую влажность почвы.



V.

Орошеніе.

Вся область сѣвернаго русскаго лѣса, за исключеніемъ южной окраины, прилегающей къ волжскому бассейну, расположена на плоской покатости притоковъ Ледовитаго океана.

Западная часть вся занята обширнымъ бассейномъ Сѣверной Овины, этого величайшаго данника Бѣлаго моря. Началомъ Двины считается сліяніе двухъ рѣкъ не одинаковыхъ по величинѣ, изъ которыхъ одна—Сухона течетъ съ юго запада, другая—Югъ нѣсколькими извилинами пробирается съ юга, стекая съ возвышенностей Сѣверныхъ Уваловъ. Вытекая изъ длиннаго и узкаго (60 верстъ въ длину и 10 въ ширину) Кубенскаго озера, расположеннаго у западной границы Вологодской губерніи, Сухона течетъ сперва на югоо востокъ и скоро (верстъ черезъ 50 отъ истока) принимаетъ въ себя западный притокъ р. Вологду, на берегахъ которой расположенъ губернскій городъ Вологда. Отсюда Сухона поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и течетъ такъ, почти не отклоняясь отъ этого направленія до самаго сліянія съ Югомъ (имѣя отъ истока до устья около 500 верстъ). На всемъ протяженіи отъ Вологды до Юга Сухона судоходна

и представляетъ важный торговый водный путь въ Архангельскъ и обширный Вычегодскій край.

Съ палубы парохода можно любоваться поразительно высокими берегами этой сѣверной рѣки, прокладывающей себѣ путь по краю высокой западно-вологодской возвышенности. Мѣстами лѣвый берегъ рѣки, особенно высокій, представляетъ красивые разрѣзы тѣхъ слоистыхъ породъ, изъ которыхъ сложена расположенная здѣсь возвышенность. Вершины этихъ высокихъ береговъ, покрытыя огромнымъ еловымъ и сосновымъ лѣсомъ, отличаются мрачной красотой, особенно тамъ, гдѣ падающіе водопады пѣнятся въ пробитыхъ ими каменистыхъ и узкихъ оврагахъ.

Несмотря на незначительную ширину, Сухона лѣтомъ сильно мелѣетъ, особенно въ засушливую погоду, и нерѣдко судоходство по ней совершенно прекращается вплоть до осеннихъ дождей.

Мелководный Югъ (405 вер. длины) становится богаче водой лишь послѣ того, какъ принимаетъ полноводную Лузу (390 в.), текущую съ востока по богатой лѣсами мѣстности.

Сливаясь вмѣстѣ возлѣ Устюга-Великаго, древней столицы владыкъ сѣвера купцовъ Строгановыхъ, Югъ и Сухона образуютъ Малую Двину, широкую рѣку, идущую на сѣверъ до Котласа, до впаденія величественной Вычегды (на протяженіи около 70 в.).

Высокимъ берегомъ Малой Двины оказывается правый, обрывистый берегъ, сложенный изъ слоистыхъ морскихъ осадочныхъ породъ, среди которыхъ видны кое-гдѣ линзы рыхлыхъ песчаниковъ, представляющихъ отложенія древнихъ прѣсноводныхъ бассейновъ пермскаго періода.

У Котласа Двина принимаетъ могучій восточный притокъ Вычегду и далѣе получаетъ имя Большой Сѣверной Двины, несущей свои воды къ Бѣлому морю на протяженіи приблизительно 600 верстъ. Берега ея въ нижнемъ теченіи низки, въ среднемъ и верхнемъ— значительно выше и мѣстами обнаруживаютъ выходы известняковъ и гипса.

Начиная отъ устья Вычегды Двина имѣетъ ширину не менѣе версты, а ниже, послѣ впаденія Ваги слѣва и Пинеги справа, разливается иногда на три, а мѣстами даже на семь верстъ. Подъ Архангельскомъ противуположный берегъ кажется узенькой низкой полоской, а глубина рѣки доходитъ до 5 и даже до 10 саженей, такъ что-

Берега С. Двины.

На р. Вагѣ, близь Вельска.

Фот. *Тарутиной.*

океанскіе торговые пароходы, приходящіе грузиться лѣсомъ, свободно проходятъ со своимъ тяжелымъ грузомъ къ Архангельску.

Устье С. Двины представляетъ огромную дельту, составленную изъ цѣлой сѣти протоковъ и лабиринта острововъ, поросшихъ деревьями и образованныхъ рѣчными наносами. Дельта занимаетъ пространство около 1000 квадратныхъ верстъ и лѣтомъ становится мѣстомъ обитанія множества водяныхъ птицъ. Огромное число примыкающихъ къ дельтѣ болотъ, озеръ, старицъ еще болѣе увеличиваетъ это птичье эльдорадо.

Паденіе воды въ нижнемъ теченіи Двины такъ мало, русло рѣки такъ низменно, что даже невысокій бѣломорскій приливъ вбѣгаетъ далеко вверхъ по рѣкѣ и заставляетъ ее въ „полую воду“ течь обратно на протяженіи цѣлыхъ 100 верстъ.

Безчисленные острова, которыми богато нижнее теченіе рѣки, очень непостоянны и медленно пересыпаются внизъ по теченію текучей водой. Рѣчная струя размываетъ своимъ напоромъ верхнюю часть острова и откладываетъ отмытый матеріалъ ниже его, такъ что уступая водѣ съ одного конца, онъ отращиваетъ себѣ на другомъ длинную мель, впослѣдствіи заростающаго такимъ же ивнякомъ, какъ и самъ островъ.

Если островъ представляетъ изъ себя травянистую пойму, годную для пастбища, такое перемѣщеніе острова по теченію рѣки приводитъ порой къ тяжбамъ между сосѣдними крестьянскими обществами, когда передвинувшійся островъ оказывается, наконецъ, противъ владѣній ниже расположеннаго селенія.

То, что Сѣверную Двину не называютъ Вычегдой, объясняется вѣроятно лишь историческимъ ходомъ колонизаціи.

Вычегда самая длинная и самая широкая изъ рѣкъ Двинской системы. Начинаясь невдалекѣ отъ верхняго теченія Ижмы, она течетъ на западъ, имѣя со всѣми поворотами около 1035 верстъ. Уже при впаденіи Сѣверной Кельтмы (около 180 в.) Вычегда представляется величественной рѣкой съ медленнымъ теченіемъ, широкой, хотя и мелководной водяной дорогой, по которой долгое время исключительно происходило въ этомъ краѣ движеніе людей и грузовъ.

Отъ Усть-Куломы, большого зырянскаго селенія, лежащаго верстахъ въ 35 ниже устья Кельтмы, начинается уже правильное судоходство на протяженіи болѣе 700 верстъ до С. Двины. Однако выше

впаденія Сысолы (340 в.), Вычегда лѣтомъ мелѣетъ такъ сильно, что иногда пароходство прекращается, пока осенніе дожди не поднимутъ упавшій уровень.

Когда-то Вычегда текла густыми лѣсами. Теперь хищническая вырубка совершенно обезлѣсила ее берега и для того, чтобы увидѣть лѣсъ нужно порой довольно далеко отойти отъ рѣки вглубь страны. Берега Вычегды кажутся необычайно унылыми. Они низки и ровны, словно это искусственныя насыпи по сторонамъ канала, сдѣланныя по мѣркѣ такъ, чтобы нигдѣ не было ни выше ни ниже, чѣмъ положено. Это происходитъ отъ того, что рѣка течетъ среди своихъ собственныхъ отложеній и размываетъ ихъ, прокладывая себѣ болѣе глубокое русло. Образуется нижняя береговая терраса, ровная какъ столъ, поросшая поемными лугами, ивнякомъ или покрытая травными и осоковыми болотами. Рѣдкій растительный покровъ изъ осоки крупныхъ и многогранныхъ листьевъ бѣлокопытника однообразно одѣваетъ ея свѣтлыя песчаные склоны.

Въ нижнемъ теченіи Вычегда несетъ массу воды и не мудрено: она принимаетъ въ себя болѣе 200 притоковъ, изъ которыхъ иные достигаютъ значительной величины. Таковы кромѣ упомянутыхъ уже Кельтьмы и Сысолы, Вымь (500 в.) Локчимъ, Вилядь, Мылва и др. Общая величина бассейна Сѣверной Двины ровняется почти ²/₃ поверхности Франціи.

Къ Западу отъ него лежитъ узкій бассейнъ Онеги, находящійся на границѣ разсматриваемой области и озернаго края. Рѣка Онега вытекаетъ изъ озера Лача и течетъ прямо на сѣверъ въ Онежскую губу Бѣлаго моря, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистые пороги пересѣкаютъ теченіе рѣки, дѣлая въ мелкую лѣтнюю воду затруднительнымъ рѣчное судоходство.

Къ Востоку отъ С. Двины располагается бассейнъ Мезени, которая беретъ свое начало у сѣверныхъ предѣловъ тайги и, впадая въ Мезенскую губу, прорѣзываетъ область криволѣсья и тундры отдѣленную отъ нея свитой сопровождающихъ ее прибрежныхъ лѣсовъ. Устье Мезени представляетъ огромный эстуарій постепенно расширяющійся до мѣста незамѣтнаго сліянія съ Мезенской губой. Такъ какъ Мезенская губа отличается необычайно высокими приливами (до 4 и болѣе саженъ въ высоту), то здѣсь еще въ болѣе рѣзкой степени замѣчается то же явленіе о которомъ приходилось упоминать

при описанiи С. Двины. Морская приливная волна дважды въ сутки вбѣгаетъ въ устье рѣки и принуждаетъ ее течь на очень значительномъ разстоянiи въ обратную сторону. Уровень рѣки поднимается очень сильно. На непривычнаго человѣка это производитъ впечатлѣнiе внезапно наступившаго половодья.

По истеченiи часовъ прилива начинается столь-же стремительный отливъ. Вода сбѣгаетъ, выступаютъ затопленные острова и мели, по склонамъ береговъ обнажается черная „няша", вязкiй и липкiй илъ, характерный также и для многихъ другихъ береговъ этой области.

Восточную часть области занимаетъ обширный, хотя и уступающiй двинскому, бассейнъ рѣки Печоры, насчитывающей около 1500 в. длины.

Истоки ея находятся на сѣверѣ Пермской губернiи, гдѣ она сбѣгаетъ съ западнаго склона Урала, питаясь многочисленными горными ручьями и рѣчками.

Вступая въ Вологодскую губернiю, Печора поворачиваетъ на сѣверъ вдоль западныхъ отроговъ Урала, образуя быстрое теченiе и каменистые берега.

Здѣсь она принимаетъ сбѣгающiй съ западнаго склона Тель-Посъ-Иса быстрый горный потокъ—рѣчку Щугоръ, которая пробирается по ущельямъ (Желѣзныя ворота) среди бѣлыхъ утесовъ и образуетъ многочисленные пороги и даже водопадъ въ своемъ верхнемъ теченiи.

Въ предѣлахъ Архангельской губернiи Печора принимаетъ другой болѣе значительный притокъ Уссу, собирающiй воды горныхъ ручьевъ самыхъ сѣверныхъ склоновъ Урала. Послѣ этого Печора поворачиваетъ на западъ и юго-западъ до впаденiя своего большого лѣваго притока Ижмы, текущей съ юга, и Цыльмы—съ запада. Далѣе, необычайно широко разлившись въ ширину, Печора поворачиваетъ на сѣверъ, разбивается на многочисленные рукава и образуетъ величественную богатую островами дельту, тянущуюся слишкомъ на 200 верстъ въ длину и мѣстами болѣе 40 верстъ въ ширину.

То, что было сказано про дельту Двины, въ еще большей степени относится къ дельтѣ Печоры, которая, кромѣ своей величины во много разъ превосходящей двинскую, отличается еще своимъ болѣе сѣвернымъ положенiемъ за полярнымъ кругомъ. Несмотря на массу воды, выносимой Печорой, крупныя морскiя суда (сидящiя

глубже 13 футовъ) опасаются входить въ ея дельту. Песчаный баръ, образовавшійся изъ рѣчныхъ насосовъ, дѣлаетъ ихъ проходъ затруднительнымъ.

Говоря о системѣ Печоры, нельзя не сказать объ Ухтѣ, притокѣ Ижмы. Въ ея бассейнѣ найдена нефть; которая въ будущемъ съ заселеніемъ края и развитіемъ дорогъ должна получить огромное значеніе въ качествѣ соперника бакинской нефти.

Вотъ главнѣйшія рѣки Сѣверно-Лѣсного Края, принадлежащія бассейну Ледовитаго Океана. Начиная съ южныхъ частей Вологодской губерніи, простирается уже бассейнъ верхней Волги. Вся Вятская губернія лежитъ въ области верховьевъ Камы и величайшаго притока ея Вятки. Изъ сѣверныхъ притоковъ верхней Волги только Унжа и Ветлуга своими верховьями заходятъ въ предѣлы Вологодской и Вятской губ.

Что касается Вятки, то она цѣликомъ принадлежитъ Вятской губерніи. Истоки ея находятся недалеко отъ истоковъ Камы въ Глазовскомъ уѣздѣ. Обѣ рѣки сначала текутъ вмѣстѣ къ сѣверу, но потомъ поворачиваютъ въ разныя стороны: Кама на востокъ, Вятка на западъ и югозападъ, до впаденія Маломы, текущей съ сѣвера изъ Вологодской губерніи. Послѣ этого Вятка поворачиваетъ на юго-востокъ и течетъ въ этомъ направленіи до впаданія въ Каму ниже Мамадыша. По большей части своего протяженія Вятка судоходна и принимаетъ въ себя, кромѣ Маломы еще Пижму съ правой стороны, Чепцу и Кильмесъ съ лѣвой. Только въ сѣверной части Вятка протекаетъ по лѣсной сторонѣ, по своей природѣ примыкающей къ Сѣверному Лѣсному Краю. Южнѣе Чепцы уже начинаютъ встрѣчаться степныя почвы и лѣса становятся островными и теряютъ характеръ тайги.

Рѣки Сѣвернаго Лѣсного Края имѣютъ много своеобразнаго. „Большинство ихъ принадлежитъ къ такимъ, которыя берутъ свое начало въ болотахъ и питаются избыткомъ ихъ водъ. Нѣкоторыя, какъ р. Сухона, вытекаютъ изъ озеръ. При этомъ нужно замѣтить, что большихъ озеръ въ лѣсномъ краѣ извѣстно немного и только самыя крупныя*) могутъ итти въ сравненіе съ озерами Финляндіи и Озер-

*) Кромѣ Кубинскаго извѣстны еще: о. Синдорское въ бассейнѣ Выми, о. Донты близъ верхней Вытегры ниже впаденія С. Кельтмы, о. Шайское къ югу отъ Пинеги.

ной области. Мелкія озера впрочемъ встрѣчаются всюду въ области тайги въ большомъ количествѣ.

Начинаясь среди низкихъ плоскихъ береговъ и только потомъ вступаютъ въ болѣе глубокія долины, образуя обыкновенно двѣ или три рѣчныхъ террасы. Въ нижнемъ теченіи онѣ движутся медленно, образуя широкія устья, богатыя островами. Около половины года рѣки бываютъ покрыты льдомъ. Вскрытіе начинается съ верховьевъ, лежащихъ въ болѣе теплыхъ частяхъ страны, отчего ледоходъ продолжается долго и сопровождается образованіемъ высокихъ ледяныхъ запрудъ или зажоръ, нагромаждаемыхъ напоромъ и широкими разливами весеннихъ водъ. Эта же особенность придаетъ ледоходу большую разрушительную силу по отношенію къ берегамъ.

Въ лѣтнюю пору замѣчается сильное паденіе уровня, вызывающее часто прекращеніе судоходства, даже на большихъ рѣкахъ. Огромное число лѣсовъ и болотъ еще болѣе усиливаетъ это явленіе. Лѣса, какъ это было доказано Отоцкимъ, вызываетъ вслѣдствіе огромной испарительной силы листвы, сильное пониженіе почвенныхъ водъ, высасываемыхъ древесными корнями. Особенно сильной осушительной способностью обладаютъ лѣса хвойные, т. е. какъ разъ тѣ, которымъ принадлежитъ преобладаніе въ области тайги.

Болота же питаютъ рѣки только до тѣхъ поръ, пока существуетъ избытокъ влаги. Въ противномъ случаѣ они дѣйствуютъ, какъ губка, удерживая въ себѣ воду, остающуюся послѣ весенняго стока и лѣтняго испаренія. Нужны продолжительные и обильные осенніе дожди, чтобы болота вновь переполнились водой и стали отдавать свой избытокъ рѣкамъ.

Время мелководья и весенняго ледохода еще болѣе уменьшаютъ періодъ навигаціи.

И, тѣмъ не менѣе, рѣки имѣютъ огромное значеніе въ жизни всего обширнаго Сѣвернаго Края. Именно по нимъ происходило заселеніе нашего Сѣвера. До сихъ поръ здѣсь сохранилось то расположеніе населенныхъ мѣстъ, какое было характерно для всей старой Руси. Люди здѣсь живутъ только по рѣкамъ и притомъ, если не брать юго-западной окраины Вологодской губерніи, почти только по крупнымъ рѣкамъ. Вдали отъ рѣчныхъ береговъ раскинулись безлюдные лѣса и болота, и чѣмъ дальше къ сѣверу и востоку, тѣмъ этотъ характеръ разселенія сохраняется въ болѣе чистомъ видѣ.

Поселенія жмутся къ крупнымъ воднымъ артеріямъ страны такъ, что если бы закрасить яркою краской населенныя мѣста на картѣ обѣихъ большихъ губерній, они представились бы намъ въ видѣ узора переплетающихся узкихъ полосокъ прижатыхъ къ рѣчнымъ берегамъ.

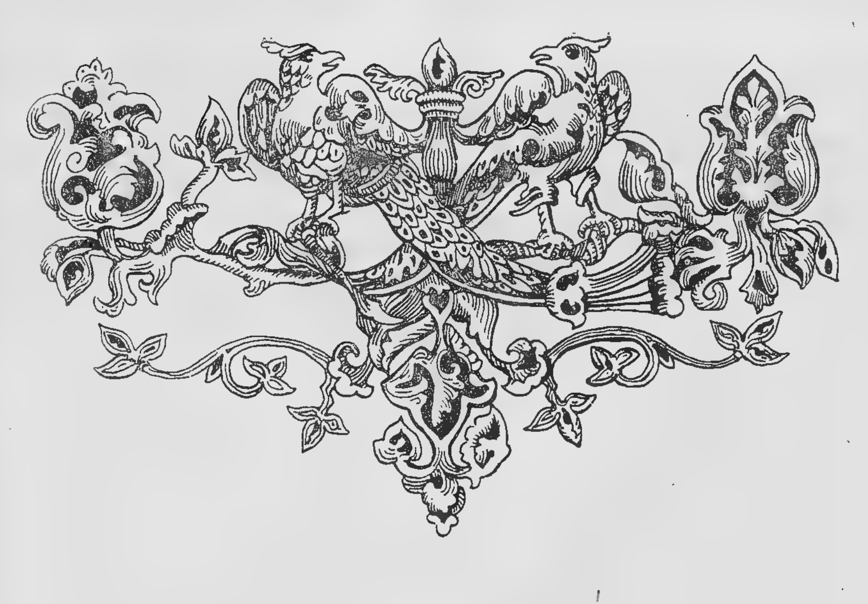
Сравнительно недавно сообщеніе здѣсь поддерживалось исключительно по рѣкамъ: лѣтомъ по водѣ, зимой по льду. Лишь послѣднее время прошли кое-гдѣ желѣзныя дороги Пермь—Вятка—Котласъ, Москва—Архангельскъ, Петербургъ—Вологда—Вятка). Но дороги эти далеко не могутъ обслуживать всей области, и главныя масса движенія товарнаго и поссажирскаго продолжаетъ направляться по рѣкамъ. Грунтовыя дороги, устраиваемыя теперь земствами, также не могутъ играть главной роли.

Въ виду этого важное значеніе получаютъ каналы и „волоки", устанавливающіе связь между разными рѣчными системами.

Существуютъ волоки: между бассейнами Печеры и Камы черезъ верховья Вишерки, впадающей въ Колву, между верховьями Ижмы и Вычегды, между Пинегой и верховьями Кулоя, рѣки впадающей въ Мезенскую губу къ западу отъ устья Мезени.

Изъ каналовъ слѣдуетъ указать на каналъ принца Виртембергскаго, соединяющій Шексну съ Кубенскимъ озеромъ, и старый заброшенный каналъ, связывающій Каму съ Вычегдой черезъ верховья Сѣверной и Южной Кельтьмы (по р. Джуричу).

Къ сожаленію на каналы и на водные пути вообще удѣляется у насъ слишкомъ мало вниманія со времени усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, а между тѣмъ именно водные пути для русскаго сѣвера всегда будутъ имѣть величайшее экономическое значеніе.



VI.

Почвы.

Весь Сѣверный край лежитъ въ области такъ называемыхъ дерново-подзолистыхъ почвъ, составляющихъ принадлежность лѣсного пространства.

Онѣ отличаются незначительною толщиною слоя, содержащаго перегной (не толще 6 дюймовъ) и образованіемъ ниже его бѣлесоватаго слоя, бѣднаго органическими и питательными веществами, носящаго названіе „подзола“.

Подзолъ образуется вслѣдствіе значительной влажности верхняго слоя лѣсной почвы, прикрытой отъ испаренія кронами деревьевъ и устланной пластомъ лѣсного перегноя. Обильная влажность ведетъ къ быстрому разложенію органическихъ веществъ и образованію органическихъ кислотъ, которыя растворяютъ питательныя вещества почвы. Это ведетъ къ тому, что нижній слой почвы обезцвѣчивается, пріобрѣтаетъ бѣловатый оттѣнокъ, а растворенныя части вмѣстѣ съ остатками органическихъ веществъ и кислотами вымываются въ болѣе глубокій горизонтъ, гдѣ часто образуютъ особую прослойку буроватаго цвѣта.

Образуясь легко на песчанистыхъ и суглинистыхъ ледниковыхъ

наносахъ, подзолъ не имѣетъ мѣста надъ известковой подпочвой и въ мергеляхъ, гдѣ известь нейтрализуетъ кислоты, а перегной задерживается гораздо лучше.

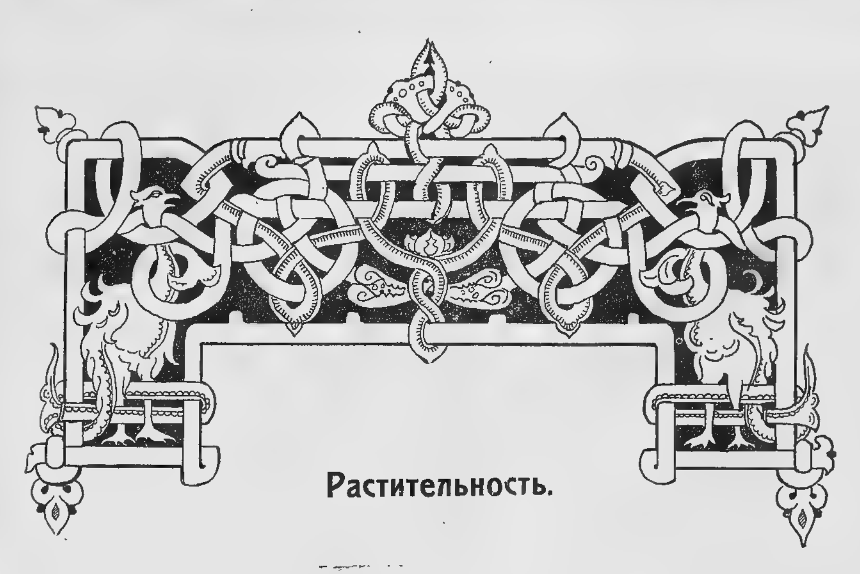
Обычно верхній перегной подзолистой почвы содержитъ не болѣе 2% гумуса и не отличается темной окраской.

Однако составъ дерново-подзолистыхъ почвъ очень разнообразенъ и зависитъ какъ отъ характера подстилающихъ породъ, такъ и отъ рельефа почвы. Въ низинахъ и котловинахъ, гдѣ влага держится прочно подзолъ развивается всего сильнѣе, тогда какъ на вершинахъ холмовъ, на склонахъ и грядахъ, гдѣ почвенныя кислоты быстро вымываются, подзолъ образуется слабо или вовсе не образуется и тогда имѣетъ мѣсто развитія такъ называемыхъ чистыхъ дерновыхъ почвъ безъ бѣлесоватаго подзола подъ нимъ.

Мѣстами на безплодныхъ песчаныхъ грядахъ перегнойный слой такъ тонокъ, что можно говорить о песчаныхъ почвахъ, покрытыхъ лишь лишайниками да сосновымъ лѣсомъ. Намывные рѣчные пески занимаютъ всюду большія пространства вдоль рѣчныхъ береговъ на низкихъ рѣчныхъ островахъ и меляхъ, поросшихъ скудной травянистой растительностью, да кустами различныхъ ивъ.

Кромѣ подзолистыхъ почвъ въ сѣверной области значительное распространеніе имѣютъ также почвы торфяниковыя, являющіяся продуктомъ жизни моховыхъ болотъ. Избытокъ воды здѣсь останавливаетъ начинающееся разложеніе, вызываетъ обугливаніе растительныхъ остатковъ, отчего цвѣтъ такой почвы становится часто очень темнымъ.

У сѣверной границы лѣсовъ торфяниковыя почвы и вообще почвы, содержащія много влаги, часто заключаютъ на небольшой глубинѣ слой, который не успѣваетъ оттаивать втеченіе короткаго сѣвернаго лѣта. Это бываетъ также въ густыхъ сѣверныхъ таежныхъ лѣсахъ, когда на поверхности развивается густой моховой покровъ, обладающій способностью жадно впитывать влагу и очень слабо проводящій тепло. Въ такихъ случаяхъ развившаяся мерзлота влечетъ за собой прекращеніе работы корней, а затѣмъ отмираніе самихъ деревьевъ и развитіе болота.



Растительность.

Кому приходилось проникать въ глубину Сѣвернаго лѣсного края по большимъ судоходнымъ рѣкамъ, тотъ знаетъ, какъ сильно обезлѣсены ихъ берега.

Не только западная часть области съ ея болѣе густымъ населеніемъ повинна въ безпощадномъ истребленіи лѣса, но и въ восточной половинѣ берега всѣхъ болѣе или менѣе „сплавныхъ“ рѣкъ часто сильно обнажены отъ покрывавшихъ ихъ, когда-то лѣсовъ.

Въ сторонѣ отъ рѣки, однако, лѣса сохраняютъ свой прежній характеръ и, если подняться на лодкѣ вверхъ по небольшому несудоходному притоку, можно проникнуть въ настоящій нерубленный, дѣвственный лѣсъ, такой, какимъ былъ онъ въ незапамятныя времена. Это особенно относится къ восточной половинѣ области, гдѣ до сихъ поръ можно встрѣтить огромныя ненаселенныя пространства.

Удивительное впечатлѣніе производитъ лѣсъ, разросшійся по берегамъ такой узенькой рѣчной долины, которая служитъ извилистой дорогой, развѣ только для рѣдкихъ рыбацкихъ челноковъ, умѣющихъ проходить по самымъ мелкимъ и заросшимъ плесамъ таежныхъ рѣчекъ.

Высокія сибирскія пихты съ острыми стрѣловидными вершинами, вонзающимися въ небо, узкія таежныя ели, вѣтвистыя лиственницы съ широко разставленными лапами и нѣжной хвоей чередуются здѣсь порой съ бѣлоствольной березой и трепетной кроной осинъ. Перистые листья рябины мѣшаются съ цвѣтущими вѣтвями черемухи,

черной ольхи и густыхъ ивняковъ, тѣснящихся у самой воды. Часто колючій шиповникъ, усыпанный крупными розовыми и красными цвѣтами, разрастается красивой сплошною коймой по опушкамъ и берегамъ рѣкъ и роняетъ свои отцвѣтшіе лепестки въ медленные водовороты прибрежныхъ водяныхъ струй. Порою густая хвоя коренастаго сибирскаго кедра рѣзко выступаетъ изъ-за зеленой чащи деревьевъ.

Всюду видны упавшіе или падающіе стволы умершихъ лѣсныхъ гигантовъ, видны больныя деревья, увѣшанныя темными прядями бородатаго лишайника, видны стволы, сломленные бурей, разбитые и обожженные молніей, подмытые теченіемъ и наклонившіеся надъ самой рѣкой, иногда держащіеся только концами длинныхъ кореньевъ.

Всюду между кустами наваленъ сухой буреломъ, отломившіяся вѣтви, упавшіе и полусгнившіе пни. Иногда все это, и живое и мертвое, такъ тѣсно сплелось и обрасло другъ друга, что шагу нельзя ступить свободно въ этой дикой чащѣ. Тогда приходится прокладывать себѣ путь топоромъ или дѣлать большіе обходы въ сторону. Обиліе бурелома, поломанныхъ и мертвыхъ стволовъ составляетъ главное отличіе дѣвственнаго лѣса отъ рубленнаго, въ которомъ деревья рѣдко оканчиваютъ жизнь естественной смертью.

Рѣки, протекающія черезъ такой лѣсъ, очень извилисты, постоянно уносятъ теченіемъ множество упавшихъ вѣтвей и деревьевъ, мѣстами скопляющихся въ видѣ настоящихъ деревянныхъ заторовъ, которые мѣшаютъ движенію даже простой лодки.

Чаще всего началомъ затора служитъ рѣчной рыболовный заборъ, оставленный на мѣстѣ неразобраннымъ. Такіе заборы, орудіе хищническаго рыболовства, представляютъ легкій плетень, подпертый кое-гдѣ болѣе толстыми столбами. По срединѣ плетня дѣлается небольшая шлюза, противъ которой ставится верша или „морда". По лѣни и небрежности рыболововъ такой заборъ часто остается стоять и тогда, когда надобность въ немъ миновала и, конечно, всякое дерево или отломившаяся вѣтвь, доплывая до него, застрѣваетъ позади и сама задерживаетъ все, что плыветъ по рѣкѣ.

На особенно глухихъ, мало посѣщаемыхъ рѣчкахъ, это скопленіе принимаетъ прямо огромные размѣры. Остановившись, стволы мало-по-малу тяжелѣютъ, пропитываются водой, ложатся на дно, уступая мѣсто другимъ, которые тоже намокаютъ и тонутъ. Все это заносится

пескомъ, заплетается тиной и водорослями. Такъ образуется естественная запруда, повышающая уровень рѣки и принуждающая ее падать въ видѣ водопада или промывать себѣ внизу или на сторонѣ новое русло. На старомъ заторѣ изъ ила и песка нарастаетъ обильная почва и плотина покрывается, наконецъ, молодымъ лѣсомъ, что дѣлаетъ ее еще болѣе прочной.

Порою теченіе рѣки, размывая свои собственные наносы, обнажаетъ старые древесные склады, достигающіе иногда нѣсколько саженъ въ высоту. Мощные залежи деревьевъ накопляются также во время весеннихъ разливовъ, обыкновенно на берегахъ рѣкъ, въ пунктахъ особенно крутыхъ поворотовъ.

Обиліе древесныхъ труповъ въ лѣсу маскируется буйною порослью молодыхъ побѣговъ, кустистыхъ растеній, травъ и папоротниковъ, образующихъ здѣсь непроницаемую для глаза чащу.

Въ тѣнистой гущѣ подлѣска, на влажной лѣсной почвѣ буйно разрастается линнея сѣверная, воронья ягода, кидающаяся въ глаза своими крестообразно расположенными листьями. Она прячется между кустами папоротника и малины и порой занимаетъ большія площадки земли между деревьями.

Изящный Clematis или ломоносъ сибирскій поднимаетъ свои граціозныя головки изъ-за душистыхъ майниковъ, бѣлыхъ грушанокъ и густыхъ зарослей костяники. Лиловая лѣсная герань, голубыя кисти длиннолистной вероники изгибаются подъ спутанными побѣгами подмаренниковъ и звѣздчатокъ, бѣлые вѣнчики которыхъ проблескиваютъ въ травѣ, какъ блестящія звѣздочки снѣга.

Множество другихъ цвѣтущихъ травъ вплетается въ богатый кустистый подлѣсокъ, среди котораго житель средней полосы узнаетъ многихъ своихъ знакомцевъ: прежде всего смолистый можжевельникъ, идущій до крайняго предѣла лѣсовъ, бузину, орѣшникъ, обыкновенную жимолость („волчьи ягоды“), и въ видѣ кустарника иногда мелколистную липу. Порою колючія лозы красной и черной смородины и дикой малины спутываются въ густую чащу кустовъ, особенно по склонамъ береговъ и овраговъ. Покрытыя душистыми розовыми цвѣтами вѣтви волчьяго лыка смѣшиваются съ черничными кустами и побѣгами ежевики и калины. По влажнымъ склонамъ у рѣчныхъ береговъ заросли ольховника и многочисленныхъ ивняковъ низко склоняютъ къ водѣ зеленыя вѣтви.

Многіе изъ этихъ кустарниковъ живутъ лишь въ южной половинѣ разсматриваемой области, за то иные, какъ можжевельникъ, черемуха, смородина, рябина, ольха и нѣкоторыя породы ивъ (черноталъ, бредина, лоза, ива лапландская и др.) доходятъ до сѣвернаго предѣла лѣсовъ.

Такой разнообразный составъ деревьевъ, кустовъ и травянистаго подлѣска типиченъ однако, лишь, для такъ называемыхъ береговыхъ лѣсовъ, разросшихся по низкимъ берегамъ рѣкъ, особенно въ южной половинѣ области. Вдали отъ рѣчныхъ береговъ лѣса несравненно болѣе однородны. Большую часть площади занимаетъ хвойная тайга, представляющая рѣзкую противуположность смѣшаннымъ береговымъ лѣсамъ.

Особеннымъ однообразіемъ отличаются сухіе боры, разрастающіеся на песочныхъ грядахъ, обыкновенно ледниковаго происхожденія. Въ нихъ иногда нѣтъ почти никакого подлѣска. Частые стволы стоятъ, какъ голыя колонны, лишенныя вѣтвей, и только на большой высотѣ помѣщается темная корона изъ смолистыхъ трехгранныхъ иголъ. Сухая почва покрыта лишь скудной травой или только одними лишаями [1]), твердыми и сухими, какъ трутъ. Порой среди нихъ поднимаются дерновинки кошачьихъ лапокъ (Antennaria dioica), толокнянки (Arctostaphylos Uva ursi), песчаной гвоздики (Dianthus arenarius) съ бѣловатыми душистыми вѣнчиками, покрытыми зеленоватыми пятнами и красноватыми полосками. Ползучіе стебли желтыхъ ястребинокъ (Hieracium) стелются по землѣ.

Удивительно странное впечатлѣніе производитъ рѣзкій контрастъ между береговой чащей и молчаливымъ сосновымъ боромъ, когда изъ затопленной буйною зеленью низины поднимешься на сухую песчаную гряду, пододвинувшуюся къ рѣчной долинѣ. Мертвый покой и безмолвіе смѣняютъ рѣзвую суетню насѣкомыхъ и птицъ. Торжественная насторожившаяся тишина охватываетъ вступившаго въ боръ путника. Шумъ листьевъ и птичьи голоса остались тамъ, въ низинѣ. А здѣсь лишь сухой лишайникъ [1]) шуршитъ подъ ногой, да быть можетъ долетятъ иногда до слуха отдаленные стуки дятла, долбящаго красноватую сосновую кору.

Въ менѣе сухихъ борахъ можно встрѣтить пирамидальные кусты можжевельника [2]), обыкновенный верескъ [3]) расцвѣчиваетъ

[1]) Cladonia rangiferina и Cetraria islandica.

[2]) Juniperus communis. [3]) Calluna vulgaris.

Лѣсъ по Вологодско-Архангельской ж. дор.

Фот. *Лейцингера.*

кое-гдѣ почву лиловыми кистями своихъ маленькихъ цвѣточковъ. Жесткая вороника [1]) съ ея черными ягодками и прочными, неопадающими на зиму, узкими листочками выглядываетъ то тамъ, то здѣсь изъ моховыхъ дерновинъ или зарослей брусники [2]), а усыпанная желтыми цвѣтами золотая розга [3]) выкидываетъ свой высокій стебель по опушкѣ лѣсныхъ полянъ.

Тамъ, гдѣ почва сырѣе, раскидываетъ свои ползучіе усы земляника, лапчатка [4]) узикъ все лѣто цвѣтетъ своими желтыми цвѣтами, брусника и черника [5]) протягиваютъ усыпанныя ягодами вѣтви.

Въ отличіе отъ сосновыхъ еловые и пихтовые лѣса покрываютъ суглинистыя почвы. Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ чаще встрѣчается пихта и все болѣе замѣняетъ собою ель. Ея темныя длинныя хвои отличаются замѣтно отъ короткихъ еловыхъ иголокъ и придаютъ дереву какой-то нарядный видъ. Нужно сказать, что сѣверная ель отличается отъ той, что растетъ въ средней Россіи и нѣкоторые ботаники выдѣляютъ ее въ особую породу (Picea obovata).

Въ густомъ еловомъ лѣсу едва ли не такъ же мертва, какъ въ сухомъ сосновомъ бору. Хвои вверху образуютъ плотную кровлю, почти не пропускающую солнечныхъ лучей. Стволы оголены до верхней своей части. Торчатъ только сухіе обломки отпавшихъ вѣтвей, а внизу и почва, и корни, и начало стволовъ укутаны мягкимъ ковромъ влажнаго мха, въ которомъ тонетъ нога.

Если мхи не очень толсты, они перемѣшиваются съ жесткими листьями брусники и черники, сидящими на прижатыхъ къ землѣ побѣгахъ, а мѣстами всю ее оплетаютъ ползучія вѣтви сѣверной линнеи, (Linnaea borealis), которую неопытные люди принимаютъ иногда за бруснику, хотя листья ея мягче, свѣтлѣе и красиво зазубрены по краямъ. Папоротники, плавуны и линнея образуютъ иногда сплошной зеленый покровъ, а тамъ, гдѣ деревья растутъ порѣже къ нимъ примѣшиваются изящные кустики кислицы, спутанные заросли подмаренниковъ и похожія на крупныя снѣжинки бѣлые вѣнчики звѣздчатокъ.

Въ самыхъ влажныхъ и тѣнистыхъ мѣстахъ мшистый коверъ становится особенно толстымъ, взбирается высоко по еловымъ ство-

---

[1]) Empetrum nigrum.
[2]) Vaccinium Vitisidaea.
[3]) Solidago Virga aurea.
[4]) Potentilla Tormentilla.
[5]) Vaccinium Myrtillus.

ламъ. Пышно разрастаются здѣсь на лѣсномъ перегноѣ въ сыромъ сумракѣ еловой чащи темныя подушки „кукушкина льна“ и другихъ лиственныхъ мховъ жадно вбирающихъ въ себя влагу. Эта способность мохового ковра собирать и удерживать въ себѣ воду часто ведетъ къ роковымъ для лѣса послѣдствіямъ. Разросшаяся моховая толща представляетъ какъ бы постоянный влажный компрессъ лежащій надъ корнями деревьевъ, плохо проводящій тепло и кислородъ. Въ образующейся изъ старыхъ побѣговъ мха торфяной подстилкѣ развиваются торфяная и угольная кислоты, мѣшающая работѣ и жизнедѣятельности корней. Дерево начинаетъ хирѣть, корни и нижнія части стволовъ понемногу подгниваютъ. Такъ завязывается борьба между лѣсомъ и зародившимся въ его нѣдрахъ торфяникомъ.

Въ этой длительной борьбѣ побѣда достается обыкновенно на долю болота. Вѣтеръ обнаруживаетъ это ломая подгнившія деревья выворачивая ихъ съ корнями и опрокидывая на землю. Бородатый лишайникъ, какъ похоронный трауръ, окутываетъ темными прядями гибнущія вѣтви.

Чѣмъ толще дѣлается торфъ, тѣмъ больше онъ удерживаетъ въ себѣ воды. Зимой почва пропитанная влагой промерзаетъ все глубже и все медленнѣе оттаиваетъ лѣтомъ, и тѣмъ ускоряетъ гибель корней. Въ сѣверной половинѣ области въ торфяникахъ можетъ образовываться слой вѣчной мерзлоты, когда наросшій пластъ торфа дѣлается непреодолимой преградой для теплоты лѣтняго солнца. Когда корневая система совершенно перестаетъ нести свою службу, отмираютъ послѣднія деревья. На торфяникѣ остаются торчать жалкіе остатки гнилыхъ стволовъ и на мѣстѣ бывшаго лѣса прочно воцаряется мерзлое торфяное болото.

Здѣсь, кстати, скажемъ нѣсколько словъ о болотной растительности. Болота занимаютъ въ разсматриваемой нами области большое пространство и въ сѣверной половинѣ краѣ, повидимому, завоевываютъ у лѣса все новыя и новыя площади, какъ завоевываетъ ихъ и полярная тундра, наступая на область лѣсовъ. Болота встрѣчающіяся въ краѣ бываютъ двухъ родовъ: травныя и торфяныя болота. Преобладающее значеніе имѣютъ торфяныя. Травныя и осоковыя болота занимаютъ обыкновенно лишь мокрыя низины по берегамъ рѣкъ, такъ называемые поймы, затопляемыя рѣчными разливами и образованныя рѣчными наносами. Всевозможные виды осокъ, береговые

хвощи и растенія, являются одинаково, какъ водяными, такъ и болотными видами, вродѣ частухи [1]), вахты [2]), стрѣлолиста [3]), густо покрываютъ почву этихъ болотъ. Порою бѣлые хохолки пушицы (Eriophorum) поднимаются надъ болотистою землею, красиво наклоняясь вмѣстѣ съ колосьями осоки отъ пробѣгающаго вѣтра.

Гораздо большую площадь покрываютъ торфяники и чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ ихъ становится больше.

Мощныя толщи моха и торфа дѣйствуютъ какъ гигантскія губки втягивающія въ себя влагу и это постоянное накопленіе влажности ставитъ обыкновенно неодолимую помѣху для прониканія сюда растеній не болотнаго характера.

Всѣ физическія условія, которыя отличаютъ рельефъ и климатъ сѣвера, въ высшей степени благопріятны для этого побѣдоноснаго развитія „омшаровъ", (народное названіе моховыхъ болотъ).

Торфяники неуклонно завоевываютъ озера, загромождая ихъ воды остатками отмирающихъ частей мха, завладѣваютъ травными болотами, какъ только въ какой-нибудь его части появляется полоса сфагновыхъ мховъ. Часто мхи съ необыкновенной быстротой разрастаются иа выгорѣвшихъ лѣсныхъ участкахъ и прежде, чѣмъ успѣютъ подняться древесныя породы, образуютъ такой плотный моховой слой, что заглушаютъ всѣ другія растенія, неприспособленныя къ къ существованію въ болотѣ. Наконецъ, разрастаніе лѣсныхъ мховъ, какъ мы уже видѣли, можетъ приводить къ образованію болота въ глубинѣ самого лѣса. Разъ образовавшись, торфяникъ самъ усиливаетъ тѣ условія, которыя враждебны лѣсной растительности (обильная влажность, торфяныя кислоты, прекращеніе доступа воздуха къ корнямъ, мерзлота на сѣверѣ и тѣмъ обезпечиваетъ свою долговѣчность.

Кромѣ торфяныхъ (сфагновыхъ) и другихъ мховъ, мы встрѣчаемъ на этихъ болотахъ почти всѣ тѣ же растенія, что и въ тундрахъ. Таковы ягодныя болотныя кустарники, какъ клюква [4]) съ ея кислыми ягодами, морошка [5]) съ желтыми плодами, напоминающими по формѣ малину, голубика [6]) съ ея синими плодами, всѣмъ извѣстная брусника, вороника [6]), ядовитый багульникъ [7]), подбѣлъ [8]) и медвѣжьи ягоды [9]).

Также, какъ и въ тундрѣ, на торфяникахъ лѣсного края, качаются иногда бѣлые султаны пушицы, также, какъ и въ тундрѣ,

[1]) Alisma plantago. 2) Menyanthes trifoliata [3]) Sagittaria sagittifolia.
[4]) Oxycoccus palustris. [5]) Rubus Chamaemorus. [6]) Vaccinium uliginosum.
[6]) Empetrum nigrum [7]) Ledum palustre. [8]) Andromeda polifolia [9]) Arctostaphylos Uva ursi.

нога путника топчетъ нѣжныя вѣтки карликовой березы [1]), выставляющей робко изо мха пучечки зубчатыхъ листьевъ, величиной съ ноготь мизинца.

Будучи продолженіемъ сибирской тайги, лѣса сѣвернаго края далеко не одинаковы на западѣ и востокѣ этой области у ея сѣверной и южной границы.

Причина этой разницы лежитъ конечно не въ рельефѣ мѣстности. Возвышенности, встрѣчаемыя здѣсь, настолько незначительны, что не могутъ играть роли какой-нибудь климатической границы. Если возвышенности и оказываютъ вліяніе на распредѣленіе растительныхъ сообществъ, то лишь тѣмъ, что создаютъ особыя условія влажности, дѣйствія солнечной энергіи и образуютъ склоны защищенные отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ или наоборотъ обращенные къ нимъ.

Даже Уралъ не настолько высокъ, чтобы составлять серьезную помѣху для проникновенія восточныхъ формъ на западъ и обратно. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что многія растенія сибирской тайги перешли Уралъ и вполнѣ укоренились въ восточной половинѣ нашей области.

Если двигаться отъ Урала по широтѣ Вычегды, можно подмѣтить нѣсколько бросающихся въ глаза измѣненій въ составѣ древесной растительности. Такъ, напримѣръ характерный сибирскій кедръ (вѣрнѣе кедровая сосна—Pinus cembra) обычный въ Сибири и на Уралѣ попадается все рѣже и рѣже по мѣрѣ движенія на Западъ и почти сходитъ на нѣтъ ниже впаденія Сѣверной Кельтмы въ Вычегду и восточнѣе рѣки Ижмы.

Лиственница и пихта сибирская дѣлаются очень рѣдкими къ западу отъ рѣки Сысолы и повидимому не переходятъ на лѣвую сторону Сѣверной Двины.

Какъ извѣстно, въ Озерномъ краѣ и Финляндіи эти три сибирскихъ хвойныхъ дерева вовсе не встрѣчаются, какъ не встрѣчается тамъ и черный тополь или осокорь (Populus nigra), попадающійся къ востоку отъ Сухоны въ южной части Лѣсного края.

Полоса земли, лежащая между рѣкою Онегой и Сѣверной Двиной, можетъ считаться западной границей для цѣлаго ряда сибирскихъ травъ. Въ свою очередь многія типичныя европейскія формы

[1]). Betula nana

не проникают въ тотъ сѣверо-восточный уголъ Архангельско-Вологодской окраины, который занятъ суровыми бассейнами рѣкъ Мезени и Печоры. Отчасти это можно объяснить прошлою исторіей разселенія растеній.

Къ востоку отъ Бѣлаго моря лѣсъ начинается дальше отъ океана, чѣмъ на Кольскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ подходитъ къ берегу верстъ на 20—50.

Если исключить полосу тундръ, то почти вся остальная площадь Архангельской губерніи находится подъ лѣсомъ. Въ Вологодской же губерніи еще недавно лѣсъ занималъ около 80% всей ея поверхности. Площадь его несомнѣнно сокращается, — но размѣры этого сокращенія намѣчаются лишь очень приблизительно.

Но кромѣ историческаго раздѣленія флоры на восточную и западную, мы можемъ замѣтить постепенное обѣдненіе растительности съ юга на сѣверъ или вѣрнѣе съ юго-запада къ сѣверо-востоку въ зависимости отъ увеличенія суровости климата.

Часто направленіе сѣверной границы того или другого вида довольно точно совпадаетъ съ ходомъ годовыхъ изотермъ.

Такъ идутъ сѣверныя границы произрастанія нашихъ фруктовыхъ деревьевъ яблони и груши, лежащія къ югу отъ верхней Волги и нигдѣ не заходящія въ предѣлы сѣверной лѣсной области.

Сѣверные предѣлы клена и дуба почти касаются ея южныхъ окраинъ, пересѣкая сѣверныя части Ярославской и Костромской губ. и южную часть Вятской. Дубъ встрѣчается нѣсколько сѣвернѣе клена и въ предѣлахъ Вологодскаго и Грязовецкаго уѣздовъ заходитъ въ западную часть Вологодской губерніи.

Значительно далѣе къ сѣверу проникаетъ липа, граница которой направляется отъ южной части Онежскаго озера и идетъ отклоняясь слегка на югъ до сѣвернаго изгиба Камы (почти подъ 60° пересѣкая Уралъ).

Приближаясь къ своему сѣверному предѣлу липа уже теряетъ характеръ дерева, и растетъ въ видѣ кустарника, входя въ составъ подлѣска подъ кронами высокоствольныхъ деревьевъ. Впрочемъ, относительно липы далеко не всегда можно сказать съ увѣренностью, что липа въ данномъ мѣстѣ не можетъ развить значительнаго древеснаго ствола.

Дѣло въ томъ, что ни одно дерево не подвергается такому без-

пощадному истребленію въ молодомъ возрастѣ, какъ именно липа. Причина тому—лубяной промыселъ, потребляющій для производства лубяныхъ коробовъ, лаптей, мочалы, лубяной посуды огромное количество липовой коры.

Это приводитъ къ тому, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ когда-то росли липовыя лѣса, теперь остается лишь липовый кустарникъ, прячущійся въ густомъ подсѣдѣ лѣсовъ уже иного состава.

Несомнѣнно, однако, что суровый климатъ самъ по себѣ угнетаетъ ростъ деревьевъ. Чѣмъ болѣе сокращается лѣто, чѣмъ менѣе имѣетъ дерево времени для своей дѣятельной жизни, тѣмъ слабѣе становится его ежегодный приростъ. Годичныя кольца сближаются между собой, но особенно уменьшается ростъ въ вышину [1]).

И вблизи отъ сѣвернаго предѣла лѣсной растительности деревья становятся мелкими и кривыми, отчего вся эта полоса получила характерное названіе „криволѣсья“.

Дальше всего на сѣверъ идутъ береза, за нею ольха, осина и рябина, а изъ хвойныхъ лиственница, ель и сосна (при чемъ послѣднія два дерева исчезаютъ нѣсколько южнѣе лиственницы.

Береза по долинамъ рѣкъ, прорѣзывающихъ тундру доходитъ до самаго Ледовитаго океана и всюду, гдѣ найдется прикрытіе отъ суровыхъ морскихъ вѣтровъ разрастается густыми рощицами.

Въ мѣстахъ открытыхъ лѣсъ отступаетъ отъ моря, предоставляя мѣсто полосѣ тундръ.

Остается сказать нѣсколько словъ о культурныхъ растеніяхъ сѣвернаго лѣсного края. Они растутъ гораздо далѣе къ сѣверу, чѣмъ это можно было бы ожидать.

Далѣе всѣхъ на сѣверъ вызрѣваетъ ячмень, самый неприхотливый изъ нашихъ хлѣбовъ. Его сѣверная граница идетъ параллельно годовымъ изортермомъ, т.-е. отклоняясь къ югу по мѣрѣ приближенія къ Уралу. Въ то время, какъ на Кольскомъ полуостровѣ она поднимается до 69° с. ш. (подъ Колой), на Печорѣ она близка къ 66° с. ш. Усть-Цыльма).

Рожь и овесъ растутъ почти также далеко, какъ и ячмень А. И. Бекетовъ высказываетъ предположеніе, что при нѣкоторомъ ста-

[1]) А. И. Бекетовымъ приводятся слѣдующія замѣчательныя цыфры: 100-лѣтняя сосна подъ 60°48′ с. ш. имѣла около 13 саженъ высоты.

Сосна 248 лѣтъ подъ 69° с. ш. имѣла только 6 саженъ.

раніи всѣ эти три вида хлѣбовъ могли бы культивироваться значительно далѣе къ сѣверу. За то пшеница и гречиха перестаютъ встрѣчаться въ культурѣ много южнѣе, захватывая лишь юго-западную часть Вологодской губерніи и примыкающія къ ней Костромскую, Ярославскую и Вятскую губерніи

Въ частности для Вятской губерніи первое мѣсто по количеству занимаемой площади занимаетъ овесъ, второе рожъ, третье—ячмень, меньшее значеніе имѣютъ, картофель, пшеница, гречиха, горохъ и просо.

Итакъ хлѣба воздѣлываются во всей сѣверной лѣсной полосѣ отъ ея южнаго края до самой тундры[1]), но хлѣба нигдѣ не хватаетъ и его приходится прикупать, а отчасти замѣнять другими видами пищи, при чемъ важнѣйшею замѣной хлѣба является сушеная треска, играющая огромную роль въ питаніи сѣвернаго населенія.

Возвратъ морозовъ не только весной, но даже и лѣтомъ составляютъ здѣсь постоянную угрозу всякимъ посѣвамъ.

Въ общемъ надо признать, что во всемъ Вологодско-Архангельскомъ краѣ хлѣбопашество находится въ жалкомъ положеніи. Пахотныя поля занимаютъ только 3% всей площади.

Въ восточной части лучшіе урожаи получаются при помощи лядной системѣ, т.-е. распашки только что выжженныхъ участковъ. Вотъ отчего лѣсные пожары явленіе обычное въ этой лѣсной сторонѣ. Луговая растительность развита всюду по теченію рѣкъ, на илистыхъ поймахъ. Поймы доставляютъ населенію прекрасныя сѣнокосы и возможность держать въ большомъ количествѣ лошадей и рогатый скотъ. Такіе луга очень обыкновенны по Печерѣ, по Вычегдѣ, С. Двинѣ, по Мезени и Пешѣ, при чемъ иногда въ нихъ замѣтно преобладаніе одного какого-нибудь злака, иногда же они представляютъ разнообразную смѣсь злаковъ и ярко цвѣтущихъ травъ, къ которымъ въ сырыхъ мѣстахъ примѣшиваются также ситники и осоки, образующіе по временамъ сплошныя заросли.

Коренными жителями Архангельско-Вологодскаго края являются характерныя животныя лѣса.

---

[1]) Возлѣ г. Мезени, а также при устьи р. Кулоя (село Долгая щель) родится ячмень, картофель, рѣдька, лукъ, и даже свекла и укропъ.

[1]) Въ Архангельской губ. пахотная земля едва занимаетъ одну десятую долю процента.

Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ расчистилъ и выжегъ себѣ поля для своихъ пашенъ, съ юга стали проникать животныя открытыхъ степныхъ пространствъ, и селиться въ сосѣдствѣ съ человѣкомъ. Такъ проникли сюда зайцы-русаки, которые и здѣсь на сѣверѣ избѣгаютъ глубокихъ лѣсныхъ чащъ, держась по опушкамъ, оврагамъ, вблизи полей, пашенъ, кустистыхъ лѣсныхъ сѣчъ и выжженныхъ пожаромъ полянъ. Полевыя мыши, полевки, кроты также являются повидимому переселенцами изъ болѣе южныхъ мѣстъ. Что касается русака, то онъ повидимому не идетъ далеко на сѣверъ и уже въ сѣверныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи почти не встрѣчается, замѣщаясь вполнѣ лѣснымъ сѣвернымъ зайцемъ или „бѣлякомъ". Думаютъ, что и волкъ проникъ на сѣверъ вслѣдъ за человѣческими стадами, хотя теперь онъ встрѣчается вездѣ, гдѣ ѣсть скотъ, а въ тундрахъ преслѣдуетъ стада сѣверныхъ оленей.

Къ переселенцамъ изъ степи б. м. слѣдуетъ отнести нѣкоторыхъ птицъ: сѣрыхъ куропатокъ, грачей, полевыхъ жаворонковъ. За то типичными лѣсными животными сѣверный край изобилуетъ до сихъ поръ, хотя усиленная и хищническая охота промышленниковъ, русскихъ и зырянъ, уменьшило это изобиліе въ огромной степени. Такъ вовсе исчезъ изо всей разсматриваемой области такой исконный житель лѣсовъ, какъ драгоцѣнный бобръ, истребленный до тла за свою дорогую шубу. Почти исчезъ соболь, который встрѣчается теперь лишь въ восточной окраинѣ да и то не часто. Сильно убавилось число горностаевъ, а сохатые лоси подъ вліяніемъ усиленныхъ преслѣдованій или б. м. другой причины перекочевали въ значительной массѣ въ Костромскіе, Ярославскіе и Нижегородскіе лѣса и, даже, на правую сторону Волги.

Уже давно истреблена здѣсь дикая кабанья порода.

За то во многихъ мѣстахъ области держится еще мохнатый лѣсной хозяинъ—бурый медвѣдь, дѣлающійся особенно обычнымъ къ сѣверу и къ востоку области. Во многихъ мѣстахъ болѣе близкихъ къ Уралу до сихъ поръ считается опасной ѣзда безъ колокольцовъ, которые почему то отпугиваютъ даже голоднаго медвѣдя. Опаснымъ медвѣдь считается лишь нѣкоторое время года, а именно весной, когда послѣ зимней спячки онъ отличается большою прожорливостью, а растительный столъ для него имѣетъ мало прелести. За то лѣтомъ и осенью, безчисленныя ягоды, грибы и плоды, по бо-

лотамъ и лѣснымъ кустарникамъ даютъ ему возможность становиться заправскимъ вегетаріанцемъ и не особенно нуждаться въ мясной пищѣ.

О волкѣ мы уже говорили. Прибавимъ только, что этотъ хищникъ положительно избѣгаетъ глухихъ лѣсныхъ трущобъ, оставаясь вездѣ опаснымъ для скота сосѣдомъ людскихъ поселеней. Всюду встрѣчается лиса, хотя усиленная погоня за дорогимъ лисьимъ мѣхомъ сдѣлала ее рѣдкимъ звѣремъ во многихъ округахъ. Такъ въ западной части Вологодской губерніи она стала значительна болѣе рѣдкой. Въ восточной половинѣ этой губерніи начинаютъ чаще, чѣмъ на западѣ попадаться тѣ ея промысловыя разновидности, которыя за оттѣнки мѣха носятъ въ отличіе отъ рыжей названіе „сивушки", „крестовки", „чернобурой" лисицы. „Чернобурая" и „черная" лиса попадаются также въ Печерскомъ краѣ.

Наибольшее промысловое значеніе имѣютъ однако бѣлки и горностай. Бѣлка живетъ во всей области, предпочитая хвойные, еловые, сосновые и лиственничные лѣса, смѣшаннымъ и чисто лиственнымъ лѣстамъ, гдѣ ее встрѣтить труднѣе. Ея большая плодовитость—она мечетъ дѣтенышей два или даже три раза въ годъ—спасаетъ ее отъ истребленія, несмотря на ожесточенныя преслѣдованія. На сѣверѣ ловятъ ее всевозможными снарядами; петлями, силками, капканами, настороженными луками, но чаще всего „плашками", куда бѣлка попадаетъ пробираясь за приманкой. Ее отыскиваютъ выученными собаками и сшибаютъ съ дерева дробью. Въ восточномъ Вологодскомъ и Архангельскомъ краю въ годъ приходится по нѣскольку сотъ (иногда до 800 и болѣе) бѣлокъ на охотника. И все таки бѣлки являются всюду обычнымъ пушнымъ животнымъ, возстановляя за лѣто понесенный зимою уронъ.

Въ восточной части Вологодской губерніи, въ сѣверныхъ частяхъ Вятской и Пермской губерній, въ пріуральскихъ лѣсахъ живетъ близкій къ бѣлкѣ звѣрекъ „обыкновенная летяга" (Sciuropterus volans). Она значительно меньше бѣлки, мѣхъ ея рѣже и хуже и всетаки она преслѣдуется промышленниками съ немалымъ рвеніемъ. Этотъ ночной звѣрекъ любитъ березовые лѣса или по крайней мѣрѣ лѣса смѣшанные съ березой, такъ какъ березовые побѣги, сережки и почки составляютъ, повидимому, главную пищу летяги и самый

цвѣтъ ея шкурки приспособленъ гораздо больше къ березовой корѣ, чѣмъ къ корѣ хвойныхъ.

Между Камой и Сѣверной Двиной, а также во всемъ Пріуральи живетъ другой грызунъ, бурундукъ или земляная бѣлка (Tamias asiaticus). Это еще меньшій звѣрекъ изъ группы бѣлокъ, чѣмъ летяга.

Земляной бѣлкой онъ называется потому, что живетъ подъ корнями деревьевъ, въ гнилыхъ пняхъ и норахъ, которыя онъ самъ выкапываетъ для себя. Питается бурундукъ сѣменами березы, сосны, кедровыми орѣшками, ягодами и зернами злаковъ. Его маленькій ростъ составляетъ для него не малое счастье потому, что охотники не обращаютъ на него никакого вниманія и онъ почти не бываетъ предметомъ охоты.

За то тѣмъ большее промысловое значеніе имѣетъ семейство куницъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ маленькій горностай съ его дорогимъ мѣхомъ.

Благодаря ожесточеннымъ преслѣдованіямъ и хитрымъ ловушкамъ, которыя въ большомъ ходу у сѣверныхъ промысловыхъ охотниковъ, горностай сталъ рѣже въ западной части области, но за то въ восточной и сѣверной очень обыкновененъ и такъ смѣлъ, что попадается возлѣ людскихъ поселеній, гдѣ, какъ и ласка, нерѣдко находитъ себѣ поживу.

Лѣсная куница (Mustela martes) также имѣетъ промысловое значеніе, хотя значительно меньшее, чѣмъ раньше.

Изъ другихъ животныхъ семейства куницъ нельзя не сказать о близкой къ горностаю ласкѣ, которая не представляетъ впрочемъ изъ себя типичнаго жителя лѣсовъ, встрѣчаясь также и въ открытыхъ поляхъ и въ степной области и даже въ горахъ. Нѣкоторое промысловое значеніе въ восточной части нашей области имѣетъ норка (Putorius lutreola), дѣлающая свое гнѣздо у воды, въ которой она отлично плаваетъ и ныряетъ. Въ другихъ мѣстахъ она хотя и встрѣчается, но мало преслѣдуется охотниками. Также всюду встрѣчается ихъ близкій родственникъ хорекъ (Putorius putorius), хотя его промысловое значеніе на сѣверѣ незначительно.

Всюду въ вологодскихъ, вятскихъ, архангельскихъ и пермскихъ лѣсахъ встрѣчается сравнительно крупный хищникъ россомаха (Gulo luscus). Неуклюжій и с льный звѣрь съ острыми зубами, онъ

опасенъ не только мелкой, но и крупной лѣсной дичи вплоть до оленей и лосей, на которыхъ нападаетъ, прыгая съ древесныхъ вѣтвей.

Въ этомъ смыслѣ онъ не уступаетъ другому хищнику остроухой рыси (Lynx vulgaris). самой крупной изъ европейскихъ кошекъ.

Въ былое время этотъ кровожадный звѣрь былъ предметомъ особаго промысла и доставлялъ многочисленные высоко цѣнившіеся мѣха. Теперь рысій промыселъ сильно упалъ, и хотя рысь продолжаютъ преслѣдовать и истреблять, но спросъ на ея мѣха не великъ и охота на рысь не имѣетъ прежняго значенія.

Есть еще два хищника, встрѣчающіеся въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ; это живущая у воды выдра (Lutra vulgaris) и всюду встрѣчающійся въ лѣсахъ барсукъ (Meles taxus). И то и другое животное имѣютъ нѣкоторое промысловое значеніе своими, правда не особенно цѣнными мѣхами.

Въ южной половинѣ Вологодской губерніи приблизительно до 61° с. ш. всюду встрѣчается ежъ, обычное насѣкомоядное лѣсной полосы. Кротъ (Talpa europaea) попадается до 65° с. ш. придерживаясь главнымъ образомъ полей и лѣсныхъ опушекъ. Изъ насѣкомоядныхъ обыкновенная или лѣсная землеройка (Sorex vulgaris) встрѣчается подъ 68° и даже 69° с. ш., обыкновенно недалеко отъ воды и любитъ сосѣдство людскихъ поселеній, куда часто переселяется на холодное время года.

Далѣе всѣхъ къ сѣверу изъ летучихъ мышей заходитъ вечерица сѣверная (Vesperugo borealis), дѣлающая по мнѣнію Бладіуса правильные перелеты съ юга на сѣверъ и появляющаяся въ областяхъ близкихъ къ Бѣлому морю во вторую половину лѣта, когда начинаютъ темнѣть и удлиняться свѣтлыя сѣверныя ночи.

То, что мы говорили о млекопитающихъ, приходится повторить и о птицахъ.

Основу птичьяго населенія нашей области составляютъ лѣсныя птицы, кромѣ которыхъ коренными являются здѣсь также болотныя и водяныя. Что касается птицъ населяющихъ открытыя поля, то онѣ по всей вѣроятности переселились сюда съ юга вслѣдъ за человѣкомъ по мѣрѣ начавшагося истребленія лѣсовъ.

Къ такимъ переселенцамъ съ юга принадлежатъ полевые жаворонки (Alauga arvensis), появленіе которыхъ тѣсно связано съ

распашкой новыхъ полей. Коростель (Crex pratensis) встрѣчается до самаго Архангельска всюду, гдѣ есть травянистые луга и распространяется на сѣверѣ вмѣстѣ съ ростомъ площади полей. Перепелъ (Coturnix communis) появляется вездѣ, гдѣ есть поля и луга вплоть до самаго Бѣлаго моря. Переселенцемъ съ юга является здѣсь и сѣрая куропатка (Perdix cinerea), которая доходитъ въ Архангельской губерніи до 64° с. ш. и всюду связана съ полями, кустарниками и мелколѣсьемъ.

Коренными обитателями Сѣвернаго края являются прежде всего тетеревиные: глухарь (Tetrao Urogallus), тетеревъ косачъ (Tetrao tetrix), рябчикъ (Bonasa canescens). Эти осѣдлыя птицы, незнающія весеннихъ и осеннихъ перелетовъ, встрѣчаются только тамъ, гдѣ есть лѣса и живутъ почти до самой сѣверной границы тайги. Глухарь— настоящая таежная птица и всего обыкновеннѣе тамъ, гдѣ есть большіе хвойные лѣса, встрѣчаясь къ югу отъ средней Волги значительно рѣже, чѣмъ на сѣверѣ, въ то время, какъ тетеревъ и рябчикъ живутъ хорошо и въ смѣшанныхъ лѣсахъ и въ чернолѣсьи. На сѣверѣ въ вологодскихъ вятскихъ и пермскихъ лѣсахъ попадается еще другая болѣе рѣдкая порода рябчиковъ, такъ наз. рябчикъ темный (Bonasa griseiventris), свойственный только тайгѣ.

Къ исконнымъ птицамъ сѣвернаго лѣса надо отнести также соекъ (кукшу, ронжу и орѣховку), различныхъ синицъ, пищухъ, дятловъ, кукушекъ, щуровъ, клестовъ, снегирей, свиристелей, щегловъ, дроздовъ, чижей и чечетокъ.

Изъ дневныхъ хищныхъ нужно прежде всего упомянуть сарычей, орловъ—холзановъ и бѣлохвостыхъ соколовъ—сапсановъ, ястребовъ, а изъ ночныхъ филина и различныхъ совъ, мохноногій сычъ, неясыть каменная, къ которымъ зимой присоединяется бѣлая сова переселяющаяся сюда изъ опустѣлыхъ тундръ.

Всѣ эти птицы далеко не одинаково распространены на сѣверъ и сѣверныя границы ихъ обитаній проходятъ на значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

Большею частью на востокѣ границы эти испытываютъ отклоненіе къ югу по сравненію съ западомъ и идутъ часто параллельно съ годовыми изотермами.

Птицы вообще принадлежатъ къ существамъ очень выносливымъ по отношенію къ климатическимъ условіямъ, но онѣ стоятъ въ

зависимости отъ корма растительнаго и животнаго и потому распространенiе птицъ опредѣляется всетаки климатомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прямое дѣйствiе температурныхъ условiй само по себѣ не могло бы составить помѣху для жизни птицъ.

Если мы обратимъ вниманiе на сѣверныя границы обитанiя птицъ мы замѣтимъ, что многiя изъ нихъ уклоняются къ югу отъ холодныхъ бассейновъ Мезени и Печоры въ то время какъ на Западѣ въ особенности же на Кольскомъ полуостровѣ онѣ идутъ далеко на сѣверъ. Къ такимъ птицамъ относятся обыкновенныя сойки, клесты, дубровники, ремезы, бѣлоспинный дятелъ, (въ то время какъ другiе дятлы, какъ напримѣръ желна, трехпалый дятелъ, доходятъ до сѣвернаго предѣла лѣсовъ).

Распространенiе птицъ на сѣверѣ въ этомъ отношенiи напоминаетъ распространенiе растенiй. И здѣсь мы замѣчаемъ, что сѣверо-восточный уголъ Европейской Россiи, Печорскiй и Мезенскiй край стоятъ по своей природѣ ближе къ Западной Сибири.

Такъ мы видимъ, что малый пестрый дятелъ (Picus minor) идущiй далеко на сѣверъ на западѣ отъ Бѣлаго моря къ востоку отъ него совсѣмъ не встрѣчается. Вмѣсто него мы видимъ тамъ малаго сибирскаго дятла (Picus minor pipra,) западная граница котораго совпадаетъ съ линiей, проведенной отъ Архангельска до Перми. Къ востоку отъ средняго теченiя Вычегды начинаетъ попадаться малая кукушка, живущая во всей Сибири до самой Японiи.

Въ Печорскомъ краѣ мѣсто нашей пѣночки—кузнечика (Phylloscopus collybita) мы встрѣчаемъ пѣночку сибирскую (Ph. tristis), въ нижнемъ теченiи Печоры гнѣздится сибирскiй конекъ (Anthus gustawi), идущiй на востокъ до земли Чукотской. Чернозобый дроздъ (Merula atrigularis) врядъ ли идетъ западнѣе бассейна Печоры.

Долина Сѣверной Двины совпадаетъ съ сѣверной границей цѣлаго ряда птицъ на востокѣ, не встрѣчающихся сѣвернѣе долины Камы. Къ такимъ птицамъ относится стрижъ, кобчикъ, коршунъ, котораго нѣтъ къ востоку отъ С. Двины до самаго Урала выше 60° с. ш. Этихъ примѣровъ довольно для того, чтобы показать особенности состава птичьяго населенiя сѣверо-восточнаго угла Евр. Россiи.

Что касается мiра водяныхъ и болотныхъ птицъ, то онъ довольно однообразенъ для всей лѣсной полосы. Различныя породы утокъ, гагаръ, чаекъ и куликовъ гнѣздятся по берегамъ многочи-

сленныхъ озеръ и рѣкъ, которыми такъ богаты обширныя лѣсныя пространства. Лысухи, болотныя курочки (Porzana maruetta), идутъ далеко къ сѣверу въ области Сѣверной Двины, а на востокѣ не встрѣчаются сѣвернѣе бассейна Камы.

Низшими позвоночными за исключеніемъ рыбъ русскій Сѣверъ значительно бѣднѣе, чѣмъ млекопитающими и птицами.

Изъ ящерицъ здѣсь можно встрѣтить ящерицу прыткую (Lacerta agilis) и живородящую (L vivipara). Послѣдняя идетъ особенно далеко на сѣверъ и встрѣчается не только въ тундрахъ, но даже и на нѣкоторыхъ островахъ Ледовитаго Океана. За то ни зеленая ящерица, ни веретенница, ни черепахи въ тайгѣ не попадаются.

Изъ змѣй ужъ (Tropidonotus natrix) попадается въ южной половинѣ таежныхъ мѣстъ повидимому не встрѣчаясь вовсе въ Архангельской губ. Мѣдянка къ сѣверу отъ Волги не живетъ вовсе. Напротивъ гадюка (Vipera berus) оказывается гораздо неприхотливѣе и попадается до самаго Архангельска, а на западѣ отъ Бѣлаго моря идетъ къ сѣверу почти до самаго Мурмана.

Изъ лягушекъ нашему сѣверу свойственны обыкновенная травяная лягушка (Rana temporaria), доходящая до крайняго предѣла лѣсовъ и близкая къ ней и лягушка остромордая (R. arvalis). Напротивъ зеленая лягушка (R. esculenta) далеко къ сѣверу отъ Волги почти не попадается.

Изъ жабъ здѣсь вездѣ живетъ зеленая жаба, не встрѣчаясь лишь на крайнемъ сѣверѣ, тогда какъ жаба сѣрая (Bufo vulgaris) попадается значительно рѣже, хотя и водится еще кое гдѣ въ Вологодской губерніи.

Изъ хвостатыхъ амфибій въ тайгѣ распространенъ только тритонъ обыкновенный (Molge vulgaris), который однако далеко не доходитъ до сѣвернаго предѣла лѣсовъ. Въ общемъ, какъ чешуйчатые такъ и голые гады на сѣверѣ не достигаютъ того роста, какимъ обладаютъ въ болѣе теплыхъ частяхъ страны, что впрочемъ вполнѣ понятно, такъ какъ періодъ роста, когда они могутъ питаться и расти здѣсь несравненно короче, чѣмъ на югѣ.

Рыбное населеніе сѣверныхъ рѣкъ отличается большимъ богатствомъ формъ, имѣющихъ промысловое значеніе. Хотя большинство видовъ рыбъ живутъ во всѣхъ рѣчныхъ бассейнахъ Европейской

Россіи, но для рѣкъ впадающихъ въ Бѣлое и Ледовитое моря можно указать нѣкоторыя характерныя особенности.

Здѣсь мы стрѣчаемъ прежде всего обиліе лососевыхъ, принадлежащихъ къ т. н. проходнымъ рыбамъ, т. е. входящихъ изъ моря въ рѣки ради метанія икры.

Извѣстнѣйшимъ и наиболѣе цѣннымъ представителемъ этого семейства является лосось обыкновенный или семга (Salmo salar), входящая въ рѣки лѣтомъ, чтобы подняться затѣмъ вверхъ по рѣкѣ часто на огромное разстояніе. Осенью обыкновенно съ октября) происходитъ икрометаніе лососей, большею частью въ верхнемъ теченіи рѣкъ, послѣ чего истощенные лососи зимою или даже только весной возвращаются опять въ море и при томъ въ сильно уменьшенномъ числѣ.

Важной въ промысловомъ отношеніи является нельма (Stenodus nelma), рыба общая всѣмъ рѣкамъ впадающимъ въ Ледовитый океанъ и близко родственная волжской бѣлорыбицѣ (Stenodus leucichthys), которая, быть можетъ, произошла отъ нельмы, проникшей въ каспійскій бассейнъ по теченію Камы.

Далѣе цѣнной рыбой этого семейства является сигъ проходной (Coregonus lavaretus), заходящій для метанія икры въ рѣки впадающія въ Ледовитый Океанъ (С. Двина).

Система Печоры обладаетъ и въ отношеніи ихтіофауны особенностями, которыя роднятъ ее съ сибирской областью. Въ ней встрѣчается цѣлый рядъ сиговъ встрѣчающихся въ сѣверныхъ азіатскихъ рѣкахъ бассейна Ледовитаго моря, таковы: печорскій омуль (Coregonus Lepechini), печорская сельдь (C. wimba) сырокъ или пелядь (C. pelet), моксунъ (C. muksun) щокуръ (C. nasus), пыжьянъ (C. pydschjan), и др.

Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ харіуса (Thymallus thymallus) играющаго большую роль въ питаніи населенія. Харіусъ встрѣчается также въ верхнихъ правыхъ притокахъ Волги, но повидимому проникъ въ нихъ съ сѣвера.

За то въ притокахъ Ледовитаго океана не живутъ сомы, свойственные волжскому бассейну, нѣтъ тамъ вьюна и щиповки, нѣту судака нѣту подуста, карпа и горчака, сомнительно обитаніе линя. Лещь хотя и водится кое гдѣ, но въ маломъ числѣ и не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ на югѣ.

Характерное (въ отличіе отъ Понто-Каспійскаго бассейна) отсутствіе осетровыхъ рыбъ въ рѣкахъ сѣвернаго края нарушено теперь, благодаря вмѣшательству человѣка. Такъ стерлядь (Acipenser ruthenus) проникла въ бассейнъ Сѣверной Двины именно въ р. Вычегду изъ Камы послѣ прорытія Екатерининскаго канала между притоками этихъ рѣкъ (Сѣверной и Южной Кельтмой) и теперь входитъ въ составъ этого бассейна. Во всякомъ случаѣ она здѣсь несомнѣнно недавній переселенецъ и его родина лежитъ далеко отъ холодныхъ сѣверныхъ водъ.

За то окунь, щука, ершъ, налимъ, карась, голавль, язь и елецъ и на сѣверѣ являются столь же обычной добычей рыбака, какъ и въ остальной Россіи.

Рыбныя богатства сѣверныхъ рѣкъ играютъ важную роль въ жизни населенія, для котораго рыба является не малымъ подспорьемъ и въ значительной степени замѣняетъ часто здѣсь недостающій хлѣбъ.

Остается еще сказать о низшихъ животныхъ. Изъ нихъ важнѣйшую роль играютъ насѣкомыя, а изъ насѣкомыхъ всевозможныя двукрылыя.

На первомъ мѣстѣ стоятъ, конечно, комары, несчетныя полчища которыхъ выводятся всюду среди болотъ и лѣсовъ въ теплое время года.

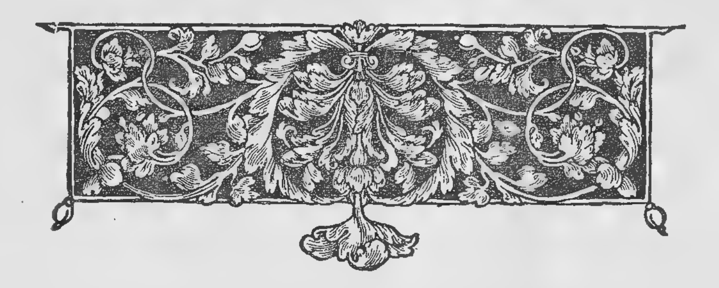
Въ болотистыхъ мѣстахъ и сырыхъ лѣсахъ они такъ многочисленны, что дѣлаютъ существованіе тамъ человѣка непрерывною мукой и гонятъ его прочь въ болѣе высокія и сухія мѣстности. Даже дикіе звѣри съ трудомъ переносятъ нападенія этихъ докучныхъ насѣкомыхъ. Медвѣдь въ это время часто находитъ себѣ пріютъ въ болотныхъ ручьяхъ, куда ложится, чтобы укрыть себя какъ нибудь отъ ихъ непрестанныхъ укусовъ. Лось залѣзаетъ въ воду по самыя ноздри и только ушами отмахиваетъ налетающихъ комаровъ. Сѣверные олени худѣютъ, бьются и валяются по землѣ и дѣлаютъ большіе переходы въ поискахъ болѣе спокойнаго мѣста.

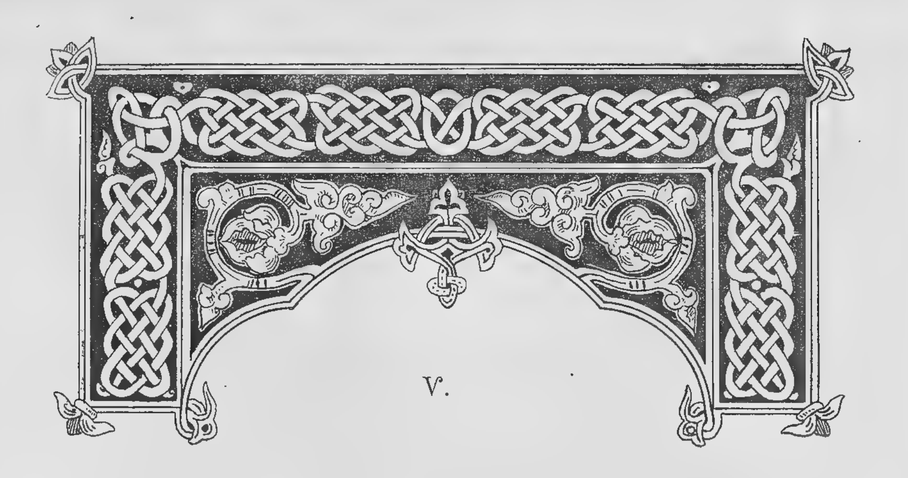
Въ тайгѣ комаровъ замѣняетъ часто чрезвычайно мелкая мошкара, докучающая порой еще сильнѣе первыхъ.

Всевозможные овода, слѣпни, кусающіяся мухи присоединяются ко всѣмъ этимъ полчищамъ двукрылыхъ и увеличиваютъ еще болѣе страданія тѣхъ живыхъ существъ, на которыя они нападаютъ.

Кромѣ двукрылыхъ для тайги характерны еще многочисленные вредители лѣса.

Къ нимъ относятся прежде всего такъ называемые жуки короѣды, сверлящіе себѣ ходы подъ корою деревьевъ, всевозможные дровосѣки, долгоносики и пластинчатоусые жуки, а изъ бабочекъ монашенки и сосновые шелкопряды, гусеницы которыхъ оголяютъ вѣтви хвойныхъ деревьевъ.





V.

Русское населеніе. Его промыслы и преобладающія занятія.

Всѣ тѣ особенности, которыя опредѣляютъ природу нашей сѣверной лѣсной полосы, вліяютъ также на характеръ и образъ жизни жителей этого обширнаго края. Вліяніе это сказывается прежде всего на густотѣ его населенія.

Во всей Европѣ нѣтъ другой страны, за исключеніемъ сѣверныхъ частей Скандинавіи, которая могла бы хоть сколько-нибудь приблизиться по своей пустынности къ нашему сѣверу. Рѣдкостью заселенія Архангельская и Вологодская губерніи гораздо болѣе похожи на Сибирь, чѣмъ на Европейскую Россію.

На огромномъ пространствѣ двухъ сѣверныхъ губерній, приблизительно равномъ одному милліону 110 тысячамъ кв. верстъ, жило въ 1910 году около 2.000000 жителей, т. е. въ среднемъ меньше 2 человѣкъ на 1 кв. версту. Эта цифра въ 14 разъ меньше средней плотности населенія Европейской Россіи, которая, какъ извѣстно, отличается самою слабой населенностью среди всѣхъ Европейскихъ странъ.

Чтобы еще рельефнѣе представить себѣ пустынность нашихъ сѣверныхъ окраинъ, сопоставимъ слѣдующія цифры. Пространство, занимаемое лѣсной полосой, почти равно пространству Германіи и Великобританіи вмѣстѣ взятыхъ, между тѣмъ какъ населеніе этихъ двухъ государствъ доходитъ до 120 милліоновъ, т. е. въ 60 разъ больше населенія нашего Сѣвера. Въ Бельгіи на 1 кв. версту приходится

около 280 жителей, въ Голландіи около 180, въ Англіи около 160, въ то время какъ въ Вологодской губерніи приходится только 4, 6 человѣкъ на 1 кв. версту (почти въ 70 разъ меньше, чѣмъ въ Бельгіи).

Средняя плотность населенія Архангельской губерніи очень близко подходитъ къ средней для Сибири, гдѣ на 1 кв. версту приходится около 0,7 человѣка. Въ предѣлахъ самой Архангельской губерніи населеніе распредѣлено далеко не равномѣрно. Въ то время какъ юго-западный Шенкурскій уѣздъ имѣетъ 4,4 чел. на 1 кв. вер., въ далекихъ сѣверо-западныхъ уѣздахъ-Александровскомъ и Печорскомъ на 1 человѣка приходится 10 кв. верстъ.

То-же самое видимъ мы и въ Вологодской губерніи, въ которой югозападные уѣзды населены гораздо гуще, чѣмъ сѣверовосточные. Такъ Вологодскій у. имѣетъ въ среднемъ 37,9 человѣкъ на 1 кв. вер., Грязовецкій 17, Кадниковскій 13,9, Устюгскій 11,5, между тѣмъ какъ въ Сольвычегодскомъ только 3,8 чел., въ Яренскомъ — 1,09 и въ Устьсысольскомъ лишь 0,76 человѣка на 1 кв. версту (по даннымъ 1908 года).

Болѣе всего населенъ на протяженіи всей Сѣверной покатости бассейнъ Сѣверной Двины (кромѣ бассейна р. Вычегды), и всего гуще долина р. Сухоны.

Наименьшимъ населеніемъ обладаютъ Кольскій полуостровъ и вся область Печоры. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ населеніе дѣлается болѣе рѣдкимъ, менѣе всего жителей въ припечорскихъ тундрахъ, представляющихъ почти полную пустыню. Уѣзды расположенные по Сухонѣ, С. Двинѣ и Югу въ Вологодской губерніи, занимая четвертую часть всей площади, содержатъ $^2/_3$ всего населенія, а въ Архангельской губ. уѣзды по С. Двинѣ, занимая $^1/_4$ часть всей площади, заключаютъ цѣлую половину населенія.

Что касается Вятской губерніи, то уже намъ приходилось говорить, что къ сѣверному лѣсному краю принадлежитъ только сѣверная ея половина. Въ этой сѣверной лѣсной части населеніе значительно болѣе рѣдкое, чѣмъ въ южной земледѣльческой.

По своей величинѣ Вятская губ. втрое меньше Вологодской и въ шесть разъ менѣе Архангельской. (Архангельская губ. — 755 т. кв. верстъ, Вологодская—353 т. кв. в., Вятская только 135 т. кв. в.). Между тѣмъ населеніе (3,747 т. жит.) Вятской губ. въ 9 разъ больше чѣмъ Архангельской и слишкомъ вдвое больше чѣмъ Воло-

годской. По плотности населенія (27,8 ж. на 1 кв. в.) она подходитъ къ той цифрѣ, которая выражаетъ среднюю плотность Европейской Россіи и слѣдовательно значительно гуще населена, чѣмъ двѣ большія сѣверныя губерніи. О чемъ говорятъ всѣ тѣ цифры, которыя были приведены здѣсь?

Онѣ говорятъ о томъ, какъ мало благопріятны для культурной человѣческой жизни всѣ эти необъятыя пространства, которыя занимаютъ Архангельская и Вологодская губ. съ ихъ суровымъ климатомъ, съ долгой зимой, скудной почвой, малой урожайностью полей. Онѣ говорятъ о безконечныхъ лѣсахъ и болотахъ, занимающихъ большую долю земли въ этомъ пустынномъ краѣ, о широкой полосѣ тундръ, окаймляющихъ русскій материкъ съ сѣвера, о томъ, что населеніе въ большой части сѣверной лѣсной полосы живетъ и жмется только у самаго теченія рѣкъ и не отходитъ отъ нихъ въ бездорожную непріютную лѣсную глубь.

Кромѣ слабой населенности вообще, бросается въ глаза на всемъ протяженіи ничтожное развитіе городовъ. Напрасно мы стали бы искать здѣсь большихъ городскихъ центровъ. Населеніе самыхъ крупныхъ изъ нихъ доходитъ лишь до 30—40 тысячъ жителей. Можно было бы ждать быстраго развитія такого города, какъ Архангельскъ, являющагося естественнымъ морскимъ портомъ для всего лѣсного сѣвера, а между тѣмъ онъ насчитываетъ лишь 35 т. жителей (въ 1911 г.). Въ Вологдѣ въ 1910 году было не болѣе 44 тысячъ жителей. Остальные города обѣихъ губерній несравненно малолюднѣе. Есть города, которые мало чѣмъ отличаются отъ большихъ селъ и стали городами лишь по своему административному назначенію. Во всѣхъ городахъ Вологодской губ. было въ 1910 году лишь около 92 т. жителей, а въ Архангельской около 50 тысячъ. Это означаетъ, что въ обѣихъ сѣверныхъ губерніяхъ вмѣстѣ взятыхъ, оказывается городского населенія около $5^1/_2$%, сельскаго же—$94^1/_2$%.

Такой незначительный процентъ горожанъ еще не даетъ полнаго представленія о ничтожномъ значеніи на сѣверѣ города. Вѣдь большинство жителей маленькихъ городовъ (съ населеніемъ отъ 800 душъ до 5 или 6 тысячъ) живетъ почти совершенно такъ-же, какъ жители селъ и деревень, не отличаясь отъ нихъ сколько нибудь ни бытомъ, ни родомъ занятій. Часто все различіе городскихъ жителей отъ со-

сѣднихъ поселянъ состоитъ въ томъ, что первые величаютъ себя мѣщанами, а вторые только крестьяне.

Какъ бы то ни было, указанный процентъ городского населенія здѣсь гораздо ниже средняго для цѣлой Европейской Россіи, гдѣ на долю городовъ приходится 13% населенія. (Въ Англіи городское населеніе составляетъ 78 процентовъ, въ Германіи 56,5%, во Франціи 41,2%).

Все это говоритъ ясно о томъ, что бытъ населенія на сѣверѣ стоитъ еще на той ступени, когда надъ нимъ всецѣло царитъ власть земли и природы. Человѣкъ прежде всего является здѣсь добытчикомъ того, что природа непосредственно ему предоставляетъ Переработка ея даровъ вполнѣ первобытна, а сложныя формы обрабатывающей дѣятельности, т. е. фабрично-заводская промышленность, почти вовсе отсутствуютъ или находятся въ зачаткѣ.

Подавляющее преобладаніе сельскаго населенія, которое обыкновенно отличается многосемейностью *), позволяетъ намъ ожидать и здѣсь быстраго естественнаго прироста населенія. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Если мы сравнимъ цифру населенія 1890 года цифру, взятую изъ статистическаго ежегодника 1910 года, то мы увидимъ значительное увеличеніе. Населеніе Архангельской губерніи увеличилось за 20 лѣтъ съ 316 тысячъ до 448 т. е. на 122 тысячи или на 38,5%. Населеніе Вологодской съ 1 милл. 242 тыс. человѣкъ выросло за тотъ же промежутокъ времени до 1 м. 625 т., или на 31% **).

Если мы сравнимъ этотъ процентъ роста съ тѣмъ, который относится ко всей Европейской Россіи за тотъ же промежутокъ времени, (26,3%), то становится яснымъ, что населеніе этихъ двухъ губерній растетъ значительно быстрѣе. Это безъ труда объясняется, кромѣ указаннаго нами высокаго прироста, также отсутствіемъ выселенія за предѣлы края и въ города, которые въ другихъ мѣстахъ поглащаютъ значительныя массы и отличаются слабымъ естественнымъ приростомъ.

---

*) Но не вездѣ, потому что во Франціи напр. крестьянство, благодаря укоренившемуся среди него неомальтузіанству, почти не обнаруживаетъ количественнаго роста.

**). За это же время населеніе Вятской губ. съ 2989 т. увеличилось на 758 тысячъ (до 3,747 тыс.) или на 25,4%.

Быстрый естественный приростъ обусловливается также большимъ благосостояніемъ населенія и вслѣдствіе этого его лучшимъ питаніемъ по сравненію съ крестьянскою массой болѣе многолюдныхъ областей России.

Что касается до вліянія переселенія изъ другихъ губерніи, то оно повидимому очень незначительно, хотя и существуетъ въ извѣстной мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что земледѣльческому населенію, испытывающему земельную тѣсноту и нуждающемуся въ новыхъ земляхъ, просторъ нашей сѣверной Руси съ ея холоднымъ климатомъ и малой урожайностью очень мало привлекаетеленъ. Условія жизни суровой лѣсной области настолько своеобразны, что приспособиться къ нимъ жителю полей не легко. А для лѣсныхъ людей сосѣднихъ губерній (Олонецкой, Ярославской, Костромской, также не отличающихся тѣснотой) переселеніе не составляетъ такой насущной потребности, и потому оно и не можетъ принять сколько нибудь замѣтные размѣры.

Однако разселеніе жителей въ предѣлахъ самой лѣсной области продолжается и теперь. Идетъ оно медленно, но неуклонно, и всюду въ глубинѣ лѣсовъ, гдѣ только протекаютъ рѣки, можно наткнуться на вновь обстроившихся поселенцевъ то въ одиночку, то цѣлой группой дворовъ. Земельный просторъ, дѣвственность лѣсовъ постоянно привлекаютъ новыхъ людей, и до сихъ поръ мы присутствуемъ при продолженіи той медленной стихійной колонизаціи, начало которой восходитъ къ самому началу нашей исторіи.

Вернемся теперь къ естественному приросту населенія.

Когда побываешь въ сѣверныхъ деревняхъ, когда воочію убѣдишься въ необычайной многодѣтности крестьянскихъ семействъ, то начинаешь удивляться не тому, что процентъ прироста такъ высокъ, а скорѣе тому, что онъ далеко не такъ высокъ, какъ могъ бы быть. На пути ему стоитъ необыкновенно высокая смертность дѣтей и у русскаго, и въ еще большей степени у инородческаго населенія этого края. Эта смертность—простое слѣдствіе, кромѣ общихъ суровыхъ условій жизни и климата, прежде всего некультурности и слабаго развитія врачебной помощи населенію. Вѣдь въ Архангельской губ. 1 врачъ приходится на 10000 человѣкъ, а пространство, которое онъ долженъ обслуживать, непомѣрно велико, такъ какъ одна боль-

ница приходится *на 12 тысячъ кв. верстъ* [1]). Такое же пространство приходится и на одну акушерку, что указываетъ, конечно, на полную невозможность для большинства женскаго населенія получать своевременную акушерскую помощь.

Въ Вологодской губерніи, благодаря существованію въ ней земства, дѣло обстоитъ нѣсколько лучше, хотя и тамъ число врачей очень недостаточно (1 врачъ приходится на 4,842 кв. верстъ), что, конечно, ставитъ врачебной помощи неодолимыя препятствія.

Въ сущности большая часть населенія предоставлена своимъ собственнымъ силамъ и знаніямъ, а такъ какъ представленія о здоровьѣ и гигіенѣ всюду стоятъ здѣсь на очень низкомъ уровнѣ, то смертность, особенно дѣтская, необыкновенно высока, и это очень сильно понижаетъ величину естественнаго прироста.

Посмотримъ теперь, что представляетъ населеніе сѣвернаго края по своему племенному составу.

Преобладающей народностью является здѣсь, конечно, великорусское племя, составляющее въ Архангельской губерніи $85,_2$%, въ Вологодской—$91,_4$% и въ Вятской—$77,_5$%. Второе мѣсто за русскими занимаютъ финны, аборигены страны, вытѣсненные изъ большей части своихъ владѣній болѣе сильнымъ пришлымъ населеніемъ. Въ Архангельской губерніи финны составляютъ $13,_2$% всего населенія, въ Вологодской—$8,_6$% и Вятской—$17,_6$% [2]).

Самую большую часть финскаго населенія составляютъ *зыряне* въ восточной половинѣ Архангельской и Вологодской губ., *вотяки* въ Вятской и *корелы* къ западу отъ Бѣлаго моря. Всѣ остальныя племенныя группы составляютъ ничтожную примѣсь къ массѣ населенія, и только въ южной половинѣ Вятской губерніи замѣтною составною частью его являются *татары* (около $4,_9$%).

[1]) При этомъ не всякая больница въ Архангельской губ. обладаетъ высшимъ медицинскимъ персоналомъ, такъ какъ въ 1908 году въ губерніи было 61 больница и только 43 врача, слѣдовательно значительное число больницъ обслуживается только фельдшерами. (Статист. Ежег. 1910 г.).

[2]) Впрочемъ точное число финновъ указать очень трудно. Культурное и этнографическое смѣшеніе съ русскими зашло во многихъ мѣстахъ такъ далеко, что провести рѣзкую границу между ними и русскими бываетъ подчасъ совершенно невозможно.

Заселеніе края славянскимъ элементомъ началось еще на зарѣ нашей исторіи, при чемъ первыми колонизаторами сѣвера являются предпріимчивые новгородцы.

Въ XI вѣкѣ новгородцы берутъ дань съ Печоры и съ остяковъ, т. е. власть Великаго Новгорода устанавливается по всему лѣсному краю до самаго Урала, и уже завязываютъ сношенія съ Сибирью. Именемъ же Печоры звали новгородцы восточныя, зырянскія племена и повидимому не только по рѣкѣ Печорѣ, но и по верховьямъ р. Вычегды.

Слѣдомъ за торговыми сношеніями шло болѣе тѣсное административное подчиненіе отдѣльныхъ областей, и вмѣстѣ съ этимъ начиналось устройство постоянныхъ поселенцевъ, медленно передвигавшихся вглубь страны вдоль рѣчныхъ путей. Съ возникновеніемъ господства Москвы появляется другой потокъ переселенцевъ съ юга на сѣверъ, который усиливается замѣтно со времени церковнаго раскола, когда тѣснимые государственной и духовною властью сторонники старой вѣры начинаютъ искать безопасныхъ убѣжищъ подальше отъ правительственнаго центра Московской Руси.

Являясь слѣдствіемъ великорусской колонизаціи, сѣверное русское населеніе сохраняетъ въ языкѣ и обычаяхъ болѣе всего слѣды новгородскаго происхожденія, и чѣмъ глуше и отдаленнѣе та или другая мѣстность, тѣмъ легче встрѣтить въ ней остатки бытовой старины.

Здѣсь еще можно найти мѣстами, наряду съ особеннымъ сѣвернымъ говоромъ, старинные русскіе костюмы, пышные русскіе наряды, головные уборы въ видѣ шитыхъ канителью кокошниковъ и кичекъ, старые образа знаменитаго строгановскаго письма, древніе кресты и натѣльныя цѣпи, старинную мѣдную посуду и старинный укладъ жизни, быстро разрушающійся, однако, въ послѣдніе годы.

На смѣну ему проникаютъ занесенныя изъ городовъ новыя моды и новые обычаи, образуя подчасъ уродливое сочетаніе стараго съ новымъ. Даже на далекой Печорѣ видимъ мы примѣры такого смѣшенія, поражающаго непривычный глазъ, когда на праздникахъ деревенскія франтихи красуются въ дорогихъ парчевыхъ кокошникахъ, бархатныхъ, шитыхъ золотой канителью, сарафанахъ и щеголяютъ яркоблестящими галошами на ногахъ (въ сухую погоду) и дождевыми зонтиками въ рукахъ.

Старый семейный укладъ жизни всюду, гдѣ пролегаютъ пути торговаго и пассажирскаго движенія, уже втянутъ въ начавшееся разложеніе. Подъ напоромъ молодого поколѣнія колеблется авторитетъ исконнаго быта, первенства семейныхъ интересовъ надъ личными, незыблемость родительской власти и религіозныхъ вѣрованій. Протестъ противъ стараго уклада въ цѣломъ проявляется и здѣсь, по словамъ наблюдателей, нерѣдко въ самой грубой и неуважительной формѣ, и болѣзненный разладъ между старымъ и новымъ поколѣніемъ, между прежними устоями и молодымъ недовольствомъ не минуло и этой окраины, до сихъ поръ столь консервативной въ своемъ бытѣ.

Несмотря на это, именно здѣсь на сѣверѣ приходится чаще встрѣчать и изучать старый великорусскій бытъ, именно здѣсь сохранилось еще больше всего сѣдой старины въ семейномъ строѣ, свадебныхъ обычаяхъ, пѣсняхъ, былинахъ, вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ.

Не нужно забывать, что значительная часть сѣвернаго, особенно архангельскаго крестьянства и мѣщанства живетъ до сихъ поръ въ старой вѣрѣ и выдѣлившихся изъ нея различныхъ религіозныхъ толкахъ. Точно опредѣлить количество раскольниковъ является невозможнымъ, потому, что оффиціальная статистика привыкла заносить въ графу „православныхъ“ тѣхъ, кто числиться таковыми по паспорту и кто молчитъ о своемъ несогласіи съ православною церковью. Молчаніе это обычно на сѣверѣ, какъ и повсюду, гдѣ памятны религіозныя преслѣдованія, а населеніе заинтересовано прежде всего въ томъ, чтобы его оставили въ покоѣ.[1])

Часто казенная статистика вовсе не интересуется даже тѣмъ, къ какой религіозной сектѣ причисляетъ себя населеніе того или другого поселка, а огульно регистрируетъ всѣхъ православными, какъ было принято много лѣтъ назадъ.

Во всякомъ случаѣ, подъ скрытною внѣшностью сѣвернаго крестьянина таится часто человѣкъ, очень критически относящійся къ оффиціальной церкви, но держащій свои убѣжденія про себя или про тѣхъ, кого онъ считаетъ своими.

Несмотря на суровый климатъ, сѣверный крестьянинъ не переcталъ быть землепашцемъ, и до крайнихъ предѣловъ на сѣверѣ обра-

[1]) Иногда даже на вопросъ туриста или этнографа—изслѣдователя мѣстные жители предпочитаютъ давать неясные уклончивые отвѣты изъ опасенія государственнаго сыска. Административное давленіе обошлось населенію слишкомъ дорого, чтобы оно могло имъ пренебрегать.

ботанныя поля окружаютъ русскія селенія. На востокѣ и на сѣверѣ области урожай подверженъ столькимъ случайностямъ, что хлѣбопашество играетъ второстепенную роль и принуждаетъ искать средствъ къ существованію въ другихъ занятіяхъ. Къ тому же своей земли у крестьянъ очень мало, а большая часть ея принадлежитъ казнѣ, у которой крестьянство арендуетъ лѣса и сѣнокосы.

Въ обѣихъ губерніяхъ земледѣльческое хозяйство болѣе развито на западѣ, въ Архангельской губ. главнымъ образомъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ, а въ Вологодской—въ уѣздахъ Кадниковскомъ, Грязовецкомъ и Вологодскомъ. Здѣсь, благодаря обилію скота, поля, приготовляемыя на мѣстѣ выжженаго лѣса, удобряются такъ хорошо что даютъ нерѣдко очень обильные урожаи, обезпечивающіе крестьянъ своимъ хлѣбомъ. Кромѣ хлѣбовъ сѣется также ленъ, снабжающій матеріаломъ мѣстную льнопрядильную и ткацкую промышленность.

Большое значеніе для населенія имѣетъ молочное хозяйство по долинамъ рѣкъ, гдѣ обширные поемные луга образуютъ великолѣпныя сѣнокосныя угодья, дающія возможность содержать много скота. Тамъ, гдѣ землепашество почти совсѣмъ исчезаетъ изъ-за суровости климатическихъ условій, молочное хозяйство еще можетъ процвѣтать лишъ бы были луга.

Въ Архангельской губерніи, въ долинахъ Сѣверной Двины и ея притоковъ, славится крупный холмогорскій рогатый скотъ, порода котораго была выведена въ XVIII столѣтіи при содѣйствіи голландскихъ производителей. По Вычегдѣ и Печорѣ держатъ своеобразный безрогій скотъ, какъ крупный, такъ и мелкій, довольно безобразнаго вида.

Въ Вологодской губерніи производство масла, сыра и другихъ молочныхъ продуктовъ развивается очень быстро и составляетъ предметъ растущаго вывоза (на нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ ежегодно, при общей суммѣ производства въ 750.000 рублей, въ настоящее время въ Вологдѣ открывается специальное учебное заведеніе, посвященное обученію техникѣ и организаціи молочнаго хозяйства.

Для продовольствія населенія существеннѣйшее значеніе имѣютъ рыбные промыслы, восполняющіе недостатокъ хлѣба. Кромѣ свѣжей рыбы мѣстнаго улова населеніемъ въ огромномъ количествѣ потребляется привозная, особенно сельдь и треска въ соленомъ и вя-

леномъ видѣ. Всюду въ домахъ характерный запахъ, издаваемый вяленой треской, выдаетъ этотъ сѣверный хлѣбъ. Замѣчательно, что треска цѣнится именно за этотъ непріятный для непривычнаго человѣка запахъ, и часто чѣмъ менѣе свѣжа рыба, тѣмъ большій вкусъ находятъ въ ней мѣстные гастрономы. Повидимому, тѣ продукты броженія, которые развиваются въ лежалой рыбѣ, дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на нервную систему и, какъ своеобразные наркозы, способны вызывать къ себѣ особое пристрастіе у привычныхъ потребителей.[1])

Кромѣ трески и сельди, потребляются населеніемъ изъ привозной рыбы также пикшуй, палтусъ, навага, помимо всевозможной прѣсноводной рыбы, добываемой изъ рѣкъ и озеръ. Стоимость продуктовъ рыболовства оцѣнивается для одной Архангельской губерніи на сумму около 2 милліоновъ рублей (въ 1910 году).

Наряду съ рыбной ловлей, а во-многихъ мѣстахъ впереди ея (на востокѣ) стоитъ охота, какъ промыселъ. Добыча мѣховъ и дичи на вывозъ даетъ немалый заработокъ большому числу людей, причемъ добыча оказывается тѣмъ выше, чѣмъ менѣе населена мѣстность. Въ западныхъ, болѣе густо населенныхъ уѣздахъ промысловыя животныя сильно истреблены и продолжаютъ быстро исчезать, тогда какъ на востокѣ они все еще встрѣчаются въ немаломъ количествѣ. Правда дорогой соболь почти совершенно выбитъ повсюду, но горностаи, выдры, куницы, россомахи, норки еще довольно обыкновенны.

Главную массу мѣховъ доставляетъ бѣлка и заяцъ, за ними идутъ горностаи, лисы, песцы (сильно порѣдѣвшіе и поднявшіеся въ цѣнѣ за послѣдніе годы). Волки и медвѣди также составляютъ предметъ охоты. Изъ птицъ на первомъ мѣстѣ стоятъ тетерева, рябчики и куропатки, вывозимые во множествѣ въ Петербургъ и Москву.

Очень важное мѣсто въ занятіяхъ жителей занимаетъ лѣсной промыселъ, дающій населенію значительные заработки. Онъ состоитъ въ рубкѣ и сплавѣ лѣса по рѣкамъ, приготовленіи бревенъ и досокъ на лѣсопилкахъ, добываніи сажи и вара, въ смолокуреніи и гонкѣ дегтя, и въ цѣломъ рядѣ кустарныхъ промысловъ, связанныхъ съ примитивной обработкой дерева.

[1]) По мнѣнію доктора Мартынова сильно лежалая т. к. „кислая" рыба повышаетъ половую возбудимость, а у женщинъ служитъ нерѣдко однимъ изъ условій развитія особаго рода нервныхъ заболѣваній, родственныхъ истеріи или кликушеству и извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „икоты".

Существованіе горныхъ богатствъ здѣсь не подлежитъ сомнѣнію, но разработка ихъ находится въ зародышѣ. Въ Яренскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ существуетъ соляной промыселъ, по берегамъ Сѣверной Двины ломаютъ алебастръ и известнякъ, на востокѣ къ Уралу существуетъ ломка брусяного камня. На немногочисленныхъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ добываютъ незначительное количество чугуна, желѣза и стали. По рѣкѣ Цыльмѣ открыты серебро-свинцовыя руды. Тиманскій кряжъ содержитъ, повидимому, много полезныхъ ископаемыхъ. Наконецъ, огромныя нефтяныя богатства скрываются въ районѣ рѣки Ухты, гдѣ кромѣ того открыты громадныя залежи пропитаннаго нефтью „доманика“ [1]).

По мнѣнію А. А. Чернова очень трудно пріурочить нефть къ какой нибудь опредѣленной геологической системѣ. Она встрѣчается и въ подстилающихъ доманикъ песчано-мергелистыхъ породахъ (девонъ) и въ гораздо болѣе молодыхъ слояхъ (какъ напримѣръ въ среднекаменноугольныхъ известнякахъ и нижнепермскихъ доломитахъ). За то непремѣннымъ условіемъ ея выхода являются различныя формы разрыва пластовъ (сбросы, дислокаціи и пр.), благодаря которымъ нефть можетъ выступать въ верхніе горизонты.

Произведенныя буренія и пробная добыча нефти показали, что нефть на Ухтѣ обладаетъ очень цѣнными качествами, а огромный районъ нефтеносныхъ земель (около 800.000 десятинъ) говоритъ о неисчерпаемыхъ ея запасахъ, ожидающихъ предпринимателей.

Несмотря на это полное почти отсутствіе удобныхъ путей, пустынность и безплодность страны не даетъ пока возможности приступить къ правильной эксплоатаціи скрытыхъ въ нѣдрахъ земли богатствъ.

Во всякомъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что съ того дня, какъ желѣзныя дороги или каналы свяжутъ районы сѣверныхъ будущихъ горныхъ промысловъ съ центромъ Россіи, ликъ сѣвера быстро начнетъ измѣняться.

Разнообразіе занятій и промысловъ, которыми принужденъ поддерживать свою жизнь сѣверный крестьянинъ, рыболовъ и охотникъ, землепашецъ и кустарь, сдѣлало его предпріимчивымъ и подвижнымъ.

---

[1]) Впрочемъ ухтенская нефть далеко не всегда связана съ тѣми битуминозными сланцами, которыя носятъ упомянутое выше названіе „доманика“.

Промысловая избушка въ Архангельской губ.

Фот. *Лейцингера.*

Отсутствіе въ прошломъ въ этой области крѣпостного рабства сказывается въ высокомъ развитіи чувства собственнаго достоинства, честности и порядочности; а сравнительно высокая зажиточность и привычка сознательно относится къ своимъ убѣжденіямъ (въ отстаиваніи старой вѣры или иного избраннаго толка) порождають въ населеніи стремленіе къ просвѣщенію, знанію, грамотности большое количество самоучекъ, обученіе грамотѣ домашнимъ „кустарнымъ“ образомъ тамъ, гдѣ правильная школа недоступна.

Тѣ же черты большей культурности, зажиточности и развитія обнаруживаются и во внѣшнемъ видѣ самого крестьянина и его дома. Прежде всего онъ болѣе опрятенъ, чѣмъ крестьянинъ средней полосы, любитъ опрятную одежду. Чистота тѣла поддерживается частою баней. Бани существуютъ подлѣ каждаго крестьянскаго дома и, благодаря дешевизнѣ дровъ, топятся очень часто. Обиліе и дешевизна лѣса сказываются на типѣ крестьянскихъ построекъ. Всѣ онѣ строятся просторно, прочно и основательно. Ясно видно, что здѣсь лѣса не жалѣютъ.

Крестьянскій сѣверный домъ совершенно не похожъ на убогую избу среднерусскаго и степного великорусса. Это почти всегда очень большое, двухэтажное строеніе съ большимъ количествомъ оконъ съ нѣсколькими жилыми комнатами (называемыхъ клѣтями), съ кладовыми, чуланами, просторными сѣнями и лѣстницами.

Очень часто кромѣ жилыхъ комнатъ домъ можетъ щегольнуть комнатами для гостей, съ городской мебелью, занавѣсками на окнахъ, цвѣтами на подоконникахъ, креслами, диванами и тяжелыми рѣзными стульями по стѣнамъ.

Величина дома возрастаетъ еще оттого, что подъ его крышей въ общемъ срубѣ помѣщается также и скотный дворъ, при чемъ зимой скотъ переводится во второй этажъ, гдѣ онъ стоитъ „на повѣти“, въ обширномъ помѣщеніи позади обширныхъ комнатъ дома. Этотъ обычай находится очевидно въ связи съ необходимостью беречь животныхъ отъ слишкомъ сильныхъ зимнихъ морозовъ. Для того, чтобы скотъ могъ подниматься наверхъ и спускаться съ повѣти на землю, служитъ широкій и пологій бревенчатый сходень сбѣгающій позади дома на задворки.

Кромѣ помѣщенія для скота повѣть содержитъ также клади для земледѣльческихъ орудій, всего хозяйственнаго скарба, который неудобно держать въ комнатахъ. Здѣсь же можно найти и нѣкоторое подобіе примитивнаго теплаго отхожаго мѣста.

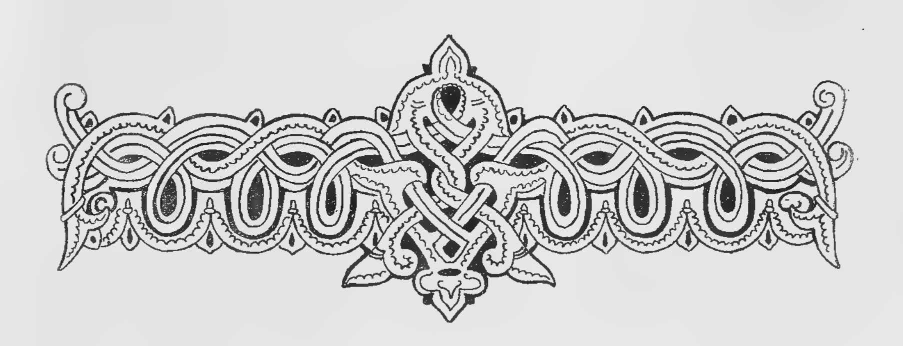
Характернымъ для обѣихъ сѣверныхъ губерній является отсутствіе здѣсь помѣстнаго дворянства, почему земство Вологодской губерніи является въ значительной степени земствомъ крестьянскимъ, какъ и всѣмъ извѣстное земство вятское. Еще болѣе крестьянскимъ предстоитъ стать земству въ Архангельской губерніи, когда оно тамъ, наконецъ, будетъ введено.

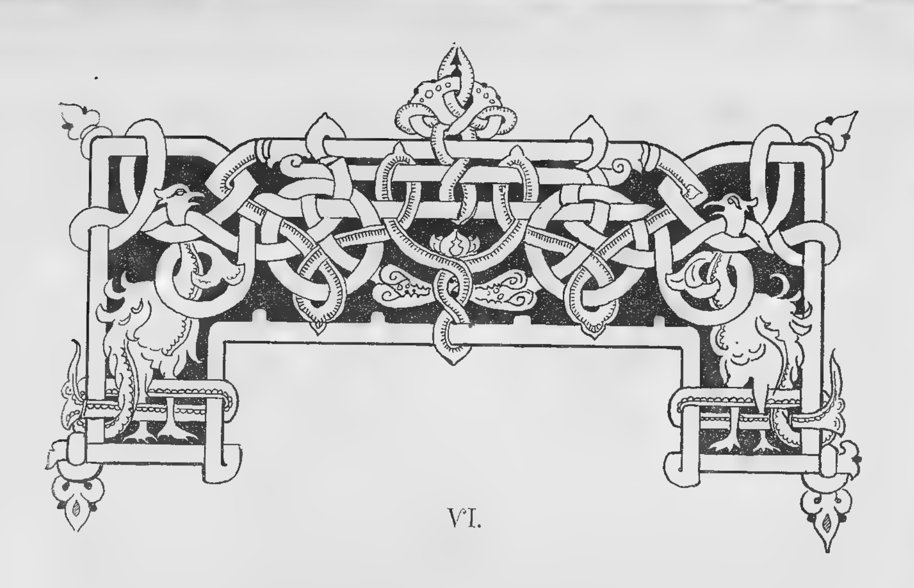
Предпріимчивость, подвижность и самостоятельность сѣвернаго крестьянства дѣлаетъ его, во всякомъ случаѣ, хорошо приспособленнымъ для успѣшнаго веденіе земскихъ дѣлъ. Способность къ самоуправленію мѣстнаго населенія сказывается хотя бы въ быстромъ развитіи всякаго рода кооперативныхъ учрежденій. Въ одной Архангельской губерніи къ 1912 году насчитывалось ихъ уже свыше 70 (при чемъ потребительныхъ обществъ 43, остальныя кредитныя и ссудо—сберегательныя). Въ Вологодской губерніи кромѣ учрежденій этого типа быстро растутъ маслодѣлательныя артели, которыхъ еще въ 1910 году насчитывалось 86.

Введеніе правильнаго самоуправленія является теперь тѣмъ необходимѣе, что сѣверъ стоитъ на порогѣ несомнѣннаго экономическаго подъема и все то, что способствуетъ ему, развитіе путей сообщенія, народнаго образованія и изученіе физическихъ условій края стоитъ въ прямой зависимости отъ того, насколько быстро мертвая бюрократическая опека здѣсь замѣнится заботливостью самаго заинтересованнаго населенія.

Изъ инородческихъ племенъ, населяющихъ лѣсной сѣверъ, мы остановимся лишь на зырянахъ и вотякахъ. Послѣдніе живутъ въ Вятской губерніи, которой здѣсь мы только касаемся. Вотяки, населяющіе лѣсную часть Вятской губерніи, такъ близко примыкаютъ къ зырянамъ, что объ нихъ умѣстно будетъ разсказать въ связи съ описаніемъ сѣвернаго края. Что касается населяющихъ Вятскую губернію татаръ, черемисъ, тяптерей, башкиръ, бесермянъ, то объ нихъ говорится въ главахъ, посвященныхъ поволожскимъ инородцамъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь также корелъ, живущихъ въ Обонежьи къ западу отъ Бѣлаго моря, лопарей и самоѣдовъ, описанiе которыхъ входитъ въ другiе отдѣлы этого изданiя, и переходимъ къ описанiю зырянъ и близко родственныхъ имъ вотяковъ, населяющихъ лѣсную часть Вятской губернiи.





VI.

ЗЫРЯНЕ

Самыми значительными племенами послѣ великоруссовъ въ Вологодской, Архангельской и Вятской губерніяхъ являются зыряне и вотяки.

Что касается численности зырянъ, то ихъ считаютъ до 300 тыс. Однако точный учетъ ихъ является невозможнымъ уже и потому, что, населяя наиболѣе глухія и пустынныя части обѣихъ сѣверныхъ губерній, они съ трудомъ поддаются точной регистраціи. Кромѣ того тамъ, гдѣ они живутъ рядомъ съ русскими, очень нелегко провести рѣзкую границу между той и другой народностью.

Долгое совмѣстное и мирное существованіе въ одинаковыхъ природныхъ условіяхъ, общая религія, принятая зырянами отъ русскаго народа, многочисленныя формы сношеній общественныхъ, административныхъ, торговыхъ, наконецъ, земельный и лѣсной просторъ сдѣлали то, что оба племени не только сблизились, не только совершенно мирно уживались, разселяясь вперемежку по однимъ и тѣмъ же рѣкамъ, въ однихъ и тѣхъ же лѣсахъ, но и совершенно свободно роднились, смѣшивая въ прочныхъ семейныхъ союзахъ разнородную кровь двухъ расъ.

Здѣсь изстари шло медленное, но неудержимое обрусеніе, со-

провождавшееся распространеніемъ русскихъ вѣрованій, обычаевъ, языка, одежды и самаго быта въ предѣлахъ зырянскаго племени.

Обрусеніе это шло тѣмъ успѣшнѣе и прочнѣе, что совершалось свободно безъ всякаго систематическаго національнаго насилія надъ болѣе слабымъ народомъ.

Конечно, за нѣсколько вѣковъ этого медленнаго обрусенія не могло не быть столкновеній между обѣими народностями, но эти столкновенія носили скорѣе взаимный сосѣдскій характеръ и не были проявленіемъ сознательной національной вражды.

Замѣчательно, какъ легко уступили зыряне проповѣди христіанства, приведшей ихъ къ религіозному сліянію съ русскими. Могло это случиться только потому, что уже до этого взаимное сліяніе было подготовлено многовѣковымъ знакомствомъ, постоянными сношеніями и тѣмъ несомнѣннымъ колонизаторскимъ даромъ, которымъ въ такой высокой степени обладали новгородцы.

Конечно, религіозное сліяніе это совершилось не безъ сопротивленія. Выраженіемъ его являлась хотя бы та борьба, которую пришлось вести Св. Стефану Пермскому съ главнымъ зырянскимъ „волхвомъ“ Паномъ или Памомъ.

Несомнѣнно, сопротивленіе древняго культа было вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніемъ отстоять свою племенную обособленность. Въ этой борьбѣ вожди стараго культа опирались также и на политическое недовольство Москвой, на административный и бюрократическій гнетъ, который болѣзненно чувствовался вольнымъ лѣснымъ народомъ. Изъ лѣтописи этой религіозной сѣверной эпопеи XIV вѣка мы узнаемъ о томъ, какими доводами пользовались эти старые вожди во главѣ съ Паномъ, чтобы возстановить свое племя противъ Св. Стефана и его проповѣди. Они указывали, что это новая вѣра идетъ изъ Москвы, а „отъ Москвы можетъ ли что добро быть намъ? Не оттуда ли тяжести намъ быша и дани тяжкія и насильства, и тивуны и доводчики и приставницы“?..

Но эти же тяготы и дани и приставницы, такъ же или еще сильнѣе, чувствовались въ то время и коренною Русью и русскими сѣверными поселенцами, потомками сыновъ Великаго Новгорода.

Вотъ почему насильство московское не помѣшало совершится племенному сліянію на значительномъ пространствѣ, гдѣ русское племя жило рядомъ съ зырянскимъ.

Во время Стефана Пермскаго Устюгъ-Великій былъ еще зырянскимъ городомъ, и на его улицахъ звучала зырянская рѣчь также громко, какъ теперь на улицахъ Усть-Сысольска. Было время, когда эта рѣчь раздавалась по всей Двинѣ и Вологдѣ. Теперь зырянское племя отодвинулось къ востоку на нѣсколько сотъ верстъ по теченію Вычегды и въ самыхъ отдаленныхъ зырянскихъ поселеніяхъ можно найти людей, которые говорятъ или по крайней мѣрѣ понимаютъ по русски.

Вездѣ въ русскихъ деревняхъ, въ области прежняго распространенія зырянскаго племени, можно встрѣтить людей съ замѣтно выраженными финскими чертами. Съ другой стороны, въ чисто зырянскихъ селеніяхъ вплоть до верховьевъ Вычегды и Печоры встрѣчаются совершенно русскія лица, которыхъ въ голову не пришло бы считать за зырянъ, если бы не говоръ.

Все это указываетъ на глубокое, издавно идущее смѣшеніе племенъ, которыя теперь легче раздѣляются лингвистически, чѣмъ этнографически.

Однако о зырянахъ нельзя говорить, какъ объ угасающемъ или исчезающемъ племени. Во всей восточной половинѣ Вологодской и Архангельской губерніи они до сихъ поръ занимаютъ преобладающее положеніе, сохраняютъ свой языкъ, владѣютъ промыслами и торговлей и подчиняютъ себѣ экономически болѣе слабые народности вродѣ самоѣдовъ.

Въ городѣ Усть-Сысольскѣ почти все населеніе, за исключеніемъ администраціи и ссыльныхъ, говоритъ по зырянски, на улицѣ далеко не всякій прохожій отвѣтитъ вамъ, если вы обратитесь къ нему по русски. Населеніе зырянскихъ селъ и деревень имѣетъ бодрый и цвѣтущій видъ, крѣпкіе большіе дома, видимое житейское довольство и множество бѣлоголовыхъ дѣтей, бросающихся въ глаза своей многочисленностью.

Зырянскія селенія быстро разрастаются. Села по большимъ рѣкамъ раскидываются на огромное разстояніе и переполнены людьми, принимая иногда характеръ маленькихъ деревянныхъ городковъ. Тамъ, гдѣ на подробныхъ картахъ помѣчены были лѣтъ 30 тому назадъ отдѣльные дворы поселенцевъ, теперь обнаруживаются цѣлыя деревни. Зырянскіе скупщики и торговцы проникаютъ на своихъ длинныхъ и узкихъ ладьяхъ въ самые глухіе углы нашего Сѣверо-

востока со своими товарами, водкой и предательскимъ кредитомъ.

Можно говорить поэтому о продолжающемся сліяніи энергичнаго зырянскаго племени съ русскимъ (особенно на западѣ), но нельзя утверждать, что это племя исчезающее. Роль зырянъ во всякомъ случаѣ еще не окончена, и хотя вѣроятно, что когда нибудь они совершенно сольются съ русскими и перестанутъ говорить на своемъ языкѣ, но это случится безъ сомнѣнія еще очень не скоро. А до тѣхъ поръ зырянамъ предстоитъ сыграть очень большую роль въ заселеніи нашего лѣсного сѣвера и въ превращеніи его глухихъ дебрей въ обиталища осѣдлаго населенія.

Въ настоящее время зыряне заселяютъ всю восточную половину Вологодской и Архангельской губерній. Въ Вологодской занимаютъ они почти весь Усть-Сысольскій уѣздъ и большую часть Яренскаго, въ Архангельской губ. смежныя части Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ.

Вмѣстѣ съ пермяками Пермской губ. и вотяками Вятской, зыряне составляютъ собственно одинъ народъ, говорящій почти однимъ и тѣмъ же языкомъ [1]). Особенно тѣсная связь существуетъ между зырянами и пермяками. И тѣ и другіе называютъ себя однимъ именемъ „коми“(—„коми мортъ“, когда говорятъ объ одномъ человѣкѣ и „коми войтыръ“, когда говорятъ о народѣ) [2]).

Языкъ зыряно-пермо-вотяцкаго племени принадлежитъ къ восточной группѣ финскихъ языковъ. Въ прежнее время, до прихода славянъ, весь русскій сѣверъ, значительная часть средней и восточной полосы русской равнины былъ населенъ народностью, говорившей на одномъ языкѣ и давшей начало современнымъ зырянамъ, вотякамъ и перми. Вѣроятно именно этотъ народъ называли славяне чудью, когда сталкивались съ нимъ на берегахъ малыхъ и большихъ рѣкъ, устраивая свои новые поселки. Этому же народу обязаны мы на-

---

[1]) Языкъ собственно зырянъ насчитываетъ нѣсколько говоровъ, изъ которыхъ особенно отличается ижемскій. Нарѣчія пермяковъ и особенно вотяковъ обособились еще больше, но тѣмъ не менѣе они явно берутъ свое начало отъ одного коренного говора, на которомъ говорилъ когда-то весь финскій сѣверъ.

[2]) Мортъ—человѣкъ, вой—сѣверъ, ночь, тыръ—наполняющій, населяющій, Коми—имя, которое нѣкоторые производятъ отъ имени великаго притока Волги и думаютъ въ этомъ найти указаніе на то, что народъ Коми раньше обиталъ южнѣе и только позднѣе передвинулся изъ бассейна Камы въ болѣе сѣверные области.

званіями нашихъ рѣкъ и урочищъ во всей средней, сѣверной и восточной Россіи.

Съ своей стороны, зырянскій языкъ принялъ въ себя множество корней и словъ чисто-русскихъ, впитавъ ихъ постепенно за время продолжительнаго сосѣдства съ русской народностью. Даже такія слова какъ „баба“, „мужикъ“ получили гражданство въ словоупотребленіи зырянъ и слышатся среди чисто-зырянской рѣчи. Русское утвержденіе „да“ очень часто употребляется зырянами, многіе термины религіозныхъ или церковныхъ понятій (душа, святой) оказались непереведенными, а принятыми безъ измѣненія въ языкъ зырянъ.

Но, конечно, вліяніе русской культуры сказалось не въ одномъ языкѣ. Болѣе того, весь обиходъ повседневной зырянской жизни носитъ слѣды этого вліянія въ гораздо большей степени, чѣмъ языкъ.

Зырянскій домъ это тотъ же домъ, что строитъ себѣ и русскій архангельскій и вологодскій крестьянинъ. Онъ сооруженъ изъ вольнаго лѣса, большой, двухъэтажный съ большимъ количествомъ комнатъ, клѣтей и кладовокъ. Точно такъ же, какъ и у русскихъ, въ общемъ срубѣ съ домомъ находится большая крытая „повѣть“, нѣчто вродѣ теплаго зимняго двора, гдѣ зимой ставится скотъ и вся домашняя живность, а лѣтомъ берегутся земледѣльческія орудія, колеса, сани, лишнія телѣги и прочее. Тутъ же обыкновенно помѣщаются массивныя долбленыя деревянныя ступы для ручного размалыванія зерна, съ массивнымъ, часто окованнымъ на концѣ желѣзомъ тяжелымъ пестомъ. Такой же бревенчатый широкій сходень для спуска скота и экипажей ведетъ съ повѣти внизъ на задворки.

Жилой частью дома являются собственно горницы во второмъ этажѣ. Внизу живутъ мало и только лѣтомъ, такъ какъ верхній этажъ считается теплымъ. По той же причинѣ и скотъ держится внизу подъ повѣтью только лѣтомъ, осенью и весной, а въ холодные зимніе мѣсяцы убирается наверхъ. Горницы второго этажа дѣлятся на двѣ половины, часто раздѣляемыя сѣнями. Въ одной помѣщается обширная русская печь, лавки по стѣнамъ, столъ, на которомъ обѣдаютъ, и полати. Въ другой находятся чистыя комнаты для гостей, у зажиточныхъ зырянъ снабженныя городскою мебелью, диванами креслами, шкафами. Тамъ обѣдаютъ, когда принимаютъ почетныхъ гостей. Въ очень богатыхъ домахъ тамъ спятъ хозяева или хозяйскіе дѣти, предоставляя другую половину работникамъ и работницамъ

Передъ домомъ помѣщаются разныя хозяйственныя постройки: овинъ и кладовки, часто особой причудливой формы на столбахъ или одной крѣпкой и толстой подставкѣ. Позади дома обыкновенно на порядочномъ разстояніи отъ него, помѣщается баня, „пывзянъ“, играющая вообще большую роль въ обиходѣ зырянъ. Въ лѣтнее время въ банѣ всѣ парятся каждый день, да и зимой она почти никогда не стоитъ даромъ. Баня имѣетъ видъ маленькой черной избушки безъ трубы, съ однимъ крошечнымъ окошечкомъ и съ низкою дверью. Топится баня по черному, дымъ выходитъ въ дверь, и потому всѣ стѣны и потолокъ черны отъ сажи. Въ банѣ одинъ уголъ занимаетъ небольшая каменная печка, а между печкой и стѣной самое жаркое мѣсто или „полокъ“. По двумъ стѣнамъ идутъ лавки, которыя всегда чисто моются передъ баней. Баню топятъ женщины, и когда баня готова, хозяйки скликаютъ въ баню всѣхъ домочадцевъ. Сначала парятся дѣти и молодежь, потомъ взрослые мужчины и, наконецъ, взрослыя женщины. Одежда остается передъ баней, и выпарившіеся бѣгутъ домой почти неодѣтые, въ одной рубахѣ, даже и въ зимніе морозы. Частому паренью зыряне приписываютъ огромное значеніе для здоровья, а въ лѣтнее время, когда тѣло въ продолженіе дня подвергалось ожесточеннымъ нападеніямъ несмѣтныхъ тучъ комаровъ, мухъ, мошкары и другихъ кусающихся насѣкомыхъ, нѣтъ, какъ говорятъ, лучшаго средства избавиться отъ нестерпимаго зуда, какъ жаркая баня и березовый вѣникъ. Баня предписывается обычаемъ при простудѣ и въ цѣломъ рядѣ разныхъ болѣзней, въ банѣ происходятъ роды у женщинъ, и новорожденный вмѣстѣ съ роженицей живутъ первые дни непремѣнно въ банѣ. Даже во время зимней охоты стремятся устраивать себѣ паренье и, натопивъ пожарче свою промысловую избушку, предаются своему излюбленному удовольствію, несмотря на трескучій морозъ, который царитъ за дверью. Вообще, зыряне производятъ впечатлѣніе сравнительно чистоплотнаго народа. Дѣти ихъ часто бываютъ одѣты плохо, лѣтомъ бѣгаютъ иной разъ въ рваныхъ рубахахъ, но эта прорванная одеженка всегда бываетъ чисто вымыта или выполощена.

Одежда зырянъ мужчинъ почти не отличается отъ русской. Богатые одѣваются теперь по городски, солдаты, вернувшіеся изъ военной службы, любятъ разодѣться въ праздникъ по послѣдней модѣ петербургскаго или московскаго щеголя мастерового.

Только охотничій нарядъ зырянина носитъ болѣе самобытныя черты. Поверхъ теплой куртки или короткаго кафтана надѣваютъ они нѣчто вродѣ кожанаго жилета или безрукавки, составляющаго главную принадлежность ихъ охотничьяго убранства. Это т. н. „лузанъ“.

Сзади ремнями прикручивается что то вродѣ сумки, къ которой прикрѣпляется топоръ и разныя другія вещи. Кожанный поясъ стягиваетъ безрукавку и служитъ для привѣшиванія ножа, трубки, патроновъ, пороховницы и другихъ мелкихъ предметовъ. На шею на ремешкѣ или крѣпкой веревкѣ надѣвается, какъ медальонъ, деревянная архангельская „матка“, т. е. компасъ[1]). Обширная передняя и задняя пазуха лузана служатъ для храненія хлѣба, солонки и цѣлаго ряда необходимыхъ въ пути мелочей. Туда также засовываются только что снятыя на охотѣ шкурки звѣрей и всякая мелкая добыча.

Женскіе костюмы мало чѣмъ отличаются отъ русской крестьянской одежды. Богатыя зырянки заказываютъ себѣ платья по городской модѣ, и мнѣ самому пришлось видѣть въ праздникъ такую зырянскую даму въ одной изъ самыхъ глухихъ зырянскихъ деревенекъ— въ деревнѣ „Канавѣ“ близъ Стараго Екатериненскаго канала, теперь заброшеннаго, но продолжающаго служить зырянскимъ лодкамъ. Богатыя ижемскія зырянки наряжаются по праздникамъ въ платья по послѣдней модѣ, часто изъ очень дорогихъ матерій (шелка, бархата, драпа), а на ноги считается особымъ щегольствомъ одѣвать блестящія резиновыя галоши и непремѣнно въ сухую погоду. Ижемцы мужчины также отличаются щегольствомъ и носятъ пиджаки, штиблеты („камаши“), а на голову надѣваютъ черные котелки. Зимой однако щегольство поневолѣ исчезаетъ, одѣваются всѣ потеплѣе въ оленьи мѣха, въ одежду того покроя, который вообще принятъ на сѣверѣ.

Вообще домашній обиходъ зырянъ мало чѣмъ отличается отъ русскаго. Можно отмѣтить однако, что зыряне живутъ гораздо большими поселеніями, чѣмъ русскіе. Трудно найти среди русскихъ такія большія села, какъ у зырянъ, по р. Вычегдѣ, по Ижмѣ и верхней Печорѣ.

---

[1]) Матка состоитъ изъ деревянной полукруглой чашечки, закрытой стекломъ, и обыкновенно обшитой кожей. Къ магнитной иглѣ приклеивается картонный дискъ съ обозначеніемъ сторонъ свѣта, такъ что вращеніе иглы происходитъ вмѣстѣ съ показательнымъ лимбомъ. Крѣпкіе ремни пришиваются къ кожанной обшивкѣ и часто къ самому лузану, такъ что потерять „матку“ очень трудно.

Всѣ зыряне имѣютъ поля и сѣютъ рожь, ячмень и овесъ. Любимымъ хлѣбомъ является ячменный, любятъ дѣлать разныя кушанья изъ ячменной муки. Своего хлѣба, благодаря малой урожайности сѣверныхъ полей, далеко не хватаетъ. Приходится прикупать, а въ глухихъ мѣстахъ, особенно по Печорѣ, очень обычны примѣшиванія къ мукѣ всевозможныхъ примѣсей вродѣ лебеды, толченой сосновой коры и пр. Замѣчательно также, что Чердынь сбываетъ зырянамъ значительное количество рису, который въ послѣднее время входитъ у нихъ въ употребленіе, вытѣсняетъ гречневую крупу и варится въ видѣ похлебки или размазни. Воздѣлываютъ хлѣбъ зыряне орудіями, заимствованными у русскихъ: мы видимъ ту же соху, борону первобытнаго устройства, ничѣмъ не отличающуюся отъ орудій вологодскаго крестьянства. На западѣ той области, которую занимаютъ зыряне, обыкновенно въ ходу то же русское трехполье. На востокѣ и на сѣверѣ все чаще приходится наблюдать лядное хозяйство *), и нерѣдко лѣтомъ путникъ встрѣчаетъ стелющіеся надъ лѣсомъ клубы дыма, восходящаго цѣлыми тучами надъ тѣми лѣсными участками, которые выжигаются подъ пашню. Впрочемъ, какъ трехполье, такъ и лядная система одинакова у зырянъ и у русскихъ и возможна только, благодаря рѣдкости населенія и обилію лѣса.

Обработка ляднаго поля тяжела, но даетъ при благопріятномъ лѣтѣ порядочные урожаи. Уборка хлѣба, его молотьба и бороненіе, а кое гдѣ даже и пахота совершаются въ значительной мѣрѣ руками женщинъ.

То же самое можно сказать про косьбу сѣна, которая производится горбушами, короткими косами вродѣ большихъ серповъ. Горбушами можно работать только согнувшись.

Зыряне почти вездѣ держатъ довольно много скота, который благодаря обилію превосходныхъ береговыхъ луговъ прокармливается безъ особаго труда. Даже бѣдные зыряне часто держатъ по нѣскольку лошадей. Во многихъ селеніяхъ лошади до недавняго времени лѣтомъ употреблялись только для полевыхъ работъ, такъ какъ дорогъ почти не было, и сообщеніе поддерживалось только водой[1]. И теперь еще существуютъ мѣста, гдѣ на лошадяхъ ѣздятъ только зимой и

*) Лядь—выжженый и выкорчеванный для посѣва участокъ лѣса.

[1] Теперь Вологодское Земство очень заботится о проведеніи хорошихъ грунтовыхъ дорогъ, дѣлая въ нужныхъ мѣстахъ и песчаныя насыпи.

не держатъ телѣгъ, потому что ихъ нѣтъ возможности употреблять. Досчатый или долбленый челнокъ для людей и узкая длинная зырянская барка для тяжелыхъ грузовъ служатъ здѣсь для сообщенія, а если нужно что нибудь провести къ дому по суху на небольшое разстояніе въ окрестностяхъ деревни, то или навьючиваютъ тяжесть на спину лошадямъ или кладутъ на сани и заставляютъ лошадь волочить ихъ за собой по бездорожной болотистой почвѣ.

За то зимой, когда устанавливается санный путь, длинные обозы скрипятъ и тамъ, гдѣ лѣтомъ не было проѣзда. Въ это время предпріимчивые скупщики мѣховъ проникаютъ въ самыя глухіе уголки и возвращаются съ товаромъ на Чердынь, главный центръ торговли съ печорскими и верхневычегодскими зырянами.

Сравнительно много держатъ зыряне коровъ и овецъ. Зырянскій скотъ сильно отличается отъ скота западной половины Вологодской и Архангельской губ. Здѣсь почему то исключительно разводится „комолая" т. е. безрогая порода и коровъ и овецъ, отличающаяся повидимому большою выносливостью при суровыхъ условіяхъ сѣверныхъ зимъ.

Куръ и вообще домашнихъ птицъ зыряне держатъ очень мало, равно какъ и свиней, которые при обиліи всякихъ животныхъ остатковъ могли бы отлично выкармливаться здѣсь.

Очень важною основою питанія, а на Печорѣ можетъ быть главною, является рыба, которая ловится всюду въ огромномъ количествѣ.

Всѣ зырянскіе поселенія стоятъ по рѣчнымъ берегамъ. Вездѣ по большимъ и малымъ рѣкамъ идетъ постоянная ловля, ради которой налаживается безчисленное множество хитроумныхъ снастей и снарядовъ, сѣтей и ловушекъ. Къ сожалѣнію очень часто этотъ ловъ ведется хищническимъ способомъ, вредно отражающимся на количествѣ рыбы. Особенно относится это къ небольшимъ рѣчкамъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ перегораживаются поперекъ рыболовными заборами или заколами. Въ заборахъ оставляютъ лишь узкія воротца, закрываемыя сѣтью или ловушкой. Благодаря заборамъ, вся рыба, зашедшая въ эти мелкіе притоки весной во время половодья, съ успѣхомъ вычерпывается потомъ въ теченіе лѣта. Еслибъ не изумительныя рыбныя богатства сѣверныхъ рѣкъ и озеръ, не поразитель-

ное множество рѣкъ, ручьевъ и притоковъ и не крайняя рѣдкость населенія, рыбное изобиліе сѣвера давно стало бы только далекимъ воспоминаніемъ.

Какъ бы то ни было, большое разнообразіе всякаго мяса птичьяго, рыбнаго, звѣринаго дѣлаютъ недостатокъ хлѣба менѣе ощутительнымъ. Можно пожалуй сказать, что рыба это и есть настоящій хлѣбъ зырянъ. Точно такъ же, какъ и вездѣ на нашемъ сѣверѣ, здѣсь въ обычаѣ ѣсть проквашенную, „кислую", т. е. полежавшую рыбу, которая пріобрѣла уже сильный непріятный запахъ. Впрочемъ, на Печорѣ такую же роль играютъ, кромѣ рыбы, вяленыя и соленыя куропатки, а также и вяленая оленина.

Въ большомъ ходу ячневые пироги часто съ запеченной въ нихъ рыбой („чери—нянъ"), при чемъ рыба запекается прямо со всей чешуей. Ѣдятъ также щи съ ячневымъ зерномъ, кушанья съ черемуховыми ягодами, ячневыя зерна, сваренныя въ сывороткѣ („евва—шидъ"). Изъ напитковъ пьютъ квасъ („ыроисъ") и пиво („суръ"). Любятъ также и чай, при чемъ въ глухихъ мѣстахъ, на средней Печорѣ напримѣръ, недостатокъ чая пополняется разными суррогатами: толченымъ грибнымъ наростомъ березовой коры, который заваривается или пополамъ съ чаемъ, или даже чистый, когда чай весь выйдетъ.

Водку пьютъ по праздникамъ и иногда очень безудержно, но въ будни пьяныхъ обыкновенно не видно. Во хмелю зыряне очень непріятны, несдержаны и вспыльчивы. Пьяныя ссоры доходятъ не рѣдко до ножей. Нужно замѣтить при этомъ, что ижемцы-старовѣры водки почти не пьютъ вовсе.

Если домъ, земля и вообще хозяйство лежитъ на обязанности женщины, рыбные и звѣриные промыслы составляютъ заботу мужчинъ. Особенно важнымъ для заработка является лѣсованье, т. е. охота на пушного звѣря, которая занимаетъ почти всю зиму. На лѣсованье зыряне отправляются артелями въ 4, 5, 6 человѣкъ.

Каждый идетъ большею частью со своей собакой и тащитъ длинныя узкія зырянскія нарты, которыя рѣзко отличаются отъ самоѣдскихъ тѣмъ, что онѣ значительно ниже, длиннѣе и уже. Они очень легки и предназначены не для ѣзды, а для клади. Нарту ведутъ за собой за веревку. Къ нартѣ, пока не выпалъ снѣгъ, привязываются лыжи, теплая одежда и вся не хитрая походная утварь.

Походъ начинается уже со второй половины августа и продолжается до Рождества. Числа около 20 декабря охотники возвращаются съ добычей въ деревню, продаютъ снятыя шкурки купцамъ и скупщикамъ и отдыхаютъ до Крещенья. Восьмого января снова идутъ въ лѣсъ, и второй охотничій сезонъ тянется до 25 марта и кончается, какъ и первый, возвращеніемъ въ деревню и распродажей добычи.

На охотѣ каждая партія ведетъ бродячій образъ жизни, оставаясь не болѣе недѣли на одномъ и томъ же мѣстѣ. Мѣстами остановокъ служатъ или маленькія курныя промысловыя избушки, или вновь устраиваемыя пристанища самаго первобытнаго свойства. Роется въ снѣгу четырехугольная яма [1]), наскоро наметываются стѣны изъ тутъ же сваленныхъ деревьевъ, сверху кроется крыша изъ жердей и бересты, и для тепла стѣны и крыша заваливаются слоемъ снѣга. Полъ укладывается также хворостомъ и берестой и устилается оленьими шкурами, служащими постелями охотниковъ. Въ такомъ помѣщеніи зыряне ухитряются получать довольно много тепла, внося туда „жаръ“, т.-е. горячія уголья отъ костра, которые сохраняются въ распиленной вдоль и выдолбленной колодѣ, закрытой въ видѣ гроба. Для охоты зырянину служитъ ружье, иногда самаго стариннаго самодѣльнаго склада, шомпольное съ неуклюжимъ замкомъ и иногда кремневымъ запаломъ. Впрочемъ, такія ружья теперь почти вышли изъ употребленія. Ихъ замѣнили централки новыхъ системъ и передѣланныя изъ старыхъ солдатскихъ „берданокъ“ дробовыя ружья малаго калибра.

Но ружье отнюдь не единственное орудіе зырянскаго охотника. Онъ вообще стрѣляетъ не часто, только когда можно бить навѣрняка, стрѣляетъ по сидячей птицѣ, по лежачему звѣрю и до крайности бережетъ и дробь и порохъ. Зырянинъ любитъ стрѣлять съ подпорокъ, и даже плывущая водяная птица составляетъ для него часто трудную цѣль, хотя говорятъ, что среди зырянъ встрѣчаются и хорошіе стрѣлки.

За то зырянскій охотникъ великій мастеръ ставить всевозможные силки, ловушки и западни, часто очень остроумнаго устройства.

---

[1]) Для рытья употребляется особый инструментъ, представляющій толстую палку, на одномъ концѣ котораго имѣется желѣзная лопатка, а на другомъ наконечникъ вродѣ копья, т. н. „бодокъ“.

Зыряне съ Печоры.

Множество такихъ ловушекъ было описано Ф. А. Арсеньевымъ въ его книжкѣ „Зыряне и ихъ охотничьи промыслы“ (1873 г.).

Неизмѣннымъ товарищемъ зырянина въ его лѣсной жизни является его собака, остроухая зырянская лайка. Эта умная собачья порода, годная и для охоты и для сторожевой службы, отличается ровнымъ неторопливымъ характеромъ и большою выносливостью.

Въ деревнѣ ли, около дома или при встрѣчѣ на охотѣ, она никогда не бросается зря и не лаетъ попусту. За то по ея лаю въ лѣсу охотникъ сразу узнаетъ, что открыла она въ глубинѣ чащи: глухаря ли, бѣлку на суку или свѣжій слѣдъ зайца на снѣгу подъ деревьями. Еще болѣе необходимой принадлежностью охотника служатъ лыжи, безъ которыхъ ходьба по лѣсу была бы совершенно невозможна. Зырянскія лыжи очень легки, не больше сажени въ длину и 4 вершка въ ширину. Онѣ дѣлаются изъ тонкихъ еловыхъ досокъ, спереди загнуты вверхъ и снизу обшиты оленьимъ мѣхомъ шерстью назадъ, такъ что при движеньи впередъ лыжа скользитъ свободно, а при осаживаніи при поднятіи по склону шерсть топорщится и задерживаетъ лыжу. На лыжахъ зырянинъ ходитъ уже не въ сапогахъ, а въ особыхъ легкихъ „обуткахъ“ вродѣ башмаковъ, натянутыхъ на плотно прикрученныя къ ногѣ онучи.

Насколько важную роль въ заработкѣ зырянъ играетъ лѣсованіе, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, добытыхъ мною опроснымъ путемъ въ одной изъ зырянскихъ деревень бассейна р. Вычегды. На душу приходится въ годъ въ среднемъ отъ 50 до 60 убитыхъ зайцевъ (средняя цѣна за шкурку 20 коп.), бѣличьихъ шкурокъ отъ 50 до 80 (по 25 коп.), куницъ 5—15 (по 14 и 15 руб.), выдръ отъ 1 до 4 (по 15 или 16 руб.), лисицъ отъ 10 до 15 шкуръ (по 10 или 20 руб.), рысей отъ 1 до 5 штукъ (по 25—35 руб.), горностаевъ въ среднемъ шкурокъ по 20 (2—2½ руб.), норокъ 10—15 штукъ (2½—3 руб.), россомахъ—1—6 штука (по 10—18 руб.); рябчиковъ отъ 100—600 шт. (75 коп. за пару), глухарей, тетеревовъ, тетерекъ шт. до 500 (коп. по 60 за пару). Случается кромѣ того убивать иногда медвѣдей, лосей, дикихъ сѣверныхъ оленей, лебедей, волковъ. По самому скромному расчету на душу приходилось бы болѣе 700 рублей выручки, но это было бы такъ, если бы артели могли сбывать свою добычу непосредственно на рынокъ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Населеніе зырянскихъ селеній

дѣлится рѣзко на два слоя: капиталистовъ, скупщиковъ и торговцевъ съ одной стороны и ихъ вѣчныхъ батраковъ, живущихъ въ постоянной экономической зависимости отъ первыхъ.

Часто населеніе всей деревни находится въ рукахъ двухъ-трехъ богачей или чердынскихъ купцовъ, которые захватываютъ цѣлые округа. Съ осени скупщики и капиталисты являются въ деревню съ предложеніемъ щедраго кредита. Зыряне забираютъ въ домъ всѣ зимніе припасы для семьи и для себя, все что нужно имъ для охотничьяго снаряженія. Взамѣнъ этого, они обязуются всю добычу своей зимней охоты продавать только своему кредитору. Благодаря произвольной оцѣнкѣ отпущеннаго въ кредитъ товара и произвольнымъ цѣнамъ, по которымъ скупщики принимаютъ шкурки у такого кабальнаго охотника, долговыя обязательства не только не уменьшаются, но часто растутъ изъ года въ годъ.

При этомъ купецъ, снабжая осенью бѣдняка необходимымъ товаромъ, искренно мнитъ себя его благодѣтелемъ, а бѣднякъ считаетъ своей обязанностью работать на своего кредитора не за страхъ, а за совѣсть. Эта кабала становится тѣмъ безъисходнѣе, что скупщики старательно избѣгаютъ конкурировать другъ съ другомъ, и должникъ обыкновенно никому не сможетъ продать своего товара помимо заимодавца, потому что никто не согласится брать отъ него товаръ кромѣ его „хозяина“. Нарушившій это обычное право рискуетъ навсегда потерять кредитъ и поддержку со стороны капиталиста Такимъ образомъ львиная доля прибылей отъ охоты достается скупщикамъ, которые, если это мѣстные кулаки зыряне, понемногу перестаютъ лично принимать участіе въ охотѣ и съ головой уходятъ въ коммерческую дѣятельность купли и продажи.

Впрочемъ по обхожденію другъ съ другомъ трудно замѣтить разницу между хозяевами и закабаленными батраками. Въ характерѣ народа нѣтъ грубости и запальчивости, и обыкновенно между всѣми господствуетъ дружелюбное и мягкое обращеніе. Та же мягкость наблюдается и въ отношеніяхъ съ дѣтьми, съ женщинами и дѣвушками.

Когда говорятъ объ эксплуататорскихъ наклонностяхъ зырянъ то не надо забывать, что это относится не ко всему народу, а только къ опредѣленному слою его, кучкѣ зырянскихъ богатѣевъ и кулаковъ, отъ которыхъ страдаетъ прежде всего масса ихъ соплеменниковъ.

Что касается чужихъ, то сильнѣе всего попали въ кабалу зырянскихъ кулаковъ самоѣды. Купцы зыряне сумѣли такъ опутать ихъ долгами, что во многихъ случаяхъ самоѣдскія стада цѣликомъ перешли въ собственность зырянъ, вольные оленеводы превратились въ кочующихъ пастуховъ чужихъ стадъ и пасутъ теперь не собственныхъ оленей, а оленей своихъ „хозяевъ". Самоѣды здѣсь попадаютъ въ такую же кабалу отъ своихъ заимодавцевъ, какъ и масса ѣдныхъ зырянъ отъ своихъ богатыхъ односельчанъ [1]).

Между молодежью того и другого пола можно также наблюдать ласковое дружеское обращеніе, безъ того грубаго ухарскаго тона, которымъ, къ сожалѣнію, любитъ щегольнуть русская деревенская молодежь.

Впрочемъ, у ижемцевъ можно замѣтить довольно безучастное отношеніе къ дочерямъ, на которыхъ въ семьѣ глядятъ почти какъ на чужихъ людей, готовыхъ покинуть родной кровъ каждую минуту. Въ дѣвушкѣ видятъ работницу на будущую чужую мужнину семью. На эту работницу нужно тратиться, ее приходится долго кормить „безъ пользы", ею тяготятся. [2]) Ей предоставляютъ свободу и мало или вовсе о ней не заботятся.

Впрочемъ старовѣры ижемцы вообще выдаются среди зырянъ гораздо меньшей привѣтливостью, большею грубостью и суровостью въ обхожденіи. Недружелюбно относятся они и къ зырянамъ православнымъ, которые говорятъ про нихъ, что они „злые".

Къ своимъ гостямъ зыряне выказываютъ большое радушіе и гостепріимство. Гостя стараются получше угостить, предоставить ему покой и все лучшее, что есть въ домѣ. Ему первому предлагается баня. Взять деньги за ночлегъ и угощеніе съ проѣзжаго человѣка, считается зазорнымъ.

---

[1]) Замѣчательно, что на сѣверѣ часть зырянъ стала вести кочевой образъ жизни на подобіе самоѣдовъ, перенявъ ихъ бытъ, одежду, а кое гдѣ даже языкъ. Эти зыряне оленеводы стѣсняютъ коренныхъ самоѣдовъ, захватывая ихъ мѣста и кочевья.

[2]) Рожденіе дѣвочки въ семьѣ не приноситъ радости, ея смерть не вызываетъ сожалѣнія. Впрочемъ, вообще смерть маленькихъ дѣтей зыряне встрѣчаютъ совершенно холодно или даже съ облегченіемъ. Это не мудрено, такъ какъ беременность почти обычное состояніе замужней зырянской женщины, если сплошь и рядомъ встрѣчаются зырянки, у которыхъ было по 15, 18, 20 или даже больше дѣтей, изъ которыхъ выживаетъ обычно два, три, четыре человѣка, при чемъ большинство гибнетъ въ самомъ раннемъ возрастѣ.

Вообще въ обращеніи зыряне держать себя со всѣми съ большимъ достоинствомъ. Они ласковы съ дѣтьми, вѣжливы съ посторонними, не склонны къ безпричинной грубости. Только оскорбленный зырянинъ становится враждебнымъ и мстительнымъ и обыкновенно долго помнить и не прощаетъ чужую вину.

Къ хорошимъ чертамъ этого племени относится его смѣтливость, способность ко всякой выучкѣ, предпріимчивость, подвижность, работоспособность. Стремленіе къ грамотности, къ школѣ, ко всякому ученію замѣчается всѣми. Въ частности бывалые и предпріимчивые зырянскіе скупщики поражаютъ своей разносторонней развитостью и живымъ интересомъ, съ которымъ они распрашиваютъ знающихъ людей о самыхъ далекихъ отъ ихъ жизни и дѣятельности предметахъ *).

Принявъ христіанство, зыряне стали очень набожнымъ народомъ, что сказывается въ величинѣ и богатствѣ церквей, которыхъ въ большихъ селахъ бываетъ иногда по двѣ, по три рядомъ на одномъ погостѣ. Въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ церквей, строяться часовенки, на перекресткахъ деревянные кресты.

Помимо принятыхъ христіанскихъ вѣрованій, среди зырянъ живетъ вѣра во всевозможныхъ домовыхъ, лѣсныхъ, водяныхъ и другихъ духовъ, играющихъ важную роль въ мѣстномъ житейскомъ обиходѣ. Духи эти, живущіе бокъ о бокъ съ зыряниномъ, заставляютъ его постоянно ждать того или иного вмѣшательства въ его жизнь и потому въ условіи первобытной мѣстной обстановки пріобрѣтаютъ въ помыслахъ и представленіяхъ зырянъ значительную яркость. Зыряне вѣрятъ въ домового, добраго духа дома, котораго представляютъ себѣ въ видѣ маленькаго мохнатаго существа или добраго сѣренькаго старичка. Это духъ покровитель, хотя иногда довольно безпокойный, такъ какъ ночные кошмары дѣло его рукъ. Впрочемъ, тяжелый сонъ—не просто сонъ непріятный. Это всегда предсказаніе, видѣніе къ добру или худу, предупрежденіе о близкой бѣдѣ, смерти, пожарѣ въ домѣ.

Близкимъ къ домовому является духъ „сусѣдко". Онъ живетъ на повѣти, или подъ ней, всегда со скотомъ. Это тоже не злое су-

*) Изъ разговоровъ съ зырянами мнѣ пришлось убѣдиться, что они интересуются Государственной Думой и гордятся тѣмъ, что имѣютъ тамъ *своего депутата.*

щество, его аттрибутъ пристрастіе къ скотинѣ, о которой онъ заботится и которую бережетъ отъ пропажи. Однакожъ это довольно капризный и разборчивый духъ, одержимый странными фантазіями, отъ которыхъ порой бываетъ много безпокойства хозяевамъ. Такъ очень часто онъ любитъ скотину только опредѣленной масти. Попадается масть, которой онъ не выноситъ и вымещаетъ свое дурное настроеніе на бѣдной скотинѣ. Нелюбимую скотину сусѣдко бьетъ по ночамъ, пугаетъ, гоняетъ по хлѣву. Любимцевъ напротивъ холитъ, подсыпаетъ имъ кормъ, который воруетъ изъ чужихъ яслей, и въ знакъ особой нѣжности чиститъ шерсть и заплетаетъ гриву. Зырянинъ, покупая лошадь, соображается со вкусами своего сусѣдки, старается потрафить ему подъ масть, чтобы не было хлопотъ, и чтобы скотина прижилась. Нелюбимыхъ лошадей стараются скорѣе сбыть съ рукъ, такъ какъ хозяева твердо убѣждены, что проку не будетъ, и что сусѣдко, если не взлюбитъ, можетъ и совсѣмъ извести скотину. Впрочемъ, если „сусѣдко“ черезчуръ капризничаетъ и выказываетъ слишкомъ много причудъ, то хозяева могутъ съ нимъ вступить въ войну, въ которой остаются побѣдителями. Есть трава „плакунъ“. Если положитъ ее на повѣть съ особымъ наговоромъ, то сусѣдко бѣжитъ вонъ и покидаетъ домъ, въ которомъ не сумѣлъ ужиться.

Еще безпокойнѣе тотъ сортъ духовъ, которыхъ называютъ „титимеры“ (вѣроятно, отъ слова кикимора). Онѣ поселяются обыкновенно въ развалинахъ, и тогда явной бѣды отъ нихъ не видно. Но иногда недовольные плотники или обиженный колдунъ могутъ напустить ихъ въ жилой домъ. Тогда онѣ проявляютъ вполнѣ свой несносный характеръ. Онѣ зачѣмъ то вопятъ и стонутъ въ подвалахъ, кричатъ, стучатъ по полу, свистятъ въ стѣны, бьютъ посуду, пугаютъ людей и животныхъ. Онѣ забавляются тѣмъ, что стаскиваютъ по ночамъ одѣяла со спящихъ людей, онѣ мерещатся людямъ въ темнотѣ въ видѣ отвратительныхъ старухъ, кошекъ, свиней или принимаютъ видъ молодыхъ дѣвицъ.

Еще хуже духи банные и овинные. И тѣхъ и другихъ боятся и стараются не париться въ банѣ въ одиночку, чтобы банный не навелъ дурноты, не запарилъ до смерти. Если принять во вниманіе невыносимо жаркую температуру зырянскихъ бань, которыя топятся по черному и бываютъ иной разъ угарны, то эта предосторожность оказывается далеко не лишней.

Изъ непріятныхъ духовъ назовемъ еще „Куль"—водяного духа, который топитъ людей, живетъ въ омутахъ и водоворотахъ, производитъ судороги и одышку. Поэтому нельзя купаться не перекрестясь, и не мѣшаетъ, входя въ воду, кинуть сперва водяному небольшой подарочекъ, хотя бы щепку. Водяного можно подкупить и такою взяткой.

Водяные, впрочемъ, вообще существа домовитыя и хозяйственныя. Они живутъ со своими водяницами, пасутъ коровъ по ночамъ, имѣютъ гдѣ то дома, безформенныхъ и мохнатыхъ дѣтей, которыя лишь подросши принимаютъ какое то подобіе образа человѣческаго.

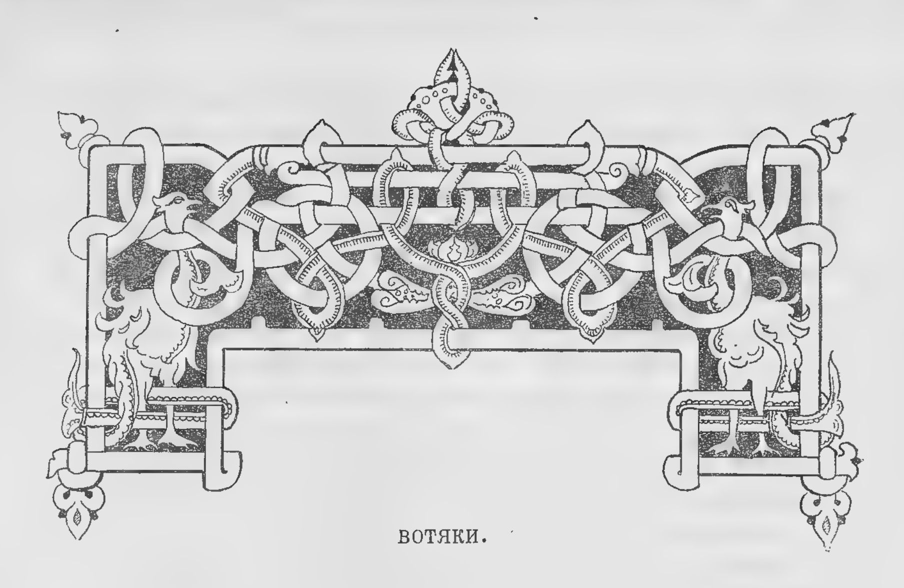
Но самымъ любопытнымъ духомъ является безспорно лѣшій. Это существо въ сущности добродушное, только шутки его бываютъ грубы и порою злы. Да и то это бываетъ только тогда, когда человѣкъ забудетъ перекреститься, входя въ лѣсъ. Чтобы напомнить ему объ этомъ лѣшій водитъ путника по лѣсу, иногда прикидывается знакомымъ, занимаетъ разговорами, подчуетъ табакомъ. И только если заплутавшійся путникъ перекрестится, принимаетъ свой настоящій видъ, кричитъ: „А, догадался?" громко хохочетъ и исчезаетъ. Лѣшіе также имѣютъ свои дома, хозяйства, женъ и дѣтей. Они такъ велики, что отъ ихъ бѣготни дѣлается вѣтеръ. Они раздуваютъ огонь на пожарѣ, уносятъ дѣтей, которыхъ прокляла мать, и вмѣсто нихъ подкладываетъ уродливаго ребенка съ большой головой („обмѣны"). Но съ другой стороны на войнѣ они сражаются противъ непріятеля, заступаются „за нашихъ". Въ безконечныхъ зырянскихъ лѣсахъ это хозяева, съ которыми однако можно ужиться, если знать съ ними обхожденіе и не забывать о спасительности крестнаго знамени.

Въ связи съ вѣрованіемъ во всякую нечисть стоитъ и вѣра въ вѣдьмъ и колдуновъ, которые играютъ довольно большую роль въ общежитіи. Колдуновъ боятся, передъ ними заискиваютъ, отъ нихъ стараются откупиться. Если не уважить колдуна, онъ можетъ наслать бѣду, порчу, болѣзнь. Такъ великъ страхъ передъ этимъ насыланіемъ, такъ крѣпка вѣра и связанное съ нею самовнушеніе, что всѣ колдовскіе наговоры и заклинанія дѣйствительно часто приводятъ къ цѣли, вызывая у испуганныхъ жертвъ разнообразныя нервныя, а иногда и душевныя заболѣванія. Это въ свою очередь укрѣпляетъ увѣренность колдуновъ, въ своей власти и силѣ и еще более увеличиваетъ всеобщій страхъ передъ ними.

Особенный почетъ колдунамъ („еретникамъ“) оказывается на свадьбахъ, собраніяхъ, семейныхъ торжественныхъ празднествахъ, когда по общему мнѣнію наслать порчу всего легче. Родители жениха и невѣсты стараются всячески угощать и ублажать колдуновъ чтобы отвести зло, и потому слыть колдуномъ въ зырянской деревнѣ очень выгодно. Особенно сильно и вредно отражается вѣра въ колдовство и порчу на душевномъ здоровьѣ женщинъ, являясь причиной большого количества психозовъ, развившихся на этой почвѣ. Докторъ Мартыновъ говоритъ о сильномъ развитіи среди женскаго населенія береговъ Печоры, гдѣ преобладаютъ зыряне, т. н. „икоты“, болѣзни вродѣ нашего кликушества, сопровождающейся припадками, судорогами, бредомъ, истерическими криками и дѣйствующей заразительно на другихъ женщинъ. Болѣзнь поражаетъ главнымъ образомъ замужнихъ женщинъ, несущихъ всегда очень тяжелую домашнюю работу, истощенныхъ непрерывною беременностью, родами и кормленіемъ.

Изъ своеобразныхъ вѣрованій зырянъ можно упомянуть вѣрованіе въ т. н. „*орта*“. Ортъ или особая душа человѣка, находящаяся возлѣ него, или особый духъ покровитель, приставленный къ человѣку отъ рожденія до смерти. Объ ортѣ говорятъ, что онъ предсказываетъ человѣку его смерть во снѣ или въ видѣніи, а послѣ смерти долженъ посѣтить всѣ тѣ мѣста, гдѣ при жизни бывалъ покойный. Необходимо замѣтить, что вѣрованіе это уже угасаетъ и рѣдко гдѣ сохранилось до настоящаго времени.

Послѣднее время, благодаря заботамъ вологодскаго земства, во многихъ зырянскихъ селеніяхъ построены школы, и грамотность среди нихъ быстро растетъ.



ВОТЯКИ.

Принадлежащіе къ той же племенной группѣ, что и Зыряне Вотяки живутъ главнымъ образомъ въ юговосточной части Вятской губ. (Елабужскомъ, Сарапульскомъ, Глазовскомъ и отчасти Слободскомъ уѣздѣ отчасти же въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Казанской и Пермской губ.). Большая часть живетъ на правомъ берегу Камы, начиная на сѣверѣ отъ ея истоковъ до южной части Вятской губерніи. Въ 1842 г. ихъ насчитывалось въ одной этой губерніи болѣе 350 тысячъ душъ.

Повидимому первоначальная родина этого племени лежала сѣвернѣе и восточнѣе и они передвинулись въ свое настоящее обитаніе, тѣснимые болѣе сильными сосѣдями. Въ концѣ XV вѣка вмѣстѣ съ городомъ Вяткой область вотяковъ перешла подъ власть Москвы. До этого времени они, повидимому, находились подъ татарской Казанью, которой платили дань. Только къ началу XVIII вѣка вотяцкое племя подверглось болѣе дѣйствительному подчиненію русской администраціи и лишь въ сороковыхъ годахъ этого столѣтія крестились, между тѣмъ какъ до того времени вѣра отцовъ держалась крѣпко и вотяки старались не смѣшиваться съ русскими, уходя все дальше и дальше на востокъ, по мѣрѣ того какъ къ нимъ проникали русскіе переселенцы. Смѣшиваясь съ русскими, они быстро русѣютъ, перенимаютъ языкъ, обычаи, фамиліи и одежду. Обрусѣніе пошло особенно быстро въ XIX столѣтіи, когда русскіе переселенцы проникли въ самую глубину вотяцкихъ лѣсовъ, а уходить отъ сосѣдства съ

ними вотякамъ становилось все менѣе и менѣе возможнымъ. Въ прежнія времена, говорятъ, достаточно было появиться одной избѣ русскаго переселенца, чтобы сосѣдніе вотяки бросали свое жилье и уходили искать новаго мѣста.

Эта племенное „непротивленіе" вотяковъ привело ихъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Обычай ухода отъ русскихъ загналъ ихъ въ болотистыя мѣстности, въ худшія климатическія условія, отъ которыхъ страдаетъ здоровье племени и только необычайная многодѣтность вотячекъ спасаетъ вотяцкое племя отъ вымиранія и даже увеличиваетъ его численность. Способность женщины къ дѣторожденію считается главнымъ ея достоинствомъ въ семьѣ, а бездѣтность совершенно достаточнымъ поводомъ къ расторженію семейныхъ узъ.

Забота о многодѣтности настолько преобладаетъ надо всѣмъ остальнымъ, что вотякъ предпочитаетъ жениться на дѣвушкѣ, которая уже на дѣлѣ доказала свою способность къ дѣторожденію. Отсюда полная половая свобода, которою пользуются вотяцкія дѣвушки вплоть до самаго замужества. Существуетъ цѣлая система обычныхъ формъ быта, содѣйствующихъ добрачному половому сближенію молодежи обего пола, пріуроченному то къ бѣленію холста, то къ зимнимъ посидѣлкамъ, вечеринкамъ и т. п.

И тѣмъ не менѣе никакъ нельзя называть это явленіе развратомъ; по выходѣ замужъ вотячки становятся послушными и вѣрными супругами. Въ половой свободѣ дѣвушекъ нѣкоторые изслѣдователи думали видѣть переживаніе, ведущее свое начало отъ временъ коммунальнаго брака, существованіе котораго у вотяковъ въ древности теперь однако оспаривается; распространенный обычай брать невѣсту непремѣнно изъ чужой деревни и опредѣленіе родства по женской линіи еще не могутъ считаться доказательствомъ общности женщинъ въ примитивную эпоху. Во многихъ мѣстахъ еще водится старинный обычай выдавать взрослыхъ дѣвушекъ за малолѣтнихъ мальчиковъ, что является какъ бы формой временнаго многоженства главы семьи, такъ какъ почти всегда бываетъ связано со снохачествомъ. Несмотря на то, что духовенство осуждаетъ, этотъ обычай, онъ всетаки продолжаетъ упорно держаться, какъ многіе другіе старинные обычаи вотяковъ. [1])

---

[1]) Свадьбы совершаются или путемъ выкупа невѣсты, или увозомъ. Первое обходится гораздо дороже и сопровождается долгими угощеніями и празднествами, въ которыхъ принимаетъ участіе вся деревня, второе гораздо экономнѣе.

Живутъ вотяки большими семьями, человѣкъ въ 30 или сорокъ. Женатые сыновья не отдѣляются отъ семьи. Они получаютъ лишь въ свое пользованіе особый „кеносъ“ т. е. клѣть для своего имущества и своего лѣтняго помѣщенія. Власть старшаго въ родѣ („кузо“) сохраняется до самой его смерти, такъ что семейная община разрастается иногда до очень большихъ размѣровъ.

Дома у вотяковъ раздѣляются на лѣтніе и зимніе, Лѣтніе состоятъ изъ шалашей или легкихъ построекъ безъ оконъ, пола и печки, крытыхъ легкою крышей изъ коры и драни. Это такъ называемое „куа“. Зимнее жилье напоминаетъ или татарскій домъ или русскую избу, смотря потому чье вліяніе сильнѣе въ той или другой мѣстности. Названія частей избы заимствованы у татаръ, что указываетъ на то, что вотяки именно отъ нихъ переняли устройство постояннаго зимняго жилища. До тѣхъ поръ повидимому они жили лѣтомъ въ „куа“, а зимой въ крытыхъ ямахъ, землянкахъ.

Землянки теперь вышли изъ употребленія, „куа“ же остались, и, какъ болѣе древняя форма жилища, до сихъ поръ имѣетъ для вотяковъ священное значеніе. Съ „куа“ связано мѣстопребываніе домашняго божества „воршуда“, она служитъ какъ бы его храмомъ, здѣсь приносятся ему моленія и жертвы.

Несмотря на принятіе христіанства, міръ старой дѣдовской вѣры еще живетъ для вотяка полною жизнью. До сихъ поръ еще встрѣчаются кое гдѣ идолы „воршудовъ“ въ куа, тщательно скрываемые отъ глазъ начальства свѣтскаго и духовнаго. До сихъ поръ жива еще вѣра въ Корка—муртовъ, т. е. домовыхъ („Корка“—домъ „муртъ“—человѣкъ, духъ—то же, что зырянское „мортъ“). Ву—муртовъ водяныхъ, Палей муртовъ—лѣшихъ. Каждое урочище является обиталищемъ особыхъ духовъ, которыхъ боятся и которымъ молятся.

Въ древней языческой миѳологіи вотяковъ верховное мѣсто среди божествъ занималъ богъ „Инмаръ“—богъ неба („инъ“—небо) вродѣ славянскаго перуна. Позднѣе въ миѳологію вошелъ заимствованный у черемисовъ „Кереметь“, братъ Инмара равносильное ему, но злое божество, находящееся въ вѣчной враждѣ съ Инмаромъ и одинаково ненавидящее его и людей. Добрымъ божествомъ является еще духъ земли Кылдышинъ, охраняющій межи и посѣвы. Есть указанія на то, что когда то вотяками практиковались человѣческія жертвоприношенія давно однако уже вышедшія изъ ихъ обихода.

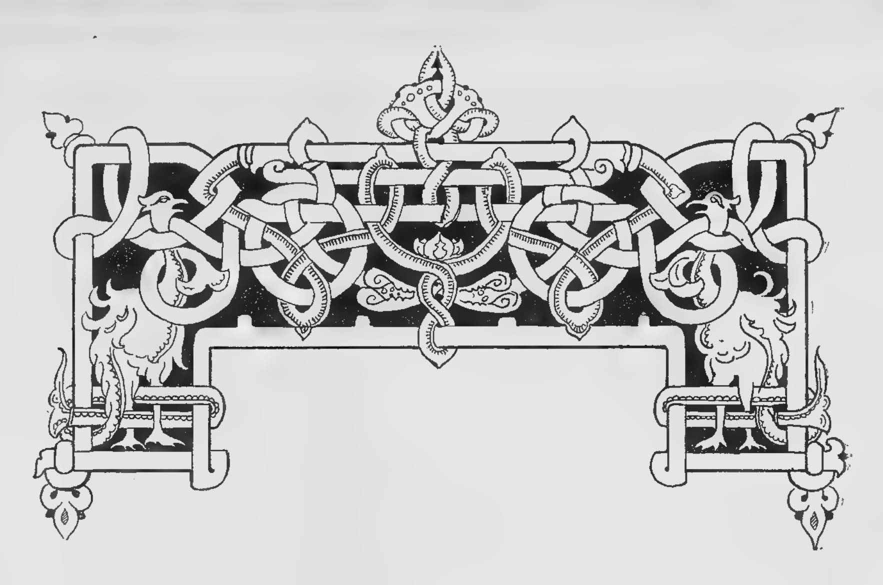
Какъ жители лѣсной стороны, вотяки, стоятъ въ тѣсной зависимости отъ лѣса. Правда, они уже давно стали хлѣбопашцами и ведутъ свое земледѣльческое хозяйство, какъ сосѣди русскіе. Но не малую долю своей жизни они отдаютъ охотѣ и другимъ занятіямъ, связаннымъ съ лѣсомъ.

Лѣсъ—ихъ родная стихія. Они искусны во всякаго рода охотѣ, но такъ же, какъ и зыряне предпочитаютъ стрѣльбѣ устройство силковъ, ловушекъ и разныхъ самодѣльныхъ снарядовъ для ловли птицъ и звѣрей. Своими узенькими, какъ будто подслѣповатыми глазами вотякъ зорко вглядывается въ лѣсную чащу. Ни одно явленіе въ лѣсу, ни одна примѣта не ускользнетъ отъ него, и то, что для неопытнаго глаза остается незамѣтнымъ, то для вотяка ясная грамота, которую онъ читаетъ безъ труда.

Кромѣ охоты вотяки заняты лѣснымъ промысломъ, рубятъ лѣсъ, гонятъ смолу, дерутъ лыко, мѣстами занимаются также пчеловодствомъ.

Костюмъ вотяка давно утратилъ оригинальные черты. Мужчины одѣваются совершено такъ же, какъ ихъ сосѣди русскіе. Женщины болѣе сохранили національный костюмъ. Онѣ носятъ синюю безрукавку, а на головѣ что то вродѣ высокаго кокошника или берестяной коробки, обтянутой ситцемъ и обшитой серебряными монетами и подвѣсками. У дѣвушекъ преобладаетъ цвѣтъ бѣлый, у женщинъ—красный. На ногахъ и мужчины и женщины носятъ лапти.

Что касается будущаго вотяковъ, то наиболѣе вѣроятнымъ является ихъ полное обрусѣніе и сліяніе съ окружающимъ русскимъ крестьянствомъ, такъ какъ никакихъ задатковъ къ созданію самостоятельной культуры вотяки до сихъ поръ не обнаруживали.



Архангельскъ и другіе населенные пункты Архангельской губерніи.

Изъ городскихъ центровъ сѣвернаго края наибольшее значеніе имѣютъ Архангельскъ и Вологда.

Время основанія Архангельска относится ко второй половинѣ XVI вѣка. Характерно, что толчокъ къ его основанію дали англичане, которымъ черезъ устье С. Двины удалось завязать торговыя сношенія съ Москвой.

24 августа 1553 года англійскій корабль „Bonaventure“ подъ командой Ричарда Ченслера, думавшаго найти сѣверовосточный морской путь въ предѣлы Китайской имперіи, бросилъ якорь противъ Никольскаго устья С. Двины. Въ то время здѣсь уже существовалъ Корельскій монастырь Св. Николая. Отсюда Ченслеръ снесся сперва съ Холмогорскимъ воеводою, а черезъ него съ самимъ царемъ Иваномъ Грознымъ.

Царь, какъ извѣстно, уже давно мечталъ о русскомъ морскомъ портѣ и потому обрадованный нежданной возможностью получить такой на Бѣломъ морѣ, съ великимъ радушіемъ принялъ Ченслера въ Москвѣ и воспользовался его пріѣздомъ, чтобы завязать торговыя сношенія съ Англіей. Предоставленіемъ безпошлиннаго ввоза онъ дѣйствительно привлекъ прежде всего англичанъ, а за ними и голландцевъ.

Перегрузка трески на пристани въ Архангельскѣ

На островѣ Ягры въ Никольскомъ устьѣ англичане устроили свою факторію, поставили торговые амбары и дома. Другую такую же факторію они основали въ Холмогорахъ на землѣ, пожалованной имъ Грознымъ. Голландская колонія основалась въ Рудожемскомъ устьи. Наконецъ въ 1584 году здѣсь были поселены стрѣльцы и былъ построенъ русскій городъ на Пуръ-Наволокѣ. Онъ былъ названъ сперва Новохолмогорами, но такъ какъ городъ возникъ у Архангельскаго монастыря, то за нимъ утвердилось названіе Архангельска, которое при Михаилѣ Өеодоровичѣ было признано оффиціально.

Вслѣдъ за стрѣльцами въ новый городъ стали перебираться люди разныхъ двинскихъ „посадовъ". Иностранцы придвинули свои поселенія къ самому городу, образовавъ такъ называемую нѣмецкую слободу.

Въ XVII вѣкѣ Архангельскъ уже получилъ роль важнаго морского порта, размѣры торговли котораго быстро расли, о чёмъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Ежегодно около половины XVII вѣка вывозилось изъ Архангельска заграницу товаровъ на сумму свыше 1 милліона рублей, что по тому времени имѣло огромную цѣнность. Вывозились главнымъ образомъ мѣха, лѣсъ и хлѣбъ.

Всего пошлинныхъ денегъ, сбираемыхъ московскими приказами съ подручныхъ городовъ, ежегодно поступало въ Москву около 100000 рублей. Изъ нихъ на долю одного Архангельска приходилось около 60000 рублей, т.-е. цѣлыхъ три пятыхъ общей суммы.

Къ началу XVIII вѣка вывозъ черезъ Архангельскъ перевалилъ за 3 милліона рублей. Однако скоро наступило рѣзкое пониженіе. Торговля Архангельска, подорванная отчасти ростомъ Петербургскаго порта, отчасти непосредственнымъ вмѣшательствомъ Петра, падаетъ и городъ терпитъ полное раззореніе. Отношеніе Петра къ Архангельску въ высшей степени любопытно. Сначала Петръ оказываетъ ему дѣятельное покровительство, заботится объ его развитіи, неоднократно посѣщаетъ его, учреждаетъ здѣсь на Соломбалѣ (на среднемъ островѣ) карабельную верфь, думая сдѣлать Архангельскъ базой будущаго флота. Съ теченіемъ времени однако покровительственное отношеніе къ Архангельску рѣзко мѣняется. Петръ начинаетъ видѣть въ немъ опаснаго соперника своему любимому дѣтищу—молодой столицѣ на топкихъ берегахъ Невы, на которой сосредоточиваетъ все свое вниманіе и заботу.

Съ 1708 году Архангельскъ уже перестаетъ быть главною базой русскаго военнаго флота, хотя верфи его продолжаютъ строить военные корабли, но уже для балтійскаго флота. Строительство это продолжается вплоть до 1862 года, когда военный портъ въ Архангельскѣ былъ упраздненъ. Упраздненіе это связано съ тѣмъ, что съ этого времени деревянныхъ судовъ больше не строятъ и военныя суда дѣлаются только изъ стали. Со времени основанія порта въ Соломбалѣ, тамъ было построено для флота болѣе четырехъ сотъ военныхъ судовъ.

Съ 1713 г. было издано Петромъ нѣсколько мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью затруднить экспортную дѣятельность Архангельска въ пользу Петербурга.

Наконецъ, появляется прямой запретъ ввозить въ Архангельскъ товары, предназначенные для экспорта. Запретъ этотъ проводился съ такой строгостью, что количество иностранныхъ судовъ, приходившихъ въ Архангельскъ за товаромъ, упало болѣе чѣмъ въ 10 разъ; вывозная торговля сошла почти на нѣтъ, городъ пришелъ въ полный упадокъ, мѣстные купцы или разорились, или выѣхали въ Петербургъ.

Новое оживленіе Архангельска наступаетъ со временъ Екатерины II, отмѣнившей запретительные законы и представившей Архангельску тѣ же условія торговли, какими пользовались и другіе портовые города. Съ этихъ поръ торговля Архангельска снова стала расти. Къ 1830 году экспортъ Архангельска доходитъ уже до 18 милл. рублей и продолжаетъ увеличиваться, пока возникшіе въ Россіи желѣзнодорожные пути снова не отвлекаютъ отъ него главную массу товаровъ къ Петербургскому порту, непосредственно связанному съ рельсовой сѣтью имперіи.

Наступаетъ второй періодъ упадка города, надолго пріостановившагося въ ростѣ. Этотъ упадокъ длился до послѣдняго времени, пока проведеніемъ Архангельско-Ярославской дороги Архангельскъ не былъ связанъ съ Москвой, а черезъ Пермь-Котласскую дорогу съ Западной Сибирью. Теперь этотъ городъ стоитъ въ началѣ новаго экономическаго подъема и, являясь естественнымъ портомъ для всего Сѣвера Россіи, имѣетъ передъ собой несомнѣнно, крупное будущее. Къ 1 января 1905 года въ Архангельскѣ насчитывалось свыше 21000 жителей, а въ апрѣлѣ 1911 года уже свыше 35 тысячъ. Втеченіе 6 лѣтъ населеніе возросло на 67%.

Фангсботъ, идущій отъ судна на промыселъ (Бѣлое море).

Рыбная пристань въ Архангельскѣ.

Городъ Архангельскъ расположенъ на правомъ берегу С. Двины, а конечный пунктъ Ярославско-Архангельской жел. дор. лежитъ на лѣвой сторонѣ, такъ что пассажирамъ приходится совершать переправу черезъ величественную рѣку, чтобы попасть въ городъ. Первое впечатлѣніе у пріѣхавшаго, что никако гогорода здѣсь нѣтъ. Кругомъ только болотистая низина, да необозримая туманная водная гладь, за которой неясной полосой виднѣется далекій противуположный берегъ и расположенныя на немъ зданія.

Городъ имѣетъ очень оригинальный видъ: онъ растянулся непомѣрно вдоль рѣки чрезвычайно узкой подковой, тремя параллельными проспектами, пересѣченными подъ прямымъ угломъ короткими „улицами", которыя взбѣгаютъ отъ набережной вверхъ на высокій, но не обрывистый берегъ. Архангельскъ вмѣстѣ съ Соломбалой занимаетъ по берегу главной рѣки цѣлые десять верстъ. Причиной такого необычайнаго разростанія въ длину является то, что городъ стиснутъ между рѣкой и болотомъ, которое не позволяетъ ему расти въ ширину. Въ городѣ преобладаютъ деревянные дома. Каменныхъ сравнительно очень немного. Ближайшею къ морю частью города является та самая Соломбала, на которой долгое время были расположены корабельныя верфи.

Здѣсь находятся огромныя зданія прежняго Адмиралтейства. Въ нихъ помѣщаются теперь Морское офицерское собраніе, Морской госпиталь, Дирекція маяковъ и лоціи Бѣлаго моря и пр. Отъ остального города Соломбальскіе острова отдѣляются такъ называемою рѣкою Кузнечихою, являющейся однимъ изъ рукавовъ С. Двины. Черезъ мостъ Соломбала сообщается съ Нѣмецкою слободой, гдѣ еще живутъ потомки тѣхъ иностранцевъ, которые когда то основали ее. Здѣсь же находятся церкви англійская, лютеранская и римско-католическая. Далѣе идетъ самая древняя часть Архангельска расположенная на мѣстѣ древняго чудскаго городища „Пуръ-Наволокъ", гдѣ впервые было устроена русское поселеніе. Въ этой части города нѣсколько церквей, Архангельскій каѳедральный Троицкій Соборъ, Гагаринскій скверъ, памятникъ поэту Ломоносову. Публичная библіотека и Архангельскій музей съ естественно-историческими, археологическими, этнографическими коллекціями, а также съ коллекціями, характеризующими мѣстную жизнь. Здѣсь же расположена

большая часть административныхъ и правительственныхъ учрежденій, губернаторскій домъ, присутственныя мѣста, окружный судъ, таможня и городская дума.

За соборомъ начинается четвертая, самая оживленная и торговая часть города, гдѣ расположены торговые ряды, Государственный банкъ и городской театръ. Въ концѣ этой „верхней“ части города расположенъ древній *Архангельскій монастырь*, который на цѣлыхъ четыреста лѣтъ старше самаго города. До пожара 1638 года монастырь былъ расположенъ однако не здѣсь, а въ Пуръ-Наволокѣ. Послѣ пожара онъ былъ перенесенъ въ мѣстность т. н. „Начеры“, гдѣ и стоитъ до сихъ поръ. При монастырѣ существуетъ церковно-археологическое общество, имѣющее своей задачей охрану древнихъ церковныхъ памятниковъ. Въ его хранилищѣ есть весьма цѣнные въ археологическомъ отношеніи предметы.

Вдоль набережной тѣснятся многочисленныя рѣчныя и морскія суда, грузовыя и пассажирскія и пришедшія съ верховьевъ барки. Поднимается цѣлый лѣсъ мачтъ деревянныхъ карбасовъ, на которыхъ поморы ходятъ въ море за рыбой и звѣремъ. Здѣсь же осенью происходитъ, такъ называемая, Маргаритинская ярмарка, которая тянется весь сентябрь мѣсяцъ. На нее съѣзжаются купцы изъ Вологодской, Вятской, Костромской, Олонецкой губерній, везутъ пушной товаръ, птичье перо, хлѣбъ (изъ Вятской и Вологодской губ.), являются на своихъ карбасахъ и шнякахъ поморы, привозятъ треску и тресковую ворвань и всякую другую морскую рыбу, сельдь и навагу, кожи и сало морскихъ звѣрей, покупаютъ хлѣбъ, колоніальные и фабричные товары.

Послѣдніе годы съ проведеніемъ Ярославско-Архангельской желѣзной дороги промышленная и торговая жизнь Архангельска начинаетъ развиваться быстрѣе. Въ будущемъ это развитіе должно получить еще болѣе быстрый темпъ, когда весь сѣверный край, для котораго Архангельскъ служитъ естественнымъ портомъ будетъ имѣть болѣе густое и болѣе культурное населеніе, способное разрабатывать его богатства. Быть можетъ, поднимется тогда и культурное значеніе города, которое теперь нельзя признать значительнымъ. Въ городѣ нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, а изъ среднихъ можно упомянуть только гимназію, Механико-Техническое училище Императора Петра I, да духовную семинарію.

Прокладываніе Архангельско-Вологодской ж. д.

Фот. *Лейцингера.*

Всѣ остальные города Архангельской губерніи такъ невилики, что на нихъ можно указать только для того, чтобы яснѣе представить, какъ мало развита городская жизнь на нашемъ сѣверѣ. Собственно Архангельскъ можно назвать единственнымъ городскимъ центромъ обширнаго Архангельскаго края. Всѣ остальные города ничто иное какъ села, названные городами.

Таковы *Холмогоры*, когда то видавшіе лучшія времена, а теперь насчитывающіе только 1334 человѣкъ жителей (въ 1911 году). Городъ *Шенкурскъ* — деревня, торгующая смолой и лѣсными матеріалами, имѣетъ жителей немногимъ болѣе Холмогоръ (1809 чел.). Г. *Пинега*, извѣстный въ губерніи своей ярмаркой, торговые обороты которой впрочемъ очень незначительны, жителей въ 1911 году имѣлось лишь 1367 чел. Г. *Мезень*, (2709 жителей) большое поморское село, жители котораго величаются мѣщанами за то, что ихъ селеніе получило званіе города. Стоитъ при устьи р. Мезени. Населенъ промышленниками и скупщиками морскихъ и отчасти лѣсныхъ промысловъ. Мезень стоитъ въ сорока верстахъ отъ моря и хотя устье рѣки Мезени отличается шириной, но морскія суда въ него заходить не могутъ. Дѣло въ томъ, что при входѣ въ устье располагается такъ называемый *баръ*, образованный массами осаждающихся на морское дно частицъ ила, глины и мелкаго песка приносимаго рѣчнымъ теченіемъ. Приливной волной, достигающей здѣсь высоты свыше трехъ саженъ, пользуются мелкія морскія суда, чтобы входить въ рѣку и подниматься вплоть до самаго города. Въ 15 верстахъ отъ устья расположился здѣсь огромный Русановскій лѣсопильный заводъ, отпускающій заграницу массами пиленыя балки и доски.

На западномъ берегу Бѣлаго моря пріютился уѣздный городъ Кемь по рѣкѣ Кеми недалеко отъ ея устья и около самаго Кемскаго порога. Въ 1911 году въ немъ числилось 3399 жителей. Населеніе состоитъ изъ поморовъ, промышляющихъ на Мурманѣ, Бѣломъ морѣ и Новой Землѣ. Начиная съ весны до поздней осени въ немъ можно видѣть почти однѣхъ только женщинъ, на рукахъ которыхъ остается весь домъ и хозяйство. Деревянные дома города почти не образуютъ улицъ и разбросаны, какъ придется.

Достопримѣчательностью города является старинный соборъ.

Такой же характеръ носитъ Сумской посадъ (1769 жителей) и

уѣздный городъ Онега, расположенный въ 5 верстахъ отъ устья рѣки Онеги, съ 4774 жителей (въ 1911 году).

Еще меньшіе размѣры имѣетъ г. Кола, бывшій уѣздный городъ бывшаго Кольскаго уѣзда (теперь переименованнаго въ Александровскій). Расположенный (подъ 68°52′ с. ш.) при устьи рѣкъ Колы и Туломы въ очень красивой и здоровой мѣстности этотъ городокъ имѣетъ около 700 человѣкъ жителей, занятыхъ въ большинствѣ лѣтомъ морскими промыслами. Съ 1899 года уѣздныя учрежденія были переведены отсюда во вновь основанный городъ Александровскъ, и Кола превратилась въ городъ заштатный. Не смотря на свои микроскопическія размѣры, Кола принадлежитъ къ весьма древнимъ поселеніямъ. О ней упоминается еще въ XIII в. (въ договорѣ новгородцовъ съ княземъ Ярославомъ Тверскимъ въ 1264 г.).

Александровскъ, самый сѣверный изъ городовъ не только Архангельской губерніи, но и всей Европейской Россіи. (69°12′ с. ш.), лежитъ на Мурманскомъ берегу на Южной сторонѣ Екатерининской бухты, почти никогда не замерзающій, благодаря теплому теченію Гольфштрома. Александровскъ принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ юнымъ русскимъ городамъ, такъ какъ насчитываетъ едва 15 лѣтъ жизни: онъ основанъ лишь въ 1899 году ради своего незамерзающаго порта, верстахъ въ 40 отъ Колы.

Въ 1911 году онъ насчитывалъ лишь 573 постоянныхъ жителей. Лѣтомъ его населеніе увеличивается становищами бѣломорскихъ поморовъ.

Прекрасная незамерзающая гавань, обнесенная естественной оградой гранитныхъ скалъ, представляетъ великолѣпное убѣжище для каждаго морскаго судна, бросившаго здѣсь якорь и если когда нибудь Александровскъ будетъ соединенъ рельсами съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, онъ можетъ сыграть въ будущемъ роль немаловажнаго сѣвернаго порта на Ледовитомъ океанѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Соловецкихъ островахъ, древняя обитель которыхъ издавна обладаетъ огромной притягательной силой для населенія сѣверной Руси.

Соловецкая обитель (Соловецкій ставропигіальный монастырь) расположена среди архипелага небольшихъ островов, лежащихъ при входѣ въ Онежскую губу Бѣлаго моря. Монастырь стоитъ на самомъ большомъ изъ островов, такъ назыв. Соловецкомъ, возлѣ

Становище Финманское на Мурманѣ.

Архангельскъ.

спокойной и закрытой, „Гавани Благополучія,“ располагаясь между моремъ и Святымъ озеромъ. Островъ Соловецкій окруженъ цѣлою свитой острововъ меньшихъ. Къ западу отъ главнаго острова лежатъ о-въ Бабій, Песій, Игуменскій и два низкихъ Заяцкихъ о-ва (Большой и Малый), на которыхъ раскинулись сѣнокосныя угодья обители. Къ востоку лежатъ Малый и Большой Муксаломскій, а къ сѣверо-востоку самый крупный послѣ Соловецкаго, такъ назыв. Анзерскій о-въ, на которомъ находятся Анзерскій и Голгофскій скитъ и Спасательная Троицкая станція. Кругомъ острововъ много мелей, подводныхъ камней и каменныхъ лудъ. Глубина моря возрастаетъ къ сѣверу, достигая возлѣ Анзерскаго о-ва 10 саженъ, а въ 10 миляхъ отъ него отъ 30 до 50 саженъ.

Самый большой изъ острововъ Соловецкій имѣетъ 23 версты въ длину, 15 въ ширину и около 250 кв. верстъ поверхности. Берега его низки за исключеніемъ южнаго мыса Печакъ, (около 20 саженъ надъ моремъ). Внутри острова много озеръ и болотъ, которыя раскинуты среди моренныхъ холмовъ и гранитныхъ скалъ. Самыя крупныя возвышенности, какъ Сѣкирная гора (съ маякомъ на вершинѣ) и Гремячія горы, поднимаются не болѣе 40 саженъ надъ уровнемъ моря. Рельефъ и почва о-ва носятъ слѣды работы ледниковъ. Всюду встрѣчаются гранитные валуны и крупный моренный песокъ, содержащій въ себѣ гранитные обломки. Подпочва каменистая, покрытая лишь тонкимъ слоемъ почвы, на которой кое гдѣ растутъ березовые и сосновые лѣса, не достигающіе большой высоты и годные только на дрова. Въ перемежку съ ними попадаются сѣнокосные луга. Хлѣбная культура на островѣ не имѣетъ успѣха, за то существуютъ большіе монастырскіе огороды, на которыхъ удачно воздѣлывается рядъ овощей, при чемъ почва огородовъ создана искусственно, а тщательный уходъ, защита посадокъ отъ холодовъ и должное орошеніе даютъ очень хорошіе результаты. Въ нѣкоторыхъ огородахъ устроены даже особые тепловоды, которые согрѣваютъ почву.

Соловецкая обитель состоитъ изъ главнаго монастыря у бухты Благополучія и нѣсколькихъ скитовъ, пустынь и монастырскихъ хозяйственныхъ учрежденій, разбросанныхъ по Соловецкому и другимъ островамъ.

Самъ монастырь обнесенъ высокой и крѣпкой стѣной въ 6 саженъ высотой съ огромными башнями, на которыхъ поставлены ста-

ринныя чугунныя пушки. Стѣны сложены изъ огромныхъ гранитныхъ валуновъ, плотно прилаженныхъ одинъ къ другому и производятъ впечатлѣніе циклопической постройки.

Внутри возвышаются старинные соборы и церкви числомъ до девяти, изъ которыхъ главнымъ считается Троицкій соборъ, хранящій мощи основателей монастыря преподобныхъ Зосима и Савватія. Третій изъ первыхъ основателей св. Германъ, покоится въ церкви его имени, находящейся подъ большимъ Преображенскимъ соборомъ. Въ нижнемъ этажѣ ц. Николая Чудотворца находится знаменитая Соловецкая ризница, въ которой хранится множество дорогихъ даровъ, начиная съ московскихъ царей и кончая пожертвованіями послѣдняго времени.

Монастырь богатъ не одними дарами и денежными жертвами. Онъ представляетъ изъ себя большую трудовую общину, которая умѣетъ извлекать доходы изъ многочисленныхъ принадлежащихъ монастырю статей: сельдяной ловъ даетъ монастырю около 50 тысячь, до 25 тысячь даютъ принадлежащія монастырю пароходы и парусныя суда, около 100 тысячь даютъ богомольцы.

Кромѣ того монастырь пользуется еще даровымъ трудомъ такъ называемыхъ трудниковъ. Это большею часть молодые люди, остающіеся въ монастырѣ по обѣту обыкновенно на одинъ годъ и отдающіе ему свой трудъ. Цѣнность этого труда оцѣнивается въ 50 тысячъ и болѣе рублей и благодаря ему монастырь имѣетъ возможность пользоваться продуктами цѣлаго ряда ремеслъ и промысловъ. Монастырю принадлежитъ рядъ мастерскихъ, мельница, салотопенный и кожевенный заводы, кирпичный и гончарный заводы, смолокурня, лѣсопилка, литейная, механическая кузница и проч. Всюду отъ монастыря къ скитамъ и къ хозяйственнымъ учрежденіямъ проложены прекрасныя шоссированныя дороги, заложенныя еще св. митрополитомъ Филиппомъ въ бытность его игумномъ Соловецкой обители. Дальнѣйшимъ развитіемъ сообщеній на островахъ было устройство двухъ каменныхъ дамбъ, благодаря которымъ можно проѣхать съ Соловецкаго озера, на Большую Муксальму и съ Большой Муксальмы на Малую Муксальму.

Очень хорошо поставлено дѣло снабженія монастыря водой.

Всего въ монастырѣ насчитывается около пяти сотъ монашествующихъ и не меньше, а иногда и больше „трудниковъ“, такъ что

Лѣсъ на Соловецкихъ островахъ.

Фот. *Лейцингера.*

постоянно въ монастырѣ проживаетъ не менѣе, чѣмъ 1000 человѣкъ въ лѣтнее же время съ пріѣздомъ богомольцевъ населеніе значительно возрастаетъ.

Образцовое веденіе монастырскаго хозяйства, какъ говорятъ, приноситъ пользу не одному монастырю. Вольная работа многочисленныхъ „трудниковъ“ является вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошей трудовой школой для работниковъ по обѣту, которые по истеченіи годового срока возвращаются домой часто съ хорошей ремесленной выучкой, съ новыми знаніями, навыками, полученными ими во время монастырской жизни. Такимъ образомъ, помимо чисто религіознаго значенія за Соловецкой обителью приходится признать и немаловажное культурное вліяніе на крестьянское населеніе нашего сѣвера.

Съ Соловецкимъ монастыремъ, игравшимъ такую большую роль въ жизни нашего сѣвера, связанъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній.

Созданный суровымъ духомъ сѣвернаго крестьянства, онъ былъ всегда отраженіемъ его лучшихъ качествъ, его серьезности и упорства во всѣхъ начинаніяхъ, его предпріимчивости и крѣпкой хозяйственности.

Основанный въ XV столѣтіи въ эпоху возраставшаго господства Москвы, въ эпоху почти всеобщаго приниженія, онъ сумѣлъ сохранять суровую твердость духа наряду съ той демократической простотой, которой всегда отличался сѣверъ. Именно изъ него вышелъ знаменитый митрополитъ Филиппъ, безстрашный обличитель Грознаго, именно здѣсь суровые соловецкіе старцы заявили открытый протестъ противъ вводимаго правительственной властью „никоніанства“.

И до сихъ поръ трудовая обитель Соловецкихъ острововъ мало похожа на огромное большинство русскихъ монастырей. У нея по прежнему свой духъ и свое лицо и по прежнему очень непосредственная и живая связь съ сѣвернымъ крестьянствомъ.

Временемъ основанія Соловецкой обители считаютъ княженіе Василія Темнаго, когда около Сѣкирной горы поселились пр. Савватій и Германъ. Послѣ смерти Савватія въ 1435 году съ Германомъ поселился уроженецъ Онежскаго края св. Зосима, съ которымъ они построили первую деревянную церковь Преображенія на мѣстѣ будущаго монастыря.

Понемногу собралась и братія и пр. Зосима былъ избранъ ею въ настоятели и поставленъ игумномъ новгородскимъ епископомъ Іоною. Пр. Зосима добылъ у Великаго Новгорода грамоту на вѣчное владѣнія всѣми Соловецкими островами съ правомъ на рыбные и звѣриные промыслы по ихъ берегамъ и окружающимъ водамъ.

Зосимѣ же обязанъ монастырь своимъ трудовымъ и суровымъ уставомъ.

Устройство и расцвѣтъ монастырскаго хозяйства начинается съ игуменства Филиппа, въ міру баярина Ѳедора Степановича Колычева, а впослѣдствіи знаменитаго митрополита Московскаго (съ 1566), возставшаго на произволъ Грознаго царя. Послѣ разрыва Грознаго съ Филиппомъ и Соловецкій монастырь, который до тѣхъ поръ пользовался любовью и милостью царя, подпалъ подъ его гнѣвъ и опалу [1])

Въ Соловецкомъ же монастырѣ принялъ монашество и прошелъ суровую монастырскую школу и самъ Никонъ будущій патріархъ и противникъ соловецкихъ старцевъ. А въ 1658 году обитель уже поднимаетъ свою знаменитую войну противъ присланныхъ изъ Москвы исправленныхъ новопечатныхъ книгъ. Борьба выразилась въ упорномъ отстаиваніи всего обихода старой вѣры съ ея двуперстіемъ принятымъ чиномъ службы и старыми книгами „неискаженными руками Никоніанъ“. Въ 1667 году Соловки отказываются принять пріѣхавшихъ для извѣщанія братіи трехъ архимандритовъ Варѳоломея, Никанора и Іосифа. Въ слѣдующемъ году обитель выступаетъ съ челобитной“ царю, съ протестомъ противъ никоніанства. На челобитную московскія власти не находятъ лучшаго аргумента, какъ посылка цѣлаго войска для усмиренія строптивыхъ иноковъ подъ воеводствомъ кн. Мещеринова. Обитель разрываетъ съ Москвой и начинается упрямое семилѣтнее „Соловецкое сидѣніе“. Осада заканчивается побѣдой Мещеринова, который удалось взять монастырь, повидимому, лишь благодаря измѣнѣ одного изъ монаховъ.

Чтобы понять крупные размѣры распри Соловковъ съ Москвой надо принять во вниманіе, что въ монастырѣ „сидѣло“ тогда не менѣе 15 тыс. вооруженныхъ людей, а это по тому времени почиталось сильнымъ крѣпостнымъ гарнизономъ. Не надо забывать, что Соло-

---

[1]) Въ 1548 году пожалована монастырю Іоанномъ IV волость Колежма съ варницами и угодьями, а въ 1550 пожалована имъ деревня Сорока, съ рѣкою Сорокою и съ оброкомъ.

вецкій монастырь былъ самой крупной политической силой въ предѣлахъ сѣвернаго края. Благодаря многочисленнымъ жалованнымъ грамотамъ онъ сталъ господиномъ почти всего южнаго Бѣломорскаго побережья. Начиная съ Новгородскихъ временъ, въ его непосредственное владѣніе поступали одна волость за другой. Обитель содержала на свой счетъ цѣлые отряды стрѣльцовъ, которымъ нерѣдко приходилось имѣть дѣло то съ нимъ то съ другимъ непріятелемъ.

Еще въ 1571 году монастырь отбиваетъ шведское нападеніе послѣ чего и присланъ былъ на Соловки воевода Озеровъ со стрѣльцами. Затѣмъ былъ построенъ и „острогъ“, т. е. деревянная крѣпость съ пушками. Въ 1582 году монастырскіе стрѣльцы разбили шведовъ шедшихъ подъ командой Магнуса и Иверстона.

Въ 1596 монастырь предпринимаетъ настоящую военную экспедицію въ Финляндію, беретъ и разоряетъ финскій городъ Каяну.

Въ 1611 году соловецкое войско (не менѣе чѣмъ въ 1000 человѣкъ) удачно выдерживаетъ нападеніе шведовъ на волости, принадлежащія монастырю. Въ 1613—1615 годахъ мы застаемъ монастырь въ борьбѣ съ воровскими казаками. Понемногу монастырь со своимъ отрядомъ становится естественнымъ защитникомъ всего побережья и весь Сѣверъ привыкаетъ смотрѣть на него какъ на свою могущественную охрану. Стрѣлецкій отрядъ на Соловкахъ былъ въ полкомъ распоряженіи монастырскаго игумена, а въ 1637 году воеводство на Соловкахъ вовсе упраздняется и послѣдній воевода сдаетъ монастырю всѣ дѣла и военные припасы.

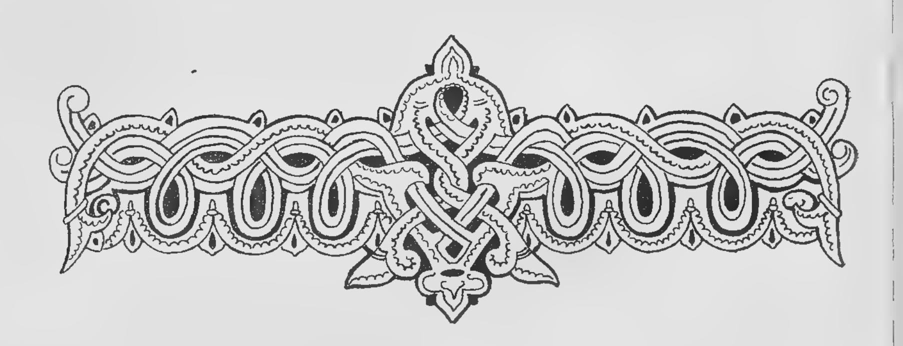
Признаніемъ политической силы обители было то; что финны, шведы, норвежцы завязываютъ съ обителью настоящія дипломатическія сношенія, отправляютъ посольства, заключаютъ договоры и перемирія.

Понятнымъ становится то ожесточеніе, которое вызывало въ Москвѣ открытое сопротивленіе Соловковъ церковной реформѣ Никона. Соловецкая обитель была слишкомъ авторитетнымъ, богатымъ и политически сильнымъ противникомъ, чтобы можно было не считаться съ ея сопротивленіемъ. Поэтому, когда послѣ семи лѣтъ осады кн. Мещеринову удалось овладѣть обителью, побѣдители проявили мстительную ярость. Только 14 человѣкъ монаховъ были пощажены. Остальные были или казнены или брошены въ темницы.

Разоренный и униженный монастырь долго не могъ оправиться и только къ концу XVII столѣтіе сталъ возраждаться. Съ начала XVIII столѣтія монастырь уже снова играетъ роль важнаго стратегическаго пункта. Петръ Великій жалуетъ монастырю военные припасы и порохъ. Во время Шведской войны снова появляется на островахъ военный отрядъ.

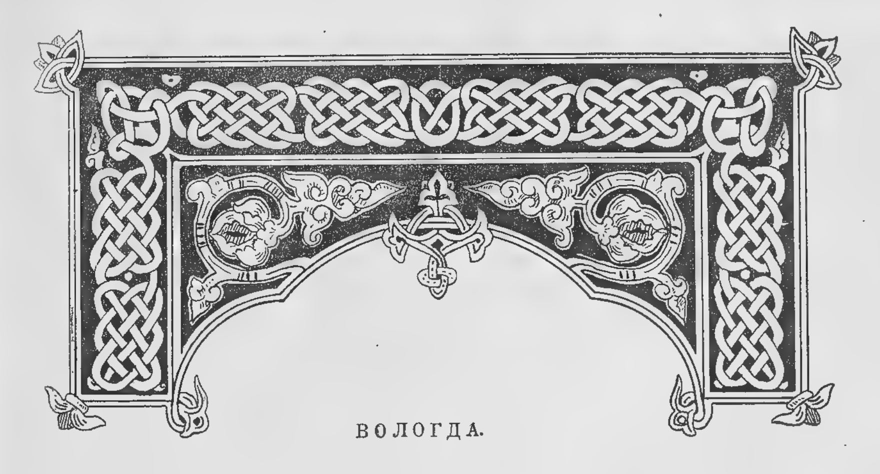
Къ концу XVII вѣка соловецкое войско подчиняется Архангельскому губернатору. Къ этому времени, до секуляризаціи церковныхъ имуществъ произведенной Екатериной II, мы снова видимъ въ рукахъ монастыря огромныя богатства. Монастырю принадлежало тогда болѣе 1500 квадратныхъ верстъ волостей по берегамъ Бѣлаго Моря и не менѣе 5000 душъ монастырскихъ крестьянъ.

Въ послѣдній разъ военный громъ потрясалъ воздухъ Соловецкой обители во время Крымской компаніи, когда въ 1854 году монастырь выдержалъ канонаду двухъ военныхъ англійскихъ судовъ требовавшихъ сдачи монастыря. Девять часовъ монастырь отвѣчалъ изъ своихъ десяти старинныхъ орудій на англійскій огонь, послѣ чего суда удалились, не причинивъ урона защитникамъ, если не считать разрушенной монастырской гостинницы и нѣсколькихъ ядеръ угодившихъ въ массивныя стѣны и Преображенскій соборъ обители.



Часовня XVII в. въ д. Чаростровѣ, Шенкурскаго у. Арх. губ.
Съ фот. *Н. Г. Невѣрова*.

Церковь въ с. Хабаровѣ. Югорскій Шаръ, Печорскаго у. Арх. губ.



ВОЛОГДА.

Вологда. Вторымъ болѣе крупнымъ городскимъ центромъ сѣвера является Вологда, губернскій городъ Вологодской губерніи. Она расположена на рѣкѣ Вологдѣ, впадающей въ Сухону, у начальнаго пункта большого рѣчного пути къ Бѣлому морю. Желѣзнодорожныя линіи ее связываютъ съ Архангельскомъ, Москвою, Петербургомъ и Вяткой, а черезъ нее съ Пермью и Сибирью.

По числу жителей Вологда нѣсколько превосходитъ Архангельскъ, но по своему промышленному и торговому значенію уступаетъ ему За то Вологда имѣетъ за собой гораздо болѣе древнее прошлое.

Начало Вологды относятъ еще къ XIV вѣку. Первые основатели ея были, повидимому выходцами изъ Великаго Новгорода. Потомъ Вологда не одинъ разъ переходила отъ Новгорода къ Москвѣ и обратно, пока въ XV вѣкѣ при Василіи Темномъ не была закрѣплена, наконецъ, за Москвой. Вологда не разъ переживала времена и подъема и упадка. Послѣ того какъ Грозный завязалъ черезъ Бѣлое море сношеніе съ Англіей, Вологда сдѣлалась важнымъ передаточнымъ пунктомъ и вступила въ эпоху своего перваго расцвѣта. Къ этому же времени для русскихъ открылся необъятный просторъ только что покоренной Сибири и черезъ Вологду пролегалъ главный торговый путь въ эту страну. Какъ быстро стало расти значеніе Вологды, можно заключить изъ того, что Грозный одно время думалъ о томъ, чтобы перенести туда свою резиденцію. Онъ посѣщалъ ее нѣсколько разъ, построилъ здѣсь соборъ во имя Успенія, который зовется также Софійскимъ соборомъ.

Основаніе Петербурга было для Вологды столь же роковымъ событіемъ, какъ и для Архангельска. Онъ отвлекъ товарное движеніе на Балтійское море, а мѣры принятыя Петромъ, къ запрещенію экспорта черезъ Архангельскъ также гибельно отразилось на Вологдѣ, какъ и на нашемъ Бѣломорскомъ портѣ.

Современемъ и торговый путь въ Сибирь принялъ другое направленіе (черезъ Нижній) и все это привело къ полному упадку Вологды, какъ торговаго центра. Только теперь, послѣ соединенія рельсами съ Москвой, Архангельскомъ, Петербургомъ и Вяткой, для нея открывается возможность новаго подъема.

Вологда расположена въ болотистой низинѣ при впаденіи въ р. Вологду рѣчекъ Золотухи, Шаграша и Садинки. Низменность положенія сказывается въ сырости почвы, близости подпочвенныхъ водъ къ поверхности земли, что вредно отражается на санитарныхъ условіяхъ. Почва Вологды имѣетъ кромѣ того нѣсколько котловинъ, гдѣ застаивается вода и вліяніе сырости усиливается еще больше. Крупнымъ недостаткомъ города всегда была еще плохая питьевая вода, источникомъ которой до послѣдняго времени служила сама рѣка Вологда въ предѣлахъ города и многочисленные колодцы, имѣющіеся почти при каждомъ домѣ. Вслѣдствіе слабаго дренажа подпочвенныя воды здѣсь сильно загрязнены, и еще болѣе загрязнена вода рѣчная, отравляемая стоками улицъ, бань и т. п. Въ настоящее время съ устройствомъ водопровода водоснабженіе поставлено въ лучшія условія. Весеннія наводненія, затопляющія прибрежныя части, также увеличиваютъ сырость и нездоровость городской почвы.

Какъ городъ старый, Вологда обладаетъ нѣсколькими древними соборами и церквами, изъ которыхъ можно упомянуть, кромѣ Софійскаго собора, также соборъ Спаса-Всемилостиваго или такъ называемый „Обыденный соборъ“. Происхожденіе этого названія таково. Въ 1654 году въ Вологдѣ свирѣпствовала моровая язва, отъ которой погибла значительная часть населенія. Въ ужасѣ горожане дали обѣтъ построить сообща церковь, стѣны котораго были выложены въ одинъ день. Считается очень цѣннымъ памятникомъ русскаго зодчества Царе-Константиновская церковь, построенная въ XVII в.

Изъ достопримѣчательностей города можно указать еще на „домикъ Петра Великаго“, въ которомъ царь Петръ останавливался проѣздомъ въ Архангельскъ у голландца Гоутмана. Здѣсь собраны

кое какія предметы Петровской эпохи (оружіе, монеты, медали, портреты, сосуды съ гербами). Существуетъ также „Кустарный музей“ Губернскаго Земства, гдѣ выставлены образцы мѣстныхъ кустарныхъ издѣлій и небольшой музей при „О-вѣ изученія Русскаго Сѣвера,“ содержащій этнографическія и естественно-историческія коллекціи.

Въ общемъ, промышленная, торговая и общественная жизнь до послѣдняго десятилѣтія шла здѣсь очень небойко, и Вологда производила впечатлѣніе соннаго, захудалаго городка съ почти полнымъ отсутствіемъ въ немъ культурной работы.

Теперь Вологда вступила, несомнѣнно, въ періодъ новаго подъема. Это сказывается и въ усиленномъ ростѣ ея населенія. Къ началу XX вѣка въ ней числилось менѣе 24 тысячъ жителей, а къ 1911 году уже почти 44 тысячи, и въ энергичной работѣ ея самоуправленія. За послѣднее время имъ достигнуто всеобщее начальное образованіе, и расходы на этотъ предметъ возрасли съ 15,558 руб. въ 1905 году до 55,772 руб. въ 1911 г. Увеличеніе почти вчетверо на протяженіи 6 лѣтъ.

Впрочемъ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ все еще чувствуется значительный недостатокъ и много дѣтей остается за порогомъ школы, или должны искать себѣ мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ городовъ и обѣихъ столицъ. Въ городѣ, кромѣ семинаріи, духовнаго училища и женскаго эпархіальнаго училища имѣются еще гимназія, реальное училище, двѣ женскихъ гимназіи, прогимназія, желѣзнодорожное техническое училище, торговая школа Въ 1913 году, кромѣ этихъ 10 среднихъ школъ, Вологда будетъ обладать еще однимъ спеціальнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ— технологическимъ молочнымъ институтомъ для образованія спеціалистовъ по молочному дѣлу. Изъ культурныхъ учрежденій Вологды надо упомянуть: двѣ публичныя библіотеки, городскую и частную, о-во изученія сѣвернаго края, о-во сельскаго хозяйства, о-во врачей, о-во взаимопомощи народныхъ учителей Вологодской губерніи.

Бюджетъ города за послѣдніе шесть лѣтъ возросъ почти въ два съ половиной раза, въ 1905 году онъ составлялъ 214 т. руб., а въ 1911 году уже 511 тысячъ. За это же время сильно возрасла и торговля Вологды. До конца XIX вѣка центръ тяжести ея приходился на январскую ярмарку, обороты которой не достигали 1 милліона (привозъ до 500 тысячъ, продажа на 250 тысячъ рублей). Въ

настоящее время значеніе ярмарки сильно упало, она превратилась почти только въ мѣстное народное гулянье съ оборотомъ не болѣе 70—80 тысячъ рублей. За то общія размѣры торговли города возросли до 18 милліоновъ рублей. Главными предметами вывоза служатъ: масло, лѣсъ, ленъ, льняное сѣмя, дичь, пушной товаръ, кожа. Ввозъ состоитъ изъ колоніальныхъ товаровъ, муки, мануфактуры желѣза и спирта.

Крупныхъ промышленныхъ предпріятій немного. Изъ нихъ ни одно не можетъ сравняться по величинѣ съ желѣзнодорожными мастерскими, гдѣ работаетъ до 2000 рабочихъ, и большимъ казеннымъ виннымъ складомъ, отпускающимъ въ губернію вина на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ городѣ есть нѣсколько пивоваренныхъ заводовъ, 3 кожевенныхъ и 2 скорняжномѣховыхъ, 1 маслобойня, 2 лѣсопилки, 5 кирпичныхъ заводовъ, 1 чугунно-литейный, 1 мыловаренный, 1 свѣчной и нѣсколько другихъ некрупныхъ промышленныхъ заведеній.

Внѣшній видъ города улучшился послѣ замощенія центральныхъ улицъ и устройства электрическаго освѣщенія. Большое количество зелени и садовъ составляетъ главное украшеніе Вологды. Окраины города по прежнему не замощены и утопаютъ въ грязи и міракѣ.

Несомнѣнно, что дальнѣйшее развитіе города будетъ стоять въ тѣсной связи съ развитіемъ всего нашего Сѣвера.

Первый городъ который встрѣчается по р. Сухонѣ за Вологдой, это Тотьма, небольшой уѣздный городъ съ $5^1/_2$ тысячами жителей. Онъ стоитъ на высокомъ лѣвомъ берегу Сухоны при впаденіи въ нее рѣчки Песья-Деньга и расположенъ въ здоровой мѣстности съ сухой песчанистой почвой.

Въ настоящее время этотъ красивый, утопающій лѣтомъ въ зелени городокъ, живетъ тихой патріархальной жизнью провинціальнаго уголка безъ оживленной торговли и промышленности, безъ замѣтной общественной жизни. Ранѣе во времена процвѣтанія Вологды Тотьма также играла роль немаловажнаго передаточного пункта на пути въ Бѣлое море и Сибирь. Теперь главнымъ богатствомъ городка служатъ его многочисленныя среднеучебныя заведенія, привлекающія сюда свыше 1000 человѣкъ учащихся. Здѣсь имѣются реальное училище, женская гимназія, учительская семинарія, лѣсная школа и Петровская ремесленная школа (выстроенная мѣстнымъ

милліонеромъ Токаревымъ). Предметомъ вызова изъ Тотьмы служатъ тѣ же предметы, что и въ Вологдѣ: ленъ, льняное сѣмя, овесъ, мѣха, дичь.

На нижнемъ теченіи Сухоны стоитъ одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Вологодской губерніи Устюгъ-Великій. Какъ показываетъ самое названіе онъ былъ основанъ при устьѣ Юга [1]) но вслѣдствіе непріятельскихъ набѣговъ, а также подмыванія берега водой, поселеніе было передвинуто въ XIII вѣкѣ на лѣвый берегъ Сухоны. Начало Устюга относятъ къ XI или XII вѣку, при чемъ первое поселеніе было расположено на высокой горѣ „Гляденъ", съ вершины которой открывается далекій видъ на окружающую мѣстность.

Въ прошломъ Устюгъ игралъ значительную роль въ культурной и промышленной жизни сѣвера. Былое значеніе его отражается, какъ въ наименованіи Великій, такъ и въ богатствѣ и многочисленности его древнихъ церквей, сохранившихся и до нашего времени. Замѣчательными памятниками русскаго зодчества являются его соборы: Успенскій, основанный еще въ XIII вѣкѣ и перестроенный послѣ пожара въ 1639 году, и Прокопьевскій соборъ выстроенный въ 1688 году. Огромною древностью отличается Троице-Гляденскій монастырь заложенный въ 1177 году на мѣстѣ древней Глядени при устьѣ Юга.

Большія археологическія богатства привлекаютъ сюда знатковъ и любителей русской старинной культуры.

Во времена Московскаго Государства Устюгъ достигъ большого процвѣтанія. Вспомнимъ, что вѣдь именно Устюгъ былъ резиденціей истинныхъ владыкъ сѣвера, именитыхъ людей Строгановыхъ, и простиралъ свои торговыя операціи далеко на востокъ, на Уралъ и въ Сибирь. Кромѣ того Устюгъ Великій былъ средоточіемъ сѣверной художественной промышленности того времени, иконописнаго и рѣзного мастерства, отголоскомъ которыхъ и до сихъ поръ служитъ кустарное производство иконъ, серебрянныхъ и золотыхъ издѣлій религіознаго назначенія и украшеній, а также производство рѣзныхъ шкатулокъ и сундуковъ, нынѣ находящихъ сбытъ не только по всему сѣверу, но достигающихъ, при посредствѣ Нижегородской

---

[1]) Много сѣверныхъ поселеній получили свое наименованіе отъ устья рѣкъ, при которыхъ они основались: Усть-Сысольскъ, Усть-Немъ, Усть-Кулома и т. д.

ярмарки до мусульманскаго востока. Наступающее оживленіе сѣвера сказалось и на Устюгѣ, населеніе котораго, параллельно съ ростомъ торговли, начало быстро увеличиваться (19 тысячъ жителей теперь вмѣсто 10 тысячъ въ концѣ XIX вѣка). Ростъ этотъ несомнѣнно былъ бы еще значительнѣе, если бы проведеніе желѣзной дороги отъ Вятки на Котласъ, не отвлекало значительнаго числа грузовъ по другому на-правленію.

Село Котласъ стоитъ при впаденіи Вычегды въ Малую Двину на высокомъ берегу, сложенномъ изъ Пермскихъ отложеній. Въ прежнее времена онъ назывался Пырасъ былъ первымъ зырянскимъ селеніемъ, съ котораго Стефанъ Пермскій началъ свою просвѣтительную дѣятельность.

Котласъ въ настоящее время является самымъ виднымъ пунктомъ сѣверной хлѣбной торговли, отправляющимъ ежедневно на милліоны рублей (въ 1905 году на 3 милліона руб., а теперь значительно больше), хлѣба внизъ по Двинѣ для Архангельска и вывоза за границу. Какъ Великому Устюгу, такъ и Котласу, предстоитъ значительное будущее въ торговлѣ сѣвера, и оба они стоятъ въ началѣ новаго развитія.

Изъ другихъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губерни заслуживаетъ упоминанья городъ Устьсысольскъ на р. Вычегдѣ, составляющій теперь городской центръ зырянскаго края. Большинство жителей города, съ населеніемъ около 6000 чел. до сихъ поръ говоритъ по зырянски и пріѣзжему иногда нелегко бываетъ добиться отъ прохожихъ нужныхъ ему свѣдѣній, если онъ не понимаетъ мѣстнаго нарѣчія. Не смотря на свое иноплеменное населеніе, Устьсысольскъ интересенъ зодчествомъ своихъ старинныхъ соборовъ, представляющихъ образцы древняго русскаго искусства. (Стефановскій и Троицкій соборы).

Остальные города Вологодской губерніи настолько незначительны, что ихъ можно вполнѣ приравнять къ большимъ селамъ, а если они играютъ роль мѣстныхъ центровъ, то лишь по волѣ администраціи. Нѣкоторые изъ нихъ переживали впрочемъ когда то время культурнаго расцвѣта и обладаютъ памятниками старины. Къ такимъ относится г. Сольвычегодскъ съ его уменьшающимся населеніемъ (теперь не болѣе 1700 человѣкъ жителей). Когда то онъ славился своими строгановскими соляными варницами. Строгано-

выми построены здѣсь Введенскій монастырь и Благовѣщенскій соборъ, интересный своими фресками, картиной страшнаго суда, рѣзнымъ иконостасомъ, и шитыми шелкомъ, жемчугомъ и канителью ризами древнихъ иконъ Строгановскаго мастерства.

Впрочемъ, и въ простыхъ сельскихъ церквахъ Вологодской губерніи археологи находятъ часто безцѣнныя сокровища стариннаго русскаго искусства, далеко не всегда къ сожалѣнію хранимаго съ должнымъ пониманіемъ и уваженіемъ.

О незначительности остальныхъ „городовъ" можно судить по количеству ихъ насел.: г. Лальскъ Устюжскаго у. — 1,125 жит. (1911 г.)

Уѣздный г. Велескъ—2741 жит.
заштатный г. Красноборскъ— 840 жит.
уѣздный г. Яренскъ —1440 жит.
уѣздный г. Кадниковъ —2911 жит,
уѣздный г. Никольскъ —3545 жит.
уѣздный г. Грязовецъ —3,298 жит.

Многія зырянскія села по числу жителей больше этихъ городовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТУНДРЫ.

Сѣверо-Лѣсная область.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:					Слѣд. читать:
Стр. 7	строка	10	сн.	уксусамъ	укусамъ
„ 30	„	7	св.	часто,	часто.
„ 37	„	19	„	солнцс	солнце
„ 79	„	6	сн.	очеиь	очень
„ 111	„	6	св.	вререди	впереди
„ 151	„	3	„	ие	не
„ 161	„	5	„	Овины	Двины
„ „	„	11	„	югоо—	юго
„ 168	„	11	„	поссажирскаи	пассажирскаго
„ „	„	6	сн.	Кельтьмы	Кельтмы
„ 189	„	3	св.	стрѣчаемъ	встрѣчаемъ
„ 196	„	10	„	привлекаетеленъ	привлекателенъ
„ 231	„	5	„	никако гогорода	никакого города